ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Анатолий УТКИН

Месть за победу — новая война

АЛГОРИТМ
Эксмо
Москва, 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
У 84
Оформление художника *А. Старикова*
Уткин А.И.
У 84 Месть за победу — новая война. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. — 544 с.
ISBN 5-699-13363-1

Великая Победа советского народа во Второй мировой войне привела к новой расстановке сил в Европе и мире. В сферу влияния СССР вошли страны всех континентов, объединенные общим порывом к справедливому устройству общества. Запад ответил на увеличение влияния стран народной демократии холодной войной, которая привела к поражению советской сверхдержавы и распаду социалистического лагеря. Но и этого оказывается недостаточно: единственная сверхдержава стремится к тотальному пересмотру итогов Второй мировой и контролю над природными ресурсами планеты. Известный ученый-американист А.И. Уткин убедительно доказывает, что новый глобальный передел мира уже идет. И в центре схватки — вновь Россия с ее колоссальными запасами сырьевых ресурсов. Поэтому не случайны «бархатные» и «оранжевые» революции на постсоветском пространстве, войны на Балканах, в Ираке и Афганистане, спланированные и развязанные США в последнее время. Американский реваншизм - это месть за Великую Победу СССР над фашизмом.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
ISBN 5-699-13363-1
© А.И. Уткин, 2005
© ООО «Алгоритм-книга», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Введение

Находясь на расстоянии жизни одного поколения от величайшего кризиса, население Земли бодро стремится вперед, словно впереди его ожидает лучезарный расцвет. Средства массовой информации готовы обсуждать любые темы, кроме одной, самой важной: мы живем на огромном «Титанике», на котором заканчивается топливо и основная масса полезных ископаемых, без которых наш корабль, наша планета — как холодеющий и обезвоженный челн ринется в последние круги вокруг Солнца. Лишь тогда расслабившееся человечество вынуждено будет резко перейти от технологического изобилия к суровому выживанию либо в новом обледенении, либо нагреваясь вследствие парникового эффекта, — из-за нагрева внутренних слоев атмосферы ввиду прозрачности защитного слоя, обнаженного для излучения Солнца в оптическом диапазоне, поглощения атмосферой инфракрасной части теплового излучения поверхности планеты, нагретой Солнцем.

Сравнительно недавно по космическим меркам — каких-нибудь 400 миллионов лет назад — Земля приступила к накоплению появившегося в атмосфере углерода в виде его двуокиси — того самого «зеленого газа», который щитом (словно в парнике) прикрыл поверхность Земли от потока солнечного

света. Этот период накопления (когда температура на планете была значительно выше современной) длился примерно семьдесят миллионов лет. Именно тогда сложилось привычное сочетание — 29% земная поверхность и 71 % — океаны. Благодаря парниковому эффекту поверхность земли покрыли густые насаждения, густыми были и морские водоросли. Но триста миллионов лет назад произошла некая катастрофа, о

природе которой можно лишь гадать, — крупнейшее из известных вымираний видов датируется границей палеозойской и мезозойской эр (250 000 000 лет назад). Удар астероида? Смещение земной коры? Фактом является разлом земной коры в нескольких местах, появление вулканов, смещение континентов. Огромные массивы органических веществ опустились в земные глубины. Десятью миллионами лет позже — по шкале геологического времени — возник новый период стабильности (именно тогда появились динозавры). Время юрского периода по той же шкале — от 210 до 140 млн лет от XXI века — стало свидетелем нового мощного удара по нашей планете. В мезозойский период планета претерпела предпоследнее жестокое приспособление.

Последнее (пока) приспособление произошло в кайнозойскую эру. Карта Земли стала узнаваемой 30 млн лет назад. Обозначили себя континенты, вознеслись горы. В их глубинах уже скрывались накопленные запасы углеводородного сырья.

Обратите внимание: всего 900 лет назад прямоходящие научились пользоваться углем — запасом солнечной энергии, прежде подаренной человеку природой. Уголь грел и позволял готовить пищу — население Земли выросло со 100 млн в 1000 г. до н.э. до первого миллиарда в 1800 г. Наступил роковой момент: с этого времени людское население начинает несообразным, если не хищническим, образом расходовать запасы превращенной солнечной энергии. Впервые homo sapiens начинает расходовать больше энергии, чем ему необходимо для выживания и воспроизведения. Одновременно население земли начинает быстро увеличиваться. В результате мы живем в эпоху, когда ограниченность земных запасов энергии, необходимой для производства питания и обогрева, становится ощутимой.

На протяжении менее чем трехсот лет население нашей планеты обращалось к органическим источникам энергии — наступил век науки, техники, моторов. Уголь и нефть, наряду с железной рудой и редкими металлами, стали грандиозным источником улучшения жизни (хотя это относилось преимущественно к небольшой части земного населения).

До начала XX века в полосе революционных перемен находилась лишь Северная Атлантика. Начало XX века во-

влекло в грандиозное ускорение Россию и Японию. А во второй половине XX века вихрь перемен охватил Восточную Азию во главе с Китаем, Южной Кореей и Тайванем. Мы продвигаемся в XXI веке, феноменально круша прежние каноны и святыни, осваивая новые пути в экономике, военном деле, индустриальной технологии, средствах массовой коммуникации, биотехнологии. Оканчивается век индустриального могущества, начинается «век знания», время господства цифровой технологии. В эпоху индустриальной революции показателем прогресса было *создание новой материи.* В наступающей «эре знания» главным показателем прогресса будет *степень использования информации.* Именно оптимальная информация обеспечит процесс производства новой материи — новых товаров, новых продуктов, нового мира оптимальной коммуникации и оптимального процесса производства единиц материального мира — от медицины до военного дела. Социолог Дэниэл Белл определяет грядущее

общество как «организованное вокруг знания с целью социального контроля и упорядоченной реализации инноваций и перемен»[1]. Альвин Тофлер называет информацию «базовым сырьевым материалом будущего», решающей «третьей волной» развития человеческого общества[2]. Трансакции между людьми переносятся из эпистолярного жанра в электронную технику. В 1980 г. число электронных контактов в мире относилось к письменным как 100 к 90, а в 2010 г. это соотношение увеличится до 100 к 60[3].

Но ньютоновское представление о мире как об упорядоченном механизме, подчиняющемся линейному развитию, безусловно охватываемому рациональностью, уступает место едва различаемому на горизонте развитию, рушащему относительно плавное развитие последних столетий. Новые процессы как бы не признают границы — границы между

[1] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic Books, p. 20.

[2] *TofflerA.* The Third Wave. New York: Bantam Books, 1981, p. 351.

[3] M*azarr M.* Global Trends 2005. An Owner's Manuel for the Next Decade. New York: PALGRAVE, 2001, p. 3.

отдельными отраслями знания, границы между государствами, границы между цивилизациями. История на наших глазах перестает быть сочетанием *накопления и продвижения,* она превращается в серию спазматических вулканических извержений. Человечество, преодолевая пространство и закон перехода количества в качество, словно решило выйти из относительно тихой гавани прежнего развития в открытое море, где сегодняшний штиль сменится завтрашним штормом.

Индустриализация в глобальных масштабах стала не дорогой в светлое будущее, а безумным бегом за исчезающими ресурсами Земли. И теперь мы стоим перед фактами, от которых большинство человечества предпочитает отвернуться: ежедневно с лица планеты исчезает 200 000 акров лесов. Одновременно в атмосферу выбрасывается 13 млн тонн токсичных химикатов. Ежедневно на планете, одна часть которой гордится своим процветанием, от голода умирают 45 тысяч человек, 38 тысяч из которых — дети. И более 130 видов животных и растений уходят в необратимое (последний раз в истории Земли столь быстрое исчезновение видов растительной и животной жизни имело место в период исчезновения динозавров)[1].

Согласно данным ООН, за последнее столетие уничтожена половина «влажной» земли, половина заселявших планету лесов, 80 % лугов. 40 % плодородной земли на нашей планете дегенерировало, а 70 % рыбных запасов моря уничтожено. Но суровее человек обошелся с водными ресурсами. «Система пресной воды в мире дегенерировала настолько, что ее способность поддерживать человеческую, растительную и животную жизнь поставлена в состояние страшной угрозы»[2].

Все, что с нами происходит, — не результат некоего несчастного случая или бедствия. Результаты человеческой деятельности вполне предсказуемы, Они — результат пяти

[1] *Hartman Th,* The Last Hours of Ancint Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 1.

[2] www .wri .org/wr2000/page. html.

тысяч лет деятельности человечества начиная с городов Междуречья, таких, как Ур, Урук и Аккад, с тех пор как человечество живет не племенами, а в городах и их окрестностях. При этом проблемы человечества проистекают не из технологических нововведений, насилия, неверного распространения информации. Наши проблемы проистекают из неверного видения мира, нашего невежества, неспособности понять проблем соседа. И нет простых способов

решения проблем: рециклирование отходов не спасет мир от оскудения ресурсов; контроль над рождаемостью не оградит от ускоряющегося расселения землян — причем наименее производительных; даже нахождение заменителя нефти не продлит данный нам шанс.

Увы, *наступают более суровые времена:* дары Солнца и природы близки к своей исчерпанности. Быстро иссякает органическое топливо. Дивные, покрывавшие половину планеты леса гибнут на глазах, покрывая солью самые плодородные районы Земли. Ценнейшие элементы таблицы Менделеева уходят в прошлое как памятник человеческой беззаботности. Ежедневно из биологической жизни уходят сотни невосстановимых специй. Гибель зеленого покрова и страшные выбросы углекислого газа неизбежно изменят климат на планете, резко сокращая его регенерирующие свойства. Позади homo sapiens имеет минимум 40 000 лет, впереди для беззаботности — неполные полстолетия, характерные крайней неравномерностью пользования богатств Земли. Соединенные Штаты, напомним, потребляют примерно 30 % всех сырьевых материалов, добываемых на нашей планете[1]. Главным смыслом происходящего будет *гибель индустриального мира.*

Войдя в клинч практически неразрешимых проблем, человечество первым делом возьмется за сохранение привычного для отдельных стран образа жизни — феноменально высокого для «золотого» миллиарда, трагически безнадежного для остальных пяти миллиардов. Это означает проведение богатыми странами жесткой оборонительной полосы

[1] Worldwatch Paper № 144. Washington, D.C.: Worldwatch Institute, December 1998, p. 15.

и охрану ее всеми методами, включая силовые. Прежние правила человеческого общежития станут иррелевантными. В ближайшие же годы изменится сама психика международных контактов. Старые правила окажутся неадекватными, социальный дарвинизм переживет возрождение. Впереди одно из двух: либо человечество изменит свои взгляды на образ жизни и эксплуатацию невосстанавливаемого сырья, либо начнется силовой передел.

Мир *уже* стал больше ценить свое исчезающее на глазах достояние. Только за несколько 2000-х лет цены на сырьевые материалы, используемые в индустрии, выросли на 73 процента[1]. Цены на железную и медную руду выросли чрезвычайно.

Что таит будущее? Мы не знаем и не можем знать, *каким определенно будет мир через несколько десятилетий.* Но мы имеем несколько базовых оснований для суждений о будущем, и есть исторический опыт. Глобальные перемены неотвратимы и часто очень неожиданны. Никто в мире не ощутил с определенной точностью, *когда* оборвалось глобальное могущество Британии. А ведь оно оборвалось с неимоверной быстротой. Стремительны и современные перемены.

Первого своего миллиарда человечество достигло за 40 тысяч лет, а второго — всего лишь за 130 лет. Будущее таит лишь ускорение — 10 млрд человек в 2030 г., 20 млрд в 2070 г., 80 млрд человек в 2115 г. Можно ли прокормить это население? Согласно прогнозу Центрального разведывательного управления США (январь 2005 г.), через поколение — в 2020 году — мировая экономика вырастет по сравнению с началом века на 80 %, почти удвоится. При этом в полтора раза возрастет потребление энергии в среднем на жителя планеты, а доля нефти в 2020 г. в этой энергии увеличится, как увеличится роль грандиозных мегаполисов.

Прирост мировой экономики будет очень неравномерным. Наибольшую значимость приобретут те страны, которые выйдут к новейшим технологиям (нано-, био- и инфор-

[1] *Hale D.* China's Growing Appetites («National Interest», Summer 2004, p. 140).

мационным). Прежние лидеры — США, Европейский союз и Япония — будут продолжать преобладать в международных политических и финансовых институтах, преобладать в военной сфере, в сфере экономики и научного роста, но их стареющее население будет *уменьшаться,* а прирост будет осуществляться за счет миграции, прибытия представителей других народов. Невероятно богатый материально и слабеющий по параметру своего населения Запад встретит страдающий от бедности и сверхнаселенный Юг, стремящийся к перераспределению мировых богатств. «Этот будущий Север войдет в противостояние с бедными и очень многочисленными глобальными массами, которые пойдут не под красными знаменами социальной революции, а под эмблемами нового христианства и ислама: неимущие будут воодушевлены не текстами Маркса и Мао, а священными книгами и языком апокалипсиса. В этом мире мы, Запад, будем последним Вавилоном»[1].

Новая архитектоника международного сообщества возникает отнюдь не в мирном переделе зон влияния. Напомним, что смыслом Первой и Второй мировых войн было противостояние германской гегемонии в Европе. «Холодная» же война, которую с полным основанием можно назвать третьей мировой войной, представляла собой социальное противостояние капиталистического и социалистического миров. Если считать «холодную войну» *третьей* мировой войной (миллионы погибших, многие разрушенные государства), то на горизонте маячит еще более страшная драма — та мировая война, номер которой *четвертый.* Никакой врожденный оптимизм не позволит оценить видимую неизбежной грядущую схватку за стремительно исчезающие ресурсы иначе, как *четвертую мировую войну.* Все признаки говорят об огромных шагах, которые она делает в направлении глобального конфликта.

Мир так и не породил планетарного правительства, на что были велики надежды после обеих мировых войн. Могущественные державы продолжали и продолжают действо-

[1] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 161.

вать в состоянии анархии, над ними не стоят некие контролирующие органы. Не в благости, а в свирепой конкуренции возникает новый мир по мере продвижения XXI века. Предстоящие десятилетия — это время весьма вероятного кризиса в отношениях богатых и бедных стран, в контактах основных мировых религий, в подходе к *конечным* мировым ресурсам, в приспособлении к *вырождению* богатого населения и феноменальному росту населения бедных стран, в неоконсервативной революции на Западе и повороте к фундаментализму среди населения бедных стран. Ощутимо разочарование тех, кто рассчитывал на расширение функций ООН, ОБСЕ, Международного суда, на действенность диалога Север — Юг. Важнейший фактор: происходит весьма резкий раскол между теми, кто воспользовался плодами глобализации, и теми, кто отстал в этой гонке, — в свете этого следует ожидать роста мировой нестабильности. Не требует особой фантазии предположение, что революционные силы способны возглавить страдающий глобальный Юг. Это обстоятельство способно обострить главные спорные вопросы грядущих лет.

Балканы показали степень возможности человеческой деградации. Далеки от замиренности и другие регионы. Отношения США с Северной Кореей опасно осложнились, Япония стала метаться между Китаем и ядерной Северной Кореей, Тайвань не знает своего будущего, бывшие советские республики нестабильны, левые силы в Латинской Америке заметно активизируются.

При этом все большие державы имеют определенные военные возможности,

что означает, что они могут нанести друг другу ущерб. Ни одно государство не знает *определенно* будущих намерений других держав. Наилучший способ выжить в такой системе — стремиться быть максимально мощным; чем ты сильнее, тем меньше шансов, что другое государство выступит против тебя. Великие державы не только стремятся быть сильнее соседей, их окончательная цель — быть *единственной* великой державой в данной системе. Учитывая сложность достижения состояния глобальной гегемонии в современном мире, сложно проецировать свою

12

мощь на весь мир даже неимитируемым Соединенным Штатам.

Двадцать первый век, стимулируемый бурным ростом Китая и Индии, все более будет «веком Азии». В условиях глобализации пять бедных миллиардов жителей Земли попытались сократить отставание. Ислам, буддизм и индуизм не создали собственной науки, но они спорадически пользуются достижениями науки Запада, создавая собственные центры знания — Бангалор в Индии, азиатская Силиконовая долина в Малайзии. В мировой экономике резко возрастет значимость бразильского гиганта. Но мир будет смотреть на новую индустриальную ориентацию прежде всего Китая и Индии.

Китай по своему валовому национальному продукту выйдет на второе место в мире, что будет по геополитическим последствиям повторять подъем Германии в XX веке. Будет ли его подъем столь же дестабилизирующим для окружения? Бурный рост Китая сделал эту страну (а не Америку) первым в мире потребителем меди, железной руды, алюминия, платины и других сырьевых материалов. Между 1990 и 2003 гг. импорт меди в Китай увеличился с 20 тыс. тонн до 1,2 млн тонн; импорт железной руды — с 14 млн тонн до 148 млн тонн, платины — с 20 тыс. унций до 1,5 млн унций, никеля — с нуля до 61,5 тонны. Металлургические компании США уже обратились в министерство торговли с целью сократить продажу металлолома Китаю.

Готовы ли лидеры последних пяти столетий — державы Северной Атлантики — смириться с поминальным боем часов истории? Фундаменталисты-неоконсерваторы в США, националисты в западноевропейских странах, объединяясь в Европейский союз, прилагают все мыслимые усилия ради сохранения консолидированной мощи своего региона.

Мы видим, как в результате пылает Средний Восток, как ожесточается миллиардный мусульманский мир. В дымке будущего намечается союз конфуцианской зоны с обиженным миром ислама против олицетворяющих гегемонию Запада Соединенных Штатов. Немалое число европейцев уже выражают сомнения в потенциале Америки. Они отмечают, что «в отличие от прошлых периодов, военная мощь

13

глобального масштаба в большей степени, чем когда бы то ни было прежде, сконцентрирована в приходящем в упадок, но все еще доминирующем центре силы. Этот центр находится в странной ситуации: не сталкиваясь с военной угрозой извне, он не обладает финансовыми средствами, необходимыми для решения комплексных системных проблем. Это с большей вероятностью может привести к краху гегемонии даже в условиях отсутствия мировых войн между великими державами»[1].

На съезде Всекитайского собрания народных представителей в феврале 2005 г. новое китайское руководство объявило о полном противодействии сепаратизму Тайваня, а мы помним, что при прежних осложнениях такого рода Вашингтон вводил в Тайваньский пролив свои авианосные соединения, экипированные (помимо прочего) ядерным оружием. КНДР объявила себя восьмой ядерной державой — в непосредственной близости от 37-тысячного американского

воинского контингента в Южной Корее.

Особенно важной явится политическая нестабильность в богатых энергоресурсами странах Каспийского региона (в частности, вокруг Ирана), в Венесуэле и странах Западной Африки. ЦРУ предсказывает откат от демократизации в республиках постсоветского пространства и в странах Юго-Восточной Азии, где «демократизация так и не пустила корней». Первыми в ряду грядущих потенциальных конфликтов стоит проблема отношений континентального Китая и Тайваня, отношений между Индией и Пакистаном, Южной и Северной Кореи, Южной и Северной Нигерии, коптов в Египте, мусульман и христиан Судана, сербов и албанцев Косово, клубка племенной схватки вокруг Руанды, белых и цветных Зимбабве, сепаратистов Шри Ланки, Джамму и Кашмира, Басконии и Корсики, Синьцзяна и Чечни. Увеличится значимость террористических актов с применением оружия массового поражения, особенно биологического.

[1] *Арриги Дж.* Динамика кризиса гегемонии («Свободная мысль», январь 2005 г. С. 14-15).

Гимны прогрессу — как неизбежному будущему человечества и человеку как безусловно рациональному существу, истории как восхождению к миру и благополучию — теряют свой смысл в свете оскудения нашей планеты, на фоне потока насилия в международном масштабе, который буквально захлестнул современную международную арену. Мы стоим на пороге *четвертой* мировой войны, смыслом которой будет битва за иссякающие мировые ресурсы и столкновение нескольких фундаментализмов — господствующего американского и противостоящих ему центров силы в Китае, Европейском союзе, исламском мире, на Индийском субконтиненте, в Бразилии, на просторах Евразии.

ЧАСТЬ I
СУЖАЮЩАЯСЯ ПЛАНЕТА

Глава 1
ПОЛЕ ГРЯДУЩЕЙ БИТВЫ

Природа оказалась менее щедрой, чем представлялось. Целый ряд жизненно важных сырьевых ресурсов природа разместила в ограниченном числе стран. Это особенно наглядно видно в случае с водными и нефтяными ресурсами. Нил протекает по территории пяти стран, Меконг — шести, Евфрат — трех. Нефть обильна в регионе Персидского залива и Каспия, природный газ — в Северо-Западной Сибири, уголь — в Англии, Аппалачах, Кузбассе, Китае, Руре, уран — в Конго, Чехии, Ферганской долине, медь — в Чили и на Таймыре. Все эти ископаемые интенсивно используются уже значительное время. Критическое значение в цивилизации моторов приобрела в конце XIX века нефть.

ЦЕНА ПРОЦЕССА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

До начала XXI века процесс индустриализации и экономического развития, рост мировой экономики значительно превышали *рост* народонаселения. При утроении за последние полстолетия населения Земли (с 2,5 млрд человек до более 6 млрд) мировой валовой продукт между 1950 и 2000 годами увеличился *почти в семь раз* — с 6 трлн долл. до 41 трлн долл. Мировой валовой продукт на душу мирового населения вырос с 2500 долл. в 1950 г. до 5750 в 2000 г.[1]. В 1999 г. человечество стало самым распространенным видом живых существ на Земле (новый Лос-Анджелес каждые три недели). 90 % роста населения планеты пришлось на менее чем

[1] *Brown L., Renner M., Halweil B.* Vital Signs 2000. New York: W.W. Norton and the Worldwatch

Institute, 2000, p. 71.
16
одну десятую долю его истории. И при этом *человечество стало потреблять 40 % органической пищи и 50 % питьевой воды планеты.*

Можно привести много примеров общемирового экономического прогресса за последние полвека. К примеру, в 1950 г. в мире было 53 млн частных автомобилей, а через полвека — в десять раз больше — 520 млн единиц. Рост современных отраслей индустрии впечатляет еще больше. Скажем, услуги информационной технологии, стоившие 327 млрд долл. в 1997 г., вырастут до 1 трлн долл. в 2008 г.[1].

Казалось, это дает основание для оптимизма: экономика решительно обгоняет рост человеческой семьи. Это было бы верно при одном условии — земные недра являлись бы неисчерпаемыми. Но это не так, и *именно нашему поколению придется в этом убедиться.*

Еще полвека назад это звучало почти неоправданным алармизмом, но сегодня звучит как глас здравого смысла: природные богатства нашей планеты иссякают. Скажем, бокситов еще хватит на 85 лет, запасов железной руды — на 55 лет, медной руды — на 14 лет, цинка — на 11 лет[2]. Один только неожиданный рост Китая оказался способным создать в мире беспрецедентное напряжение в отношении базовых сырьевых материалов.

Впечатляющий экономический рост был достигнут лидерами индустриальной экспансии за счет легкого и бездумного обращения с общим достоянием землян — их невосполняемыми *конечными* сырьевыми ресурсами нашей планеты[3]. За последнюю треть XX в. человечество потребило *треть* естественных богатств Земли[4]. Особенно ощутимы потери лесной зоны, рыбных богатств, питьевой воды, горючего.

[1] The World in 2003. The Economist, London, 2003, p. 102.

[2] «The National Interest», Summer 2004, p. 140.

[3] *Gardner G.* and Sampat P. Mind over Matter: Recasting the Role of Materials in Our Lives. Worldwatch Paper № 144. Washington, D.C.: WorldWatch Institute, 2000, p. 71.

[4] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 18.
17

Вода. Существуют ресурсы, не имеющие эквивалентных заменителей. Это относится, прежде всего, к пресной воде, без которой невозможен не только экономический прогресс, но и сама жизнь. Пресной воды на нашей планете примерно три процента от общего запаса воды. Значительная ее часть закована в ледники и айсберги. При этом только половина одного процента воды на Земле пригодна к употреблению человеком. При этом поразительный факт: каждые двадцать лет мировое потребление воды *удваивается.*

Самое главное: рост населения на Юге и рост уровня жизни на Западе постоянно увеличивают потребность в пресной воде. Потребляется примерно 12 тысяч кубических кубометров в год, из имеющихся на планете запасов половина уже задействована. Снимки со спутников указали на значительное потепление земной атмосферы (лето приходит в Северном полушарии на три недели раньше), что значительно влияет на биосферу. В Северной Атлантике вода стала испаряться быстрее, океан стал более соленым. Если не будут предприняты экстренные меры (создание колоссальных по мощности опреснительных установок, бурение глубоких скважин), то к середине XXI в. вся наличная пресная вода *будет использована.*

И это при том, что, по данным ООН, более миллиарда живущих на нашей планете уже *не имеют доступа* к свежей питьевой воде. Если упростить термин до просто «питьевой воды», то численность страждущих возрастет до трех миллиардов человек. При современной системе потребления воды потребности в

питьевой воде превзойдут наличные ресурсы примерно в 2025 г. Еще будет бить из скважин нефть, а питьевой пресной воды на земле уже не будет хватать.

Примечательная особенность: в последние годы идет стремительная приватизация пресных просторов. Капитал почувствовал наиболее важное. Брат американского президента — губернатор штата Флорида Джеф Буш приватизировал большую часть знаменитого заповедника Эверглейдс. Приватизация пресной воды набрала невиданные темпы от Боливии до Англии, от Калифорнии до Индии. И уже встретила протест. Жители Боливии фактически восстали
[18]
против «водной» политики североамериканского гиганта «Дженерал моторс».

Леса. Второй по значимости дар природы населению Земли — девственные леса, некогда занимавшие огромные пространства планеты. В библейские времена знаменитые кедры покрывали 90 % территории Ливана; ныне, спустя две с лишним тысячи лет, произошли удивительные изменения — леса здесь занимают только 7 %. Это сломало весь водный цикл — нет знаменитых ливней прошлых лет. А плодороднейший «полумесяц» между Тигром и Евфратом превратился в выжженную пустыню. В сегодняшних условиях месопотамская цивилизация не смогла бы возникнуть — не то что процвести. Тексты на найденных глиняных табличках говорят о том, что только в конце своего цивилизационного цикла, четыре тысячи лет тому назад, жители Шумера и Аккада стали понимать причину надвигающегося запустения — уходящие навсегда леса.

Античные греки уничтожили свои леса к VI веку до н.э. Римляне — несколькими веками позже. Но Германия тогда была сплошь покрыта девственным лесом, и в Европе не ощущалось скудости в отношении лесов. Но шли годы, пашни и города отвоевывали лесную землю с нарастающей скоростью.

В наше время леса исчезают с поразительной быстротой. И инициаторами сегодня выступают не ожидаемые лесоперерабатывающие компании, а довольно неожиданные агенты, скажем, пищевые компании. Послушаем специалистов: «Самой обычной причиной, по которой исчезают леса Южной и Центральной Америки, является корпоративная жадность: приверженность американцев к мясу создает неожиданный экономический бум среди владельцев многонациональных корпораций — именно они виновны в разрушении влажных тропических лесов обеих Америк, они уничтожают древние леса, замещая их единственным нужным им — травой для скота: Соединенные Штаты импортируют двести миллионов фунтов баранины ежегодно из Эль-Сальвадора, Никарагуа, Гватемалы, Гондураса, Коста-Рики и Панамы — в то время как средний гражданин в этих странах ест меньше мяса, чем средний американский домаш-
[19]
ний кот» . Это уничтожение лесов Латинской Америки тем более депрессивно, если учитывать, что в этой уязвимой части Земли были расположены 59 % всех влажных лесов планеты (18 % — в Африке и 23 % в Океании и Юго-Восточной Азии).

В Европе площадь лесов уже сокращена на текущее время до 27 % территории, в Азии — до 19 %, в Северной Америке — до 25 %. Уход лесов почти сразу же вызывает засоление почвы, прежде очищаемой корнями деревьев. Деревья прежде очищали подземные воды; уход лесов заражает пруды, озера и реки. Городским водопроводам стало опасно брать оттуда воду. Во многих крупных городах содержание соли в воде водопровода приближается к 1300 частям на миллион (чнм), что уже опасно для здоровья. Уходят в прошлое миллионы километров поверхности листьев, многие сотни лет дававшие нам кислород. А человечество с упорством, достойным лучшего применения, ежедневно продолжает наступление на невосстановимые леса.

Почва и океаны. Уход лесов приводит не только к засоленности. Почва становится все менее пригодной для сельскохозяйственных работ. Не происходит прежнего: корни деревьев не способствуют выводу камней на поверхность. Одновременно происходит распыление почвы. Каждую *минуту* в мире исчезает 300 тонн плодородной земли. А ведь после уничтожения лесов для создания новой плодородной почвы требуется около 400 лет.

Несмотря на программы восстановления, леса нашей планеты уменьшаются на 0,5 % в год (что равно всем лесам Великобритании). 70 % тропических лесов уже истощены. А рост новых лесов весьма продолжителен. Согласно официальному заключению международных авторитетов, «наша земля становится менее плодородной, распространяются болезни растений, гены из генетически модифицированных организмов (ГМ) входят в живую природу, неся неведомые последствия, а теперь пустыми стали и океаны»[2].

[1] *Robbins J.* Diet for a New America. New Jersey. Kramer, 1987.

[2] *Hartman Th.* The Last Hours of Ancint Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 27.

Комиссия ООН по продовольствию и сельскому хозяйству уже в 1994 г. пришла к выводу, что 70 % фауны Мирового океана уже истощены. Доклад 15 мая 2003 г. говорит о 90 % уничтоженной в Мировом океане рыбы[1].

ЭНЕРГИЯ

Создание двигателя внутреннего сгорания резко увеличило потребление угля и нефтепродуктов в топках паровозов и моторах автомобилей. Человечество обратилось к ископаемым богатствам в массовом порядке. Массовый бросок в величине пищевых и прочих запасов пришелся на Земле на период между 1860—1930 годами, когда население выросло до более чем двух миллиардов человек. Когда оказалось, что нефть можно использовать не только как топливо, но и для создания пластмассы, в строительстве, в производстве одежды и удобрений.

Едва ли нужно обстоятельно доказывать, что современная технотронная цивилизация немыслима без органических носителей энергии. Индустриальный мир в значительной мере зависит от этих носителей — нефти и газа. Повышение в три раза цены на нефть за последнее десятилетие стало одной из причин текущего энергетического кризиса. Основой феноменального экономического развития мировой экономики является исключительно интенсивное *потребление энергии.* Согласно прогнозу Центрального разведывательного управления США, потребление энергии вырастет к 2015 г. на 50 %[2].

Современная промышленная революция потребовала чрезвычайного объема *электричества,* вырабатываемого из пяти основных носителей энергии. В развитых странах (9590 киловатт/час в год на душу населения) производство электричества на 37,2 % производится за счет сгорания угля,

[1] «Nature», May 15, 2003.

[2] The U.S. National Intelligence Council's Global Trends 2015: Excerpts, Commentaries, and Response («Environmental Change and Security Project Report», Summer 2001, p. 60).

6,8 % за счет нефти, 16 % — за счет сгорания газа; 14 % — за счет гидроэлектростанций; 26 % — за счет атомных электростанций. В странах со средним и низким доходом (средняя цифра потребляемого электричества 6518 киловатт/час в год на душу населения) на твердое топливо при производстве электричества приходится 39,6 %; на водяную энергию — 22,7 %; газ — 19 %; нефть — 10,7 %; ядерную энергию — 7,4 %'.

Источники этой энергии меняются постоянно. В 1850 г. 90 % мировой энергии давала древесина; ее превзошел в 1890-х годах — в качестве главного источника энергии — уголь, доля которого в мировом производстве энергии

поднялась до более чем 60 % в 1910-х годах. «Царь уголь» был главным источником энергии до 1960-х годов; в дальнейшем его место заняла гораздо легче транспортируемая нефть. В 1850-е годы люди начали использовать нефть в румынском Плоешти и в пенсильванском Титусвилле. Миллиардное земное население только приступило к использованию давнего солнечного дара.

Индустриальный мир в чрезвычайной мере зависит от органических энергообразующих ископаемых. Потребление нефти ныне достигло немыслимых высот — 70 миллионов баррелей в день (мбд). (Уголь как источник энергии опускается все ниже — в 1999 году природный газ обошел его как источник энергии.) Половина глобального потребления угля падает на США (26 % мировой добычи) и Китай (24 % мировой добычи). За пределами этих двух угольных «сверхдержав» увеличение использования угля наблюдается в Индии и Японии, но падает в Западной и Восточной Европе, включая Россию (которая, как и Англия, прекратила субсидирование добычи угля).

Королевский военно-морской флот Британии в 1908 г. перешел с угля на нефтепродукты, а фордовские конвейеры сделали массовым автомобиль, который (вместе с самолетом и тепловыми станциями) сделал нефть важнейшим мировым сырьем. И мир будет приближаться к американскому показателю насыщенности автомобилями — 775 автомобилей на тысячу жителей в 2020 г. Со времен первой индуст-

[1] Источник: World Bank. The World.in 2003.

риальной добычи — установки первых нефтедобывающих вышек в Пенсильвании человечество откачало 742 млрд баррелей нефти. Нефть стала всеобщим предметом потребления в 1930-е годы, когда население Земли подошло к двум миллиардам человек. Это потребление стало массовым к 1960 г., когда население Земли достигло трех миллиардов, а многие миллионы сели за руль автомобиля. Следующий миллиард был достигнут через 14 лет, в 1974 г., еще один — к 1987 г., а шестой миллиард земного населения был достигнут в 1999 г.

В современном мире на нефть, природный газ и уголь приходится, соответственно, 32, 22 и 21 процент от мирового производства энергии. Первая цифра растет. К концу первого десятилетия XXI в. на нефть будет приходиться примерно 39 % всех потребляемых на планете энергетических ресурсов. На второе по значимости энергетическое сырье — уголь — придется 24 %. На природный газ — 22 %, на атомную энергию — 6 %'. В будущем значимость нефти только увеличится. В 2020 г. на нефть будет приходиться примерно 40 % производимой в мире энергии. На нефть и газ, взятые вместе, будут приходиться две трети общемирового источника энергии. Более половины добываемой нефти (нефтепродуктов) пойдет на снабжение автотранспорта (52 *%).*

И в потреблении углеводородов господствует исключительное неравенство. Средняя цифра — ежегодное увеличение потребления нефти на протяжении последних полутора десятков лет равнялось 1,2 % в год. Самый внушительный показатель приходится на США — 18 баррелей на душу населения в год, в Канаде — 13 баррелей, в Западной Европе, Японии и Австралии — 6 баррелей на душу населения в год[2]. Соединенные Штаты расходуют *более четверти мировой нефти.* Доля Японии — 8 %; доля быстрорастущего Китая — 6 %. Россия использует 4 % мировой добываемой нефти. Резко растет потребление нефти в Южной Корее и в Индии.

[1]Department of Energy. International Economic Outlook, 1999, p. 142-143.

[2] The WorldWatch Institute. State of the World. 2001, New York, 2001, p. 109.

Имеющиеся ныне запасы нефти на нашей планете составляют примерно 1000 млрд баррелей. Экономически развитые и растущие регионы Земли в будущем

станут потреблять львиную долю добываемой нефти, экспорт из нефтедобывающих районов мира в индустриальные вырастет чрезвычайно. Согласно современным прогнозам, в 2030 г. на США будет приходиться 24,3 млн баррелей в день (бвд); на Европу — 14,6 млн бвд; на Китай — 7,3 млн бвд; на Японию — 6,8 млн бвд. Мировая торговля нефтью выросла с 33,3 млн баррелей в день (бвд) в 1991 г. до 42, 6 млн бвд. в 2000 г.[1].

Экономические лидеры настроены на все более активное использование углеродных носителей энергии — нефти, газа, угля. В качестве примера посмотрим на прогноз министерства энергетики США. Расчетной единицей в нем является общеупотребимая в мировых расчетах единица — т. н. *British thermal unit (BTU),* которая позволяет обобщенно анализировать соотношение основных источников энергии.

Таблица 1
МИРОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ МЕЖДУ 2000 И 2020 ГОДАМИ (В КВАДРИЛЬОНАХ БТУ). ДАННЫЕ ЗА 2000 Г. И ПРОГНОЗ НА БУДУЩЕЕ

Вид сырья	**2000**	**2005**	**2010**	**2015**	**2020**
Нефть	157,7	172,7	190,4	207,5	224,6
Природный газ	90,1	111,3	130,8	153,6	177,5
Уголь	97,7	107,1	116,0	124,8	138,3
Атомная энергия	24,5	24,9	25,2	23,6	21,7

Источник: *U.S. Department of Energy. Washington, 2001, A2.*

Практически нет сомнений в том, что в течение грядущих двадцати лет потребление нефти увеличится не менее чем в полтора раза; потребление газа — вдвое, угля — как

[1] «The National Interest», Winter 2003/2004 («The New Geopolitics of Oil»).

минимум на 40 %. И только использование атомной энергии несколько сократится.

Отсюда печальный итог: нефти хватит еще на одно, максимум — два поколения. Экономически зависящие от добычи нефти компании стремятся снять этот накал экстренности в сложившейся обстановке. Скажем, «Эшленд кемикал компани» в своем докладе с великой легкостью утверждает, что запасов нефти на Земле хватит на 45 лет.

Женевская фирма «Петроконсалтс» полагает, что пик добычи нефти был пройден в 1974 г.[1]. *Критическим видится 2050 год: на Земле 10 млрд населения, но энергии хватит только для трех миллиардов. Остальные обречены на вымирание?* Исследования, проведенные под эгидой норвежского правительства, ведут к пессимистическому выводу: запасы планеты содержат менее 700 млрд баррелей нефти. Может быть, есть запасы, о которых мы не знаем? Но большая часть мира просвечена рентгеновскими лучами специализированных спутников, сейсмические станции провели свои исследования. Найдена 41 тысяча месторождений, на нефть землю исследуют 641 тысяча поисковых буров, и феноменальных прибавок к уже найденным запасам не найдено.

Велики ли мировые запасы самого ценного сырья? В начале текущего века разведанные запасы нефти на планете оценивались в 1033 млрд баррелей. Этого

объема при современном темпе потребления нефти хватит всего лишь еще на сорок лет[2]. Если же потребление возрастет всего лишь на два процента в год (а именно это предсказывает федеральное американское министерство энергетики), то срок потребления разведанной нефти сократится до 25—30 лет.

У некоторых отдельно взятых стран назвать запасы месторождений на национальной территории впечатляющими еще более трудно. Обратимся к самой важной геостратегически и геоэкономически стране. Согласно статистическому отчету «British Petroleum Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн тонн, нефти соб-

[1] Petroconsalts Study. The World Oil Supply 1930-2050.

[2] BP Amoco. Statistical Review of World Energy 2000. London: BP Amoco, 2000, p. 4.

ственно в США не более 3 млрд тонн, или примерно на 8,5 года. Еще один прогноз для США: при современном темпе использования собственно американских месторождений (2,8 млрд баррелей в год) американцы истощат свои национальные месторождения к 2010 г.[1]. Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью довольно резкого повышения спроса на *импортируемые* нефть и газ.

Но здесь природа ставит неодолимый барьер. Даже если Соединенные Штаты сократят потребление бесценного сырья, быстрый рост таких ненасытных потребителей органической энергии, как Китай и Индия, не позволит снизить общее потребление нефти — как раз напротив, ожидается буквально безмерное повышение потребления этого сырья. Представить себе Китай с автомобилем в каждой семье — значит представить себе конец нефтяной эры, даже если учитывать нефть Аляски, Венесуэлы и Бразилии.

Изобилие нетронутых богатств уходит в прошлое. В пределах США и Европейского союза этих ископаемых недостаточно. Американская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 %, и эта зависимость продолжает возрастать. Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью повышения спроса на импортируемые нефть и газ. 65 % доказанных мировых запасов нефти находится в регионе Среднего Востока. В марте 2000 г. эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо, способны прийти к разумному пониманию будущего». Оба региона, США и ЕС, обращаются к богатым этими ископаемыми странам, к импорту нефти и газа.

Западноевропейцы, чтобы платить за импортируемую нефть, довели свой экспорт на Ближний Восток до 63,7 млрд

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan. P. 55—56.

долл., а американцы — до 23 млрд. Ради контроля над стратегически важным регионом американцы не желают покидать военные базы (созданные на территории Саудовской Аравии в 1990 г. в ходе войны в Персидском заливе), хотя стоимость содержания американских войск здесь значительна — 60 млрд долл. в год. Контроль над Саудовской Аравией имеет для Вашингтона глобальное стратегическое значение. Итак, еще 45 лет прежней жизни, прежних темпов сжигания органического топлива — и все.

Однако статистика говорит об увеличении потребления нефти на 2,8 % в год; а в этом случае время бездумного (современного) расходования жидкого топлива уменьшается до 30 лет. Указанная проекция вовсе не предполагает, что однажды буровики просто снимут свое оборудование. Уже тогда, когда запасы нефти

уменьшатся вдвое, цена на нее начнет резко расти, а могущественные державы будут держаться за «свои» источники сырья. И это при том, что в следующие двенадцать лет бедный Юг добавит еще один миллиард к мировому населению. Среди этого миллиарда Китай, Индия и Мексика будут активно соперничать за жидкое топливо. Они будут строить нефтеперегонные станции и нефтеперерабатывающие заводы со скоростью, значительно превосходящей американскую и западноевропейскую.

Реалистично предположить, что потребность в нефти *удвоится* к 2020 г. во многом благодаря скоростной индустриализации Азии, особенно Китая. Самая энергопотребляющая страна мира — США. Они добывают (и потребляют) более 10 млн баррелей нефти в день. Второй по объему потребляемой нефти является Западная Европа, где собственную нефть добывают лишь Британия и Норвегия в Северном море. Следует, однако, учесть, что запасы Северного моря уже исчерпаны на 70—90 %. Между тем — Международное энергетическое агентство предсказывает на ближайшие двадцать лет рост потребности в нефти с 77 млн баррелей в день до 120 млн.

(Китайцы уже строят гидроэлектростанцию «Три ущелья», при помощи которой они надеются сберечь 90 млн баррелей нефти в год, сберегая национальные месторожде-

ния нефти, — эквивалент 18 АЭС. Американцы же практически исчерпали даже нефтяные богатства Аляски — как прежде полностью исчерпали месторождения Пенсильвании, Оклахомы, Калифорнии, Техаса.) Как пишет американский исследователь Том Хартман, «стремление держать нестабильные режимы в богатых нефтью краях под американским каблуком ведет к сомнительной политике и сомнительной морали — но такая политика все же возможна, она может продержаться два-три десятилетия»[1]. (Другое дело — пресная вода — это значительно сложнее.)

Нефтяные ресурсы распределены на нашей планете крайне неравномерно, о чем дает представление нижеследующая таблица.

Таблица 2 ГЛОБАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ И ДОБЫЧА НЕФТИ

Страна-производитель (по значимости)	Обнаруженные запасы (млрд баррелей)	Доля запасов (в%)	Производство (млн бар/ день)
Саудовская Аравия	261,5	24,8	9,2
Ирак	112,5	10,7	2,2
Объединенные Арабские Эмираты	97,8	9,3	2,7
Кувейт	96,5	9,2	2,2
Иран	89,7	8,5	3,8
Венесуэла	72,6	6,9	3,3
Россия	48,6	4,6	6,2
Мексика	47,8	4,5	3,5

[1] *Hartmann Th.* The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 92.

Страна-производитель (по значимости)	Обнаруженные запасы (млрд баррелей)	Доля запасов (в%)	Производство (млн бар/ день)
США	30,5	2,9	8,0
Ливия	29,5	2,8	1,4
КНР	24,0	2,3	3,2
Нигерия	22,5	2,1	2,2
Норвегия/ Британия	16,1	1,5	6,0
Общий объем	949,6	90,1	53,9

Источник: *BP Amoco, Statistical Review of World Energy 1999; «Foreign Affairs», March/April 2002. P. 16—31.*

Нефть концентрируется всего лишь в нескольких довольно отчетливо обозначенных зонах. Четырнадцать стран владеют 90 % всей разведанной нефти: Саудовская Аравия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иран, Венесуэла, Россия, Мексика, США, Ливия, КНР, Нигерия, Норвегия, Великобритания. Среди указанных четырнадцати *пять* стран доминируют: Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Иран — в их руках около двух третей (62,5 %) мировой нефти. Жесткий факт: 65 % мировых запасов находится на Ближнем Востоке. 25 % мировых запасов (261 млрд баррелей) приходится на Саудовскую Аравию.

В Персидском же заливе даже в случае увеличения добычи с 20 до 40 мбд огромные запасы нефти останутся еще на долгие годы. При этом все основные прогнозы говорят об увеличении зависимости западной в целом и американской экономики в частности от нефти Персидского залива.

Среди энергетических источников наибольшую значимость сегодня (и в обозримом будущем) имеет нефть. На протяжении всех последних лет мировая потребность в нефти росла примерно на 1,5—2 млн баррелей в день (мбд). По оценке министерства энергетики США, проекция на будущее предполагает рост потребления нефти с 77 мбд в

2002 г. до 120 мбд в 2020 г.[1]. Потребление этого самого важного стратегического ископаемого крайне неравномерно. Американская и западноевропейская зависимость от импорта нефти давно превысила 50 % и продолжит возрастать чрезвычайными темпами, по меньшей мере до 2020 г.

Главным потребителем нефтепродуктов являются развитые страны Запада. Запад в критической степени зависит от потребления энергетического сырья, потребление которого в 2002 г. достигло рекордной цифры. Самая энергопотребляющая страна мира — США. Львиная доля потребляемых ресурсов придется на Северную Атлантику. Самыми энергопотребляющими странами мира являются Соединенные Штаты и государства Западной Европы[2]. Колоссальным является рост потребления и незападными регионами, особенно растущим Юго-Восточным регионом Азии. Китайская Народная Республика удвоила за 1990-е годы свой ВНП на основе буквально «бешеного» роста потребления энергии. Конкретно это означает, что на мировом рынке появился «супертигр», также претендующий на углеродные ресурсы. Согласно прогнозу американского министерства энергетики, потребление энергии между 2002 и 2020 годами в Китае будет расти на 4,3 % в год — самый интенсивный в мире рост. Растущие экономики Китая, Индии, Бразилии также вступят в спор за энергетическое сырье

(разумеется, не в силу некой природной агрессивности, но ввиду абсолютной жизненной необходимости, ради выживания и подъема экономического уровня).

Нужно учитывать, что повышение цен на нефть на 2 долл. за галлон означает дополнительное бремя на каждую американскую семью до 2 тыс. долл. в год, 250 млрд долл. общим объемом — весьма политически рискованное увеличение налогов для любого американского политика[3]. Еще

[1] *Morse E. and Richard J.* The Battle for Energy Dominance («Foreign Affairs», March/April 2002. P. 18).

[2] См.: Adriaanse e.a. Resource Flows: The Material Basis of Industrial Economies. Washington, D.C.: World Resources Institute, 1997.

[3] *Feldstein M.* Achieving Oil Security («National Interest», Spring 2002).

более зависят от импорта топливных ресурсов Западная Европа и Япония. Исключительная зависимость от ископаемых ресурсов таит в себе немало неизвестного и неожиданного.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ В БУДУЩЕМ

Таблица 3

ПРОГНОЗ МИРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НЕФТИ ПО РЕГИОНАМ (В МЛН БАРРЕЛЕЙ В ДЕНЬ)

Регион или страна	**000**	**005**	**010**	**015**	**020**
Развитый мир	4,9	7,4	0,1	2,3	4,5
США	9,5	1,2	2,7	3,7	4,7
Западная Европа	4,4	4,8	5,3	5,6	6,0
Восточная Европа и бывший СССР	,0	,1	,4	,6	,9
Развивающиеся страны	6,2	1,4	7,0	2,9	8,7
Китай	,6	,0	,4	,1	,8
Мир в целом	7,1	4,8	3,5	01,8	10,1

Источник: U.S. Department of Energy. International Energy Outlook 1999. Table A4.

В Соединенных Штатах автомобильный пробег населения увеличился с 1,5 трлн миль в 1982 г. до 2,5 трлн миль в 1995 г. — и в более мощных и крупных автомобилях. Средний американский — хорошо отапливаемый — дом увеличился за последние тридцать лет не менее чем на треть[1]. Здесь нефтепродукты как потребительский товар стоят втрое дешевле, чем, скажем, в Западной Европе.

Может ли помочь ненасытному Северу богатый нефтью Юг — а точнее регион Персидского залива?

[1] «Wall Street Journal», January 7, 2000.

Таблица 4

ИМПОРТ НЕФТИ ИЗ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА МЕЖДУ 1997 И 2020 ГГ. (В МЛН БАРРЕЛЕЙ В ДЕНЬ - МБД)

Импортирующие регионы или страны	1997	2020 (прогноз)	Рост
Северная Америка	2,0	4,1	105%
Западная Европа	3,5	3,7	6%
Китай	0,5	5,3	960%

Источник: *U.S. Department of Energy. International Energy Outlook 2000. Table 13.*

Соединенные Штаты, как главный в мире потребитель нефти, по мере прохождения XXI в. острее других ощущают зависимость от стран Персидского залива с их двумя третями мировой разведанной нефти. Говоря об опасности четвертой мировой войны, отметим следующее: имея 5 % мирового населения, Соединенные Штаты употребляют *четверть* нефти Ближневосточного региона.

Это повышает значимость источников нефти. Постоянно предпринимаются попытки диверсификации источников нефтяного импорта. Совет национальной безопасности США доложил президенту, что «Венесуэла стала первым заграничным поставщиком нефти, и доля Африки увеличилась до 15 % импортируемой нами нефти»[1]. Наибольший интерес представляет в мировом масштабе Каспийский регион, где западные нефтяные компании обещают поднять добычу нефти до 100 млрд долл.: Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан. Западу придется смириться с определенным возвращением России в Каспийский регион после 11 сентября 2001 г.

Запад надеется на добычу Россией до 10 млн баррелей в день — на 2 млн баррелей в день больше, чем у Саудовской

[1]U.S. National Security Council. A National Security Strategy for a New Century. Washington,D.C: White House, October 1998, p. 32.

Аравии. Это возможно, потому что, по новым подсчетам, российские нефтяные резервы на 15 % больше саудоаравийских[1].

И все же колоссальная значимость ближневосточной кладовой ощутима самым острым образом.

Вторым по объему потребляемой нефти регионом является Западная Европа. Здесь следует учитывать, что ее собственные запасы со дна Северного моря уже исчерпаны на 70—90 %. Надежды на глубоководные зоны Атлантического океана и Северную Сибирь невелики. Нефть требуется экономике Японии, Китая, Южной Кореи, Индии и Индонезии, где среднегодовой прирост потребления нефти за последние 35 лет составил 14 % (самый высокий показатель в мире).

Дальнейшее увеличение явственно осложнено: на планете нет необходимых ископаемых. Если человечество не остановится, то внутренние столкновения придутся на текущий XXI век. Нынешний ритм роста уже ведет в бездну. Без оставленных нам прежними потоками солнечного света нефти и угля население планеты составляло бы цифру где-то между четвертью миллиарда и миллиардом — столько, сколько было на Земле до начала использования угля и нефти.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ САМОГО ЦЕННОГО СЫРЬЯ

На что все же можно рассчитывать? Специалисты-скептики предвидят нахождение еще от 200 до 900 млрд баррелей нефти. Исследователи-оптимисты ожидают или считают резонным предположить наличие в земных недрах от 1250 до 1950 млрд баррелей нефти. «Умеренные» аналитики сходятся в цифре 1600 млрд баррелей[2]. При современном ритме потребления (73 млн баррелей в день) таких запасов хватит на шестьдесят лет.

[1]*Harvey R.* Global Disorder. How to Avoid a Fourth World War. London: Robinson, 2003. P. 118.

[2]*Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan. P. 41.

Если в ближайшие десятилетия потребление естественных ресурсов будет расти в прежнем темпе, кладовые Земли грозят истощением. Увы, на шестьдесят лет нефти не хватит в свете ежегодного роста потребления на 1,9 %. Это означает, что в 2020 г. потребление достигнет 113 млн баррелей в день. При таком росте потребления нефть на Земле иссякнет не в 2060-м, а в 2040 году. В любом случае уже в третьем десятилетии XXI в. человечество начнет ощущать нехватку главного органического топлива — нефти[1]. Даже если не поддаваться особому алармизму, кризис в использовании этого типа ресурсов наступит уже в середине XXI в.

Америка и ранее старалась подстраховаться — на случай противостояния со всем исламским миром — посредством резкого увеличения нефтяного экспорта недалекой географически Венесуэлы (которая в 1990 годы увеличила свою добычу до 3 млн баррелей в день и стала первым поставщиком сырой нефти на американский рынок). В ответ Саудовская Аравия резко увеличила свою добычу, и цена на «черное золото» пошла вниз вплоть до коллапса 1998 г. Эр-Рияд сумел восстановить свое лидерство. Сегодня он поставляет 1,7 млн баррелей в день из 10-милионного ежедневного импорта Америки (у Саудовской Аравии самая большая доля).

По долгосрочным международным расчетам, доля нефти в общем балансе мира сократится, но по физическому объему будет примерно такой, как сейчас. И все же по мере того, как старые месторождения истощаются, мировое соперничество растет. Выбор как у индустриальных, так и у развивающихся стран невелик: введение рационирования; субсидирование импорта нефти; задействование стратегических резервов. Или *использование силы для* получения дополнительной нефти. Эта сила будет применена прежде всего в главной кладовой нефти.

ГАЗ

Параллельно с нефтью несказанную энергетическую значимость приобретают немалые запасы газа. Уже сейчас ясно, что в мировом энергетическом потреблении довольно

[1] «Scientific American», March 1998. P. 78—83.

резко возрастет доля природного газа. На газ, напоминаем, приходится 23 % мировых запасов энергии. Газ, как было показано выше, превзошел каменный уголь как источник энергии. Перевод сжиженного газа по трубным газопроводам дал новые возможности газу. Потребление природного газа в мире растет на 1,9 % в год. В развитых странах газ заменяет уголь в гигантских силовых генераторах. США потребляют 27 % добываемого в мире газа; Европа — 20 %. В обоих регионах наблюдается тенденция еще более масштабно использовать газ. Уменьшилось потребление газа в Восточной Европе ввиду деиндустриализации региона.

По запасам газа чемпионом является уже не Персидский залив, а Россия. Ей принадлежит 32 % мировых разведанных запасов газа. Россия значительно превосходит Иран (15 %) и занимающий третье место Катар (7 %), не говоря уже о Саудовской Аравии с Объединенными Арабскими Эмиратами (4 %), США и Алжире (3 %).

В добыче газа нет ОПЕК. Даже минимального взаимопонимания России с Ираном достаточно, чтобы Запад имел дело с почти монополистом на газовом рынке, поскольку обильные газом Туркменистан, Узбекистан и Казахстан в очень

большой степени зависят от российской системы газопроводов.

Западные компании уже ощутили это обстоятельство. Европейский союз покупает 62 % российского газа, что составляет 20 % импорта ЕС в этом виде сырья. Российский газ — 70 % турецкого газового импорта. Российское правительство намерено в ближайшие 20 лет удвоить свой газовый экспорт в Западную Европу. Германские «Ругаз» и «Винтершаль», итальянская ЭНИ инвестируют в российские проекты. «Газпром» намерен построить колоссальный газопровод от полуострова Ямал до германской границы. Итальянская ЭНИ совместно с «Газпромом» строит газопровод через Черное море. Отметим, что прибыль «Газпрома» составили в 2002 г. 14,5 млрд долл.

ОСКУДЕНИЕ ПЛАНЕТЫ: СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ

Когда в следующие несколько десятилетий нефть станет значительно более редким ископаемым, цена на нее начнет расти чрезвычайно. Ничего нового: то же было с ценой на

древесину в Месопотамии, Греции и в Римской империи. И что далее? Как пишет Том Хартман, «когда цена источников горючего, от которого зависит вся экономика, начнет стремительно расти, небольшая доля населения, которая контролирует богатство и армии всего мира, сможет завинтить свои вагоны и защитить свои интересы, но население в целом вступит в пору больших трудностей. Мы можем сегодня судить по Гаити, где восставшее население бросилось на ограниченные запасы энергии, что повело к еще большей нищете и голоду. Мы, на Западе, находясь на вершине пирамиды энергии, возможно, будем последними, кто испытает на себе тяготы нехваток. (Это предполагает, что наши армии будут все еще нетронутыми, так что мы еще сможем заставить арабские и южноамериканские страны продолжить продажу нам своей нефти, когда ее запасы начнут истощаться... Но встанет вопрос: чем мы будем заправлять наши самолеты и танки, если нефтяное горючее начнет иссякать.)»[1]

Очень существенно то, что изменились параметры стратегического могущества. Еще несколько лет тому назад ядерная стратегическая мощь и могучие союзники были главным мерилом значимости государства в мире. После 1991 г., после глобализационного вихря масштаб экономики вкупе со способностью к технологической инновации стали определяющими параметрами влияния государства в мире. Осуществлять руководство мировым сообществом отныне может лишь динамичная экономика, способная обойти конкурентов в области экономического роста и обновления, в завладении мировым рынком высокотехнологичных товаров, в их мировом экспорте. Даже министерство обороны США пришло к выводу, что «национальная безопасность зависит от успешного вторжения в глобальную экономику»[2].

[1] *Hartman Th.* The Last Hours of Ancint Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 114—115.

[2] Institute for National Security Studies (INSS). Strategic Assessment 1999, Washington, 1999, p. 30.

Может ли помочь долгое время бывшая служанкой Запада *наука ?* Не все разделяют беспокойство по поводу конечности ресурсов. Так, любимец республиканской партии США Джулиан Саймон во всеуслышание утверждает, что глобального кризиса ресурсов не будет никогда, потому что «человеческие существа настолько изобретательны, что при любом повороте событий они найдут необходимый выход»[1]. Но убедительных рациональных выводов эти принципиальные оптимисты не приводят. Пока создание «искусственной клетки» энергии к реальности не приблизилось.

Американцы при президенте Буше-младшем пытаются договориться на

межгосударственном уровне с Европейским союзом относительно альтернатив зависимости от нефти, относительно создания новых источников энергии. Пока без особого успеха. Ни попытки консервации, ни совместные научные проекты не дали особых результатов. В XXI веке американская сторона обратилась к изысканиям основанной на водороде технологии — и пока безуспешно. О подобной технологии многие говорят, но пока реальных результатов нет. Чтобы избежать паники и уверить легковерных, владетели самого важного ископаемого умело утешают: подлежащая изобретению замена нефти как источнику энергии альтернатива «не будет дорогой»[2]. В Америке все более упорно говорят о необходимости чего-то, похожего по концентрации сил на «проект Манхэттен».

Пока все это лишь в области мечтаний.

Возникнет весьма грозовая обстановка, когда мотивом столкновения будет не получение неких преимуществ, а собственно *выживание.* И нам не зря напоминают, что «большинство войн велось за контроль над ресурсами, такими, как леса, поля, угольные шахты и минеральное сырье»[3].

Российские нефтяные компании не всегда готовы быть образцом эффективности, но дни становления уже

[1]*Hartman Th.* The Last Hours of Ancint Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late, New York: Three Rivers Press, 2004, p. 294.

[2] Ibid., p. 16.

[3] Ibid., p. 25.

позади. Они быстро реинвестируют капитал. Опираясь на них, Москва получает дополнительное оружие в своей геополитике. «Готовясь бросить вызов Саудовской Аравии как лидеру Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Россия, — пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», — беспокоится о защите своих растущих экономических интересов в Средней Азии и на Кавказе, которые вдоль и поперек исполосованы нефте- и газопроводами и где могут быть проложены новые потенциально прибыльные маршруты»[1]. Недавний госсекретарь США Колин Пауэл заявил, что казахская нефть становится критически важной. Французская «Монд» уже задает вопрос: «Не сможет ли Россия потеснить Саудовскую Аравию с места привилегированного нефтяного партнера Вашингтона?»[2]

Разрабатываемое итальянской компанией ЭНИ богатое месторождение Кашаган выйдет на полную мощность в 2008 г. Россия намерена перекачивать кашаганскую нефть по своим трубопроводам в Новороссийск, но ЭНИ и правительство Казахстана контактируют с иранцами для проведения самого короткого нефтепровода в направлении Персидского залива. Цитированный выше журнал «Ньюсуик» напомнил, что Соединенные Штаты размещают в данном регионе свои вооруженные силы и посылают военных советников в Грузию, «ни для кого в Каспийском регионе не является тайной, что Грузия имеет больше отношения к маршрутам транспортировки нефти, чем к охоте на Усаму бен Ладена»[3].

Россия во многом испытывает ожесточение в отношении ведомой Саудовской Аравией ОПЕК. Прежде всего, никому не нравится некий шантаж ОПЕК в отношении России. Даже американцы признают, что «политика Эр-Рияда в сфере нефти видится как продолжение антироссийской политики в отношении Афганистана в 1980-е годы, как поддержка движений за независимость в Центральной Азии в начале 1990-х годов, как помощь повстанцам в Чечне, как создание исламских образовательных учреждений в

[1]«Christian Science Monitor», March 19, 2002.

[2]«Le Monde», 18 mars, 2002.

[3] Newsweek, April 3, 2002.

России — все это противоречило российским интересам»[1]. В конце концов, Россия меньше зависит от цены на нефть, чем Саудовская Аравия, и может позволить себе пойти на войну цен. В Москве, кстати, не забыли, что генерированное саудовцами падение цен в 1985—1986 годах добавило к бедам страны, развалившейся в 1991 г. Москва готова вернуть себе то, что ей принадлежало 15 лет назад. И Россия — огромная страна, ее просторы еще способны удивить всем, в том числе и недрами. Вероятна идея — посредством создания совместных компаний — российского нефтяного преобладания в Китае и Индии. И в США признают, что «посредством кооперации Москва и Вашингтон могут по-своему реструктурировать поле битвы»[2]. ОПЕК может нанести очень тяжелый удар по России, если опустит цены до уровня 10 долл. за баррель на протяжении, скажем, двух лет. Но и ОПЕК, не имеющий такого внутреннего рынка, как рублевый российский, пострадал бы при этом жестоко. А пока цены в 2004—2005 годах поднялись до немыслимых прежде 55 долл. за баррель и выше.

Возникла идея некоего каспийского ОПЕК, руководимого Россией с участием Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана. Минимальное согласие с линией Москвы пока достигнуто не со всеми; азербайджанцы хранят настороженность, но три среднеазиатские республики практически готовы войти в картель. Центральная Азия присоединяется в данном случае к России. (Западные компании не смогли войти в газовую сферу так же, как они вошли в нефтяную промышленность Азербайджана и Центральной Азии.) На Евразийском экономическом саммите, проходившем в Алма-Ате в начале апреля 2002 г., российская делегация возвестила, что топливно-энергетический комплекс и развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной, должны стать ключевыми направлениями сотрудничества между странами центральноазиатского региона. Традиционным партнерам в этом регионе необходимо

[1] *Morse E. and Richard J.* The Battle for Energy Dominance («Foreign Affairs», March/April 2002, p. 28).

[2] Ibid, p. 31.

развивать сотрудничество в модернизации ТЭК и транспортной инфраструктуры для последующего углубления интеграционных процессов.

В *условиях роста* влияния «зеленых» снабжение газом стало мировым фактором. Вместе с богатой газом Средней Азией (второе после России место в мире) Москва будет иметь в своих руках немыслимый по мощи рычаг. Почти нет сомнения в том, что Россия и Иран будут доминировать на рынках энергии Южной Азии. «Газпром» уже активно сотрудничает с иранскими компаниями. Стратегия «Газпрома»: Западная Европа, Северо-Восточная Азия, Восточная Азия. И действовать одновременно. Брукингский институт (Вашингтон) приходит к выводу, что, «имея систему газопроводов и прочую инфраструктуру, с помощью иностранных инвестиций, увеличения производительности Россия может ответить на растущие требования покупателей газа. Уже осуществив вторжение в Европу, она, вероятно, повторит его в Азии. В 2002 г. Россия является растущей энергетической державой. Она может стать энергетической супердержавой в следующие 20 лет»[1].

А в Северо-Восточной Азии намереваются довести закупки энергии до трети мировых. Китай, Япония, Южная Корея с большим интересом относятся к месторождениям газа в Якутии, Восточной Сибири и на Сахалине. Огромный растущий рынок Азии дает «Газпрому» новый шанс. Напомним, что основной прирост добычи нефти в период до 2020 года падает на Восточную Сибирь — месторождения Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха.

Как пишет американская «Нью-Йорк тайме», «Россия, может быть, уже не является военной сверхдержавой, но она стала за последние годы колоссом в

нефтяном бизнесе — явление, имеющее важные политические последствия для Соединенных Штатов и их союзников. Москва уже имеет возможность ограничить способность Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) манипулировать ценами на нефть. Россия может укрепить репутацию ответствен-

[1]*Hill F.* Russia. The 21st Century's Energy Superpower? («Brookings Review», Spring 2002, p. 31).

ного и надежного поставщика энергоресурсов в Европу» . При этом отмечается, что, хотя большая доля российской нефти в настоящее время добывается частными компаниями, Кремль сохранил решающее влияние на уровень ее добычи и экспорта.

С полной уверенностью можно утверждать, что удовлетворяющего всех режима эксплуатации сырьевых источников создать невозможно. Почти полное исчезновение идеологических конфликтов неизбежно «выпятило» значимость мировых источников сырья. При этом увеличилась не только чисто экономическая стоимость сырьевых ресурсов, но геостратегическая значимость приобщения к драгоценным ресурсам. Возникающее их истощение ставит проблему борьбы за доступ к жизненно важным сырьевым материалам в конкретную плоскость[2].

Постоянное увеличение мирового спроса, уменьшение запасов сырья и усиление требований и претензий отдельных государств делают мирное распределение мировых ресурсов маловероятным. Рыночные силы создают могучий резонанс локальным конфликтам. Глухие раскаты грома из Сьерра-Леоне, Демократической Республики Конго и Боливии — предвестие того, что глобализируется в ближайшие десятилетия. «После Второй мировой войны постоянная погоня за природными ресурсами была скрыта политическими и идеологическими требованиями американо-советского соперничества; окончание этого соперничества более реалистически осветило наличную картину»[3].

Велик потенциал споров по поводу богатств прибрежного морского дна. Яркий пример — Южно-Китайское море, где в битве за ресурсы дна столкнулись семь государств — Китай, Индонезия, Филиппины, Тайвань, Малайзия, Вьетнам и Бруней.

«Конфликт, — пишет американский исследователь

[1] «The New York Times», November 30, 2001.

[2]*Homer-Dixon Th.* Environmental Scarcities and Violent Conflict («International Security», Summer 1994, p. 5—40.

[3]*Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 24.

М. Клер, — может возникнуть между государствами, имеющими доступ к жизненно важному сырью или запасам этого сырья, равно как и внутри государств по вопросу о распределении ограниченных доступных ресурсов. По мере того как будут расти цены, конкурирующие группы и элиты в богатых ресурсами странах получат мощный стимул для захвата и удержания контроля над ценными шахтами, нефтяными месторождениями и лесными угодьями. Результатом станет неизбежный конфликт по поводу критически важных ресурсов»[1].

Возможность конфликта увеличивается в свете того факта, что, как бы ни старался Запад диверсифицировать источники своего нефтяного импорта, Венесуэла и Нигерия по многим причинам (в частности, из-за внутренней нестабильности в этих странах) пока не могут найти подлинной замены феноменально богатому нефтью Персидскому заливу. Из этого следует, что стремление доминировать в этом регионе будет лишь расти. Учитывая, что четверть мировых запасов этого драгоценного сырья находится под юрисдикцией Саудовской Аравии, а еще 9,2 % в Кувейте, немудрено, что американцы не

желают уходить.

Стремительно растет важность тех проливов, через которые проходят огромные танкеры с нефтью. Министерство энергетики США выделило шесть «важнейших точек нефтяного транзита», через которые в день провозится примерно 30 млн баррелей нефти, что составляет примерно 40 % потребляемой в мире нефти в целом. Первый — Ормузский пролив, выход из Персидского залива в Индийский океан — 15,4 млн баррелей в день (мбд). Второй по важности пролив — Малаккский (между Малайзией и индонезийским островом Суматра), соединяющий Индийский океан и Южно-Китайское море (9,5 мбд). Третий стратегически важный пролив — Баб-эль-Мандебский (между Йеменом и Эритреей) у входа в Красное море (3,3 мбд). Четвертый — Суэцкий канал, соединяющий Красное море со Средиземным (3,1 мбд). Пятый — Босфор, соединяющий Черное море с

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan. P. 20.

Мраморным и далее — Средиземным (1,7 мбд). Шестой — Панамский канал, связывающий Атлантический и Тихий океаны (0,6 млн баррелей в день). (Для Японии наиболее важен район Южно-Китайского моря; для Западной Европы — Суэц.)

*** * ***

Со времени Второй мировой войны Соединенные Штаты вытеснили Британию с положения гегемона в областях основных энергетических ресурсов мира. Ныне многие просто забыли, что прежде Британия была более влиятельна, чем США, в таких «драгоценных» с точки зрения энергетики местах, как Венесуэла, Нигерия, Аравийский полуостров, полуостров Апшерон, вся зона Персидского залива. Венесуэлу американцы «вернули» при президенте Теодоре Рузвельте, в Нигерию и Бруней вошли после деколонизации; в Баку американцы вошли не в далеком 1918 году (это тогда сделали англичане), а почти столетием позже.

Противостояние в Персидском заливе тоже началось не сразу, а со строительства лендлизовских баз для СССР в 1942 г. Союзники и противники США в данном регионе прошли значительный эволюционный и революционный путь. Скажем, Иран проделал путь от главного союзника США в регионе до главного антагониста. Дело осложняет и обостряет фактор уже обозначившейся конечности земных ресурсов. Соединенные Штаты могут ввести в зону влияния Ирак с его десятью процентами мировых запасов нефти. Но уже соседний Иран представляет собой гораздо более сложную задачу. Потенциальные объекты экспансии начинают учиться страшному уроку: прежде чем бросаешь вызов единственной сверхдержаве, обзаведись оружием массового поражения — как мы сейчас видим, уважают лишь сильного, ему (как Пакистану и Индии) позже прощают переход в другой силовой класс. Следите за Северной Кореей, оповестившей о своем ядерном статусе в начале 2005 г.

Конечность ресурсов бросает вызов человеческим способностям решать технические задачи. Но пока массовое опреснение воды и искусственный синтез бензина далеки

от практического решения, а значит, битва за ресурсы — условие выживания и прогресса — грозит стать реальностью начавшегося с силовых акций нового (последнего?) века.

Глава 2
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ РОСТ

Для того чтобы достичь миллиардной отметки, человечеству понадобились тысячелетия, она была достигнута примерно в 1800 г. Для прироста еще одного миллиарда человек потребовалось несколько более ста лет — к середине XX века. За последовавшие пятьдесят с лишним лет население Земли утроилось (до шести с лишним миллиардов человек). Ныне мир прирастает на величину населения Бостона или Одессы примерно за два дня. Новая «большая» Германия добавляется к населению Земли каждые восемь месяцев; для создания новой Мексики нужен год[1]. На протяжении жизни сегодняшних сорокалетних население Земли еще раз удвоится; на протяжении жизни многих живущих сегодня оно утроится[2].

Предполагается, что этот рост будет продолжаться до уровня 8—12 млрд человек. В следующие два десятилетия следует ожидать прироста примерно в 90—95 млн человек ежегодно — рекордное число женщин окажется в возрасте деторождения. Стабилизация и (возможное) прекращение роста населения Земли придется на период, последующий за 2020 годом, — по достижении уровня более 10 млрд человек.

Определение «мирового роста» страдает неточностью. Растет не весь мир, а отдельные его регионы. А если быть точнее, то население всемогущего Севера весьма резко

[1] *Moffett G.* Global Population Growth: 21st Century Challenges. Headline Series, № 302. New York: Foreign Policy Association, 1994, p. 6.

[2] *Cohen J.* How Many People Can the Earth Support? New York: W.W. Norton, 1995, p. 367.

уменьшится, а голодный Юг неустанно множит население планеты. Между 2000 и 2050 годами мировое население увеличится минимум на три миллиарда человек. Но при этом население Азии, Африки и Латинской Америки увеличится на 50 %, а население Европы уменьшится, как минимум, на сто миллионов человек.

Напомним, что для воспроизведения существующего уровня населения требуется уровень рождаемости в 2,1 ребенка; на современном Западе этот уровень составляет 1,4 ребенка — революция в демографии, резко ослабившая Запад. Уровень рождаемости в развивающихся регионах Земли гораздо выше — он равен 3,4 ребенка. В гигантском Китае этот уровень несколько выше показателя 2. В Южной Корее он ниже 2. В Таиланде — 2,1; в Индонезии — 2,8; в Аргентине, Чили, Бразилии и Колумбии — несколько ниже 3. В бедной Индии — чуть ниже 4, а в обездоленной Африке — 6. Население Африки, составлявшее 700 млн около 2000 г., в 2025 г. составит 1,6 млрд человек. Китай и Индия достигнут уровня в полтора миллиарда[1]. Бедный мир Азии, Африки и Латинской Америки ныне прибавляет к численности своего населения многомиллионную Мексику. К 2050 г. он прибавит *более сорока* таких Мексик.

В Африке в 2050 г. будет жить два миллиарда человек. К 2050 г. численность африканцев *превзойдет численность европейцев в три раза*[2]. *На современных пустынных пространствах между Марокко и Персидским заливом расположится полмиллиарда жителей. В Южной Азии наряду с 1,5 млрд индусов 700 млн мусульман Пакистана, Ирана, Афганистана, Бангладеш. Китайское население достигнет уровня полутора миллиардов человек.*

В 2000 г. население восьми «южных» стран — Нигерии, Эфиопии, Демократической республики Конго, Южной Африки, Судана, Танзании, Кении и Уганды составляло 400 млн человек, а к 2050 г. оно перевалит за *миллиард.* За это же вре-

[1] *Kennedy P.* Preparing for the 21st Century. New York: Random House, 1993, p. 25.

[2] *Eberstadt N.* The Population Implosion («Wall Street Journal», October 16, 1997, p. 22).

мя население восьми крупнейших стран Южной Америки увеличится более чем на 40 %. Быстрый рост населения наблюдается в африканских Уганде, Мадагаскаре, Демократической республике Конго и в азиатских странах — Саудовской Аравии, Йемене, Камбодже. Самый большой прирост населения (показатель от 6,8 до 7,3 ребенка на семью) наблюдается в Йемене, Уганде, Афганистане, Анголе. За ними следуют Чад, Ирак, Боливия[1].

В 1950 г. население Испании превосходило население Марокко в три раза; к 2050 г. население Марокко будет вдвое больше испанского. Население Филиппин, вчетверо меньшее японского в 1950 г., будет на 25 млн большим в 2050 г.

Таблица 1
НАИБОЛЕЕ НАСЕЛЕННЫЕ НАЦИИ МИРА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI В.
(В МЛН ЧЕЛОВЕК)

Страна	**2000** г.	**2025** г.	**2050 г.**
Индия	1014	1377	1620
Китай	1262	1464	1471
США	276	338	404
Индонезия	225	301	338
Нигерия	123	205	304
Пакистан	142	213	268
Бразилия	173	201	206
Бангладеш	129	178	205
Эфиопия	64	115	188
Конго (Киншаса)	52	105	182
Филиппины	81	122	154
Мексика	100	134	153

[1] *Mazarr M.* Global Trends 2005. New York: St.Martin's 1999, p. 25-33.

Страна	2000 г.	2025 г.	2050 г.
Вьетнам	79	106	119
Россия	146	136	118

Источник: *The World at Six Billions. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999; Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 84.*

Если в 1900 г. население Африки и Латинской Америки равнялось 13 % мирового, то в 2000 г. эта доля увеличилась до 21 %, а в 2050 г. увеличится до 29 %. Традиционно воспринимаемый как «маленький» Вьетнам превзойдет по населению традиционно воспринимаемую как «большую» Россию. В грядущие двадцать пять лет население Израиля вырастет на 2,1 млн. За это же время население соседних арабских стран вырастет на 62 млн человек. Шестнадцать миллионов палестинцев окружают сегодняшнее государство Израиль. А еще через четверть века — в 2050 г. рядом с

7 млн израильтян будут жить 25 млн палестинцев. Одновременно с резким уменьшением населения в Европейском союзе общее арабское население Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Египта увеличится в следующие двадцать пять лет на 73 млн. В 2025 г. население Египта достигнет отметки в 96 млн человек. Обратим особое внимание на Северную Африку, где (в Марокко,

Алжире, Египте, Ливии, Тунисе) между 1990 и 2005 гг. население увеличилось почти на 40 %.

В Сирии население выросло с 12 млн до 20 млн. В Иордании оно за тот же период удвоилось — с 3,2 млн до 5,9 млн. Население Газы и Западного Берега удвоилось. Критически важным явилось резкое увеличение населения в период между 1990 и 2005 гг. в Саудовской Аравии (с 15,8 до 25,8 млн), в Иране (с 56 до 85 млн), в Ираке (с 18 до 28,4 млн человек)[1].

В результате «судьба может компенсировать китайцев, исламские и латинские народы за страдания и нищету в

[1] *Mazar M.* Global Trends 2005. An Owner's Manual for the Next Decade. New York: Palgrave, 2001, p. 37.

двадцатом веке доминированием на нашей планете в двадцать *первом веке»*[1]. Юг силой демографического преобладания превращается в основную силу, меняющую мир. Точнее говоря, этой силой будет бедный горожанин Юга. Городское население составило 29 % в 1950 г. Оно увеличилось до 40 % в 1980 г. и до 45 % в 1995 г.

Ныне примерно половина мирового населения живет в городах. Эта цифра увеличится до 60 % в 2025 г. (прогноз ООН) и до 66 % в 2050 г. Главным источником перемен будет *молодое и обиженное* население колоссальных мегаполисов мира, расположенных (кроме большого Токио) преимущественно на Юге. Здесь городское население увеличивается на 150 тыс. человек *каждый день.* В 2005 г. в мире будет 33 города с населением более 8 млн каждый, из них на развивающиеся страны приходится 27 городских конгломерации.

Таблица 2

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДСКИЕ КОНГЛОМЕРАТЫ В 2025 Г. (В МЛН ЖИТЕЛЕЙ)

Город	**Население**
Мумбай	27,4
Лагос	24,4
Шанхай	23,4
Джакарта	21,2
Сан-Паулу	20,8
Карачи	20,6
Пекин	19,4
Дакка	19,0
Мехико-Сити	18,8

Источник: *Проекции ООН (http://www.sru.edu/depts/artsci/ges/ discover/d-6-9b.htm).*

[1] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 34.

Вашингтон, Париж и Лондон превзойдут доселе почти неведомые Кампала, Киншаса, Дар-эс-Салам, Сана. Но вот что приобретет стратегическое значение: в указанных колоссальных городах 220 млн человек не будут иметь доступа к чистой питьевой воде. Более миллиарда людей будут жить в атмосфере неприемлемого загрязнения воздуха. Присущим большим городам явлением будет безработица. Большие города станут источником движения за социальные перемены, за революции.

Города эти будут чрезвычайно молодыми. Уже в 2010 г. в развивающемся мире фантастически проявит себя «выброс молодежи» — до 20 % молодежи

возраста от 15 до 24 лет. Особенно активно проявят себя эти группы населения в Африке южнее Сахары и в таких ближневосточных странах, как Египет, Иран, Ирак. Здесь группы молодежи составят отряд «нерегулируемого» населения. Именно отсюда будет брошен вызов Европе и Израилю, поскольку перенаселенность, урбанизация, понижение жизненных стандартов и растущая социальная нестабильность создали буквально взрывную ситуацию.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ УПАДОК ЗАПАДА

Пять столетий Запад владел миром, демонстрируя несокрушимую энергию и волю. Все гордые незападные государства так или иначе после Колумба, да Гамы и Ченселора, после выхода американцев за Аллеганы, после прорыва испанцев к Тихому океану, после колонизации Африки и Азии подчинились Западу. Несколько волн промышленно-научных революций закрепили опеку конкистадоров и колонизаторов над громадными просторами мира. Полтора десятилетия назад не устояла в антизападном противостоянии Россия — последний избежавший прямого западного контроля район Евразии. Экономический триумф Соединенных Штатов породил поистине жесткую уверенность Запада (как военно-экономического лидера мира) в практически необратимом овладении главными рычагами мирового развития. Глобализация закрепила возможности Запада и его американского авангарда осуществлять мировое доминирование. Зашла речь о «конце истории».

Но именно тогда, когда даже самые большие скептики умолкли, пораженные военно-научно-техническим превосходством Запада, история еще раз начала демонстрировать изумленному человечеству, что для нее нет неоспоримых канонов. И нам остается только потрясенно смотреть в лицо новым фактам, резко меняющим мировую панораму, подвергающим сомнению контрольные функции мирового гегемона — Соединенных Штатов.

Вперед выходит фактор демографии. Долгие столетия после катастрофического XIV века (когда в результате войн и эпидемии чумы Западная Европа потеряла более трети своего населения) Запад отличался стабильным ростом своего населения. Довольно долгое время западное население держалось на весьма стабильном уровне в 180 млн человек. И только в XVIII веке население Запада начало быстро расти. В 1900 г. на Европу, Северную Америку и тогдашнюю Российскую империю приходилось 32% мирового населения. Столь большая доля объясняется демографическим взрывом, сопровождавшим индустриальную революцию. К середине XX в. население Запада достигло цифры в 750 млн человек, то есть более одной четвертой мирового населения (составлявшего тогда менее 3 млрд человек).

С этого времени Запад, по существу, прекратил даже воспроизведение уже достигнутого уровня своего населения. В 1950 г. демографическая доля индустриального мира пала до 29 % от всего населения планеты. В дальнейшем ритм этого падения ускорился: 25 % в 1970 г., 18 % в 2000 г., уже всего лишь *одна шестая* населения планеты — малообещающая проекция на будущее. На 2050 г. проецируется дальнейшее движение вниз — до цифры в 10 %'; доля западного населения к концу текущего века снизится до *нескольких* процентов мирового населения. В 1900 г. жители Северного полушария превосходили южан как 2,5 к 1; в 2050 г. соотношение между ними станет прямо противоположным.

История знает несколько подобных примеров. В классической «Истории цивилизации» американский историк У. Дюрант называет «биологические факторы» решающими

[1]The World at Six Billions. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 1999.

в падении Римской империи. «Серьезная нехватка населения обнаружилась на Западе после императора Адриана: Законы Септимия Севера говорят о penuria hominum — нехватке мужчин. В Греции депопуляция продолжалась уже на протяжении столетий. В Александрии население сократилось к 250 году вдвое. Только варвары и восточные народы увеличивали свою численность как за пределами империи, так и внутри»[1]. Это и погубило имперский Рим. По мнению историка У. Дюранта, «Рим был завоеван не варварскими нашествиями извне, а варварскими манипуляциями изнутри. Быстро растущие германские племена не имели представления о классической культуре, они ее не принимали и не передавали другим; быстро растущие восточные народы не имели других целей, кроме как уничтожить римскую культуру; владеющие этой культурой римляне пожертвовали ею ради стерильного комфорта»[2].

Увеличивающиеся общины христиан жили большими семьями, и предупреждение рождаемости рассматривалось ими как грех, что, помимо прочего, принесло им историческую победу. Сегодня же христианский Запад убеждает развивающиеся страны (и в особенности мусульман) «использовать, подобно западным народам, контрацептивы, аборты и стерилизацию. Но почему незападные народы должны пойти на самоубийство вместе с нами именно в то время, когда после нас они наследуют планету?»[3]. Американский исследователь Дж. Бернхэм приходит к выводу, который приобретает актуальность: «Трудно определить причины чрезвычайно быстрого упадка Запада, который характеризуется потерей лидерами Запада веры в себя и утратой уникальных свойств их цивилизации. Причина в эксцессах материального процветания и усталости, изношенности, которых, увы, не избежать всему временному на Земле»[4].

[1] *Durant W.* Caesar and Christ. New York: Simon and Schuster, 1944, p. 666.

[2] Ibid., p. 666.

[3] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.:Thomas Dunne Press, 2002, p. 48.

[4] *Burnham W.* Suicide of the West. New York: The John Day Company, 1964, p. 301.

Сказывается воздействие двух первых индустриальных революций. Как пишет американский политолог Дж. Курт, «величайшим движением населения XIX века явилось движение мужчин из деревень в города. Величайшим движением второй половины XX века явилась переориентация женщин с домашней работы на службу в офисе: воспитание в семье заменилось «несемейным» образованием»[1]. В Соединенных Штатах 1950 г. 88 % женщин с детьми до шести лет оставались дома; уже через тридцать лет 64 % американских женщин с детьми до шести лет работали на производстве или в офисе[2]. Поглощенные своей карьерой женщины не интересуются большими семьями, воспитанием детей, новым «бэби-бумом». Цифра 1,4 ребенка на семью в современной Америке отражает состояние главной «ячейки общества», характеризующей крепость или уязвимость нации.

В развитом мире численность населения старше 65 лет к 2025 г. увеличится на 60 %. Сегодня в США огромный рост численности пожилого населения виден во Флориде. К 2025 г. картина, подобная сегодняшней во Флориде, будет ясно видна в 30 американских штатах. Во Франции рост рабочей силы (населения в «рабочем промежутке» между 25 и 59 годами) составил между 1950 и 1990 гг. 6 млн человек. Этот прирост «исчезнет» к 2025 г., а численность населения пенсионного возраста увеличится на 6 млн человек. Еще более отчетливо проблема обозначит себя в Италии; после 1950 г. прирост населения здесь составил 7 млн человек. К 2025 г. население Италии уменьшится на 7 млн человек, а численность лиц старше 60 лет увеличится на 5 млн.

Во всей остроте встал вопрос: какова цена гедонизма для «золотого

миллиарда», долговременен ли мир, ориентированный на массовое потребление? Ведь сокращение численности работающих будет означать резкое сокращение собираемых налогов, уменьшение сумм накопления, растущую инфляцию, уменьшение возможности оказывать помощь развивающимся странам. По мнению американского

[1]*Kurth J.* The American Way of Victory («National Interest», Summer 2000, p. 5).

[2]*Noebel D.* The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation? Nashville: Thomas Nelson, 1982, p. 11.

антрополога Дж. Анвина, «человеческое общество свободно в выборе либо великого проявления энергии, либо в пользовании сексуальной свободой. Невозможно иметь *и то и другое* на протяжении жизни более чем одного поколения»[1]. Вооруженные рычаги государства могут быть беспредельно могучими, но ослабление ткани общества не может быть компенсировано даже точным и «умным» оружием.

Нельзя сказать, что западному миру катастрофически не везло в истории нового и новейшего времени. Напротив, Запад феноменальным образом избежал многих реальных и предрекаемых ему бед. Мальтузианская теория вымирания западного населения от голода оказалась ложной. Пролетарии, вопреки Марксу, не сомкнули ряды против буржуазной цивилизации. Великая депрессия 1929—1933 гг. так или иначе была преодолена. Алармистские доклады Римского клуба оказались не совсем точны в предсказании истощения природных ресурсов планеты. Не сгущают ли страхи современные демографы? Увы, их выводы обоснованны и убедительны, так что привычный оптимизм на Западе в этом отношении уже не действует, хотя бы ввиду того, что фактическое сокращение и практическое исчезновение Запада *произойдет не когда-то — оно ускоренно происходит сегодня.* Уже сегодня незападный мир многочисленнее западного в пять раз; он будет в 2050 г. многочисленнее в *десять* раз. Из этого процесса Западу уже не вырваться — нет на то никаких указаний. Процесс потери Америкой и Европой своего населения только усугубляется, это население уменьшается не только относительно, но и *абсолютно.*

Американские идеологи задают вопрос, почему Буш, Шредер и Ширак принципиально не отвергают обвинений в адрес Запада. Да потому, что они «в глубине сердца верили, что обвинения справедливы и что Запад виновен. Если бы все было иначе, Клинтон не отправился бы в Африку просить прощения за рабство»[2]. *А победа в «холодной войне» лишила Запад очевидного объединяющего начала.* Сила Амери-

[1] *Noebel D.* The Legacy of John Lennon: Charming or Harming a Generation? Nashville: Thomas Nelson, 1982, p. 53.

[2]*Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 58.

ки не может простираться на весь огромный мир. Во времена Великой французской революции англичанам хорошо было иметь философа Эдмунда Берка, дававшего интеллектуальную перспективу происходящего, но еще лучше было иметь Нельсона и Веллингтона, владевших контрольными военными рычагами. Где же военный дух Запада, полагающегося на наемную армию сегодня, в мире недовольного мирового большинства?

ЕВРОПЕЙСКИЙ НОВЫЙ МИР И ЯПОНИЯ

Среди двух главных бастионов Запада быстрее других падает демографическая значимость *Европы.* Европейский плавильный тигель перестал работать, вопреки пышной фразеологии слепых поклонников западноевропейской интеграции в Западной Европе — второй основе Запада. Даже суверенные

государства с тысячелетней историей подверглись сокрушительному удару — из двадцати наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости в мире, *восемнадцать* находятся в Европе. В 2000 г. европейское население составило 728 млн человек. Согласно прогнозам, между 2000 и 2050 годами население Европы сократится минимум на одну шестую часть; к 2050 г. европейское население максимально составит 600 млн человек, а скорее всего, опустится до отметки в 556 млн человек[1]. Ныне только одна из пятидесяти североатлантических наций — мусульманские албанцы — продолжает демографический подъем, обеспечивающий ее выживание. К 2050 г. Европа потеряет население, равное численности жителей современной Германии, Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании и Норвегии, вместе взятых. В Германии (уровень рождаемости которой равняется 1,3 ребенка на семью) к 2050 г. исчезнет 23 млн немцев и современное население в 82 млн человек опустится до уровня в 59 млн (при этом треть населения будет старше 65 лет). К 2100 г. население Германии низойдет до 38,5 млн (сокращение на 53 %). В Италии (уро-

[1] Population Division. Department of Economic and Social Affairs, United States. World Population prospects: The 2000 Revision, Highlights. February 28, 2001, p. 1.

вень рождаемости 1,2 ребенка на семью) население к 2050 г. составит 41 млн человек; население Испании (1,07 ребенка на семью) сократится на четверть.

Важны макропоказатели. При сохранении современных демографических процессов население Европы к концу XXI века составит треть нынешнего — 207 млн человек. Европа пошла навстречу своей судьбе, возможно бессознательно — если говорить об отдельных людях, но *сознательно коллективной воле* народов. Многие прогнозы звучат уже как реквием: это «статистика исчезающей расы: колыбель западной цивилизации становится ее могилой»[1].

Но еще более отчетливо обнажается демографическая судьба Японии. Пожалуй, наиболее сложным станет положение Японии. В Японии численность населения старше 60 лет составляла в 1950 г. только 8 млн человек; к 1990 г. их число удвоилось, а к 2025 г. удвоится еще раз. Работающее же население Японии сократится на 10 млн человек. К 2015 г. один из четырех японцев будет старше 65 лет. Уже к 2010 г. на каждого пенсионера в Японии будет приходиться 2,5 работающего. Это приведет к сокращению жизненного уровня японцев на 18 %. Япония всегда отличалась высоким уровнем сбережений, но пенсионеры не откладывают денег — снижение уровня сбережений на 15 % практически неизбежно. Поддержание пенсионных фондов обойдется японской казне в 5-процентный бюджетный дефицит. Уменьшение численности рабочей силы и рост заработной платы приведет к переносу рабочих мест за границу, что неизбежно сократит традиционный положительный баланс японской торговли — со 130 млрд долл. в рекордном 1993 г. до уровня дефицита. Понижение уровня жизни пенсионеров потребует увеличения дешевого импорта.

Население Японии сократится до 104 млн в 2050 г. Японская исследовательница Мицуко Симомура признает, что, «если не будут созданы общественные условия, где женщина чувствует комфорт, растя детей, Япония будет уничтожена за 50 или 100 лет»[2]. При этом население

[1] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 12.

[2] «New York Times», Section 6, p. 31, January 24, 2000.

Японии буквально *катастрофически* стареет. Сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни привели к утроению численности граждан старше 60 лет между 1950 и 1990 гг. — с 6 млн до 16 млн. Эта численность более чем удвоится еще раз к 2025 г. За то же время численность работоспособного населения сократится на 10 млн человек. При экстраполяции существующих процессов на будущее население Японии сократится до 500 человек в 3000 г. и до

одного человека в 3500 г.

СЕПАРАТИЗМ

И при этом уменьшающееся общее западное население, заглянув в пропасть исторического небытия, не консолидируется, а, напротив, погрязнет в межэтнических разногласиях. Не креативный плюрализм, пишет знаток западной культуры Ж. Борзун, а ослабляющий всех *сепаратизм* станет сильнейшей тенденцией текущего столетия. Идеал плюрализма дезинтегрировал, и сепаратизм занял его место; возобладала идея, что «салат лучше, чем плавильный тигель»[1]. Вполне возможно, что Калифорния превратится в американский Квебек со всем вытекающим сепаратизмом.

В Великобритании бывшие много столетий назад королевствами Шотландия и Уэльс довольно неожиданно обрели собственные парламенты. В собственно Англии традиционный «Юнион Джек» заменен флагом с крестом святого Георгия. Во Франции бретонцы, баски и эльзасцы борются за региональное самоутверждение. Корсика желает независимости и введения собственного языка. В Италии Север рвется отделиться от Юга, а венецианцы борются за независимое существование. В Германии празднуют тысячелетие Пруссии. (Та же участь не миновала и Канаду. Не говоря уже о всемирно признанном феномене Квебека, в канадских провинциях Альберта, Саскачеван и Британская Колумбия создаются партии, борющиеся за региональную независимость.)

[1]*Barzun J.* From Down to Decadance: 500 Years of Western Cultural Life NY.: Harper-Collins Publishers, 2000, p. 91.

Помимо всего прочего расширяющаяся иммиграция — поток рабочей силы прежде всего из исламского мира, — безусловно, подтолкнет уже обозначившийся сепаратизм в Италии, во Франции (прежде всего Корсика), в Испании (Баскония и Каталония), в Британии (Шотландия в первую очередь, но и Уэльс), в Германии (Бавария), в Швеции (Скания), в Бельгии (противостояние валлонов и фламандцев).

Получается так, что Североатлантический союз защищает блок стран, чей внутренний стимул, если свести сложное к простому, — максимум удовольствий и минимум забот. Уже сейчас внешнеполитический активизм характерен, собственно, лишь для Соединенных Штатов. На них как на щит смотрит Западная Европа (критичная, впрочем, относительно методов Америки). Вашингтон едва переносит эту критику, растет волна недовольства «самовлюбленной» Европой. Встает вопрос, будет ли американцам резон защищать Западную Европу как отрекшийся сам от себя, от дела самозащиты, регион? Американские стратеги предлагают задуматься, оправданы ли жертвенные усилия Соединенных Штатов, продолжающих служить щитом для «морально расслабленных» европейцев. «Что предлагается американцам защищать в Европе? Христианство? Оно мертво в Европе. Западную цивилизацию? Но европейцы своими решениями сами обрекли себя на исчезновение к двадцать второму веку»[1].

В свете этих оценок новый смысл приобретают следующие аналогии. Когда германский канцлер Бетман-Гольвег накануне Первой мировой войны прибыл из Австро-Венгрии в Берлин, его оценка Вены кайзеру была ужасающей: «Мы имеем в качестве союзника *труп».* Примерно это же говорят американцы сегодня о Европе, когда пытаются оценить бойцовские качества региона, номинально состоящего в военном союзе с США.

Американцы почти не скрывают своего скепсиса в отношении волевых и силовых возможностей своих европей-

[1]*Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 109.

ских союзников сейчас и в будущем. Им — западноевропейцам — понадобится *несколько лет,* чтобы создать объединенные европейские вооруженные силы. И поможет ли это в регионе, питающем отвращение к силовым акциям?

Евроскепсис популярен в США. «Что-то жизненно важное ушло из Европы, — пишет американский автор. — Некогда западные нации были готовы приносить жертвы «за прах предков и за храмы своих богов». Но европейцы сегодня, более богатые и многочисленные, чем в 1914 или 1939 гг., не готовы приносить подобные жертвы. Время Европы ушло»[1]. Оно, полагают американские эксперты, уйдет еще быстрее, если страны — члены ЕС совершат, каждая в отдельности, культурное самоубийство, передав все права безликим наднациональным органам, не имеющим пафоса исторической самообороны.

Глава 3
КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ МИРА

НОВОЕ ХРИСТИАНСТВО

На протяжении последних пяти столетий история христианства была неразрывным образом связана с западным миром, с Европой и Северной Америкой. До недавнего времени подавляющее большинство христиан приходилось на белые нации Запада, что позволяло говорить о «европейской христианской цивилизации». Собственно, *христианство было религией Запада* и было идеологической основой западного империализма, религией богатых. Собственно, еще в 1970 годах «христиане» в США обозначали не-черных, не-бедных и не-молодых. Важно указать на перенос центра тяжести отдельных религий. Обратимся прежде всего к христианам.

[1] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 109.

Таблица 3

НАИБОЛЬШЕЕ ЧИСЛО ХРИСТИАН ПО СТРАНАМ (В МЛН ЧЕЛОВЕК)

Страна	**2000**	**2025**	**2050**
США	225	270	330
Бразилия	164	190	195
Мексика	95	127	145
Филиппины	77	116	145
Нигерия	50	83	123
Конго (Киншаса)	34	70	121
Эфиопия	36	65	79
Россия	90	85	80
Китай	50	60	60
Германия	58	61	57

Источник: *Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 90.*

В 2005 г. в мире живут около двух миллиардов христиан. Наибольшее их число сегодня — 560 млн человек живут в Европе, 480 млн человек — в Латинской Америке, 360 млн — в Африке и 260 млн — в Северной Америке. Но уже в 2025 г., когда в мире будет 2,6 млрд христиан, 633 млн из них будут жить в Африке, 640 млн — в Латинской Америке, 460 млн — в Азии. Европа с 555 млн опустится на третье место[1]. В 2050 г. белые (неиспанского происхождения)

христиане составят только *одну пятую* от общего числа в три миллиарда христиан. в мире. «Эра западного христианства прошла, и встает рассвет южного

[1]*Barrett D., Kurian G, Johnson T.* World Christian Encyclopedia. N.Y.: Oxford University Press, 2001, p. 12—15.

христианства. Факт этого изменения уже нельзя отрицать, это *уже* случилось»[1]. Когда в 1998 г. отмечалась пятидесятая годовщина создания Мирового совета церквей, то проведена всемирная конференция была в Зимбабве. Одним из главных (если не главным) христианских центров будет Бразилия. А 60 % католиков будут жить в Африке и Латинской Америке (66 % в 2050 г.).

Бороться с этими цивилизациями сложнее. Как пишет англичанин Роберт Харви, «войну против коммунизма, сравнительно краткосрочной секулярной идеологии, можно было выиграть; война против глубоко укоренившихся религиозных верований сотен миллионов людей не может быть выиграна принципиально»[2]. Возможно, ислам — уникально авторитарная вера, но уже одного его противостояния с христианством достаточно для эпической битвы.

Футурологи еще привычно рисуют будущее как продолжение современного состояния мира, но это все более оторванные от жизни мечтания. Отметим, что среди двадцати пяти наиболее крупных стран мира в 2050 г. в *двадцати* будет преобладать либо ислам, либо христианство.

Представляется, что и растущее незападное христианство не будет встречено в США с подобающей серьезностью — как примитивный ориентализм, как жалкая потуга «третьего мира» породить *учение.* Как просто нечто чудовищное, породившее, скажем, массовые самоубийства в Уганде в 2000 г. Кровавое противостояние в Индонезии или Судане оценено Западом как просто зверство. До сих пор Запад был способен лишь *обличать* «шиитских монстров» и стереотипы примитивной Африки, явления из пустынь и джунглей.

Между тем все главные конфликты наступившего третьего тысячелетия так или иначе связаны с различием в

[1] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 3.

[2] *Hurvey R.* Global Desorder. How to Avoid a Forth World War. London: Robinson, 2003, p. 88.

религиозной и культурной лояльности, что с трудом представлялось всего лишь десятилетие назад. Конкурирующие концепции бога заменили диалектический материализм. Как пишет Ф. Дженкинс, много насилия таит в себе представление, что «некоторые жизни более ценны, чем другие». Битвы, которые уже ведутся в Африке и Азии, определят лицо XXI века. В мире, где Запад будет секулярным, рациональным, а остальной мир — фундаменталистским, Запад может встретить, при всей своей мощи, тяжелые времена. Хватит ли у него силы? Готовы ли США поддерживать независимость Кувейта перед лицом стомиллионного Ирана и пятидесятимиллионного Ирака после 2025 года? Создать вариант «регентства Макартура» над огромным арабским миром США уже не могут чисто физически. При этом следует учитывать, что, как минимум, у Ирана будет ядерное оружие и ракеты.

В предстоящей борьбе противником Америки будет не традиционный военно-политический антагонист, а иное видение места на планете человека и Бога. Исход грядущей битвы будет, прежде всего, зависеть от деятельности образовательных систем, от ориентации массмедиа, от преобладающего общественного мнения, от мировосприятия молодого поколения нашего мира, от доминирующей культуры и фактора решимости ее защищать. При определенном культурном повороте Запад может оказаться не в состоянии выдвинуть политических деятелей, способных на выработку стратегии, а не суммы рефлекторных действий.

Кенийский исследователь Дж. Мбути приходит к выводу, что «университетские церковные центры располагаются уже не в Женеве, не в Риме, Афинах, Париже, Лондоне или Нью-Йорке, а в Киншасе, Буэнос-Айресе, Аддис-Абебе и Маниле»[1]. В 1950 г. в списке наиболее населенных христианских стран значились Британия, Франция, Испания, Италия. Ни одной из этих стран *не будет* в подобном же списке 2050 г.

[1]*Kwame Bediako.* Christianity in Africa. Edinburgh: University Press, 1995, p. 154.

61

Таблица 4

КАТОЛИКИ В МИРЕ 2025 Г. В МЛН ВЕРУЮЩИХ (ПРОГНОЗ)

Континент	2000	2025
Латинская Америка	461	606
Европа	286	276
Африка	120	228
Северная Америка	71	81
Океания	8	11
Общая численность	1056	1362

Источник: *World Christian Encyclopedia. New York: Oxford University Press, 2001, p. 12.*

Таблица 5

РЕЛИГИОЗНЫЙ БАЛАНС МЕЖДУ КРУПНЕЙШИМИ СТРАНАМИ В XXI ВЕКЕ

1. Преимущественно мусульманские страны	Пакистан, Бангладеш, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Йемен
2. Преимущественно мусульманские страны со значительными христианскими меньшинствами	Индонезия, Египет, Судан
3. Преимущественно христианские страны	США, Бразилия, Мексика
4. Преимущественно христианские страны со значительными мусульманскими меньшинствами	Россия, Филиппины, Конго (Киншаса), Германия, Уганда
5. Страны, где ни христианство, ни ислам не являются преобладающим большинством	Нигерия, Эфиопия, Танзания
6. Страны, где не преобладает ни христианство, ни ислам	Индия, Китай, Вьетнам, Таиланд, Япония

Источник: *Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 167.*

62

Два блока европейских держав покатились к катастрофе 1914 г., руководимые сведущими, образованными, блестящими людьми — и вовсе не фанатиками. Почему подобная судьба должна миновать мир, где гораздо меньше взаимопонимания, чем в софистичной Европе — не говоря уже об остальном мире — начала XX века?

ЗОНЫ КОНФЛИКТА

Относительно «спокойная» фаза, последовавшая за падением коммунизма, неизбежно окончится — и достаточно скоро. Да и эпоху 1990-х гг., характеризуемую кровавыми войнами на Балканах, где Запад, сравнивая сербов с нацистами, неожиданно выступил на стороне мусульманских сил, игнорируя (как пишет Ф. Дженкинс) «значительные масштабы агрессии и брутальности мусульманских сил, включающих в себя хорошо вооруженные интернациональные бригады фундаменталистов»[1], едва ли можно назвать спокойной.

Ислам. Чистым результатом натовского вторжения в югославские дела стало массивное наступление мусульманских сил, подъем их воинственности в юго-восточной Европе за счет древних христианских общин. В то же самое время «угнетаемые христиане Судана не получили никакой поддержки со стороны НАТО или любой западной христианской страны. Даже церкви на Западе не пожелали осудить эти преследования»[2]. Едва ли будет чистой фантазией представить себе противостояние *Республики Христиана* против *Дар-аль-ислама,* мусульманского мира, что низвело бы мир до жестокого XIV века с его черной чумой, ухудшившимся климатом и бесконечными войнами.

К 2050 г. население Центральной Азии увеличится до ста миллионов человек — бедное население, живущее рядом с незаселенной Сибирью. Чем это грозит? Разведывательные службы Соединенных Штатов определили Централь-

[1] *Kwame Bediako.* Christianity in Africa. Edinburgh: University Press, 1995, p. 154, p. 160.

[2] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 186.

но-азиатский регион как «зону, грозящую потенциальным конфликтом», на протяжении нескольких ближайших десятилетий[1]. На Ближнем Востоке усилится ярость столкновения ислама с иудаизмом, поскольку в 2000 г. 20 млн евреев уже противостоял миллиард мусульман. В дальнейшем, к 2050 г., это соотношение увеличится до *одного к ста.* Логично предположить начало конфликтов в странах, где имеется уже сейчас весьма мощное противостояние между исламом и христианством. Мы уже достаточно хорошо знаем о боях межцивилизационной битвы, которая, если быть точными, уже началась. И трактователь «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон приходит к выводу, что «в конечном счете победит Мохаммед».

Вдумаемся, арабы, которых сегодня 240 млн, в 2050 г. достигнут полумиллиарда. Будут ли они спокойно сидеть на двух третях мировой нефти? Соединение ислама и нефтяного богатства уже дало заметные результаты. И будет давать далее. Иным будет мировидение таких стран, как Узбекистан, которые к 2050 г. удвоят свое население. В Китае ислам примет под свое крыло многие десятки миллионов новых верующих.

Обе великие религии пытаются войти в зону действия друг друга. И здесь действует значительное отличие. Христианские миссионеры говорят о 10—40 уязвимых местах, где христианское наступление считается возможным. С большими трудностями. Христиане — разумеется, эти случаи крайне редки — могут перейти в ислам, но обратное движение крайне трудно. Популярная поговорка гласит: «Ислам — это движение в *одном* направлении. Ты можешь войти в ислам, но ты не можешь из него выйти». Для мусульманина покинуть свою веру почти невозможно.

Фундаментальным по важности является вопрос, могут ли ислам и христианство мирно сосуществовать. И хотя историк может *показать* столетия относительно мирного сосуществования ислама и христианства, в западной

мысли начинает преобладать точка зрения, что «долговременный

[1] Global Trends 2015. (http://www.cia.gov/cia/publications/ globaltrends2015/.

64

прогноз относительно сосуществования религий «нехорош... Две сестры слишком похожи друг на друга, чтобы жить вместе... За последние двадцать лет мусульманский мир пережил массовое религиозное возрождение»[1]. Фанатизм вспыхивает каждые полстолетия. На фоне процессов глобализации, действующих явно не в пользу мусульманских стран, мир ислама явственно ожесточился. Согласно выводам американской разведки, к 2015 г. «в значительной части Ближнего Востока население вырастет, оно при этом станет беднее живущих уже преимущественно в городах и все более теряющих иллюзии»[2]. Согласно американским прогнозам, ситуация усугубится к 2050 г. еще более. Мусульмане настаивают на том, что их вера требует создания мусульманского государства — вне зависимости от существования иных религиозных верований. Меньшинств, религий, сект. Вывод: неважно, по каким причинам, но мусульманская враждебность к христианам в грядущем возрастет[3].

Некоторые фронты уже сформировались. В Судане правительство объявило ислам господствующей религией, чему сопротивляются 2 млн христиан и 8 млн анимистов. Здесь уже погибли полтора миллиона человек. К 2050 г. население Судана составит вместо сегодняшних 25 млн почти 84 млн, и масштаб конфликта, нужно думать, вырастет соответствующе. Допустим, Судан слишком беден. Но в гораздо более богатой Саудовской Аравии христианство запрещено *полностью и абсолютно.* В соседнем несколько более богатом Египте идет организованное истребление христиан-коптов.

Колоссальный очаг насилия зреет в Нигерии, где мусульман и христиан примерно поровну, примерно по 45 % от общего населения. Север — мусульманский, восток — христианский. К 2001 г. шесть из 36 нигерийских штатов ввели шариат. К 2050 г. в Нигерии будет жить 300 млн чело-

[1] *Jenkins. Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 169.

[2] Global Trends 2015. (http://www.cia.gov/cia/publications/ globaltrends2015/.

[3] Bruck von, M. Christianity and Buddhism. Maryknol: Orbis, 2001.

65

век, а к концу века — полмиллиарда. Американская стратегическая разведка обозначила Нигерию как первостепенный по важности источник конфликта в ближайшие 15 лет. И еще более важный и жестокий в дальнейшем. Начало взаимоубийства христиан и мусульман, скажем, в соседнем Камеруне весьма легко может вызвать вмешательство мусульманской части Нигерии. Соседние страны с преобладающим христианством ответят на вмешательство нигерийцев. Собственно, разделенная по религиозному признаку Нигерия быстро может дойти до края ожесточения, и апокалиптическое видение происходящего превзойдет региональные границы и доведет дело до глобального уровня.

Нетрудно представить себе и битву христианских Филиппин с мусульманской Индонезией — обе страны могут прийти на помощь своим страждущим единоверцам, вначале не обязательно открыто, но постепенно втягиваясь все больше. В ближайшие десятилетия здесь, пожалуй, не избежать конфликта. Китай в будущем вполне способен взять на себя роль защитника китайских общин в этой части света, особенно по мере того, как США, Британия и Австралия будут действовать здесь с вполне понятной осторожностью.

Трепещут три миллиона пакистанских христиан. За поминание всуе пророка Мохаммеда их может ждать смертная казнь. В Индонезии примерно в таком же положении находятся 21 млн христиан. Через пятьдесят лет это будет гигантская страна, но острога конфликта в ней лишь усилится. Насилие нависло над собственно Западом. К 2050 г. му сульман во Франции будет не менее 10 % от

всего населения страны. Это не сможет не повлиять, в частности, на позицию Парижа, скажем, в ближневосточном конфликте. Это усилит значимость арабской нефти. В Австралии с ужасом воспринимают проекцию роста индонезийского населения к 2050 г. Индонезийцы будет превосходить австралийцев в соотношении четырнадцать к одному.

Ислам будет доминировать в бедном мире, но при этом он будет главенствовать в богатейших нефтеносных странах и будет иметь союзников в зависимых от потребления энергии странах. Хуже всего придется странам, где уже сейчас происходит схватка прозелитических религий. Речь идет

прежде всего о колоссальной Бразилии, Индонезии, Нигерии, Филиппинах, но также и о странах вроде Судана и Гватемалы, характеризующихся жестким религиозным расколом. Ислам может опираться в определенных вопросах на христианские движения бедных стран.

Индуизм. Но *не только ислам* вступит на дорогу самоутверждения и противостояния другим религиям. Индуизм, его мощь и направленность особенно привлекают внимание, поскольку население Индии довольно скоро обойдет по численности население Китая и станет самым крупным в мире государством (1,5 млрд человек будут жить в Индии 2040 года, среди которых приверженцами индуизма будут не меньше 1,2 млрд). Насилие индуистов в отношении христиан уже получило освещение на газетных полосах, но пока не подверглось подлинному анализу. Пока на Западе предпочитают видеть пример непротивленца Ганди, но, как показывает опыт, индуизм может иметь весьма воинственные формы, что мы, собственно, видим сейчас в Кашмире и Пенджабе, в контактах индуистов с сикхами и мусульманами.

Подлинную катастрофу таит обращение высших каст с низшими, с так называемыми неприкасаемыми, которых в Индии от 150 до 250 млн человек. Формально их религиозная эксплуатация отменена в 1950 г., но в реальности «неприкасаемые» подвергаются самым грубым и жестоким формам насилия. Западное христианство стремится оказать низшим кастам помощь. Неоспоримо то, что высшее духовенство — христианские священники в Индии вышли преимущественно из высших индийских каст, но подлинная благодарная паства — «неприкасаемые». Они уже начинают выдвигать своих религиозных деятелей. Католическим архиепископом Хайдарабада уже является бывший «неприкасаемый». Стимулируя вступление многих «неприкасаемых» в лоно ислама, христианский Запад начинает попадать в зону противостояния с потенциально самой населенной страной мира. В настоящее время уже 23 млн «неприкасаемых» приняли христианство и многие *десятки* миллионов готовы обратиться в него.

Заметим, что по индийским законам каждый житель страны считается *приверженцем индуистской религии* по ве-

ре, если он специально не оговорил свою иную религиозную принадлежность. Начиная с 1997 г. индуистские политические деятели в Индии находятся на подъеме, и им совсем не безразлично, что христианские проповедники уводят у них паству. В 1999 г. австралийский миссионер и его двое сыновей были сожжены заживо. Особенно жестокие столкновения произошли в отличающемся своей бедностью штате Гуджарат. По крайней мере, в одном случае толпа превратила христианский храм в индуистский (как считается, с молчаливого одобрения фундаменталистской индуистской Джаната парти). Отдельные города и даже штаты уже приняли постановления и законы, запрещающие обращение индуистов в христианство. Следует полагать, что это только начало.

Буддизм в меньшей степени пока проявил себя боевой политической силой,

что вызвало у некоторых исследователей предположение, что он прошел пик своего влияния и жесткости самозащиты. Некоторых наблюдателей «успокаивает» тот факт, что в 1900 г. буддисты составляли 20 % мирового населения, а в 2000 г. — только 5 %'. Такая оценка может быть самоутешительной и не соответствовать конфессионально-политической реальности. По мере роста — экономического и политического — таких стран, как Китай, Вьетнам и Таиланд, можно предположить, что буддизм почти несомненно войдет в некое силовое противостояние с христианством и исламом. Приверженцы буддизма утверждают, что религия, провозглашающая мир и самопожертвование, не склонна приобретать воинственный характер. Но ведь сходные черты «в теории» проявляют и прочие основные мировые религии, что не мешает им периодически звать своих приверженцев в бой, к силовому противостоянию. Ничто не дает основания полагать, что буддизм ждет иная судьба и мы *не* увидим жесткого самоутверждения буддизма по мере роста значимости стран — его носителей, по мере «посягательств» основных прозелитических религий.

Христиане. В середине наступившего столетия христиане (благодаря в основном их католическому ответвлению),

[1] *Bruck von, M.* Christianity and Buddhism. Maryknol: Orbis, 2001.

возможно, еще будут первой по численности религией мира. Но центром (прежде всего, по численности) планетарного христианства будет *не европейская зона, а Экваториальная Африка.* (Более ста миллионов христиан будут проживать в шести ведущих христианских странах — Бразилии, Мексике, Филиппинах, Нигерии, Конго и Соединенных Штатах. Среди католических стран будет первенствовать Бразилия со 150 миллионами католиков (в ней также будут жить 40 миллионов протестантов). Чрезвычайное распространение получит беднейшая ветвь христианства — пятидесятники.)

На что следует обратить особое внимание: христианство и мусульманство выделятся «в своих лагерях». Первые будут преобладать в относительно уменьшившемся «золотом миллиарде», а вторые — в среде бедной части мирового населения. Практически несомненно произойдет поляризация. По мнению Ф. Дженкинса, в 2050 г. 20 из 25 крупнейших государств мира будут либо преимущественно христианскими, либо мусульманскими.

Относительно незаметно вызревает новый приход фундаментализма и экстремизма, в том числе и христианского. Ислам не будет единственным представителем религиозного экстремизма[1]. Как отмечает профессор истории в католическом университете Нотр-Дам С. Эплби, «экстремисты обеих религий будут господствовать в обществах, лишенных базовых гражданских прав, угнетающих женщин и нетерпимых к иным вероучениям. Эти процессы будут проходить на фоне гонки вооружений в странах Азии и Африки, правительства которых одно за другим будут обзаводиться оружием массового поражения, в том числе химическим и биологическим. Грядущие бедствия приобретут такой масштаб, по сравнению с которым кровавые религиозные войны прошлого покажутся всего лишь утренней гимнастикой»[2].

Б. Барбер обращает внимание на южных христиан: новый мир придет не благодаря джихаду, а ввиду крестового

[1] *Jenkins Ph.* New Christian Kingdom: Coming of Global Christianity. N.Y., 2001.

[2] «New York Times Book Review», June 1, 2002.

похода южных христиан[1]. Эту точку зрения не разделяет растущее число исследователей. Подлинной религией будущего (приходит к выводу известный американский историк религии Ф. Дженкинс) будет ислам, и «международная политика грядущих десятилетий будет вращаться вокруг конфликта между

христианством и исламом. Понимание этого с трудом проникает на Север, вытесняемый на обочину мировой истории. Северяне испытывают сложности в осознании религиозных процессов, определяющих возникающий новый мир, и в буквальном смысле слова неспособны к контактам с иными верованиями» .

Схватки вполне вероятны и между христианскими государствами по ряду причин. Скажем, практически лишенные будущего, африканские страны южнее Сахары имеют государственные границы, которые вовсе не совпадают с этническими границами. Унижение одного из племен легко может перекинуться через существующие государственные границы. Уничтожение относительно небольшой народности в Руанде в 1994 г. вызвало серию войн и интервенций, которые обрушились на гигантские территории Конго, Анголы, Зимбабве, Намибии, Уганды и Руанды. Погибло примерно два миллиона конголезцев. В результате Конго стала чем-то вроде Германии после окончания Тридцатилетней войны, унесшей две трети германского населения.

Германия восстала из пепла Тридцатилетней войны — и то же может произойти с нынешними африканскими жертвами милитаризма, но не требуется особой фантазии, чтобы представить себе, что Нигерия, Уганда и Конго предстанут в не столь уж далеком будущем хорошо вооруженными державами.

На Западе не все осознали, что движение «простить долги» бедной части мира энергично поддерживается религиозными деятелями Юга, в том числе и христианами. Лидерами выступили кардинал Родригес из Гондураса и англиканский примас Ньонгулу Ндунгане (заменивший известного

[1] *Barber B.* Jihad Vs. McWorld. N.Y.: Times Books, 1995. [2]*Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, pp. 2, 159.

Десмонда Туту в Кейптауне). В то же время воинствующий консерватизм папы Иоанна Павла II объективно способствовал религиозному противостоянию. Этот папа сформировал свою внешнеполитическую философию в процессе противостояния коммунизму, несколько абстрагируясь от реальных конфликтов современности и будущего. Ему уже не суждено увидеть мир, где католиками будут прежде всего африканцы и латиноамериканцы. Где вместо Бельгийского Конго будет Конголезская Бельгия.

Как отнестись к изменению характера веры, владеющей христианским миром со времен императора Константина? Как отнестись к факту, что большинство христиан становятся коричневыми?

ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Совместное действие демографических и религиозных факторов определит мир XXI века. Отсутствие баланса между тем, где создаются богатства, и тем, где живут люди, — вот вопрос будущего. И встанет вопрос, как Западу отнестись к своему превращению в едва заметное меньшинство человечества.

Согласно оценке американского разведывательного сообщества, впереди штормовой межконфессиональный спор: «Христианство и ислам, две крупнейшие религиозные группы, растут самым значительным образом. Обе распространились на несколько континентов, обе используют современную информационную технологию для распространения своей веры, обе пытаются привлечь сторонников для финансирования многочисленных групп влияния и политических организаций. Наиболее активные компоненты этих и других религиозных групп будут все более усиливаться в спорах по таким вопросам, как генетическое манипулирование, права женщин, различие в доходах между бедными и богатыми»[1].

Западный мир будет иметь дело с силами, природу которых он, судя по ведущейся на Западе дискуссии, не понимает.

[1] Global Trends 2015. http://www.cia.gov/cia/publications/ global-trends2015.

То, как Запад имел дело с Ираном, Ливаном, а сегодня с Ираком и Палестиной, говорит об ограниченности аналитических способностей правящей западной элиты. Западные политики никогда и не пытались понять суть и движущие силы ислама, действуя с примерной самоуверенностью, фактически отвергая концепцию религиозной мотивации. Если одиночное убийство на религиозной почве в странах Запада еще привлекает внимание, то многотысячные жертвы религиозных столкновений в незападном мире (скажем, в Нигерии, Индонезии, Судане) подаются лишь как элементы сенсации. При этом «либеральные представители Запада неохотно обращаются к темам, которые могут показать их как противников мусульман или противников арабов; они вдвойне подозрительны по отношению к христианам из «третьего мира»[1].

Отвечая на самим собой поставленный вопрос «Почему они нас ненавидят?», президент Буш указал на свободы, которыми пользуются американцы. «Тем самым, — полагает американский политолог Э. Басевич, — Буш избавил себя и своих соотечественников от любых попыток переосмыслить глобальное влияние воздействия на мир американской мощи — политической, экономической, культурной. Поступая так, президент оживил старую склонность пренебрегать мнениями о себе иных — включая союзников — тех, кто видит в американском влиянии на мир явление случайное, проблематичное и периодически ошибочное»[2].

Все страны имеют свои религиозные и ценностные основы. И за них в таких традиционалистских странах, как Америка, стоят твердо.

Не спрашивайте, где находятся в воскресное утро американцы. Они стоят, сидят (или даже полулежат и танцуют) в одной из бесчисленных церквей пятидесяти штатов. В Соединенных Штатах верующими себя провозглашают 94 % населения. Это *втрое* больше, чем в породившей основную

[1] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: University Press, 2002, p. 163.

[2] *Bacevich A.* American Empire. The Realities and Consecuences of U.S. Diplomacy. Cambridge:Harvard university Press, 2002, p. 229—230.

массу американцев Европе. Не ищите на купюрах других стран кредо типа «Мы верим в Бога». Такое откровение есть *только* на долларе. Наиболее краткую характеристику Америки дает, пожалуй, американский историк Сеймур Мартин Липсет: «Наиболее *религиозная».* Америку справедливо называли «дитем Реформации». Америка была основана как общество протестантов, и на протяжении двух столетий в сердцевине созидания американской культуры были протестанты.

В Америке сегодня в *шесть раз больше* (пропорционально) верующих, чем, скажем, во Франции. Если же определить Бога как некий «универсальный дух», то в Соединенных Штатах верующих оказывается 94 % от всего населения — цифра просто невероятная для современного мира. Атеистами или агностиками здесь открыто называет себя лишь 1 процент населения. И это, напомним, в стране, где церковь решительно отделена от государства и первая поправка к конституции звучит так: «Конгресс не имеет права принимать законы, поощряющие отправление религии».

ИЗБРАННОСТЬ

От вождей пуритан в XVI веке и до президента Кеннеди и борца за права афроамериканцев Мартина Лютера Кинга Америка называлась Богом избранным Новым Израилем, словно США были библейским Израилем, а американцы — избранным народом. Дело начали бежавшие из Старого Света пуритане, чьи

общины возникли в Англии XVI века. Это были «железные» люди, они буквально перевернули Англию своей революцией, а затем решили основать новый мир в Америке.

Основополагающим элементом пуританизма был *кальвинизм.* Первый его элемент — учение «о предназначении», избранном для каждого человека на небесах. Второй — фактически определенная политическая доктрина: вернуть, «очистить» христианство до состояния Ветхого Завета. Пуритане не боялись называть себя «избранным народом Господа». Они отныне жили в «земле небесного обетования» и многократно называли себя «новым Израилем». Губернатор

Массачусетса Джон Уинтроп пишет в 1630 г.: «Мы найдем здесь божий Израиль». А Томас Джефферсон во втором инаугурационном президентском послании говорит, что нуждается в помощи «того, кто вел наших отцов, как в Израиле старых времен, из наших первоначальных земель в страну, где есть все для удобной жизни» — парафраз из библейского места о стране, «где течет молоко и мед».

Именно пуританизм фактически трансформировался в *американизм.* Мы находим пуритан среди основных американских конфессий — конгрегационалистов и пресвитериан, среди баптистов и квакеров, в среде епископальной англиканской церкви, среди методистов и приверженцев унитарной конфессии — фактически во всех ответвлениях американского протестантизма. И не только протестантизма.

В своем наставлении «Информация для тех, кто решил переехать в Америку» Бенджамин Франклин в 1782 г. пишет: «Атеизм здесь неизвестен; неверие — редкость, и оно окружает себя тайной; каждый может жить здесь до преклонных лет и не встретить ни атеиста, ни неверующего». Европейский наблюдатель Ф. Шафф в XIX столетии писал, что в Америке «каждое явление имеет протестантское основание». Религия всегда играла огромную роль в Америке. Религиозное «великое пробуждение» 1740-х годов сыграло исключительную роль в подготовке американской революции. В течение семидесяти лет после Войны за независимость Америка стала еще более строгой религиозной страной. Религиозное «возрождение» 1801 г. дало невиданный старт методистской и баптистской сектам, лишенным внутренней иерархии, и своего рода «духовному республиканизму». Баптисты, методисты, ученики веры Христовой довольно быстро обогнали по численности даже старые церкви и секты. (При этом именно американские миссионеры заложили основание американской внешней политики.) Конгрегационалисты, которые в 1745 г. имели больше священников, чем какая-либо другая конфессия в Америке, к 1845 г. имели в десять раз меньше священников, чем методисты. В ходе дальнейшей конфессиональной эволюции (второе религиозное возрождение) евангелисты, как пишет йельский историк Гарри Стаут, «стали продолжением на-

ционализма на религиозных основаниях». И в речах таких государственных деятелей, как президент Линкольн, мы слышим призывы к Богу ради поддержки Союза штатов.

Абрахам Линкольн называл американцев *избранным народом.* Во втором инаугурационном президентском послании Линкольн упоминает Господа четырнадцать раз, внеся в текст послания четыре прямых цитаты из Библии. И он не был последним владельцем Белого дома, кто полагал именно так. Следующее религиозное возрождение пришлось на XX век, являясь одной из основ взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Ф. Рузвельта. Один из подлинных творцов современного американизма — сын и внук пресвитерианских священников —

президент Вудро Вильсон просто *говорил и писал* языком Библии. Его первое инаугурационное послание: «Нация глубоко взволнована торжественной страстью, она поколеблена, видя повергнутые идеалы, неправедное правительство. Она желает Божьей справедливости, где правда и милость примирились, где судья является еще и братом». Вильсон видел руку провидения во всех своих действиях, при нем американизм окончательно приобрел современные формы. Он просто жаждал распространить американизм на весь мир.

Историк Уильям Лойхтенберг пишет о периоде Вудро Вильсона: «Соединенные Штаты верили в то, что американский моральный идеализм может быть распространен на внешнюю сферу и что он приложим повсеместно. Кульминацией долгой политической традиции упора на жертвенность и решающую моральную схватку стала Первая мировая война, которую американцы восприняли как финал борьбы за праведный мир на стороне Бога». Объявляя войну Германии, президент Вильсон призвал американский конгресс «сделать мир обеспеченным для демократии». Говоря об Америке, Вильсон утверждал, что «Бог помогает ей, и никому другому».

Сторонники гражданских прав вовсю цитировали Библию. При президенте Эйзенхауэре слова «В Бога мы верим» стали официальным лозунгом Соединенных Штатов. В Капитолии была открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным.
[75]

Начиная «холодную войну», президент Трумэн в «доктрине Трумэна» выступил с выражением классического американизма: «Свободные народы мира ждут от нас поддержки в борьбе за свою свободу». Это едва ли не прямой повтор Линкольна и Вильсона. В мемуарах президент Трумэн рассказывает, что впервые полностью прочитал Библию в четырнадцать лет, а затем повторил это еще семь раз. В окончании «холодной войны» президент Рейган также называл Америку «сияющим градом на холме», как и первые американские пуритане (Джон Уинтроп в 1630 г. процитировал эту фразу пророка Исайи и евангелиста Матфея).

ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ

В целом, как формулирует американский политолог У. Миллер, религия в Америке определяет едва ли не все. «Либеральный протестантизм и политический либерализм, демократическая религия и демократическая форма правления, американская система ценностей и христианская вера проникли друг в друга и оказывают огромное воздействие друг на друга». Особенностью этого общенационального явления стала массовая убежденность в возможности очевидного для всех выделения и противопоставления *добра и зла.* В том числе и в формировании национального характера. Ничего подобного нет ни в одной другой стране мира. Такая откровенная вера в собственную избранность — явление в истории нечастое.

Создатели американского государства определили *свободу, равенство, демократию* не как философско-политические идеалы, а как особые дары, данные Америке Богом. И Соединенные Штаты на протяжении двухсот с лишним лет обозревают не степень приближения к этим умозрительным идеалам, а как свое достояние — которое нужно защищать как бесценный дар божий. Более того, эти дары нужно преумножать, и не в цивилизационно близких к ним странах, а во всех углах мира. В XX веке американцы самозабвенно несли эти «дары» на Филиппины, в Корею, во Вьетнам. В XXI веке «осчастливленными» стали Афганистан и Ирак. Для помощи в этом процессе американские вооруженные силы расположились в 120 странах мира.

Понятие *свободы* американские теологи выводили из

Исхода Ветхого Завета (Сэмюэль Мэзерс: «Фигуры и типы Ветхого Завета», 1673 г.; Коттон Мэзерс: «История Новой Англии в семнадцатом веке», 1702 г.; Джереми Ромейн: «Американский Израиль», 1795 г.). Вот слова из проповеди Николаса Стрита в 1777 г.: «Британский тиран действовал в той же порочной и жестокой манере, что и фараон — король египетский по отношению к детям Израилевым 3 тысячи лет тому назад». В день принятия Декларации американской независимости Бенджамин Франклин, Джон Адамс и Томас Джефферсон готовили новую печать для новорожденного государства. Они избрали образ израильтян, пересекающих Красное море, и Моисея, освещающего путь со словами: «Мятеж в отношении тиранов является знаком покорности Богу». Эта печать не была принята, но каждый может познакомиться с ней в архиве Континентального конгресса.

Понятие *равенства* вызрело из ветхозаветного «Генезиса», в котором говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему и где пророк Самуил страстно выступает против коронованных земных владык. Президент Линкольн считал это самым важным шагом во всей американской истории. Он так интерпретировал это обращение к Библии: «То было возвышенное, мудрое и благородное понимание справедливости Создателя в отношении своих созданий. Да, джентльмены, ко всем своим созданиям, ко всей огромной человеческой семье».

И понятие *демократии* американцы взяли не из античных республиканских Афин и Рима, но из пуританской интерпретации Библии. Считающаяся первым словесно и законодательно закрепленным выражением демократических принципов, конституция Коннектикута 1638 года («Фундаментальные законы Коннектикута») была создана знатоком Библии Томасом Хукером, цитировавшим ее в своем законодательстве: «Изберите себе мудрых людей, знающих ваши племена, и я сделаю их вашими вождями» («Дейтерономия» 1:13). Через полтора столетия, в 1780 г., пастор Симеон Хауард из Бостона на основе того же места в Библии призвал хранить демократические ценности: «Моисей избрал способных людей и сделал их правителями израильтян в пустыне, и то был выбор народа». Проповедники до- и революционного периода Америки были влиятельнее, чем более зна-

комые нам теперь идеологи типа Томаса Пейна и Джона Локка. В годы рождения независимых Соединенных Штатов *три четверти* американцев были пуританами, еженедельно слушавшими злободневные проповеди.

НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ

Преобладающие ныне в США неоконсерваторы консолидируются на общей вере в то, что Америка выше других в *моральной* сфере, ближе других к Богу. А как иначе послать фермера из Айдахо или Небраски освобождать мир от Саддамов хусейнов? Еще Честертон называл Америку «нацией с душой церкви». Современные американцы говорят это без тени сомнения или иронии. Они косо смотрят, скажем, на Англию с ее официальным англиканством; Америка полагает, что вместила в себя *все* оттенки иудеохристианства. Библия для американца гораздо более значима, чем Писание на других континентах, она не только источник моральных ценностей, но источник энергичной самореализации. И своего рода «окно в мир». Американцы абсолютно серьезно верят, что могут реализовать свободу, равенство и демократию *повсеместно,* даже в таких отдаленных во всех смыслах странах, как Афганистан.

Можно ли посягнуть на столь поразительную веру? Библейские корни американизма делают всякую критику этой страны своего рода святотатством.

Даже внешне лишенные библейского вида документы американской истории — начиная с вышедшей в эпоху Просвещения Декларации американской независимости — являют собой уверенный в себе американизм с его дидактической обращенностью ко всему миру. А уж творения более ранних «отцов-основателей», таких, как Уинтроп («Америка — это город на холме»), звучат чистым провозглашением американизма, ведущего через Адамса к Линкольну, Трумэну, Рейгану. Эта форма современного радикального республиканизма, этот вид *американизма,* который американцы без колебаний называют «Богом данным», кажется современным американцам более чем естественным. Президент Джордж Буш-младший многократно утверждал, что американские принципы «даны Богом». Это не риторическое украшение, президент *верит* в это. И не прав тот, кто думает, что современная Аме-
78
рика вызрела из секулярных просвященческих взглядов Томаса Джефферсона. Джордж Буш верит в то, что говорит.

В начале XXI в. примерно треть американцев определяет себя как «возродившиеся христиане» — 39 % американцев назвали себя таковыми. К ним принадлежит и нынешний президент. Речь идет о большинстве баптистов в стране, примерно трети методистов и более четверти лютеран и пресвитериан. Очень существенно отметить, что основной рост идет в рядах тех, кого следовало бы отнести к рядам консервативных христиан — евангелических протестантов, тех, кто определяет себя как «заново рожденные христиане», мормонов (рост за десятилетие на 19,3 %), консервативных евангелических Христианских Церквей, церквей Христа (рост на 18,5 %), южных баптистов (17 % роста). Характерным признаком является формирование т.н. «Христианской коалиции» преподобного Пэта Робертсона, объединившей 1,7 млн человек. Более 2 мин вошли в такие организации, как «Фокус на семье», «Ассоциация американской семьи», «Женщины, беспокоящиеся об Америке» (крупнейшая женская организация в стране с 600 тыс. членов).

В новой трансформации Америки, где 94 % населения объявили себя верующими, протестантизм и евангелизм занимают самые выдающиеся места. Евангелисты особенно активны среди быстрее всего растущей группы населения — испаноязычных католиков. В семи тысячах магазинов религиозной книги продаются 3 млн книг. 130 издательств специализируются на религиозной литературе (17 млн книг продается в год). В стране как грибы растут радио- и телестанции — 1300 религиозных радиостанций и 163 телевизионные станции. В Соединенных Штатах построены огромные сети магазинов религиозной направленности, 600 мега-церквей, вместительностью до двадцати тысяч человек. Такие организации, как «Христианская коалиция», устремились в американскую политику, чрезвычайно влияя на выборы всех уровней. Напомним, что в 2000 г. Дж. Буш-младший получил голоса 84 % членов белых евангелических протестантов — не менее 40 % всех, кто за него голосовал. И то же повторилось в 2004 г. *Евангелисты стали основной силой республиканской партии.* На вопрос, кто является наиболее существенным, с его точки зрения, политическим философом, Дж. Буш-младший ответил: «Христос, потому что он
79
изменил мое сердце». Через десять дней после прихода к власти президент Буш-младший выдвинул программу федеральной поддержки участия религиозных групп в общественной деятельности, включая центр религиозной поддержки при Белом доме.

Творец всего сущего — непременный персонаж речей Джорджа Буша. Нет числа его прокламациям, что «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т. п. Не слишком ли легкое обращение? Не

слишком ли обжитым богом стал скромный техасский Кроуфорд? Вспомним, что посреди поразительной битвы — Гражданской войны — полтораста лет назад и Абрахам Линкольн рискнул *однажды* помянуть Господа. «В глубине своей души я скромно надеюсь, что, приложив праведные усилия, мы сможем оказаться *на стороне Бога».* Величайший из американских президентов лишь скромно надеялся.

ОТОРОПЬ

Это явление вызывает оторопь даже среди самых близких союзников Америки в Западной Европе, где французы гордятся своей культурой, англичане считают себя «прирожденными лидерами», а немцы не верят, что их можно превзойти. В Европе критическое отношение к христианскому самоутверждению Америки возникло в XIX веке. Выход Америки на мировую арену в XX веке умножил удивление и скепсис.

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс, говоря о своем опыте наблюдения за президентом Вильсоном, пришел к выводу, что «теологический пресвитерианский темперамент стал опасным аппаратом самообмана. Многие поколения предков президента убедили себя, что каждый их шаг поощрен свыше». Находившийся рядом британский дипломат Гарольд Никольсон увидел в американском президенте «духовно высокомерного наследника пресвитерианской традиции». Не без оснований президента Рейгана называли «восхитительной пародией на проповедника морального возрождения». Журналист Кольмен Маккарти написал, что Рейган «дошел до уровня аятоллы Хомейни».

В XXI веке в Западной Европе периодически оценивают Америку как «гигантскую фундаменталистскую христиан-

скую страну, населенную людьми, повсюду читающими Библию», как страну «религиозного экстремизма, угрожающую миру больше, чем бен Ладен». Бывший вице-президент Альберт Гор в сентябре 2004 г. увидел в вере президента Буша «американский вариант фундаменталистского импульса, который мы видим в Саудовской Аравии, в Кашмире и во многих религиозных центрах мира».

США всегда рассматриваются как коммерческая республика, защищенная политической системой. Джефферсоновский принцип отделения церкви от государства в демократическом обществе также указывает на эти, казалось бы, светские основы американского самоосмысления. Однако при этом забывают, что истоки американской исходной религиозности и миссионерства институционализированы в политические учреждения и установления, в коллективные представления, которые и есть главная softpower США для самих себя — источник их высокомерия и западного фундаментализма, которого нигде кроме мы не найдем на Западе. Именно фундаментализм, неприятие чужих культур, мультикультурализма и мультиконфессионализма в глобальном масштабе создают идейный фундамент доктрины Буша, у которой много приверженцев не столько на политическом Олимпе, сколько в миссионерском сознании глубинной Америки, не знающей и не желающей знать о других.

АМЕРИКА ИЩЕТ ВЫХОД

Какие же меры предлагают те, кого страшит изменение культурно-ментального кода доминирующей англосаксонской Америки под влиянием критических по важности демографических процессов?

1. Укрепить «веру наших отцов» — усилить значимость англо-протестантской культуры, как стержня единства страны. В Америке усилился элемент *религиозности.* (Наиболее краткую характеристику Америки дает, пожалуй, Сеймур Мартин Липсет: «Наиболее *религиозная,* оптимистичная,

патриотичная, ориентированная на защиту прав и наиболее индивидуалистичная страна в мире». В США сохраняется — и растет — необычная и уникальная среди развитых стран религиозность.)

81

Особенностью ответа современной Америки является очередная (четвертая по американской исторической классификации) религиозная революция в стране. Полвека назад 53 % американцев считали, что церковные организации не должны быть вовлечены в политику, но ныне тенденция изменилась: 54 % американцев полагают, что церковь должна быть активной на политической арене[1]. Видя начало этого религиозного обновления в конце XX века, футуролог Дэниэл Белл определил в качестве ее центральных мотивов «индивидуализм, стремление к свершениям и равенство возможностей». Белл утверждает, что особенностью нового религиозного взлета в США является то, что «противостояние между свободой и равенством, которое вызывает огромные философские дебаты в Европе, преодолевается в Америке индивидуализмом, вбирающим в себя оба элемента»[2].

На протяжении последнего десятилетия происходит рост религиозных убеждений, значимости религиозных организаций. Исследователь П. Глин характеризует ситуацию так: «Одной из наиболее поразительных и неожиданных черт окончания XX века стал ренессанс религиозных чувств как очень важной силы в политике и в культуре»[3]. Это было неожиданным поражением секуляристов и тех, кто прибыл в США вовсе не в поисках свободы. Один из лидеров американского секуляризма признал в 2002 г.: «Религия вошла во все возможные сферы»[4].

Это мощное религиозно-консервативное движение вызвало немедленное чувство зависти у демократов. Дж. Коткин приходит к выводу, что «ни одна рана не ощущалась демократической партией более остро, чем «развод» демократов с религиозно активными силами»[5]. Демократы пред-

[1] Kohut A. a. o. The Diminishing Divide: Religion's Changing Role in American Politics. Washington: Brookings Institution Press, 2000, p. 4—5.

[2] Ibid.

[3] *Glynn P.* Prelude to a Post-Secular Society («New Perspectives Quarterly», Spring 1995, p. 17).

[4] *Kurtz P.* Center for Inquiry («New York Times», August 24, 2002, p. A17).

[5] Institut fur Demoscopie. Allenbach, 1998, p. 71.

82

приняли все необходимые действия для восстановления религиозных связей. И в ходе президентской кампании 2004 г. демократ Керри говорит о «ценностях» не меньше республиканца Буша-младшего.

Относительно новым явлением явилось религиозное движение в среде американского бизнеса. Здесь почти повсеместно появились религиозные группы, выступающие за старые религиозные ценности. Заметным стало политическое «поправение» таких могущественных организаций, как «Южный баптистский конвент» (16 млн членов). Но самым большим шагом в восстановлении места религии в системе американской идентичности следует считать решение Верховного суда в июне 2002 г., облегчающее работу церковных школ, — важнейшее судебное решение в этой сфере за последние полвека.

Очевиден рост интереса к тому, что повсеместно характеризуется как упадок ценностей, моральная деградация, понижение стандартов американского общества, стремление действовать за пределами секулярных институтов. Весьма неожиданно это своего рода «религиозное возрождение» стало одним из наиболее примечательных явлений в жизни американского общества, готового ответить на новый вызов истории.

2. *Второе* исконное качество, укрепляемое в начале XXI в. в *борьбе культур, — трудолюбие.* Исключительной особенностью Америки является буквально

неимитируемое трудолюбие, ставшее частью национального эпоса, чертой национального характера. Только в Соединенных Штатах на вопрос «Что вы делаете?» никто не ответит «Ничего» — столь велик авторитет трудолюбия. (И этот авторитет растет.) В общенациональном опросе на вопрос «Гордитесь ли вы своей работой» 87 % опрошенных ответили «Очень». Подобный ответ в Италии дали 30 % опрошенных, в Голландии — 26 %, в Германии — 17 %, во Франции — 15 %[1]. В богатой Америке трудящиеся отдыхают в три раза меньше, чем их германские коллеги. Американцы сегодня имеют 10 оплачиваемых дней отпуска в год — значительно меньше,

[1] Institut fur Demoscopie. Allenbach, 1998, p. 71.

чем, скажем, в Германии (30 дней), в Испании (30 дней), Британии, Голландии, Австралии (25 дней), Японии (18 дней), Китае (15 дней).

В Америке промышленный рабочий работает ныне в год 1966 часов. Это значительно больше, чем в других развитых странах. В Японии данный показатель равен 1889 часам, в Австралии — 1867, в Новой Зеландии — 1838, в Британии — 1731 часу, во Франции — 1656 часам, в Швеции — 1582, в Германии — 1560, в Норвегии — 1399 часам. В среднем американский рабочий трудится на 350 часов больше, чем европейский рабочий. 60 % американских подростков работают — это в три раза больше, чем в среднем в развитых странах. Сознаться в безделье для американца просто стыдно. 90 % американцев утверждают, что готовы работать интенсивнее, «если это в интересах дела». 67 % не приветствуют социальные изменения, которые ведут к менее напряженной работе. В условиях битвы культур современная Америка стремится сохранить и умножить это базовое качество.

3. *Третья* особенность, которая способна помочь Америке удержать лидирующие позиции, — тяга к личной свободе. Эта тяга сложилась и окрепла на протяжении четырех веков как основа жизнеустройства в колониях, ставших Соединенными Штатами. Главной «иконой» страны продолжает оставаться self-made man, сам себя создавший человек. Рожденный протестантской реформацией, *индивидуализм* подвигает американцев на пятом веку своего существования верить в то, что каждая личность получает веления в своей жизни «прямо сверху, от Господа». И, по словам С. Хантингтона, «пуританское наследие стало сутью американизма». Любимой максимой Бенджамина Франклина было: «Бог помогает тем, кто помогает себе сам». (Пятнадцатый ребенок в семье, Франклин, напомним, к 42 годам создал такое состояние, которое позволило ему удалиться от дел.) Философию индивидуализма он успешно распространял и пропагандировал в Европе. Ральф Уолдо Эмерсон в эссе 1841 г. воспел обычай «полагаться на самого себя». Его сподвижник Генри Торо прямо-таки требовал *отделиться* от общества для создания и упрочения цельности собствен-

ного характера. Индивидуализм воспет Уолтом Уитменом и бесчисленным хором менее талантливых его американских певцов.

Америка стала продолжательницей *общеевропейских* традиций между Гражданской и Первой мировой войной (1865 — 1914 гг.). Но в этот период англосаксонской Америке удалось ассимилировать три вторгшихся новых компонента — ирландский, германский и скандинавский. Столь сильно беспокоившая Бенджамина Франклина германская община в Пенсильвании оказалась ассимилированной. Соединенные Штаты сквозь столетия пронесли институты тюдоровской Британии начала XVII и XVIII веков, включающие концепцию фундаментального права, ограничивающего систему управления; смешение функций исполнительной, законодательной и судебной власти и разделение власти между отдельными институтами; относительное всевластие

носителя исполнительной власти; двухпалатный парламент; ответственность законодателей перед местными избирателями; систему законодательных комитетов; опору скорее на милицию, чем на постоянную армию. В Британии все это в значительной мере изменилось, но в Соединенных Штатах своеобразным способом законсервировалось[1].

И ныне США обладают невероятной «soft power», основа которой — демократическое самоочищение (комиссия 9/11 — один из наиболее ярких современных примеров действенной силы энергичной демократии, 225 лет придерживающейся установленных норм народоправления и республиканизма.

4. *Закрыть границы.* Наиболее радикальное — полностью перекрыть границы, прежде всего южные и восточные, откуда в американское общество поступает испаноязычный элемент. Но такой переход от иммиграционной открытости к изоляционизму образца 1924—1965 гг. большинству не кажется реалистическим. Не минировать же берега Рио-Гранде?

[1] *Hantington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968, p. 93—95.

Гораздо более реалистическим видится введение более суровой системы въездных квот. Звучит требование остановить поток испаноязычной иммиграции на цифре 160 тысяч въезжающих в год (такую цифру назвала Комиссия конгрессмена Джордана). Остановясь на этой цифре и жестко пресекая нелегальную иммиграцию, Соединенные Штаты могут еще переломить заглавную тенденцию в изменении характера американского общества. Да, пострадает сельскохозяйственный бизнес Юго-Запада; но поднимется заработная плата трудящихся здесь наемных рабочих. Дебаты о двуязычии постепенно увянут. Система образования на испанском языке потеряет свою притягательность. Потеряют свою остроту споры о системе «вэлфэр» и других системах социальной помощи. Произойдет столь желательная для охранителей статус-кво диверсификация иммиграционного потока в США. Это приведет к новой привлекательности изучения английского языка, к новому магнетизму американской культуры. В Майами снова направятся англоязычные канадцы. Отойдет в сферу абстракций страх перед расколом американского общества на англоговорящее и испаноязычное.

Президент Дж. Буш-младший назвал решение суда в пользу мультикультурализма «смехотворным», лидер демократов в сенате Т. Дэшл определил это решение как «малозначащее», губернатор штата Нью-Йорк Дж. Патаки определил его как «суррогатное выражение правового решения». Согласно опросу журнала «Ньюсуик», 87 % населения страны возразили этому решению и лишь 9 % одобрили. Но в Соединенных Штатах 9 % — это значительная численность.

В 2000 г. конгресс США принял резолюцию, требующую мер по устранению невежества в изучении национальной истории. В 2001 г. департамент образования получил большие дополнительные дотации для указанных целей. В 2002 г. президент Буш, выступая перед двумястами деятелями по образованию, предложил серию мер по созданию

единого курса национальной истории. В 2003 г. сенатор Ламар Александер внес законопроект о создании в Соединенных Штатах сети летних школ для преподавателей, специально занимающихся проблемами американской истории.

Глава 4
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс идет. Глобализация реализовывалась преимущественно благодаря растущему международному участию в Интернете, тому, что Европейский союз принял в 2004 г. десять новых членов. Соединенные Штаты пообещали на 50 % увеличить помощь бедным странам. Китай освоился во Всемирной торговой организации. Подписано несколько десятков соглашений о понижении таможенных тарифов и о создании региональных зон свободной торговли (включая важные соглашения между США и Сингапуром, а также с Чили о свободной торговле).

Ускорителями глобализации выступил Интернет, экономические функции которого становятся важным фактором экономики. Уже *сотни миллионов* пользователей прильнули к всемирным окнам молниеносного общения, более 10 % мирового населения. В их руках информация, многократно превосходящая крупнейшие библиотеки мира. И здесь, если рынок развитых стран приблизился к насыщению, возможности населения развивающихся государств еще чрезвычайно велики. Связям способствовало удешевление стоимости персональных компьютеров, уменьшение цены подключения и выход к Интернету талантливой молодежи, софистичных молодых пользователей глобальной сети.

Интернет пришел и в бедный мир, здесь число пользователей стало увеличиваться в три раза быстрее, чем в развитых странах. В Китае численность пользователей Интернета растет на 50—100 % в год. (При этом следует все же

учитывать, что численность пользователей Интернета в бедном мире не превзошла *одной десятой* численности пользователей в богатой части, в развитом миллиарде человечества.) Сложилась удивительная ситуация, когда бедные представители человечества конкурируют *между собой* за выход в Интернет. Но рост столь весом, что, согласно прогнозам Конференции ООН по торговле и развитию, в случае сохранения нынешних темпов примерно через пять лет численность пользователей Интернета в развивающихся странах приблизится к численности пользователей из «золотого миллиарда».

Телефон также в массовом порядке связал значительную долю человечества между собой. Такие развивающиеся страны, как Венгрия, Индонезия, Ботсвана, Южная Африка, шагнули буквально одним махом от неадекватной телефонной сети прошлого в массовое телефонное единство своих стран при помощи мобильных телефонов. В этих странах сотовые телефоны превзошли по численности стационарные телефонные аппараты. Уже в 2002 г. численность пользователей мобильных телефонов здесь превысила численность владельцев стационарных телефонов — 18,98 владельцев против 17,95.

Как часть глобализационного процесса путешествия обрели массовость. Резко увеличилась численность путешествующих азиатов. Китай вошел в число пяти стран, посещаемых наиболее активно. Исключительной популярностью туристов стал пользоваться Ближний Восток. В странах, привлекающих подобное внимание, улучшилась инфраструктура, возросло количество и качество дорог, аэропортов. Единственным регионом, где туризм *сократился,* стали Соединенные Штаты. Проявления терроризма вовне сократили численность путешествующих американцев, равно как и численность посетителей США.

Неэкономические факторы глобализации, такие, как мировой туризм и телефонный радиообмен, продолжают осуществлять свое воздействие с возрастающей интенсивностью — несмотря на такие естественные препятствия, как губительное цунами в Индийском океане, утомительные меры безопасности в аэропортах. Более ста государств пре-

доставили десятки тысяч своих военнослужащих для многочисленных миссий

ООН — от Восточного Тимора до Дарфура, причем примечательно растущее участие воинских контингентов развивающихся стран, таких, как Нигерия, Пакистан, Бангладеш.

К середине текущего десятилетия обозначились облагодетельствованные глобализацией страны. Согласно мнению специалистов, наиболее успешно воспользовалась возможностями глобализации Ирландия, прямые инвестиции в которую из-за рубежа стали составлять примерно 25 млрд долл. Здесь росла информатика и фармацевтика. Компания «Интел» израсходовала здесь миллиарды долларов на создание нового поколения полупроводников. Вторым на подиуме чемпионов глобализации вышел Сингапур, чей экспорт и импорт достигли 340 % всей экономической активности страны и который в 2003 г. подписал соглашение о свободной торговле с США, подчеркивая свою уверенность в экономике острова.

В Западной Европе находятся шесть из десяти наиболее интегрированных в глобальную экономику стран (Ирландия, Швейцария, Австрия, Финляндия, Голландия и Дания). Если исходить из доли помощи бедным странам в национальном ВНП, то в Западной Европе находятся десять наиболее отчетливо выраженных доноров бедным странам. Евро становится все более влиятельной валютой, объединяющей не только Европейский союз.

Лучше, чем Америка, участвовала в глобализации экономика Канады — самая глобально взаимосвязанная в Западном полушарии после Панамы. Канадские компании инвестировали 6,5 % всех глобальных инвестиций.

В среде развивающихся стран наиболее интегрированным в глобализацию регионом является Юго-Восточная Азия, сумевшая сохранить эти свои качества даже в условиях общего замедления экономического развития и террористического ожесточения. Помимо Сингапура, в верхней половине глобализированных держав находится Малайзия (20-е место по степени глобализации и 8-е по характеристике экономической интегрированности. Обратясь к современной электронике, Малайзия экспортирует больше, чем

богатая Австралия, имеющая вчетверо большую экономику. И даже губительное цунами декабря 2004 г. не понизило степени привлекательности Малайзии с точки зрения туризма (среди которого Китай занимает все более видное место).

Новая Зеландия (8-е место) и Австралия плотнее, чем прежде, вошли в мировую экономику. Новая Зеландия стала первой по поддержке миротворческих операций ООН (в соотношении к численности населения и национальному валовому продукту). Австралия заняла 20-е место, увеличив при этом в четыре раза австралийскую долю в прямых заграничных инвестициях. Ведущие автомобильные компании, такие, как «Форд» и «Мицубиси», избрали Австралию в качестве стартового пункта своей глобальной экспансии. Именно здесь находятся исследовательские центры этих автомобильных гигантов.

Южная Корея впечатляет вторым местом в мире по числу пользователей Интернета на тысячу человек, по объему сделок в Интернет-сети. Япония продолжает удивлять в телекоммуникациях, и она продолжает оставаться наиболее глобализированной страной региона, усиливающей свою активность в деятельности ООН. Максимальные успехи продолжает демонстрировать Китай: постоянное увеличение доли торговли в национальном валовом продукте, хотя по степени глобализированности КНР уступает непосредственным соседям.

В Восточной Европе наиболее привлекательной с точки зрения глобализации оказались Словения (19-е место в мире) и Словакия, в которых наблюдался заметный рост. В Словении уровень иностранных капиталовложений увеличился многократно. Сюда немало инвестировали не только из Западной Европы, но и из Южной Кореи («Хьендай»). Следом идут Чехия и Венгрия. Впечатляющей

является телефонизация региона.

Панама занимает 27-е место (во многом результат свободной зоны торговли Колон, открывающей путь в Панамский канал, — крупнейший в мире беспошлинный центр, связывающий Латинскую Америку с внешним миром). На

Ближнем Востоке и в Магрибе Тунис занял 1-е место в своем регионе в торговле несырьевыми товарами.

В Африке наилучшие показатели у небольшой Ботсваны, занимающей в мировом списке 30-е место, где доход благодаря внешним инвестициям составил 20 % ВНП.

ЗАМЕДЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс тормозится. В 1998 г. 87 % лидеров и 54 % публики оценивали экономическую глобализацию благоприятным для США явлением. Несколькими годами позже это отношение изменилось.

Но после нескольких лет «жирных коров» в 1990-е годы с их средним ростом экономики в 4 и 8 % в год новое столетие ослабило глобализационные тенденции. При этом самоуправная политика Америки при президенте Дж. Буше-младшем и общее ослабление экономического ритма развития сделали перспективы глобализации в середине 2000 годов более размытыми. Мировая экономика в целом ослабила свой бег, экономический рост снизился до менее чем 2 %. Факт 10-процентной безработицы в ключевых странах, таких, как Германия и Франция, прискорбен — не до туризма, не до роста международных контактов.

Страны отпрянули к себе на фоне террористических атак, несанкционированных войн, растущей односторонности действий, очевидных проявлений национального эгоизма. Сентябрь укрепил государство, ибо потребовалась его важнейшая функция — обеспечение безопасности. А ведь еще совсем недавно предполагалось, что два основополагающих принципа, на которых стоит государство — идея *национального* государства и идея жестко структурированного государства, потеряют под собой почву. Будущее виделось в руках неолиберализма и свободного рынка. Но драма 11 сентября перевернула в данном случае все. Фундаментальный постулат неолиберализма, что государство и политика должны быть заменены рынком, оказался погребенным новой реальностью. Представителя американского правительства спросили, не противоречит ли выделение дополнительных 40 млрд долл. на ведение войны в Афганистане

провозглашенному администрацией Буша-младшего неолиберализму, и тот ответил, что «национальная безопасность — первостепенный приоритет»[1]. Сам президент Буш подчеркнул, что «безопасность важнее нашего оборонного бюджета».

Весной 2002 г. американское правительство явственно отошло от прежнего курса на всемирное снижение таможенных барьеров и прочих препятствий мировой торговле — оно ввело существенные пошлины (до 30 %) на ряд весьма важных импортных товаров, прежде всего на сталь и прочие продукты металлургии. Это сразу ударило по металлургическому экспорту Европейского союза, России, Китая и ряда других стран. (Жертвы американского протекционизма немедленно подали жалобы во Всемирную торговую организацию и предприняли контрмеры.)

8 апреля 2002 г. иммиграционные власти США значительно ужесточили порядок получения американских въездных виз, что сказалось, прежде всего, на абитуриентах и студентах. Стоимость визы россиянам была увеличена вдвое. Страна эмигрантов — Америка стала более закрытой страной, ощетинившейся

визовым режимом. Визы в отношении стран СНГ ввели Польша, Венгрия, Чехия — в 1990-е годы и десять новых членов ЕС в 2000-е годы.

В то *же* время встреча богатых и бедных стран в Канкуне (Мексика) в рамках Всемирной торговой организации зашла в тупик, когда бедные страны восстали против политики субсидий, практикуемых богатыми странами в отношении своего сельского хозяйства. Планы в отношении создания «Свободной зоны для обеих Америк» натолкнулись на разногласия в отношении правил интеллектуальной собственности и инвестиционного законодательства. В возобновившейся конкурентной борьбе Соединенные Штаты и Европейский союз нанесли друг другу ощутимые удары. Война против терроризма укрепила неэкономические рычаги воздействия стран друг на друга. Пакт стабильности внутри ЕС рухнул, и все попытки весной 2005 г. ограничить бюджет-

[1]*Веск U.* The Fight for a cosmopolitan future («New Statesman: November 5, 2001, p. 34).

ные дефициты не привели к желаемому согласию, Война в Ираке привела к мобилизации противостояния среди главных индустриальных зон.

Все это привело к тому, что после 1999 г. четко обозначился спад интеграционных тенденций на глобальном уровне. Крах аргентинского рынка стал показательным. Террористические атаки в Индонезии и Кении оставили после себя всеобщее оцепенение. Ощутимым было воздействие волны забастовок (рабочих доков и пр.). Связующие организации и процессы общемирового значения ослабили свою хватку, провоцируя взаимоожесточение.

Отметим ослабление ритма *прямых иностранных капиталовложений,* резкое ослабление межгосударственных валютных потоков. Поразительное явление потенциальной глубины грядущих конфликтов обозначилось в обострении экономических противоречий. Прямые иностранные инвестиции начали уменьшаться на 40 % в 2001 г., на 21 % в 2002 г., и эта тенденция захватила всю первую половину 2000-х годов. Нижайшая точка — 2002 год, когда был инвестирован всего 651 млрд долл.[1]. Прямые иностранные капиталовложения уменьшились в 108 странах. (Особенно заметна доля падения иностранных капиталовложений в Соединенных Штатах и Британии.) И это вопреки тому, что в 70 странах были приняты сотни законов, увеличивающих внешнее финансирование.

Фондовый рынок отступил в таких странах, как США, Германия, Бразилия, не говоря уже о таких жертвах глобализации, как Аргентина. А *треть* свободного капитала размещал за своими границами новый «суперинвестор» — Китай.

Большим ударом по глобализации стало президентство Дж. Буша-младшего. Его иракская авантюра последовала вослед уже нанесенным по атлантической солидарности ударам, о которых говорилось выше, — введению в 2002 г. тарифных ограничений на европейскую сталь в ответ на обильные субсидии и без того не бедствующему американскому сельскому хозяйству.

[1]*Kearney A. T.* Measuring Globalization: Economic Reversals, Forward Momentum («Foreign Policy», March/April 2004).

Неоконсервативная администрация США нанесла удары по глобализации не только экономическими рычагами. Не менее чувствительным был отказ Соединенных Штатов, Чили, Китая и Израиля присоединиться к работе Международного суда по уголовным преступлениям (38 других стран, включая почти всю Европу, выступили за создание этого суда и в поддержку его прерогатив).

За последнее десятилетие сокращение потока иностранной валюты в Европейский регион было менее внушительным, чем в Соединенные Штаты (20 % против 60 % в США). Скандинавские страны (кроме Финляндии) опустились

по шкале глобализационности несколькими ступенями ниже. Наихудшие результаты в глобализации показала в данном регионе Греция (26—28-е места), но она была активна на Балканах.

Соединенные Штаты заняли по глобализационной вовлеченности в начавшемся столетии седьмое место в мире. Но Америка настроена категорически против таких глобальных предприятий, как Договор о запрете минирования, что привело США к 60-му месту в мире по степени позитивного отношения к международным договорам. Мексика осталась на 45-м месте, получая при этом от своих выехавших на закордонные работы эмигрантов более 10 млрд долл., что вдвое превышает мексиканские доходы от сельскохозяйственного экспорта.

Наименее интегрированной страной Юго-Восточной Азии является Индонезия. В ее экономике глобализирующий фактор — туризм, в котором занято более 7 миллионов человек и который дает 5 % национального валового продукта. Туризму нанес значительный ущерб взрыв на самом популярном индонезийском курорте Бали. В Восточной Азии примечательно ослабление привлекательности Японии (29-е место), Южной Кореи и Тайваня для главных мировых инвесторов. Китай невпечатляющ в области международной помощи (уровень Чешской Республики). Он подписал меньше договоров и участвовал в меньшем числе организаций, чем ведущие глобализированные державы.

Худшие показатели у Украины — 43-е место. Наименее глобализированным регионом Земли является Южная Азия во главе с гигантом Индией (61-е место), потрясенной межконфессиональной борьбой, ослаблением инвестиционного

потока. Светлое пятно — растущая численность пользователей Интернета (хотя и составляющих всего 2 % населения страны). Своего рода жертвой глобализации является Латинская Америка, где резкие девальвации валют в Бразилии и Аргентине нанесли удар по национальной экономике. Импорт снизился в свете поднявшихся цен на импортные товары и услуги. Наименее интегрированная страна региона — Венесуэла, и это несмотря на огромный нефтяной экспорт.

Отрицательным было воздействие глобализации на Ближний Восток и Северную Африку. Здесь высоки тарифные барьеры. Войны в регионе сказались на степени вовлеченности в мировую экономику. Сюда с большим трудом идут зарубежные инвестиции. Египет (60-е место) держится за счет массированной американской помощи. Договорные связи минимальны, инвестиции более чем скромны. При всем нефтяном богатстве Саудовская Аравия занимает лишь 41-е место по уровню глобализированности (неконкурентноспособность местной промышленности заставляет бежать привлеченный внешний капитал).

Но подлинное несчастье — положение огромного и растущего населения Африки. Инвестиционные потоки сюда практически иссякли. Помощь неадекватна, экономическое развитие буквально остановилось. Численность пользователей Интернета уменьшается даже в прежде несколько лучше выглядевшей Южной Африке. Связи с внешним миром едва ли не замерли. Несколько увеличился туризм. Но общее бедственное положение поразительно. Находящаяся на 54-м месте Кения оказалась в наихудшем положении, засуха фактически погубила кенийское сельское хозяйство, на которое приходится 53 % экспорта страны; некогда процветающий туризм (когда-то бывший самой большой статьей дохода) едва теплится. Даже в «процветающей» Ботсване 35 % населения заражены вирусом СПИДа. Это покинутый богом и людьми край, который требует немедленной помощи.

Обобщенно оценивая картину глобализации, следует видеть главное: едва ли мир будет «ожидать» тот момент, когда мировые связи будут равнозначны прогрессу. Ныне — по оценкам собственно западных специалистов, в странах, занимающих нижние десять мест «списка степени глобализированности» —

Иран, Индия, Египет, Индонезия, Вене-
95
суэла, Китай, Бангладеш, Турция, Кения, Бразилия, — живет более половины мирового населения. Эти страны в высшей степени уязвимы перед внешним давлением и грузом внутренних проблем, перед коварной переменчивостью рынка, ценами на базовые ископаемые, наличием рынка сбыта их экспорта. Многие из них страдают от субсидируемого «суперэффективного» сельскохозяйственного производства развитых стран, пресекающих любые попытки пробиться на мировой сельскохозяйственный рынок.

Перспективы глобального сближения никак не воодушевляют. Встреча богатых и бедных стран в 2003 г. в рамках Всемирной торговой организации в Канкуне (Мексика) окончилась провалом именно тогда, когда развивающиеся страны потребовали от развитых стран сократить субсидии своему сельскому хозяйству. Министр иностранных дел Германии Й. Фишер так суммировал угрозы будущего: «Мы должны шире посмотреть на угрозу безопасности — формирование глобализационного процесса честным образом»[1]. В противном случае, если глобализация будет просто сводиться к обнищанию правительств, сокращению социальной помощи, лишению рабочей массы условий здоровой жизни, если жизнь станет, словами английского философа Гоббса, «отвратительной, жестокой и короткой», сам процесс глобализации может остановиться, как это уже было в 1914 году.

Россия, находящаяся по продолжительности жизни между Египтом и Индонезией, является страной, чье вбрасывание в рынок обескровило некогда могучую державу.

СВЕТЛАЯ И ТЕМНАЯ СТОРОНЫ ПЛАНЕТЫ

Снимки из космоса раздвигают все рамки, и кажется, что будущее просматривается более отчетливо. Эти поразительные снимки фиксируют россыпь золотых огней — подлинный триумф земной урбанизации и затаившуюся темень неосвещенной жизни большинства земного населения. Глядя на них, понятнее становится происходящее на нашей планете. Поразительно ярким на этих снимках из космоса огнем горит благополучная часть — Северная Америка, За-

[1] «Foreign Policy», March/April 2004, p. 42.

96
падная Европа, Япония. Темна Африка, две трети Латинской Америки, большие пространства Азии.

Полоски огней нагляднее словесных оценок говорят о разобщении. Североафриканские города отделяются и от остальной Африки, и от Ближневосточного региона. Города Восточной Европы как бы движутся на Запад, но многомиллионная безработица во многом лишает перспективы движение и в этом относительно благополучном углу мира. Самый крупный бриллиант в созвездии — Мехико-Сити знаменует собой многомиллионную стартовую площадку побега на Север, в мегаполисы Северной Америки. У антиподов индийские города залиты светом, а пакистанские погружены во тьму. Огни Китая расположены вдоль Тихоокеанского побережья, а восточная часть самой растущей страны как бы замерла в темном безмолвии, указывая этим на самую острую проблему будущего, как все это совместить. Из темных провалов выходит ожесточение, отсюда в сторону света идет нескончаемый поток, и этот поток фиксирует собой острое неблагополучие разоренной мировой деревни.

Именно здесь, в темной части планеты, бурно растет население, тогда как в светлой рост повсеместно прекратился. Согласно прогнозу американского Совета национальной разведки, население Земли в 2025 г. составит 7,2 млрд человек; 95

% прироста придется на «неосвещенные» страны. К середине текущего века темная сторона породит *еще четыре миллиарда* жителей планеты, а живущее в светлых секторах Земли лишь сократится. Именно здесь неостановимы СПИД и прочие проклятия нашего времени, именно здесь страшные эпидемии встречаются с поразительным равнодушием. Именно здесь исчезает питьевая вода, именно здесь образование — немыслимая роскошь. Эрозия почвы совмещается с эрозией человечности, осмысленного решения проблем.

Из темной части в светлую неукротимо стремится постоянный человеческий миграционный поток. Очень наглядно видно, как из обездоленного Юга Индии в более обеспеченный Мумбай неостановимо течет этот поток. Темные люди медленно движутся непрерываемой цепочкой. А в других местах раз за разом форсируют Рио-Гранде и Амур другие потоки, смысл движения которых тот же. Гастарбайтеры в ближайшие десятилетия *десятками и сотнями миллионов* устремятся в Североатлантический и Восточно-

азиатский регионы. Преимущественно в города. Миллионный в 1950 г. Лагос в 2015 г. будет насчитывать 24,4 млн жителей; Карачи за то же время *вырастет* с 1 млн до 20,6 млн жителей; Джакарта — с 2,8 млн до 21,1 млн жителей. Население Дакки достигнет 19 млн жителей. В 1950 г. число городов с миллионным населением равнялось 86, а к 2015 г. их будет 600. Присылаемые в темные регионы отсюда мелкие денежные переводы посланцев мировой деревни давно превзошли в своей массе так называемую экономическую помощь сытого мира.

Окончание «холодной войны» вызвало в 1990-х годах некий всплеск надежд на то, что богатые и могущественные теперь повернутся к бедному Югу. Но получилось нечто обратное: вызрела нечеловеческая идеология laissez faire для обездоленных. Это, мол, дело рук самих утопающих. Итог устрашающ. В хаосе якобы «освобожденный» Афганистан, в жестоком хаосе европейская Босния, некоторые анклавы которой вовсе не напоминают традиционную Европу. Ничто не может превзойти по жестокой бедности в условиях насилия и разрухи Восточную Колумбию, «треугольник беззакония» между Бразилией, Парагваем и Аргентиной, внутренние районы Демократической Республики Конго, пригороды Кабула и Кандагара в Афганистане. Страшна участь беженцев в Судане, в районе Великих озер Африки, на Западном берегу Иордана.

О каком мировом порядке можно говорить, если едва ли не самая энергичная и уж точно самая молодая и устремленная к самореализации часть мирового населения неотвратимо осознает крах своих надежд, тупик прогрессивного развития?

Но никто в этом мире — включая ООН и все номинально занимающиеся развитием межгосударственные органы — *не собирается* «осветить» темную часть Земли. Позолоченный светом кубик Объединенных Наций слился со световым половодьем Манхэттена. Планов мировой электрификации просто нет. А в последнее десятилетие трудное встретилось с циничным, обрел наглую самоуверенность лозунг «выживайте сами». Гимны свободному рынку обрели характер защиты прогресса, тупое безразличие надело одежды самоуверенности. Даже лучшие готовы умыть руки. На-

сильственная смена режимов, стратегия «предваряющих ударов» пока лишь усугубляет положение.

И все это на фоне окончательного истощения главных из жизненно важных мировых ресурсов. В ближайшие годы человечество вынуждено будет осознать, что ископаемое органическое и неорганическое сырье — дар миллиардов лет солнечной щедрости — подходит к своему концу. Через одиннадцать лет в мире уже не будет добываться цинк, через четырнадцать лет иссякнет ископаемая медь,

через сорок лет, при росте современного потребления, опустеют нефтяные скважины; через 60 лет из шахт выйдет последний шахтер. Через двадцать лет комбинация бурного роста населения и резкого сокращения водных запасов просто взорвет Ближний Восток. Будет ли освещенная часть мира при этом столь же благополучна? Не придется ли ей силой гарантировать за собой бесценные остатки земных ископаемых, которые прячутся как раз в темных просторах неосвещенной суши?

Но не везде россыпь золотых огней — знак человеческого благополучия. Золотая арка феноменально растущих городов — Лагос—Каир—Карачи—Джакарта, население которых почти удвоилось за последние двадцать лет (и еще раз удвоится в грядущие двадцать лет), безмолвно фиксирует едва ли не главную драму нашего времени: наряду с прогрессом разгорается пожар не состоявшихся судеб многих сотен миллионов людей. Здесь нестабильность, террор и болезни будут главными факторами жизни. Глобализация подгоняет строительство огромных аэродромов, но не на бетонных полях, а в бетонных пещерах мегаполисов тлеет и зреет несокрушимая сила, способная остановить и уничтожить любую цивилизацию. Это знаки беды, это убежища практически несостоявшихся государств, это полигон отчаянной реакции униженных и оскорбленных.

Темная сторона планеты отнюдь не безобидна. В то время когда в свете зримого благополучия создаются еще более впечатляющие планы процветания одной шестой части мирового населения, мрак мировой деревни порождает нечто, от чего залитый светом миллиард может однажды содрогнуться. Здесь, во мраке и нищете, зреет, может быть, безрассудный и жестокий, но свой ответ на безразличие освещенных. В гербах шести стран узнаваем автомат Калашникова. Но еще страшнее то, что почти все гербы нищих стран

вообще не имеют смысла, крах государственных систем сотни больших и малых государств порождает тот хаос, который не раз в мировой истории порождал восстания, потоки гнева, смерч разрушения.

Фактически не состоявшиеся государства, не сумевшие перейти на «солнечную сторону» мировой улицы, определенно способны на одно — на вооружение и на создание средств массового насилия. Мировая Руанда уже вышла на тропу, которая может стать тропой войны. Радио очень популярно в темных странах, и руандийские дикторы уже призывают к насилию. Страшно не это, а то, что призывов ждут и им подчиняются. Анархия, крах государственных структур ведут к возрождению этнического разобщения, следующим этапом которого явится межэтническая ненависть, религиозный фанатизм, крушение здоровой окружающей среды.

ИММИГРАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ

Напомним, что самым населенным регионом Запада пока является Европа. Согласно статистическим данным ООН, в 2000 г. в Европе жило 494 млн человек в возрасте от 15 до 65 лет. К 2050 г. численность европейцев «рабочего возраста» сократится до 365 млн. В то же время численность граждан старше 65 лет (их число ныне — 107 млн) превратится в еще более многочисленное сообщество — до 172 млн человек — треть населения Европы. За ближайшие пятьдесят лет соотношение работающих и пенсионеров изменится с пяти к одному до двух к одному. Европа станет, по словам французского демографа А. Сови, «континентом старых людей, живущих со старыми идеями в старых домах»[1]. Рабочая сила, к примеру, Германии уменьшится за грядущие полвека с 41 до 27 млн человек. Это создаст напряжение в реализации обширных социальных

программ. Имея на четверть меньшее рабочее население и почти удвоение численности пенсионеров, стареющая Европа задумается над привилегиями, от которых никто не собирается отказываться.

[1] *Wattenberg B.* Counting Change in Euroland («Washington Times», January 28, 1999, p. A18).

Чтобы сохранить общество «благоденствия», западные страны будут вынуждены повышать налоги. Это болезненно, особенно для «стран, где у работающих уже отнимается не менее 40 % заработанного. Если же мы прибегнем к дефицитному финансированию, то быстро израсходуем все накопленное в развитом мире»[1]. Выбор невелик: огромные новые налоги плюс увеличение рождаемости. На увеличение рождаемости надежды невелики. Что более реалистично — импорт рабочих из-за пределов региона. Таков неизбежный выбор.

К 2050 г., если Европа пожелает сохранить свой нынешний уровень населения, она будет нуждаться в 169 млн иммигрантов. Разведывательное сообщество США: «Европейская и японская популяции быстро стареют, что потребует более 110 миллионов новых рабочих к 2015 г. для поддержания текущего уровня между работающими и пенсионерами». Цифры на 2050 г. будут, разумеется, значительно больше[2].

Недавно опубликованный секретный доклад французского правительства приводит весь набор аргументов относительно того, что у Европейского союза нет альтернативы призыву 75 млн иммигрантов. Англичанин Дж. Стил пишет так: «Чтобы предотвратить падение жизненных стандартов, страны ЕС обязаны будут произвести 60-кратное увеличение потока иммигрантов»[3]. Если же Европа пожелает сохранить нынешнее *соотношение* работающих и пенсионеров, то она будет нуждаться в 1,4 млрд иммигрантов. Для многих западных стран массовая миграция представляет собой единственное средство сохранить производительное общество[4]. (При этом французские эксперты признают, какие это породит проблемы в создаваемом расовом обществе-гибриде, но не видят иной дороги, подлинной альтернативы «взаимному культурному оплодотворению».)

[1] *Peterson P.* Gray Down: How the Coming Age Wave Will Transform America and the World. New York:Times Books, 1999, p. 18.

[2] *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 97.

[3] *Steele J.* The New Migration: Affluent, Controversial («Guardian», October 30, 2000, p. 17).

[4] См.: *Jenkins Ph.* The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 82.

Скорее всего, новые рабочие придут из Африки и с Ближнего Востока. Этот процесс идет по накатанным рельсам. Он берет свое начало в 1960-х годах, когда ограниченные «холодной войной» западноевропейские страны не могли черпать рабочую силу из восточноевропейских источников. Британия обратилась к Ямайке и Пакистану, французы — к Алжиру и Западной Африке, немцы — к Турции. Между 1993 и 1999 годами численность одних только *незаконных* иммигрантов в ЕС увеличилась в десять раз. В одном только 2000 г. Британия приняла 185 тысяч иммигрантов. И ныне половина Лондона — небелые люди. К концу XXI века их в британской столице будет большинство. По минимальным оценкам, мусульмане составляют 3 млн в Германии, 2 млн во Франции, миллион в Британии и 750 тысяч в Италии.

Поддержание своих семей и друзей является одним из стимулов миграции из Азии, Латинской Америки и Африки в богатые регионы Запада. И не только из предельно бедных. Так, из Малайзии ежегодно выезжают на заработки около полутораста тысяч человек. Эти посланцы Юга отправляют домой около ста миллиардов долларов ежегодно — сумма, совместимая в прямыми инвестициями

в бедные страны. Десятая часть филиппинцев работает за пределами страны, добывая почти 10 % валового национального продукта Филиппин.

В странах, никогда не бывших (в отличие от Соединенных Штатов) «плавильными тиглями», нашествие иностранцев может вызвать культурный и политический шок. Африканцы и азиаты стали частью западноевропейской структуры, базируясь, прежде всего, на крупных городах. Марсель, собственно, уже не французский город, а Франкфурт заметно теряет немецкие черты (30 % иммигрантов, 27 мечетей). Мусульмане составляют пятую часть населения Вены. В Лондоне прежнее белое большинство превратится в меньшинство уже к 2010 г. (А по всей стране белое население станет меньшинством к 2100 г.)[1]

[1] *Browne A.* UK Whites Will be Minority by 2100 («Observer», September 3, 2000, p. 17).

Этот поток неостановим хотя бы потому, что его фактически требуют предприниматели, им нужна рабочая сила. И прибывающие из Северной Африки и Ближнего Востока арабские иммигранты везут с собой в Европу как свою собственную религию, так и политические взгляды; речь идет прежде всего об исламе. Массовая миграция из исламского мира настолько изменит этнический и конфессиональный состав Европы, что у европейцев уже никогда не будет волевых ресурсов вмешиваться в дела Северной Африки, Персидского залива, Ближнего Востока. (Показательно, что европейцы уже сегодня игнорируют американские санкции в отношении Ирана, Ирака, Ливии.)

АМЕРИКА

Как относится к эмигрантскому наплыву американское население и лидеры страны? Преимущественно негативно. 84 % американской общественности (51 % лидеров) считали перевод рабочих мест за границу негативным явлением, которое следует сдержать. Среди 22 наиболее развитых стран Америка значится восьмой по общественной поддержке таможенного протекционизма. Это означает, что средний американец боится конкуренции более дешевой рабочей силы, порождаемой прежде всего иммиграцией. 84 % американской общественности (и 61 % лидеров) считают международный терроризм «критической важности угрозой» для США.

Впервые *главный* поток иммигрантов идет из страны, имеющей с Соединенными Штатами трехтысячекилометровую границу. Все прежние потоки в развитый западный мир так или иначе преодолевали морские просторы и связанные с этим сложности. У континентальных соседей, США и Мексики, таких пограничных сложностей нет. Нет в мире и более яркого противопоставления бедности и богатства, как это имеет место в случае с бедной Мексикой и богатыми Соединенными Штатами.

Долгие годы мексиканцы не проявляли особого интереса к северному соседу. Поток эмигрантов в США довольно неожиданно для североамериканцев начал зримо расши-

ряться во второй половине XX века. Еще в 1960 году Мексика не входила в число пяти главных стран, где рождались будущие переселенцы в США (Италия — 1 257 000 человек; Германия - 990 000; Канада - 953 000; Британия - 833 000; Польша — 748 000 человек). Ситуация кардинально изменилась к 2000 г.: из Мексики в США въехало 7 841 000; из Китая — 1 391 000; из Филиппин — 1 222 000; Индии -1 007 000; Кубы - 952 000 человек.

Число иммигрантов не только возросло; оно стало своего рода неудержимым потоком. Латиноамериканцы решительно заняли первое место в новом иммиграционном потоке (27,6 % всех иммигрантов только из Мексики; следующие далее по массовости прибывания в США китайцы составляют всего

4,9 %). При этом численность мексиканцев постоянно увеличивается — их число увеличилось за период 2000 — 2002 гг. на 10 % и превзошло афроамериканцев. Отметим также то, что рождаемость среди латиноамериканцев многократно выше, чем у других этнических групп: 3 человека на сотню среди испаноязычных против 1,8 человека у неиспаноязычных, против 2,1 у афроамериканцев.

Испаноязычные первенствуют в незаконном переходе границы США. Две трети всех мексиканских иммигрантов, прибывших в США после 1975 г., являются незаконными иммигрантами; мексиканцы составляли 58 % незаконных иммигрантов в 1990 г. и 69 % — в 2000 г. Ныне ежегодная иммиграция мексиканцев составляет 400 тыс. человек в год. К 2030 г. она увеличится до 515 тыс.[1]. При этом характерна географическая концентрация испаноязычного населения. Так, две трети мексиканских иммигрантов живут на Западе США, а почти половина из них — в одном штате — Калифорнии.

46 % населения Лос-Анджелеса — испаноязычные (из них 64 % — выходцы из Мексики). К 2010 г. испаноязычные составят 60 % населения этого мегаполиса. В 2002 г. 71,9 % учащихся здесь были из испаноговорящих семей. Впервые рожденные в городе испаноязычные превысили численность остальных родившихся в Лос-Анджелесе.

[1] *Simcox D.* Backgrounder: Another 50 Years of Mass Mexican Immigration. Washington: Center for Immigration Studies, March 2002.

СТРЕМЛЕНИЕ СДЕРЖАТЬ

Часть испаноговорящей элиты довольно быстро переходит в космополитическое состояние, овладевая английским языком. Но обширные группы населения держатся за свои ценности, им свойственна высокая степень национальной гордости. Здесь очевидно стремление сохранить прежние нормы в пределах приемлемых условий эволюции, традиционные каноны языка, культуры, ассоциаций, религиозной и национальной идентичности, обычаев. И общественность на опросах проявляла больший, чем у элиты, пессимизм в отношении США и пребывания в них: в 1998 г. 58 % широкой общественности (и только 23 % элиты) полагали, что в XXI в. будет больше насилия, чем в XX в.

Хотя об Америке принято думать как о нации иммигрантов, было бы ошибкой думать, что население Соединенных Штатов благосклонно относится к массовой иммиграции. И это явление не только сегодняшнего дня. В 1930-е годы до 83 % американцев выступали против массового наплыва иммигрантов. Между 1945 и 2002 гг. до 66 % американского населения противились расширению иммиграции. В 1997 г. США были пятой державой (уступавшей только Филиппинам, Тайваню, Южной Африке и Польше), чье население противилось иммиграции. 62,3 % населения США — «нации иммигрантов» — хотели закрыть дорогу вновь прибывающим. Даже недавно прибывшие испаноговорящие требовали сокращения потока въезда новых граждан или рабочих.

Если история дает основания для суждений, то трудно отказаться от мысли, что неотвратимое быстрое демографическое изменение способно вызвать взрыв по северную сторону Рио-Гранде. Практически нет сомнений, что североамериканский социум ответит на изменения жестко. В далеком 1917 г. Т. Рузвельт буквально заклинал: «Мы должны иметь один флаг. Мы должны иметь один язык. Это должен быть язык Декларации независимости, прощального послания Вашингтона, речи Линкольна при Геттисберге».

Новая реальность — новый характер американского общества уже создает т.н. *нативистское движение.* Идейно

оформляются *новые белые националисты.* Их характеризуют сегодня как «культурные, интеллигентные, часто обладающие внушительными научными

степенями, данными лучшими американскими университетами; они очень отличаются от политиканов-популистов или лидеров ку-клукс-клана Старого Юга». Они не будут призывать к провозглашению расового превосходства белых. Они выступят за «расовое самоопределение и самосохранение».

Как пишет С. Хантингтон, «если бы ежегодно миллион мексиканских солдат пытался вторгнуться в Соединенные Штаты и более 150 тысяч проделывали бы это успешно, обосновываясь на американской территории (при этом мексиканское правительство требует от США признания законности этого вторжения), американцы бы пришли в ярость и мобилизовали все свои ресурсы для выдворения захватчиков из своих пределов. Но нелегальное демографическое вторжение сравнимого объема происходит каждый год, и президент Мексики призывает его легализировать»[1].

Расовый нативизм в Западной Европе породил в 1990-е годы политические партии, получившие до 20 % голосов электората. В США протест белых материализуется скорее не в создании новой политической партии, а в формировании достаточно широкого политического движения, чье влияние приобретет исключительную значимость для противоборств основных двух политических партий. Британский «Экономист» уже отмечает, что в Калифорнии «белые, некогда бывшие столь щедрыми в отношении новопришельцев, стали вести себя как меньшинство, находящееся под давлением»[2]. Если Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения — легальна, то почему должны смотреться нелегальными национальные организации, защищающие права белого населения? В одном из исследований уже можно прочитать: «Измена белой расе яв-

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 317—318.

[2] «Econimist», March 11, 2000, p. 4.

ляет собой лояльность человечеству» . Пока звучит самоуспокоение. Как долго?

Серьезные американцы критически оценивают «меняющуюся демографию, появление мощных новых социальных сил, продолжение существования политики расовых преференций, растущие запросы этнических меньшинств, продолжение действия либеральных иммиграционных законов, растущую обеспокоенность американцев потерей трудовых мест (ассоциируемую с глобализацией), требования мульти-культурализма, способность Интернета собирать вместе одинаково думающих людей с целью их сплочения, для выработки стратегии, воздействующей на всю политическую систему: Америка рискует войти в крупномасштабный расовый конфликт»[2].

Такие американские идеологи, как С. Хантингтон, ставят вопрос жестко: не существует *Americano Dream,* есть только *American Dream,* созданная англо-протестантским обществом. Американцы латиноамериканского происхождения могут разделять эту мечту, если будут мечтать о ней по-английски. Ныне же «без национальных дебатов или сознательно принятых решений Америка трансформируется в нечто, очень отличное от того, чем она была прежде»[3]. Америка превращается в страну с двумя народами и двумя официальными языками, двумя культурами.

Может ли нация держаться только на стержне политической идеологии? 11 сентября 2001 г. окончательно показало, что *нет.* По меньшей мере, на этот счет появились весомые сомнения. На глазах у всех развалились страны, основным объединительным стержнем которых была идеология. И в то же время огромный Китай с увядающей идеологической основой все больше опирается на традиционный ханьский национализм.

[1] *Fears D.* Seeing Red Over «Whiteness»Studies («Washington Post Weekly Edition», July 13,

2003, p. 30.

[2] *Swain C. M.* The New White Nationalism in America: Its Challenge to Integration. New York: Cambridge University Press, 2002, p. 423.

[3]*Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 318.

107

Осознание буквально катастрофических перемен стало острым после 11 сентября, когда уязвимость Америки была продемонстрирована со всей очевидностью. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что стало ощутимым воздействие иммиграции на совокупность демократических ценностей американцев: 1) под ударом оказалась англосаксонская политическая культура; 2) мультикультурализм стал угрожать единству страны самым видимым образом. Как пишет С. Хантингтон, «мультикультурная Америка со временем станет страной с множественным политическим кредо, состоящей из этнических групп, имеющих самые различные культурные основания, определенно особенные политические ценности и принципы, основанием которых будут очень различные и особенные культуры»[1].

Речь идет о мировом гегемоне и ведущей военной державе современности.

Глава 5
ОРУЖИЕ ДЛЯ ЧЕТВЕРТОЙ МИРОВОЙ

ПАУЗА

Десятилетняя мирная пауза (оставим Югославию за скобками) после окончания в 1991 г. глобального противостояния закончилась обрушившимися на Нью-Йорк и Вашингтон самолетами, за которыми последовала высадка войск в Афганистане и Ираке. «Холодная война», которая фактически была Третьей мировой войной, перешла в стадию нового противостояния, которое смело можно назвать Четвертой мировой войной. Арсенал оружия для нее уже сейчас имеет колоссальные пропорции, и этот арсенал постоянно увеличивается. Начало XXI века носит характер ускоренной военной подготовки.

В текущее время (2005 г.) в мире имеется более 28 тысяч

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 340.

108

единиц ядерного оружия. Что еще важнее: значительное число стран устремилось к овладению этим оружием. В этом смысле Афганистан и Ирак сыграли превратную роль, их судьба, ознаменовавшая крах Вестфальской системы, триста лет обеспечивавшей суверенную неприкасаемость независимых стран, привела суверенные государства мира к прискорбному выводу: *подлинный* суверенитет имеет *два* компонента — членство в ООН и ядерную вооруженность.

Угроза Четвертой мировой войны имеет два лица. *Первое* — захват средств массового поражения террористическими организациями. Если до сих пор мир не вышел к этому печальному финалу своей истории, то только благодаря временным благоприятным обстоятельствам, временному отсутствию адекватных денежных ресурсов, временному отсутствию индустриальных мощностей, недостаче квалифицированных специалистов, просто удаче.

Второе — ряд фактически решившихся на ядерное вооружение государств остановился перед последней полосой, отделяющей их от обладания «финальным» оружием. Трудно представить себе, что эти государства *долго* будут стоять перед финальным броском. Речь идет не только о так называемых «государствах-изгоях», но и о значительном числе вполне организованных, часто лояльных Западу стран. Отсутствие подлинно гарантированных препятствий на пути распространения средств массового поражения предоставляет практически

гарантированные возможности индустриально развитым и финансово обеспеченным государствам.

Прежнее благодушие ушло в сторону. Лучшие специалисты по контролю над оружием массового поражения дали сигналы о повороте событий в мрачную сторону. Американский специалист Грэм Алисон опубликовал несколько возможных сценариев того, как произойдет вооружение новых стран[1]. Солидным является анализ проблемы англичанином Лоуренсом Фридменом[2]. Детально характеризуется череда кандидатов в «ядерный клуб» в детализированном исследо-

[1] *Allison G,* How to Stop Nuclear Terror («Foreign Affairs) January/February 2004).

[2]*Freedman L.* Deterrence. Cambridge: Polity Press, 2004.

вании «Ядерный поворотный пункт», изданном Куртом Кемпбеллом, Робертом Эйхгорном и Митчелом Рейссом[1]. Особое внимание привлекло профессиональное исследование Майкла Леви и Майкла О'Хэнлона «Будущее контроля над оружием»[2]. Мы видим общее усиление интереса к проблеме милитаризации мира и порождаемым этой милитаризацией угрозам.

Указанные авторы приходят к тревожному выводу: современные государственные системы слабы, они не в состоянии гарантировать контроль над режимом нераспространения. Этот режим не предотвращает производства и обладания обогащенным ураном и сепарированным плутонием. Обещания не использовать этот уран и плутоний в «немирных» целях эфемерны.

Ощущение грозящего несчастья стало массовым. 60 % американцев признают, что они ныне *более обеспокоены* проблемой ядерной атаки, чем десять лет назад. Только теперь американцы приходят к выводу, что Усама бен Ладен вовсе не является одиночкой в своих поисках оружия массового поражения, направленного на Америку. Отчетливо проявили себя другие массовые организации — от Хезболлы до Джемая Исламии, до чеченских сепаратистов и крайних элементов среди мусульман Пакистана, у всех у них очевидны амбиции обзавестись ядерным оружием. Пока эти группы встречают на своем пути сложности. И все же такие специалисты, как Аллисон, считают, что система сохранности ядерного оружия становится все менее надежной. Об этом свидетельствует доклад Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), анализирующий 24 попытки похищения ядерных устройств. Аллисон достаточно убедительно показывает, что террористы *имели* возможность купить или украсть ядерное устройство или материалы для его созда-

[1]*Campbell K., Einhom R., Reiss M.* (eds). Trie Nuclear Tipping Point: Why States Reconsider Their Nuclear Choices. New York, 2004.

[2]*Levi M., O'Hanlon.* Future of Arms Control. Washington: Brookings Institution Press, 2005.

ния . На фоне терактов в России убедительность угрозы стала еще более определенной.

В дебатах по распространению откровенно обозначил себя пессимизм, некое фаталистическое приятие факта расширения круга ядерных государств. Эти эксперты-фаталисты признают, что администрация Дж. Буша-младшего проявила большую активность в борьбе с терроризмом, в противостоянии «оси зла», в провозглашении своего права на «предвосхищающие» удары. Но американская администрация ничего не сделала в деле контроля над потенциальными поставщиками ядерных устройств. Аллисон считает, что Буш должен был после сентября 2001 г. потребовать для расходования в среде уязвимого ядерного комплекса России 10 млрд долл. *в течение 100 дней,* а не на протяжении 10 лет, как пообещал американский президент. Следует обращаться с расщепляющими материалами столь же бережно, как с золотом, помещенным в форт Нокс, откуда еще не было похищений. Только так можно избежать того, что кажется

практически неминуемым — ядерного терроризма.

Наиболее сложная задача — следить за исследованиями в ядерной сфере, производимыми якобы в мирных целях.

Главное «светлое» пятно в деле сдерживания ядерного оружия последние 20 лет состоит в том, что процесс расползания атомных устройств и исследований удалось замедлить. Больше стран решило отказаться от ядерного оружия, чем приняло такую программу. Последние — Индия, Пакистан и объявившая о своем ядерном статусе в январе 2005 г. Северная Корея. Крушение СССР оставило лишь ядерную Россию. Отказались от ядерных программ Аргентина, Тайвань, Бразилия, Южная Африка (последняя фактически уничтожила арсенал из шести уже созданных ядерных зарядов). В первое десятилетие XXI века наступил еще один решающий момент — десятки стран готовы устремиться к ядерному вооружению, если препятствия будут известными и традиционными. Стимулы получения ядерного оружия увеличились — все увидели, что ждет неядерных противников Запада.

[1] *Allison G.* How to Stop Nuclear Terror («Foreign Affairs», January/February 2004, p. 31).

На первый план выдвинулась КНДР и Иран. Увеличились стимулы для ядерного вооружения соседних государств — Египта, Саудовской Аравии, Сирии, Турции, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Германии. Если нынешняя волна вооружит значительную часть амбициозных государств мира, вернуть мир в прежнее состояние будет сложно. И нет единого препятствия этому общему движению, каждое государство представляет собой своего рода уникальный случай, требующий особого подхода. Специалисты признают, что ситуация определенно изменилась. Раньше было достаточно отчетливо выраженного негативного американского отношения, чтобы претендент в ядерный клуб пригасил свои эмоции. Те времена уже прошли. Появились новые факторы, которые, собственно, не касаются Соединенных Штатов. Да и весь международный режим нераспространения становится все менее прочным. «Боясь появления новых обладателей ядерного оружия, даже те страны, которые в текущий момент не имеют особых ядерных амбиций, могут начать ощущать себя обязанными пересмотреть свой ядерный выбор, чтобы не оказаться последними в быстро расширяющемся ядерном клубе»[1]. Ситуация чем-то напоминает ту, которая предшествовала Первой мировой войне. Тогда ограничительные механизмы не сработали.

Опасность заключается в том, что Договор о нераспространении видится дающим всем странам право на активное развитие ядерной индустрии в мирных целях — и это при том, что мирное и немирное использование атомной энергии весьма часто использует одинаковую технологию, производство практически идентичных материалов. Все чаще правительства обращаются к сфере мирного атома, производя при этом материалы, аналогичные военным зарядам. Иногда это происходит целенаправленно и цинично; иногда «мирные атомщики» просто получают военный шанс, о котором уведомляют политическое руководство. Плутоний, получаемый на мирных АЭС, является готовым сырьем для атомной боеголовки — как и обогащенный уран. Ошибкой

[1] *Wolfstahl J.* The Next Nuclear Wave («Foreign Affairs», January/February 2005).

Ирана было не обогащение урана (это иранские специалисты делали сознательно), а то, что они не сумели сделать это без огласки. Тут-то деятельность Тегерана вступила в противоречие с правилами МАГАТЭ.

На Западе поднимается волна сторонников ужесточения контроля над производством оружия массового поражения. Ныне — в отличие от ситуации десятилетия назад — кажутся неприемлемыми широкие допуски к мирным

исследованиям атомной энергии. Опыт показал, что подобная терпимость чрезвычайно опасна; прежних уверений и международных механизмов уже недостаточно. Распространение ядерного оружия в первые десятилетия XXI века изменит мир, физически подготовив его к тому, что может оказаться Четвертой мировой войной.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

В 1994 г. одинокая Северная Корея подписала с Соединенными Штатами в Пхеньяне соглашение о замораживании всех программ, ведущих к созданию ядерного оружия. Но в ежегодном послании «О положении страны» президент Буш в январе 2002 г. включил КНДР в т. н. «ось зла» (наряду с Ираном и Ираком), что вызвало в Пхеньяне желание усилить свою военную мощь.

В КНДР вооруженные силы насчитывают 1,2 млн солдат, что, разумеется, огромная цифра при общем населении в 22 млн. Уже созданные северокорейские баллистические ракеты могли бы представлять угрозу соседним странам, прежде всего Южной Корее и Японии. Правительство Северной Кореи отказалось допустить международную инспекцию своего ядерного арсенала. И официальный Вашингтон настаивает на существовании свидетельств скрытой деятельности северных корейцев в ядерной сфере.

При этом северокорейский режим не демонстрирует слепого фанатизма, напротив, видны черты определенного прагматизма и стремления найти компромиссные решения. Правительство КНДР дало обещание прекратить развитие своей ядерной программы в обмен на помощь в поставках нефти и содействие строительству атомных электростанций

со стороны американцев. Было сделано несколько жестов по примирению с корейским Югом.

Критики американского курса в отношении КНДР указывают, что сам Вашингтон сделал несколько неожиданных поворотов в своей корейской политике. Жесткая новая риторика правительства Буша достаточно неожиданно сменила более умеренный подход Клинтона, что не способствует обсуждению корейской ядерной программы и прочих интересующих США вопросов. По крайней мере, администрация Буша не сумела доказать всем, что Северная Корея — это неразумное милитаристское государство, которое понимает только язык силы. Не будет ли ее словесное ожесточение более опасным, чем попытки компромисса?

Даже американские специалисты по Северной Корее критически относятся, мягко говоря, к прямолинейному курсу по отношению к Пхеньяну. Так, С. Харрисон указывает на постоянно проявляемую американской стороной неспособность выполнять обещания, данные северокорейскому руководству. Он пишет: «Северная Корея настойчиво продвигалась по пути нормализации начиная с 1994 года, когда две стороны пришли к договоренности, согласно которой Пхеньян согласился заморозить свою программу создания ядерного оружия в обмен на поставки нефти и строительство западными фирмами атомных реакторов. В 1999 году администрация Клинтона односторонне изменила основные пункты согласованной политики, и дипломатические переговоры на высоком уровне возобновились снова. Вашингтон подорвал соглашения, подписанные под его давлением»[1]. Сторонники жесткой линии в США стали указывать на то, что американские интересы страдают от этого неожиданного сближения с Северной Кореей. При всем этом специалисты, как С. Харрисон, убеждены, что продвижение северокорейских конструкторов по пути создания ракетного оружия преувеличено, равно как и общий потенциал северокорейской военной машины. Харрисон советует администрации Буша «осознать ту

реальность, что Северная

[1]Foreign Affairs. Background Brifings. Focus on the «Axis of Evil»: North Korea. April 2002.

114

Корея *не* находится на грани краха, и прекратить давление на ракетную программу корейцев как условие нормализации отношений»[1]. Другой американский специалист — К. Кольдер полагает, что в Вашингтоне недооценивают рациональности Ким Чен Ира и его прагматизма. Специальная группа совета по внешним сношениям опубликовала в 2001 году доклад, в котором указывает, что в случае односторонней жесткости с американской стороны дипломатические приобретения последних лет окажутся под угрозой. И все же преобладающим мнением в США является то, что ядерные специалисты КНДР приобрели достаточно обогащенного плутония для производства по меньшей мере одного ядерного заряда.

3 апреля 2002 года правительство КНДР впервые дало понять, что готово к диалогу с администрацией Буша. Официальное северокорейское агентство сообщило о том, что Север «решил возобновить переговоры» с организацией, созданной Америкой, Японией и Южной Кореей для претворения в жизнь соглашения 1994 г., по которому КНДР обещала прекратить развитие программы разработки ядерного оружия. Но ни администрация президента, ни американские законодатели не интерпретировали публично это заявление как официальный ответ на угрозы и предложения Соединенных Штатов, а только по минимуму как согласие восстановить сотрудничество с Организацией по развитию энергетики на Корейском полуострове. В центре внимания вопрос о строительстве указанной организацией на территории Северной Кореи двух легководных ядерных реакторов (напомним, что в 1994 году Америка выразила желание помочь в финансировании данного проекта стоимостью 4,6 млрд долл.; а до ввода в строй реакторов пообещала Северной Корее топливный мазут). Реализация проекта отодвинута, как минимум, до 2008 года. Администрация Буша-младшего ведет сложную политику. Эта политика сочетает в себе жесткость и тот самый пряник, от которого Пхеньян не может отказаться. На фоне причисления

[1]Foreign Affairs. Background Brifings. Focus on the «Axis of Evil»: North Korea. April 2002.

115

Северной Кореи к «оси зла» такая политика видится двусмысленной.

Драматическим развитие событий стало после 4 октября 2002 г., когда администрация Буша (заметим, что этот поворот произошел месяц спустя после провозглашения «доктрины Буша», декларировавшей готовность Вашингтона к односторонним силовым действиям против любого государства, которое американцы оценят как «угрожающее Соединенным Штатам») неожиданно обвинила правительство КНДР в тайных усилиях по созданию ядерного оружия.

Неоконсервативная администрация объявила, что Соединенные Штаты не считают себя связанными данными в 1994 г. обязательствами. Собственно конфронтация началась в апреле 2002 г., когда Соединенные Штаты блокировали принятый обеими Кореями проект смычки северной и южной железнодорожных магистралей с целью создания в Северной Корее, в Кэсоне, международной индустриальной зоны, в которой хотели участвовать около тысячи южнокорейских фирм. Американцы резко выступили против разминирования панмыньчжонской полосы (разделяющей две Кореи). Более того. Американская сторона заявила, что, в случае неподчинения корейцев американским требованиям, Вашингтон заблокирует корейский проект, ограничивая использование американских лицензий на передовые технологии, запрещая инвестировать в указанную зону.

Обе корейские стороны чувствовали себя ущемленными. Южная Корея предприняла особые усилия, чтобы переубедить американцев. В августе 2002 г.

президент Южной Кореи Ким Тэ Чжун лично обратился к президенту Бушу-младшему с просьбой снять свои возражения. Последовала подлинная дипломатическая битва, и Вашингтон решил несколько отступить. 12 сентября 2002 г. американское военное ведомство неохотно сняло свои возражения и позволило южнокорейцам приступить к началу разминирования приграничной полосы.

Здесь в ситуацию вторгся японский фактор. Практически не уведомив американцев, японский премьер Дзюньитиро Коидзуми посетил Северную Корею в сентябре 2002 г.

116

Заместителю госсекретаря Ричарду Армитеджу было сказано об этом визите в последний момент, и Коидзуми не *попросил* американского разрешения совершить визит в Пхеньян. Более того, Коидзуми отказался отложить визит даже после того, как Вашингтон высказался о своих опасениях в отношении секретной урановой программы Пхеньяна. Администрация Буша обостренно переживала новую степень самостоятельности своих фактических сателлитов — Японии и Южной Кореи, стран, на территории которых размещены американские войска. Председатель департамента стратегических исследований в Военно-морском колледже США Джонатан Поллак писал по поводу сложившейся обстановки: «Существуют реальные опасения того, что ситуация на Корейском полуострове будет во все возрастающей степени зависеть от *других*.

Госдепартамент послал в Пхеньян ответственного за корейскую политику Келли через три недели после встречи Коидзуми с Ким Чен Иром. Келли, основываясь на специальных докладах ЦРУ, выдвинул северокорейской стороне ряд обвинений в осуществлении ядерной программы. Дипломаты Буша открыто критиковали «слишком мягкий» подход к Северной Корее администрации Билла Клинтона. Новый доклад ЦРУ в ноябре 2002 г. был еще более жестким. Окружением президента Буша было решено оказать на Пхеньян давление. (При этом американская сторона никак не оповещала китайских, русских и прочих партнеров по шестисторонним переговорам о жестко известных новых фактах. Американская сторона говорила, что опасается раскрыть свои источники. Представитель КНР позже скажет, что «до сих пор Соединенные Штаты не представили убедительных свидетельств существования урановой программы. Мы не знаем, существует ли она»[1].)

Американцы говорили о попытках северокорейских ведомств закупить оборудование, которое можно использовать для создания урановой центрифуги (переключатели частоты тока, сверхчистый кобальтовый порошок для под-

[1] «New York Times», June 7, 2004.

117

шипников в больших магнитах, сверхпрочные алюминиевые трубы).

14 ноября 2002 г. США объявили о прекращении поставок нефти Северной Корее, которой отныне нечего стало терять. Правительство КНДР в ответ выдворило из страны международных инспекторов и возобновило остановленные эксперименты воспроизводства плутония. Как должны были реагировать власти Пхеньяна на жесткий нажим Вашингтона? По оценке американского специалиста в корейских делах Зелига Гаррисона, «администрация Буша восприняла наихудший из возможных сценариев в качестве неопровержимой истины, она преувеличила (во многом именно так, как она поступила в отношении Ирака) степень опасности якобы производимых Пхеньяном усилий по секретному созданию ядерного оружия на основе обогащенного урана. Неумение различить гражданские и военные усилия по обогащению урана в огромной степени усложнило то, что в любом случае было бы сложными переговорами»[1].

В 2003 г. японская сторона запретила северокорейцам закупить

высокочастотные конвертеры. И все же Лондонский международный институт стратегических исследований пришел к выводу, что «неудачи Северной Кореи в закупках приводят к мысли, что Северная Корея еще не имеет слишком многих ключевых элементов, особенно специальных марок стальных роторов и подшипников для роторов».

Для создания ядерного оружия нужна постоянная работа сотен и даже тысяч центрифуг — и на протяжении значительного периода времени. Американские специалисты обозначили основные параметры так: работа 1300 центрифуг на протяжении трех лет дает 60 килограммов ядерного «взрывчатого» вещества. Все это потребовало бы огромного расхода электрической энергии. Возникли версии, что севе-рокорейцы используют моторы поставлявшихся Россией истребителей «МиГ-21». Общая оценка успеха Пхеньяна на этом пути была весьма скептической.

[1]*Harrison S.* Did North Korea Cheat? («Foreign Affairs», January/February 2005, p. 82).

Инспектировавший северокорейские предприятия в 1990-х годах Роберт Альварес выразил скепсис по поводу «способности Северной Кореи преодолеть технологические сложности. Им нужны более совершенные инструменты. У них, в отличие от иранцев, нет средств купить фантастическую современную технологию. Ливийцы не смогли добиться успеха даже с помощью Пакистана».

Сейчас можно сказать определенно, что КНДР *не прибегала к тайному ядерному вооружению* до того момента, когда администрация Буша нарушила обоюдную договоренность и перестала поставлять нефть крайне нуждающейся в ней Северной Корее. Далее обозревать события становится сложно. Американские наблюдатели знают только одно: обозревать с воздуха комплексы по обогащению урана легче, чем предприятия плутониевого цикла. В сложившейся ситуации стали невозможными какие бы то ни было инспекции — а только они могут дать определенные данные. Теперь и Северная Корея стала предполагать *худший* вариант развития событий в отношении себя, примеры этого она видела в Ираке. Маловероятно, чтобы она согласилась на инспекцию своих самых секретных предприятий. Вопрос теперь заключается в том, *сколько* высокообогащенного ядерного материала она имеет. Примерно ясно, что, не сдерживаемая прежними ограничительными соглашениями, Северная Корея обработала некоторые (или все) из 8000 плутониевых стержней на своем Йонбэнском реакторе.

Своим грубым нажимом, видя в происходящем худшее, предполагая обогащение урана, администрация Буша-младшего уничтожила собственный доступ к единственной реальной программе: процессу воспроизводства *плутония.* Готового сырья для ядерных боезарядов. Случилось в определенной степени то, что имело место с оценкой Ирака. В октябре 2004 г. тогдашний советник Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс сказала следующие важные слова, объясняющие мыслительный ход руководства неоконсервативной администрации: «Политик не может позволить себе ошибки, предаваясь благодушию, учитывая особенности тиранов типа Саддама Хусейна». Генерал

Джеймс Клеппер, директор Агентства оборонной разведки (АОР), разъясняет: «Мы не нашли прямых улик, но мы обязаны исходить в случае с Северной Кореей из самого худшего варианта». ЦРУ и АОР утверждают, что КНДР имеет «один или два» ядерных заряда с 1994 г.

Теперь, когда договоренность 1994 г. развалилась, ЦРУ полагает, что КНДР стала пользоваться поддержкой Пакистана, его материальными средствами и оборудованием. Начиная с 1998 г. американцы обнаружили навещающих Северную Корею пакистанских ядерных физиков. Взамен северокорейских ракет

Исламабад представил техническую помощь в создании ядерных боеголовок. Но пакистанский президент Первез Мушарраф категорически отверг подобные суждения, хотя недавние признания главы ядерной программы Пакистана Абдул Кадыр Хана рисуют более сложную картину, позволяющую говорить о пакистано-северокорейском сотрудничестве. В 2002 г. ЦРУ утверждало, что Пакистан обеспечил Северную Корею прототипами центрифуг и чертежами. Неясно, *сколько* центрифуг получила КНДР от Пакистана. Французы в 2003 г. перехватили алюминиевые трубы именно того типа, который использует Пакистан. Скорее всего, все же Пакистан не мог поставить *много* центрифуг. Теперь стало достоянием гласности, что Ливию снабжала центрифугами Малайзия. Американцы проверили, пока нет данных, что Малайзия снабжала и Северную Корею, с чем согласна и британская разведка.

Администрация Буша закусила удила. Она потребовала от Северной Кореи (а также от Бразилии и Ирана) прекращения всех работ в ядерной сфере, в том числе и тех, что легально разрешены режимом нераспространения и не преследуются МАГАТЭ. 24 июня 2004 г. на шестисторонних переговорах в Пекине (с участием США, Китая, России, Японии, Южной Кореи и Северной Кореи) американская делегация представила новый детализированный план соглашения по денуклеаризации КНДР. Еще до начала консультаций администрация Буша-младшего стала настаивать на признании существования предприятий по обогащению урана, администрация потребовала указать место, где происходят эти процессы. Пхеньян отказался подтвердить или

опровергнуть наличие подобных предприятий. В такой обстановке плодотворное проведение шестисторонних переговоров исключено.

Американцы сами исключают свою сильнейшую сторону — полную нормализацию отношений и сопутствующие ей экономически соблазнительные предложения. В результате страдает их безопасность в свете плутониевой программы КНДР.

Из внешних сил наибольшее влияние на Северную Корею имеет Китай, на который приходится до 90 % поставляемой в КНДР электрической энергии и 38 % всего импорта Пхеньяна, треть всей экономической помощи. До сих пор Китай проводил достаточно спокойную линию в отношении Северной Кореи. Пекин сыграл ключевую роль во внутрикорейском диалоге, который привел в 2000 г. к встрече двух Корей на высшем уровне. Китай определенно поощряет КНДР к проведению (пока малозаметных) экономических реформ. Китайцы приглашали Ким Чен Ира в Шанхай. Представляется, что Китай видит в КНДР дополнительный антиамериканский буфер. Помимо прочего, Китай не хотел бы видеть развал Северной Кореи — миллионы корейцев могли бы на севере пересечь в поисках работы границу с Китаем.

Практически очевидно, что в Пхеньяне идет борьба т.н. «прагматиков», склонных к компромиссу, со сторонниками жесткой линии, представленными влиятельными вооруженными силами страны. Американский генерал, посетивший Северную Корею в апреле 2004 г., пришел к выводу, что северокорейское руководство считает выгодным для себя сохранять «неясность» относительно ядерных возможностей страны, делая при этом намеки на *наличие* ядерного оружия.

В этой патовой ситуации Северная Корея пришла к выводу, что ей нечего терять. Она использовала накопленные у нее запасы годного к использованию в военных целях плутония и интенсифицировала свои усилия. Одновременно Пхеньян предлагал Вашингтону заключить некий пакт о ненападении. Получив отказ американской стороны, северные корейцы увидели в нем силовую угрозу. Северная Ко-

121
рея испытала ракету средней дальности «Нодон», несущую 800-килограммовый груз на расстояние в 1500 километров. У северокорейцев есть и еще не испытанная ракета «Тэпходон», способная (по западным оценкам) нести груз в несколько сот килограммов на расстояние более 10 тысяч километров, что означает достижимость Тихоокеанского побережья США.

Согласно оценкам американского генерала Гэри Лака, война с Северной Кореей обошлась бы Соединенным Штатам в 1 триллион долл. экономических потерь и в 1 млн убитыми, среди которых были бы и 52 тыс. американских военнослужащих[1] .

В январе 2005 г. Пхеньян сделал демонстративное заявление о *наличии* у него ядерного оружия и средств его доставки.

«ОТРАБОТАННЫЙ» УРАН

Но ядерным сделает будущий конфликт не обязательно создание «совершенных» образцов ядерного оружия. Одним из наиболее существенных фактов современного мира является наличие на планете более 700 000 тонн «отработанного» урана, результат деятельности атомных электростанций и заводов по производству ядерного оружия. «Отработанный» уран является отработанным только в определенном смысле. Речь идет об элементе U-238, который излучает альфа-частицы. Ближайший к нему U-235 излучает преимущественно гамма-лучи, легко проникающие в тело человека. Учтем и то, что альфа-частицы в 20 раз более генотоксичны.

Если содержимым снаряда становится U-238 в виде пыли, то излучаемые альфа-частицы могут рассматриваться как поражающие легкие и желудок с конечным летальным исходом. Уже в 1980-е гг. Пентагон начал рассматривать идею использования вместо свинца в снарядах ядерных отходов. Многие авторы (такие, например, как Том Хартман)

[1] *Kang D. and Cha V.* Think Again: The Korea Crisis («Foreign Policy», May/June 2003).

122
уверены в том, что армия США использовала ядерные отходы таким образом на крылатых ракетах и в артиллерийских снарядах калибра 105 и 120 мм. Во время первой иракской войны американская армия использовала более 300 тонн ядерных отходов. В войне 2003 г. — в три раза больше[1]. Уже в ходе первой иракской войны армия США выпустила 900 000 снарядов. Предполагается, что на Балканах американцы выстрелили еще большим числом подобных снарядов. Трудно ли завладеть таким «грязным» ядерным оружием? Четвертая мировая война будет иметь в своем арсенале «грязное» ядерное оружие с самого начала.

Глава 6
СТОИМОСТЬ ДЕМОКРАТИИ

ИНСТРУМЕНТ ИЛИ САМОЦЕЛЬ

Спор о демократии принял тривиальную и примитивную форму. Хотя бы потому, что он ведется в отрыве от понятия «общественное благо». Хотя бы потому, что наиболее рьяные суждения ведут те, кто никогда не видел прямого демократического выбора в малых кантонах Швейцарии, кто ставит на одну доску индийскую и британскую демократии, кто видит в проявлении желаний *демоса* благо уже само по себе. Скрижали истории, фиксирующие самоубийственность и гибель многих демократий, многим современным рьяным ее сторонникам практически неведомы. Им достаточно парадоксальной формулы Уинстона Черчилля о том, что демократия «очень плохая форма правления, но остальные — еще хуже». Строить свои суждения о знамении времени — *демократизации* — на

парадоксах едва ли целесообразно. История и экономика — более надежные столпы.

Обращаясь к опыту государственного правления, не-

[1]*Hartmann Th.* The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 153.

трудно заметить, что система государственного управления может быть очень недорогой. Дважды в день протягивал спартанец ладонь за оливками, а Спарта стояла столетия (и в конечном счете сокрушила и блестящую демократию Афин). Но *демократия* может стать плодотворным — и наиболее приближенным к справедливости — способом правления *только на определенном экономическом основании.* Античные полисы, как и Рим, стали республиками с расцветом античного сельского хозяйства и активного товарообмена. Голландия, а за ней Британия доказали жизненность демократического правления, только достигнув определенного экономического уровня развития. Когда последний крестьянин переселился в каменный дом и когда коллекционировать Рембрандта сделалось хобби.

Западный мир двадцать столетий несет в чужие пределы христианство, но *демократия* стала экспортным продуктом этого мира лишь краткое число десятилетий. Демократии, собственно, не более восьми десятилетий — только в 1920 г. женщины получили право голоса в англосаксонских столпах демократии. И уж совсем недавно западный ученый мир пришел к выводу, что «чем больше благосостояние нации, тем больше у этой нации шансов на формирование устойчивой демократии». Это сказал в 1959 г. американец Сеймур Мартин Липсет[1] и вызвал, надо сказать, бурю споров. Но с утроением за полстолетия численности суверенных государств мы получили невиданный прежде по наглядности опыт, и давайте разберемся, как зависит демократическая форма правления от экономического благополучия данного государства.

Практически любое современное государство может при определенных условиях обрести демократическую форму правления. Вопрос заключается скорее в том, чтобы сохранить демократию, сделать демократическую форму правления *устойчивой.*

[1]*Lipset S. M.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy («American Political Science Review», March 1959, p. 53).

УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ

Статистика в этом отношении дает основания для весьма жестких выводов.

Если в данной, обретшей демократическую форму правления стране доход на душу населения в год составляет в текущих американских долларах цифру ниже 1500, то жизнеспособность данной демократии не превышает восьми лет. В том случае, когда этот среднегодичный уровень размещается между полутора и тремя тысячами долларов США, то выживаемость демократической формы правления повышается до восемнадцати лет. Очень важный уровень — 6 тыс. американских долл. в год. С достижением этого уровня демократия начинает приобретать устойчивость. Вероятие возврата (ухода) к тоталитаризму весьма резко сокращается. Подлинный пункт «нет возврата» демократия преодолевает при достижении цифры 9 тыс. американских долл. в год на жителя страны. Демократическая форма правления теряет качества хрупкости, она уже практически не нуждается в «благорасположенном тиране».

Что говорит история западного мира? Первые шаги в направлении демократии западноевропейские страны сделали примерно в 1820 г., когда начался процесс расширения доли населения, пользующегося избирательными правами. 1870 г. ознаменовал достижения среднего уровня в 2700 долл. — демократия колеблется, — и только к 1913 году основные западноевропейские

страны перешагнули рубеж 4900 долл. в год на гражданина. После 1945 г. главные западные страны достигли искомых 6 тыс. долл. в год. Значительно позже эту грань пересекли Испания, Португалия, Греция. И очень хрупки демократические достижения на Балканах. А ведь речь идет о Европе и о странах, явственно попавших в орбиту западного влияния. Что же говорить о бедном и отдаленном мире, где исключения (вроде Южной Кореи) подлинно редки? Напомним, что попытки демократизации в той же Южной Корее провалились в 1960—1980-х годах, пока цифры не засвидетельствовали о подлинной экономической зрелости страны, высоте ее жизненного
125
уровня. Героев хватало, но волна прилива била в противоположном направлении (президент Ким Тэ Чжун, скажем, сидел в это время в тюрьме). И те, кто на Тайване страдали за свои убеждения в 1960-е годы, возглавили страну лишь 40 лет спустя. Чего не случилось, скажем, с Египтом или Угандой, безнадежно отставших экономически.

Неизбежен вопрос: почему благосостояние благотворно для демократии? И не всякое благосостояние — Нигерия, Венесуэла и феодальные княжества Персидского залива стали явно богаче, но почти ни на йоту не приблизились к демократии. Здесь мы подходим к сути вопроса. При доходе в полторы тысячи долларов в год правительство данной страны *не зависит* от воли граждан. Оно зависит от естественных ресурсов. От полезных ископаемых и всего, что можно продать от лица государства или обложить большим государственным налогом. Поэтому нефть не несет демократии, как бы ни росли цифры, — доходы на армию и полицию, на административный аппарат получают «из земли», а не от граждан, от которых они в данном случае практически не зависят.

Но, приблизившись к «трудовым» 6—9 тыс. долл. на душу населения в год, правители начинают зависеть *от налогов.* Зависеть от нас с вами (ныне плоско шутящих о плоском налоге, забыв, что *прогрессивный* налог всегда был главным показателем прогрессивности данного режима). А после 9 тыс. долл. правительственный аппарат уже решающим образом зависит не от черной нефти, а от нашей готовности на свои деньги содержать то или иное правительство. Недра питают государственную казну, но не тягу к демократическому правлению (если только эти недра не принадлежат собственно населению, как, скажем, в Норвегии — второй по богатству в Европе на душу населения стране), они не являются *res publico* — общественным достоянием. Приведем пример: нефтебогатая Мексика прочно встала на путь демократического развития только после того, как в конце 1990-х годов превысила уровень 9 тыс. долл. на душу населения в год. К этому же уровню приблизились Словения, Сингапур, Турция, Малайзия.
126

Что из всего этого проистекает? Блажью является строительство всяческих «левых» и «правых» центров, массовых партий демократической ориентации, если подобная демократия лишь укрепляет нефтегазовую «костяную ногу» демократической красавицы. Некоторые страны едва ли не благословляют *отсутствие* полезных ископаемых (к примеру, Турция). Кто-нибудь слышал об ископаемых в Швейцарии? Но эта страна, ее демократическое правительство постоянно держат в поле зрения общественное благо, последовательно специализируя страну на туризме, производстве часов, банковском деле, а теперь на образовании (даже англичане сегодня присылают своих детей учиться в Швейцарию). Как только федеральный Берн перестанет эффективно работать в геоэкономической ориентации, его самые богатые в Европе налогоплательщики немедленно свергнут сонное правительство — ведь только в этом сказывается замечательное свойство демократии.

Вот и приходится правому политику Берлускони выдвигать 125 проектов обновления Италии, в то время как сонные квазидемократии Востока раздают своим богачам национальные лесопарки, месторождения и секторы максимального рыбоулова. Низвергать однопартийную систему и открываться миру лишь для того, чтобы склеивать заново страну, — это очень по-нашему. «Не сотвори себе кумира», говорит Библия, и это хорошее напоминание тем, кто жует формулу «свободный рынок и представительная демократия».

Демократия — это не мантра, не восточный «сим-сим». Это не чудесное слово сказок и преданий. Это просто *способ,* это инструмент разрешения общественных коллизий, это попытка дать шанс энергии и уму *многих,* талантам широкого демоса. Цель — благосостояние народа, а не крах барьеров на пути к благосостоянию немногих. Демократия возможна только в случае принятия национальной концепции развития, привития современных технологий и подъема жизненного уровня до той планки, когда мы — налогоплательщики — содержим государство, а не оно пользуется нашей пассивностью.

127

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Так называемая «третья волна» демократизации обрушилась на мир в 1990 году. Прошло пятнадцать лет, и можно сделать определенные выводы. Первоначальный оптимизм определенно увял, и о трудностях демократизации сегодня говорят от России до Латинской Америки. Особые споры вызвал Ближний Восток, ставший ареной насильственной демократизации. На пути демократизаторов встал, однако, жесткий факт: арабские страны не только не стали более демократичными, а сделали явный шаг в сторону исламского фундаментализма. Но еще хуже ситуация в таких районах, как Африка южнее Сахары. И открылась истина — *неведомой руки рынка нет.* Наихудшее положение складывается там, где государственные структуры обрушились до основания. Новые и более острые проблемы возникли там, где государство впало в анемию, где государственные устои перестали быть цивилизующим звеном. Там практически немедленно воцарилась нищета, исчезло представление о гражданских правах, возобладал терроризм, хлынули потоки беженцев повсюду — от Сомали до Гаити и Афганистана.

Хуже с искусственными формированиями. В Ираке американцы создали ручную коалицию временной власти. Находясь под крылом американцев, этот орган блокировал создание даже местной, провинциальной власти. Лишь значительно позднее американцы увидели, что хаос обращается против них, и объявили о национальных выборах в Ираке. Время безвластия обеспечило лишь партизанскую войну. Как пишет Френсис Фукуяма, «планируя оккупацию Ирака, администрация Буша практически не использовала прежних административных институтов этой страны. Она начала послевоенную реконструкцию очень поздно, посвятив этому делу слишком мало внимания и ресурсов». Еще более важны *следующие обобщающие* слова Фукуямы: *«Прежде чем строить демократию, необходимо иметь государство;* иметь устойчивое государство»[1].

[1]*Fukuyama F.* «Stateness» First» («Journal of Democracy», January 2005, p. 85).

128

Безысходность не имеющего шансов бывшего «третьего» и части «второго» мира, не находящих своего места — ниши на мировых рынках и ощущающих на себе последствия катастрофического ослабления государственных структур, породит колоссальную нестабильность, порождающую, помимо прочего, терроризм.

Хотя государство-нация — сравнительно недавняя форма человеческого общежития (государство-нация было продуктом индустриальной революции XVIII в., результатом уникальных сочетаний исторических условий), гражданская

дисциплина подданных государств все новое время была наиболее обязывающим и обеспечивающим порядок фактором. Впереди — резкое ослабление этого стабилизирующего начала, значительная массовая радикализация, которая обрушится на человечество вследствие ослабления внутренних структур суверенных государств, явственное ослабление государства по мере вхождения человечества в современную — третью научно-техническую революцию. Мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу уменьшаются. «Концепция нации, — пишет американец Д. Риеф, — находится под ударом с множества сторон... Возможно и даже вероятно, что первые десятилетия нового века будут эрой ускорения эрозии мирового порядка, построенного на системе государств»[1]. Говоря словами американского специалиста В. Райнеке, государство «потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого»[2].

Государства теряют свою национальную идентичность и, соответственно, организующую мощь по нескольким причинам.

Во-первых — и прежде всего, кризис государства сказывается, в частности, в том, что ослабляется гражданская лояльность, «приверженность флагу» — всем государствен-

[1]*Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 11).

[2] *Reinecke W.* Global Public Policy («Foreign Affairs», Nov./Dec. 1997, p. 137).

ным атрибутам. К примеру, 34 % американцев открыто утверждают, что не доверяют своему правительству. Согласно опросам общественного мнения, падение доверия к правительству зафиксировано в 11 из европейских стран[1]. Это происходит из-за недовольства государственным курсом, несогласием с государственной практикой, ощущением собственной маргинализации. В немалой степени сказываются скандалы на высшем государственном уровне (от «уотергейта» 1972 —1974 гг. до дела «Энрон» в США в 2002 г.), измельчание лидеров, разоблачающая роль средств массовой информации.

Во-вторых, растет давление негосударственных организаций. В 1909 г. в мире было 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, а в начале XXI в. межгосударственных международных организаций стало уже 260, а негосударственных международных организаций — 5472[2]. Если в середине XIX века в мире ежегодно созывалось две или три международные конференции, то ныне в год созывается более 4000 международных конференций[3]. Такие организации, как Г-7, ЕС, МВФ, ОЭСР, ОБСЕ, ПАСЕ, АПЕК, МЕРКОСУР и пр., принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав.

В-третьих, интересы экономической экспансии начинают вступать в противодействие с прежним «священным» желанием четко фиксировать свои национальные границы. Государственные национальные банки не контролируют более национальную валюту. В случае с ЕС наднациональное *евро* заменило ряд важнейших мировых валют. Национальные банки подвергаются нашествию потоков ино-

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 46.

[2]*Held D.* e.a. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 53.

[3] *Zacher M.* International organizations (In: Krieger J. — ed. The Oxford Companion to Politics of the World. Oxford: Oxford University Press, 1993.

странной валюты, приступам террористов, потоку наркотиков, радиоволнам самой различной информации, приходу разнообразных религиозных сект. На

государственный суверенитет воздействует хотя бы тот факт, что полмиллиарда туристов посещают ежегодно самые отдаленные уголки планеты. По мнению одного из наиболее видных пророков упадка государств-наций в XXI веке — японца Кеничи Омае, потребности экономического роста тут не сочетаются со святынями национальной суверенности, национальные границы препятствуют экономическому росту и в целом общественной эволюции. Он предсказывает создание «естественных экономических зон» или «региональных государств», которые сметут мощь прежних национальных столиц[1].

В-четвертых, такие социоэкономические факторы, как новые условия мировой торговли или один лишь возросший поток бедняков из бедных стран в богатые, изменят характер суверенного государства. Как может быть сохранен суверенитет государства в условиях, когда «многонациональные корпорации настаивают на том, что фундаментальной реальностью Интернета является отсутствие какой-либо ответственности за поток информации? И как сплетение государственной власти с националистической мифологией будет возможно в эпоху массовой миграции?»[2]. «Децентрализация знаний, — пишет историк П. Кеннеди, — работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций. Мировые финансы в их свободном разливе неостановимы, и трудно представить, как их можно контролировать.

Огромные многонациональные корпорации, способные перемещать ресурсы из одного конца планеты в другой, являются подлинно суверенными игроками мировой сцены. Перемещение наркотиков и международных террористов также являет собой угрозу традиционным государствам.

[1]*Kenichi Omae.* The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995.

[2]*Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).

(Напомним, что торговля наркотиками дошла до 300 млрд долл., а организованная преступность стала наиболее острой мировой проблемой. - *А.У.)* Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса» . Подрыву авторитета государств (на что все активнее указывают алармисты) способствует быстро растущая опасность со стороны международного терроризма. Доступ к самой передовой технологии и современной технике в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группе фанатиков, террористов, приверженцев любой экстремальной идеи — деструктивным общественным силам.

Процесс ослабления государственных организмов крайне болезнен и таит опасные последствия. Видя отступающее государство, гражданин теряет четкое представление о лояльности. Как пишет американский специалист С. Стрейндж, «в мире многосторонней, претерпевшей диффузию власти наше собственное сознание становится нашим единственным компасом»[2]. Это сознание ищет солидарное культурное окружение, а не старинную лояльность к узкочиновничьим структурам.

В-пятых, еще более грозная сила наносит государственным системам удар со стороны этнического самоутверждения всех возможных видов. Словно проснулись демоны, спавшие историческим сном.

Принцип национального самоопределения был отчетливо выражен президентом В. Вильсоном восемьдесят лет назад: «Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна». Государственный секретарь США Р. Лансинг записал в дневнике: «Эта фраза начинена динамитом. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта

[1] *Kennedy P.* The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).

[2] *Strange S.* The Retreat of the State. Cambridge, 1996, p. 199.

132

фраза будет стоить многих тысяч жизней» . Но главенствовать этот принцип стал тогда, когда историческая память о нем (рассчитанном на конкретную цель — развал противостоящей Австро-Венгрии) сошла на нет. При этом историческая память народов стала как бы ослабевать, и уже не все помнят, что случилось с распавшимся Китаем в 1920-х гг. и во время культурной революции, «со многими африканскими государствами после получения ими независимости, с современной постсоветской Россией»[2].

«Приливная волна сецессионизма, обрушившаяся на весь мир сегодня, является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она движима и глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира»[3]. Дело скорее даже не в глобализации, а в примере и поощряющей силе, продемонстрированных двумя крупнейшими европейскими государствами в процессе феноменального проявления этнического самоутверждения — Германией и Российской Федерацией в 1989 г. «Дипломатия Бонна создала чрезвычайно настораживающий прецедент... Послание, полученное Любляной, Загребом и всеми, кто того желал, значило, что принцип самоопределения может легитимно крушить многонациональные государства»[4].

Порожденная объединением Германии и провозглашением суверенности России цепь этнических выделений создала поток, способный привести к распаду даже самые устоявшиеся общества. Если в 1914 г. в Европе было 17 государств, в 1922 г. — 24, то в 2000 г. — 44 государства (22 из них возникли после провозглашения суверенитета России). К XXI в. международная система пришла с возникшей Эритреей. Шотландия и Уэльс проголосовали за создание

[1]*Moynihan D. P.* Pandemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press, 1993, p. 83.

[2]*Waltz K.* Globalization and American Power («The Nationa! Interest», Spring 2000, p. 51).

[3] *Enriques J.* Too Many Flags? («Foreign Policy», Fail 1999, p. 31).

[4]*Buchheit L.* Secession: The Legitimacy of Self-Determination. New Hawen, 1978, p. 222.

133

собственных парламентов, снова взорвался Ольстер, идет война с курдами, в огне Кашмир, на виду у всех Косово. Грозит расколом Македония. Почти всем стало ясно, что этнические конфликты решительно заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Х. Ханнумом из Тафтского университета мы можем смело сделать вывод: «Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение как самый важный прецедент»[1].

Великий Карл Поппер, идеолог философского рационализма, постулирует: «Национализм взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободить себя от груза индивидуальной ответственности»[2]. Это явление обещает хаос планетарных размеров. Один из ведущих экспертов по данному вопросу Э. Смит подчеркивает, что возникновение новых и новых малых государств «имеет тенденцию производить широкий поток беженцев, эмигрантов, потерявших ориентацию в жизни людей»[J].

Какими же будут выводы на XXI век? Все большее число специалистов на Западе признают, что «столетний опыт взаимоотношения движений националистического самоопределения и демократии обещает все более серьезные проблемы впереди»[4]. И в этом смысле, по меньшей мере в начале XXI

в., они не видят возможности выработки надежно проверяемых критериев, «оправдывающих» сецессию. Общая линия рассуждения специалистов — международных юристов, не историков — идет по следующему руслу: «Необходим континуум компенсационных мер, начинающихся

[1] *Hannum H.* The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination («Foreign Affairs», March-April 1998, p. 13)

[2] *Popper K.* The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. Princeton, 1963, p. 49.

[3] *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986, p. 219.

[4] *Hodge C.* Op. cit., p. 13.

с защиты прав личности, переходящих в защиту прав меньшинств и оканчивающихся сецессией исключительно в крайнем случае»[1].

«Если национальное самоопределение» является самозваным надгосударственным приоритетом конца XX — начала XXI в., то самоуспокоение, безусловно, является преждевременным. Принципом самоопределения руководствуются косовары в Косово, курды на Среднем Востоке, жители Восточного Тимора, сторонники шотландского парламента, жители Ирана, Квебека, Северной Ирландии и прочие борцы за национальное самоопределение. Молчаливое поощрение или непротивление мирового сообщества привело к тому, что «мир стал полон диссидентствующих провинций, желающих автономии и суверенитета»[2]. Первый же поход оранжистов по католическим кварталам пробудит старых демонов. Жрецы самоопределения прибегают к референдумам и плебисцитам, как бы совершенно не ощущая, что носитель данного культурного кода дает на референдуме ответ вовсе не на «тот» вопрос. Он отвечает своим эмоциям — любит ли он свою общину, язык, традиции. И еще до проведения любого референдума ясно, что любит. Гражданин выступает уже не как гражданин данной страны, а как сын своего этноса — и отказать ему в сыновней любви просто невообразимо. Но он не отдает свой голос за фанатика, который завтра воспользуется его кроткой или не кроткой любовью и превратит привязанность к своему в ненависть к чужому.

Главные действующие лица на мировой арене и мировые организации начиная с ООН в будущем будут стоять перед необходимостью выработки отношения к центробежным силам современного мира. И если сейчас не будут найдены базовые правила, то термоядерной реакции этнического распада нет предела. Согласно мнению Х. Ханума, «важно отвергнуть утверждения, что каждый этнически или культурно отличный от других народ, нация или этническая

[1] «World Policy Journal», Spring (997, p. 16. [2] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 61).

группа имеет автоматическое право на свое собственное государство или что этнически гомогенные государства желательны сами по себе. Даже в тех условиях, где гражданские права соблюдаются, глобальная система государств, основанных преимущественно на этническом принципе или на исторических претензиях, определенно недостижима»[1]. В любом случае обособление одной национальности будет означать попадание в якобы гомогенное окружение новых этнических меньшинств. История всегда будет делать полный круг — пусть на меньшем, но столь же значимом витке исторической спирали. Снова определится этническое большинство и сработает прежний стереотип: добиваться прав не за счет равенства, а за счет сецессии.

Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашали «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и информационное единство мира. Оказывается, что преждевременная модернизация сознания

отрывает от реальной почвы. А реальность — это то, что, встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, мир делает XXI век временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования (а отнюдь не Интернет) будет смыслом существования нашего поколения, и следующего, и еще одного.

Определенная часть американского истеблишмента уже ведет серьезную подготовку к такому повороту мировой истории, к *приятию* «самоопределительной» фазы как неизбежной. Бывший председатель Национального совета по разведке Центрального разведывательного управления США г. Фуллер даже не имеет сомнения в будущем: «Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоутвер-

[1] «World Policy Journal», Spring 1997, p. 16.

ждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, неспособные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка». В течение века, полагает Фуллер, произойдет утроение числа государств — членов ООН. И остановить этот поток невозможно. *«Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны»*[1]. *Значительная часть американских специалистов призывает «главные державы, включая Соединенные Штаты (склонные искать стабильности в любой форме, поскольку это защищает полезное статус-кво) прийти к осознанию того факта, что мировые границы неизбежно будут перекроены»*[2].

Те, кто думает о будущем после сентября 2001 г., не могут не понимать, что смещение мирового восприятия к главенству этноцентризма не пощадит никого. Скажем, преобладающей становится точка зрения, что после неизбежного коллапса коммунистической системы в Китае Пекин не сумеет удержать в рамках единого государства исход жителей Тибета, уйгуров и монголов. Индия — Кашмир. И это только верхушка айсберга, поскольку практически все современные государственные границы являются искусственными в том смысле, что все они (включая, скажем, кажущиеся после Линкольна прочными американские — по признанию некоторых самих американцев) — искусственны. И если не остановить триумфального шествия принципа национального самоопределения, более того, придать ему характер главного демократического завоевания, то можно с легкостью предсказать судьбу тамилов, майя, палестинцев — и так до конца необъятного списка огромной семьи народов.

[1] «World Policy Journal», Summer 1998, p. 30.

[2] Ibid., p. 19.

Главная жертва происходящего глобального переворота — суверенное государство. Недавно получившие независимость государства обречены распасться уже актом их собственного обращения к принципу главенства национального самоопределения. И сколько бы ни кивали на спасительную глобализацию, в ней неизбежно будут приобретшие и потерявшие, а при господстве идеи самоопределения это только ускорит распад как образ жизни человечества в XXI веке.

Вслед за реализацией принципа самоопределения последует рост безработицы, развал городского хозяйства, забытье экологии, примитивизация жизни, проявится несоответствие нового государственного языка нормам современной технической цивилизации, осуществится крах социальной взаимопомощи. Может быть, самое печальное в том, что процессу нет даже приблизительного конца, дробление государства в случае начала процесса не ограничено. Американский специалист спрашивает: *«Небольшая Грузия получила независимость от Москвы, но сразу же ее северозападная часть — Абхазия потребовала независимости. Кто может гарантировать, что северная мусульманская Абхазия не потребует независимости от южной христианской Абхазии?»*[1] А северяне-эскимосы Квебека? Если принцип самоопределения будет взят за основу, не может быть никакого консенсуса по вопросу «кому давать, а кому не давать» атрибуты государственности. Американцы сами говорят, что президент Буш теперь уже не пошлет войска в Калифорнию, пожелай она государственной обособленности. Линкольн жил во время господства другого принципа в качестве главенствующего.

Помимо прочего, государство ныне очень уязвимо — в условиях наличия столь мощной и совершенной технологии, если решимость воинственного меньшинства превышает «гуманную норму». Если само центральное правительство признало главенство принципа национального самоопределения, то ему весьма трудно найти нового генерала Шермана — тот не пойдет жечь Атланту, поскольку дискре-

[1] *Fuller G.* Op. cit., p. 17.

дитирован с самого начала, и ждет его не триумф с президентским постом в будущем, а скамья Гаагского международного трибунала.

Необратим ли процесс? Мир, посуровевший после 11 сентября 2001 г., должен будет принять трудное, но обязательное решение, вернее, осуществить выбор: территориальная целостность государств в опоре на Организацию Объединенных Наций, на солидарность пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН или национальное самоопределение. Пока же международное сообщество, по определению профессора колледжа Армии США С. Бланка, «делает попытки вытеснить на обочину ужасную дилемму выбора между территориальной целостностью государств и национальным самоопределением»[1].

Опыт человеческого общежития вопиет — особенно после трагического сентября — против благодушия в деле, которое повсеместно оказывается кровавым, которое на наших глазах унесло больше жизней, чем вся «холодная война». Едва ли не каждое государство на Земле было основано в результате завоевания. Значит ли это, что человечество ничему не научилось, что понятие «цивилизация» существует для энциклопедий, что кровь прошлых столетий должна звать к новым кровопролитиям? Никто и никогда не сможет определить объем той дани, которую якобы должны заплатить завоеватели за несправедливость прошедших веков. Подлинной «расплатой» является гражданское равенство, а отнюдь не право крушить эмоциональный, интеллектуальный, культурный и экономический мир, созданный потом и кровью строителей, защитников, а не исторических злодеев. *«Если мы будем сражаться с прошлым, — говорил Черчилль, — мы потеряем будущее».*

Пробудившаяся колоссальная тяга к национальному самоопределению начнет в первые десятилетия XXI в. раздирать на части даже самые стойкие исторически сложившиеся государства, даже те из них, которые всегда воспринимались как символы национального единства (такие, как

[1] *Blank S.* Drift and Mastery («European Security», Autumn 1997, p. 3).

Британия и Франция). Волна национального, националистического самоутверждения, поднявшаяся в 1989 г. и создавшая 22 новых государства только в Восточной Европе и на территории прежнего Советского Союза, катится вперед, в будущее, захватывая все новые страны и континенты. Перед глазами пример суверенной республики Югославии, чья судьба была проигнорирована даже в оплоте государственной суверенности — главной организации независимых государств — Организации Объединенных Наций.

Нет сомнения в том, что в наступившем веке суверенность самостоятельных стран подвергнется воздействию революционного давления, хотя в XXI веке нет (и наверняка не будет) общего для всех определения нации. Что связывает нацию более всего? Язык? Но у сербов и хорватов он единый. А Индия с ее семнадцатью языками — без единого преобладающего — сохраняет единство. Религия? Протестанты и католики являются лояльными гражданами единой Германии. В то же время общий ислам не предотвратил отход Бангладеш от Пакистана и множество трагедий типа курдской.

Крушению принципа священности границ суверенных стран будет способствовать ослабление значимости Организации Объединенных Наций. Оно началось, собственно, уже в начале 1990-х гг., когда Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр зафиксировал, «возможно, необратимый поворот в отношении публики (западной. — *А.У.)* в отношении защиты угнетенных, их новое убеждение в том, что *во имя морали следует границы и легальные документы поставить ниже заботы о терпящих лишения»*[1]. Это был грозный знак касательно регуляционных возможностей ООН как единственного прототипа всемирного правительства. Ныне, при Генеральном секретаре Кофи Аннане — в более жестком мире борьбы с международным терроризмом — ООН как бы готовится к тому, что защита ею суверенных границ стран — участников мировой организации менее значима, чем проблемы гуманитарного свойства внутри отдельных стран. Такие деятельные борцы за вмешательство во внут-

[1]World Policy Journal», Summer 1999, p. 1.

ренние дела, как франко-итальянский теоретик М. Беттати и французский врач и гуманитарный активист Б. Кушнер даже сформулировали (это они сделали помимо «знатоков своего дела» — американских либеральных империалистов и неоконсерваторов) своего рода доктрину, базирующуюся на праве интервенции во внутренние дела стран-нарушителей. И Кофи Аннан, как бы подыгрывая западным странам, поспешил с заявлением о *необратимом* характере сдвига в сторону вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Попустительство такого рода, как видится, ударит по самой Организации Объединенных Наций, по ее функции организующего мирового центра.

Ударом по ООН (как регулирующей и предотвращающей хаос организации) является игнорирование Вашингтоном хартии ООН, исключающей вмешательство во внутренние дела других государств без согласия Совета Безопасности ООН. Зависимость финансирования Организации Объединенных Наций от Комитета по выделению финансовых средств американского сената, с каждым годом все выше поднимающего свой «топор» над суммой предлагаемого вклада в ООН, окажется убийственной для эффективности этой крупнейшей международной организации.

Парадоксально то, что в ставшем мишенью террористов мире чем дальше идет продвижение интеграционных, гло-бализационных процессов, тем успешнее может оказаться реализация замыслов сепаратистов по отделению от основной части государства. Скажем, для Квебека канадский национальный рынок, не говоря уже о законах, культуре, правилах, не является жизненно существенным для выживания провинции Квебек. Западноевропейская интеграция не осложняет,

а облегчает борьбу каталонских и баскских сепаратистов. Двадцать лет назад баски имели испанские паспорта и могли работать лишь в Испании. Теперь у них европейские паспорта и они могут работать повсюду в Европейском союзе. Теперь провозглашение независимости Баскonии не ведет к установлению протяженных таможенных линий, введению новой валюты, массовой потере работы, сокращению возможностей путешествий. Вирус сецессионизма поражает отнюдь не только бедные уголки земли. Напротив,

относительно процветающие Западная Канада, Южная Бразилия, Северная Мексика, побережье Эквадора, Северная Италия во все более возрастающей степени порождают сецессионистские движения. Две наиболее агрессивные сецессионистские группы в Испании — каталонцы и басконцы — принадлежат к наиболее процветающим регионам страны.

Долгое время Соединенные Штаты — лидер нынешнего и грядущего мира — были сильнейшим защитником священности государственных границ повсюду в мире. Даже когда они боролись с Багдадом, то не поддержали сепаратистов курдов и шиитов на юге Ирака. Они пока молчат о суверенности Косова. Несмотря на движение наркотиков, Колумбия является третьим (после Израиля и Египта) получателем американской военной помощи — на фоне борьбы местных сепаратистов. Но подспудно развиваются процессы противоположной направленности даже внутри самих Соединенных Штатов. На Аляске, столь богатой минералами, нефтью и газом, уже в 1990 г. был избран губернатор, базирующийся в местной политике на «неярко, но определенно» выраженной сецессионистской платформе.

Показательно, что теперь некоторые из представителей 550 групп первоначального населения Соединенных Штатов требуют почти суверенных прав на исконно принадлежавшие земли. И нельзя сказать, что их давление беспомощно, что оно не приносит результатов. Признаки такой эволюции уже проявили себя и внутри США, и вовне. Скажем, в 1993 г. американский конгресс и президент Клинтон признали в качестве важной исторической даты «столетнюю годовщину незаконного свержения гаитянской монархии... приведшую к подавлению внутренних прав на суверенность исконного гаитянского народа»[1]. То же видно и внутри США. Пятью годами позже губернатор Гавайев призвал гавайцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности». По мере того, как официальный Вашингтон *признает* права меньшинств по всему миру на национальное самоопределение, ему становится

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 42.

все труднее игнорировать требования собственных меньшинств на американской территории.

Оглохший от сентябрьских пожаров на Манхэттене и в Вашингтоне мир помнит, что из официальных 309 границ между государствами мирового сообщества наций 52 (17 %) являются *спорными.* Из 425 морских границ мира XXI века 160 (38 %) являются предметом спора. 39 стран нашей планеты сейчас, в XXI в., оспаривают 33 острова[1]. Даже крупные современные государства не застрахованы от распада в XXI веке. Есть прогнозы распада множества государств, в том числе самого населенного и самого крупного территориально Китая и России. В Сингапуре, скажем, видят Китай в конце текущего века состоящим из сотен государств масштаба Сингапура.

Согласно проявившей себя тенденции, все чаще национальные рынки становятся менее важными, чем локальные, региональные рынки или глобальная рыночная среда в целом. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла полагает, что «к середине следующего столетия такие нации-государства, как

Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония, *не будут* более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы, как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии, район Лиона во Франции, Рур в Германии, уже приобретают и в конечном счете приобретут главенствующий (над нынешним центром) социоэкономический статус»[2].

Национальное самоутверждение, видимо, найдет свою легитимацию в мире, где более ста государств мира имеют этнические меньшинства, превышающие миллион человек. Не менее трети современных суверенных государств будут находиться под жестоким давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. Современным политологам (таким, как, скажем, американец Фарид Закариа) остается лишь констатировать, что суверенность и невмешательство в начале XXI в. стали «менее священными»

[1] «Foreign Policy», Fall 1999, p. 44.

[2] Ibid., p. 243-244.

международными правами . А консультировавший Б. Клинтона профессор М. Мандельбаум пришел к выводу, что «священность существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом *полностью»*[1].

Идеологи нового национализма часто готовы заплатить едва ли не любую цену ради реализации своих мечтаний. Тем самым готовится грозный удар по мировой упорядоченности. «В дальнейшем процессы станут неуправляемыми... Тогда следует ожидать воцарения хаоса на протяжении нескольких десятилетий»[3]. Очевидно, что удовлетворение этнических требований, полагает американский исследователь Т. Герр, «только воодушевит новые группы и новых политических претендентов выдвинуть подобные же требования в надежде добиться уступок и прийти к власти. Запоздалыми пришельцами в этом деле являются представители Корнуолла в Британии, племя реанг в Индии, монголы в Китае — все они ныне представляют организации, борющиеся за автономию и большую долю общественных ресурсов»[4].

Повергнутыми окажутся базовые положения международного права, так как все так называемые «права» на сецессию *никогда* не признавались международным сообществом как некая норма. (Международное право не признает права на сецессию и даже не идентифицирует — даже в самых осторожных выражениях — условий, при которых такое право могло бы быть отстаиваемо в будущем. К примеру, Северный Кипр в своем новом качестве самопровозглашенного независимого государства существует значительно дольше, чем совместное проживание турецкой и греческой общин, но мировое сообщество так и не признало северокипрского государства, равно как инкорпорации Индонезией Восточного

[1] *Zakaria F.* The challenges of American hegemony («International Journal», Winter 1998/9, p. 24).

[2] *Mandelbaum M.* The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 19).

[3] См.: *Modelski G., Tompson W.* The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century. An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, № 1, p. 116).

[4] *Gurr T.* Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 63).

Тимора или претензий Марокко на Западную Сахару.) Тем не менее *де-факто* эти государства существуют и постепенно могут рассчитывать на признание *де-юре.*

На рубеже столетий на Западе возобладала точка зрения, что элементарный гуманизм требует пренебрежения правами суверенных правительств, проводящих жестокую политику; требуется вмешательство Запада на стороне тех, кто терпит гуманитарную катастрофу. Увы, правота такой стратегии далеко не всегда подтверждается непосредственной исторической практикой. Как пишет заместитель издателя «Уорлд полиси джорнел» Д. Рюэфф, «от Сомали до Руанды,

от Камбоджи до Гаити, от Конго до Боснии *плохой новостью* является то, что вмешательство на стороне гражданских прав и гуманитарных ценностей почти на 100 % оказалось безуспешным»[1]. Хаос порождает еще больший хаос. Никто из сторонников вмешательства во внутренние дела не имеет *определенной* идеи, что же делать на следующий день после силового вмешательства.

Насилие над суверенитетом в одном месте, увы, не останавливает, а немедленно порождает продолжение процесса суверенизации на более низком уровне. Оно ставит, как минимум, следующий вопрос: «Если возможно вторжение в Косово, то почему оно невозможно в Сьерра-Леоне?»[2] Напомним, что Нигерия быстро ответила на этот вопрос быстрым вводом в Сьерра-Леоне своего воинского контингента. Вслед за Нигерией в 2000 г. на подобный путь встала Британия. Что, собственно, никак не решило вопроса предотвращения сецессии и геноцида, не дало стабильных результатов.

На пути отхода от принципа окончательности государственных границ прячутся самые большие опасности для мирной эволюции мирового сообщества. «Возникнет, — пишет американский политолог Дж. Розенау, — *новая форма анархии* ввиду ослабления прежней центральной власти, интенсификации транснациональных отношений, умень-

[1] *Rieff D.* A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal», Summer 1999, p. 3).

[2] Ibid, p. 8.

шения значимости межнациональных барьеров и укрепления всего, что гибко минует государственные границы»[1].

Некоторые конфликты стали своего рода гибридами: одновременно и этнические и революционные войны. Левые в Гватемале рекрутировали местных индейцев майя в свое революционное движение, Жонас Савимби построил свое движение на поддержке народа мбунду, Лоран Кабила ввел революционную армию в Киншасу, состоящую из тутси, люба и других недовольных народностей Восточного Конго. Вера в форме воинствующего ислама, христианства или буддизма может с легкостью мотивировать массовые движения. Китайское движение фалуньгун имеет практическую возможность политизировать свою структуру и политизировать свои требования. Сегодня класс, этническая принадлежность и вера являются тремя главными источниками массовых движений, классовой борьбы и религиозного подъема.

Все громче высказываются мнения о вероятности в будущем «классических» образцов конфликтов. По мнению американца Р. Хааса, «легко представить себе схватку Соединенных Штатов и Китая из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Еще более вероятны конфликты, в которые вовлечена одна из великих держав и средней величины противник»[2].

Ярость ревнителей национального самоутверждения несет в наш мир смертоносный хаос. Украшение мира — его многоликость становится смертельно опасной. Напомним, что в начале третьего тысячелетия в мире насчитывалось 185 независимых стран, но при этом насчитывается более 600 говорящих на одном языке общностей, 5000 этнических групп[3]. Глобализация выступит антиподом националистического самоутверждения. «Для националистов немыслимо, что другие страны позволяют субъектам извне вторгаться в

[1] *Rosenau J.* Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 151 — 152.

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.

[3] Ibid.

сферу их предположительно священной независимости. Но этого требует глобализация бизнеса и финансов... В то время, когда поэты отсталых регионов

пишут национальные гимны, интеллектуалы запада воспевают достоинства мира без границ. В результате коллизии, отражающие резко отличающиеся по потребностям нужды двух радикально противоположных цивилизаций, могут спровоцировать самое страшное кровопролитие в будущем»[1].

Движение вспять (в 1500 г. в Европе было 500 политических организмов) уже порождает невероятные катаклизмы. На кону суверенитет отдельных стран. Волна национализма несет не плодотворную самоидентификацию, а жесткое столкновение анахронических и эгоистически понимаемых интересов. Воинственное групповое самоутверждение на националистической основе грозит погрузить мир в хаос, невиданный со времен Средневековья. Складывается впечатление, что в результате суверенитет национальных государств в грядущие десятилетия будет *ослаблен* сверху надгосударственными организациями, а снизу *подорван* довольно неожиданно окрепшим в последнее десятилетие XX века националистическим самоутверждением самоорганизующихся этнических групп, сепаратизмом регионов.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Разумеется, играет роль и обычная человеческая косность в отношении революционных прорывов науки. Мощные новые технологии провоцируют отчаянное сопротивление. (Напомним, что создание двигателей внутреннего сгорания вызвало небывалое сопротивление уязвленных поклонников лошадиной тяги. Мирное использование атомной энергии вызвало к жизни не менее упорное сопротивление.) Клонирование и создание систем управления генными процессами порождают небывалый протест. Потребители и сторонники охраны окружающей среды в Европе напрочь отвергли подвергшиеся генетическому воздействию виды рас-

[1] *TofflerA. and H.* War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 23.

тений, исходящие в основном из США, как опасные для человеческого здоровья и благополучия окружающей среды.

Критики вторжения в тайную мастерскую живой природы требуют жесткого обозначения тех товаров и продуктов, которые подверглись указанному воздействию. В 1999 г. 72 % всей земли, засаженной семенами подвергшихся генетической обработке растений, находятся в США, 17 % — в Аргентине и 10 % — в Канаде. На девять других стран, чьи ученые так или иначе имели дело с современной генной инженерией, — Китай, Австралия, Южная Африка, Мексика, Испания, Франция, Португалия, Румыния, Украина — приходится только один процент. Лишь несколько ферм во Франции, Испании и Португалии сеют генетически обработанные семена[1]. «Гринпис» использует термин «дьявольские химикаты». В Британии принц Чарльз и певец Пол Маккартни выразили возмущение насилием над природой. Во Франции коалиция фермеров, профсоюзов, защитников окружающей среды и левых сил борется не только с GM-продуктами (генетически измененными), но и с сетью «Макдоналдса», «Кока-Колой» и другими «потенциально опасными» учреждениями. В результате отступления теоретических социальных мечтаний и восстания «зеленых» с их критикой некритического приложения науки произошел кризис модернизма, что имеет — и будет иметь — невероятные по важности последствия.

Хаосу будет содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления над общегосударственным (ведущий к распаду стран), религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной

преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, не-

[1] *Paarlberg R.* The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 26).

управляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить сугубо национально-государственные структуры. При этом информационные и коммуникационные технологии будут им служить эффективнее, чем государству.

Даже мощные военные блоки слабеют в битве с энтропией этноутверждении в свете растущей цены сдерживания сепаратизма разного рода, тем самым уменьшая препятствия на пути этнически мотивированного хаоса. Хотя руководство ведущих стран НАТО периодически выражает готовность вмешаться во внутренние дела отдельных стран, оно в то же время показывает крайнюю степень неготовности нести людские потери. Но главное — военное вмешательство на стороне инсургентов *заставляет* создавать для них (и часто за них) собственные государства, что уже само по себе насилие над историей, меньшинствами, естественным ходом гражданского устройства.

ХАОС

Хаосу содействует распространение в мире автоматического стрелкового оружия, ручных ракетных комплексов типа «стингер» и «САМ-7», невиданных объемов взрывчатых веществ, более ста миллионов наземных мин. На горизонте появляются новые ускорители хаоса — опасности, связанные с кибернетической войной. Важнейшие системы электронного управления подвергаются атакам хакеров, которые могут действовать по своей воле, а могут и пользоваться поддержкой своих государственных структур. Кибер-нападениям могут подвергнуться контрольные системы современного индустриального общества, его жизненные центры — электростанции, системы воздушного транспорта, финансовые институты и вплоть до всего, что связано с биологическим и ядерным оружием. Напомним, что уже во время натовской операции против Югославии структуры НАТО и Пентагон подверглись нападению югославских и китайских хакеров. И чем больше зависимость индустриальных государств от компьютера, тем больше шанс деста-

билизации именно в этом направлении. Как определяет эту опасность представитель Вашингтонского института мировой политики И. Катберсон, «кибернетическая война в будущем может оказаться атомной бомбой бедных»[1].

Еще более опасно распространение средств массового поражения — химического, биологического, ядерного. Еще 21 января 1999 г. президент Клинтон указал на «огромную вероятность» того, что группа террористов в ближайшие годы может угрожать Соединенным Штатам биологическим или химическим оружием. Об угрозе биологического оружия он сказал, что она «заставляет его вскакивать ночью». Несколько позднее он объявил, что запросит у конгресса 2,8 млрд долл. для будущей борьбы с биологическим, химическим и электронным терроризмом[2]. Вершина всесокрушающего хаоса — ядерный терроризм. В недавних публикациях американских разведывательных организаций указывается, что по меньшей мере 20 стран, половина которых находится на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и в Южной Азии, уже имеют (или имеют возможность создать) оружие массового поражения и средства ракетной доставки этого оружия[3]. Попадание его в руки террористических групп, «государств-париев», сепаратистских движений чревато дестабилизацией международного сообщества до состояния необратимого хаоса.

Существующие институты в XXI в. могут не выдержать революционных перемен, создавая предпосылки глобального хаоса. Реализация их права на самоопределение грозит поставить мир на порог грандиозного катаклизма, о котором весьма авторитетные специалисты уже сейчас говорят, что его не избежать: «В XX веке спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по-своему оправ-

[1]*Cuthberson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).

[2]*Miller J. and Broad W.* Clinton Sees Threat of Germ Terrorism («International Herald Tribune», Jan. 23—24, 1999, p. 1).

[3]The Weapons Proliferation Threat. Washington: Central Inteligence Agency, March 1995.

дывало свою легитимность. В XXI веке речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями *внутри* одного и того же государства, которые обосновывают *различные принципы* определения суверенитета. В некоторых местах — Боснии или Косово — это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой XXI века будет обеспечение мирного сосуществования этих частей»[1].

На государства воздействует донациональный трайбализм, часто рядящийся в национальные движения. Американский исследователь М. Каплан предсказывает мир, состоящий из множества сомали, руанд, либерий и босний, мир, в котором правительства часто отданы на милость картелям наркоторговцев, криминальным организациям, террористическим кланам. Мир XXI в. Каплан представляет «большой Африкой»[2]. От академических ученых чувство опасности передается политикам. В свое время госсекретарь США У. Кристофер предупредил комитет по международным отношениям американского сената: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран»[3].

Итак, ослабление роли и потенциала государства приведет в новом веке к этническим конфликтам нового качества и размаха. Прежние крупномасштабные войны того типа, что велись многочисленными и заранее экипированными армиями, которые могли создавать лишь мощные государства, уходят с исторического поля действия. Ныне ведение таких войн менее реально, чем когда бы то ни было за последние два столетия[4]. Но «мало признаков того, что мощные государства-члены проявят хоть какое-то намерение

[1]*Mandelbaum M.* The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 22).

[2]*Kaplan R.* The Coming Anarchy («Atlantic», February 1994, p. 44—76); *Kaplan M.* The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the Twenty-First Century. New York: Random House, 1996.

[3]*Toffler A.* War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 242.

[4] *Mandelbaum M.* Is Major War Obsolete? («Survival», Fall 1998).

изменить иерархическую структуру, на которой традиционно базируется международный порядок, даже если эта иерархия не сможет послужить разрешению все более сложным вызовам порядку в «глобализирующемся мире»[1]. Все более очевидным становится факт перехода войны в ее партизанскую форму, в форму жестокого тлеющего конфликта, где восставшая сторона успешно уходит от генерального сражения.

ПОВСЕМЕСТНЫ ЛИ ШАНСЫ ДЕМОКРАТИИ?

Даже западные исследователи ныне делятся на тех, кто верит в возможность вытянуть сельский мусульманский мир из XII века в XXI, и на тех, кого практика убедила, что это абсолютно невозможно. *Первые* — это столь влиятельные при Дж. Буше-младшем неоконсерваторы. *Вторые* не разделяют их веры во всемирную приложимость правления демоса и скептически относятся к безудержным оптимистам типа министра обороны США Рамсфелда, которые

считают любую проблему, сводимой к простому набору действий. Они отказываются считать, что все решают «большие батальоны» и время. Впереди даже не *пат,* а поражение Америки, неспособной пока понять стратегию и тактику своего противника. Идет битва самой могучей державы современности с самой отсталой мировой сельскохозяйственной провинцией, на стороне которой лишь убедительно требующая жертвенности религия и волны обиженного историей населения.

Опыт Афганистана и Ирака говорит о том, что вооруженные силы США «не коснулись сердцевины мощи противника. Мы все еще смотрим на войну глазами генерала Маклелланда (сторонника стратегии решающей битвы в Гражданской войне 1861—1865 гг. — *А.У.),* а не Линкольна (сторонника более осторожной и *основательной* стратегии), мы не признаем ни размеров, ни природы угрозы, представляемой бен Ладеном, ни того, что мы еще даже не присту-

[1]*Woods N.* Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: *Held D, and McGrevi A.* The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 396).

пили к ведению того типа войны, который необходим для разгрома наших врагов: «Аль-Кайда» не побеждена. Постоянный рост антиамериканского влияния Усамы бен Ладена в широком суннитском экстремистском движении и дальнейшее распространение деструктивных навыков «Аль-Кайды» свидетельствуют о серьезной угрозе для нас в обозримом будущем». Поддержка Америкой Израиля, России, Китая, Индии, Алжира, Узбекистана и других стран, воюющих с радикальным исламизмом, поддержка Америкой тираний в мусульманских странах, попытки контролировать арабскую нефть, боевые действия в Афганистане, Ираке, на Аравийском полуострове способны создать стратегическую уязвимость Запада.

«Способ, каким мы видим и интерпретируем людей и события за пределами Северной Америки, густо окрашен нашим высокомерием и самососредоточенностью, доходящими до некоего имперского наваждения»'. Если Запад не будет учитывать различие в цивилизационном восприятии, противостояние мусульманского и западного миров может длиться неограниченное время. Следует признать факт, что американцев ненавидят, никаких иллюзий на этот счет. Америка находится в состоянии войны с исламом — и это серьезная война, а не результат невротики нескольких фанатиков. И теперь, когда американцы противостоят воинствующему исламу, «они должны понять, что решение этого противоречия не может быть безболезненным; и не следует ожидать быстрой трансформации мусульманского мира в демократическую систему западного типа»[2].

Классический пример разрешения проблем американским способом описан британским министром иностранных дел Э. Греем в начале прошлого века. В 1913 г. Грей беседует с американским послом У. Пейджем о перевороте в Мексике и спрашивает, что будет после американского вмешательства. Незамедлительно последовал ответ: «Заставим их устроить выборы и жить согласно выработанным решениям». — «А если они не согласятся?» — «Снова вмешаемся

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 165.

[2] Ibid, p. 205.

и заставим голосовать». — «И будете делать это на протяжении 200 лет?» — спрашивает Грей. «Да, — отвечает посол. — Мы будем стрелять в этих людей до тех пор, пока они не научатся голосовать и управлять собой сами»[1]. Так американцы и сделали тогда в Мексике. В предпредпоследний раз они обратились к этой тактике в Косове, в предпоследний раз — в Афганистане. А сейчас — в

Ираке.

ПОДЛИННАЯ СТОИМОСТЬ ДЕМОКРАТИИ

Мир должен перенять американскую систему. Сама американская система может выжить в Америке, лишь став системой всего мира.

Президент Трумэн 6 марта 1947 г. в колледже Бейлор (штат Техас)

Говоря о стоимости победы демократии в Москве в 1991 г., идеолог современных американских неоконсерваторов Майкл Ледин (Американский предпринимательский институт) восклицает: *«Мы смогли сокрушить Советский Союз, воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения».* А начало было положено в Югославии, где в 1998 г. американская организация «Фридом хауз», которую ныне возглавляет бывший глава Центрального разведывательного управления Джеймс Вулси, создала хорошо оплачиваемое сербское движение «Отпор», руководившееся стратегией начать ненасильственную революцию на следующий день после фальсифицированных выборов. Режим Милошевича рухнул через несколько лет.

Восстание в Грузии весной 2003 г. было во многом оплачено Джорджем Соросом. При этом стажеры из Тбилиси весьма долго учились в Белграде, осваивая опыт «сербского

[1] *Ferguson N.* Clashing Civilizations or Mad Mullahs: The United States Between Informal and Formal Empire (in: *Talbott S. and Chanda N.* (eds).The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p.121).

октября». В то же время активисты «Отпора» многократно ездили в Грузию, проводя летние семинары и обучая сотни грузинских студентов сочинению лозунгов, изготовлению видеозаписей, технике длительных выступлений протеста. Особой популярностью пользовался семинар, инспирированный идеями американского теоретика Юджина Шарпа «Как свергнуть диктатора». В ноябре 2003 г. пришла пора практических занятий, и к власти пришел Михаил Саакашвили.

Чуть более года понадобилось для подготовки свержения режима на Украине. В ходе подготовки президент Национального демократического института Мэдлин Олбрайт выступила перед 280 негосударственными политическими организациями. Американское правительство выделило 65 млн долл. для подготовки протестных сил. Снова сыграли свою роль сербские студенты из «Отпора», консультировавшие украинскую молодежь. С их помощью была создана аналогичная украинская организация «Пора», сумевшая к декабрю 2004 г. парализовать Киев. На «майдане Незалежности» были поставлены тысячи палаток. Во время посещения Братиславы в феврале 2005 г. президент Буш-младший приветствовал несколько десятков студентов, активно участвовавших в тбилисской и киевской революциях; он назвал студентов «чемпионами свободы».

Через три месяца в Киргизии американский посол Стивен Юнг заявил: «Мы гордимся тем, что поддерживаем революцию». Эта поддержка здесь длилась более пяти лет. Соединенные Штаты не жалели средств ради увеличения влияния в стране, занимающей столь выгодное стратегическое положение — рядом с Китаем, в 200 км от Афганистана, вблизи от богатого нефтью Казахстана. Как пишет бывший французский атташе в этом регионе Рене Канья, «предлагая учебные стажировки для киргизских военных в США, американцы разложили киргизскую армию изнутри и помешали военным остановить революцию». Американцы прежде всего полагались на сеть неправительственных организаций, численность которых превысила 7000, — они покрыли всю территорию Киргизии. Эти организации обосновались даже в малых деревнях, финансируемые аме-

риканскими фондами. В Киргизии обосновались представители Национального демократического института, возглавляемого бывшим госсекретарем Мэдлин Олбрайт, организации «Фридом хауз», руководимой бывшим главой ЦРУ Джеймсом Вулси, институтом «Открытое общество» Джорджа Сороса. Именно эти организации прежде всего создали активистов прозападного демократического движения.

В сообщении, посланном в Вашингтон, посол Юнг с гордостью признал, что на протяжении 2004 г. оказал оппозиции финансовую помощь в размере 30 млн долл. Помощь была существенно увеличена в соответствии с инструкциями государственного департамента США. Такие деятели киргизской революции, как Роза Отумбаева, провели близ Саакашвили более двух лет. Американское правительство финансировало через «Фридом хауз» типографию, где печатались 50 оппозиционных журналов. Этой типографией руководил бывший журналист из Иллинойса Майк Стоун. Когда киргизское правительство за пять дней до выборов отключило типографию от электричества, американское посольство сразу же предоставило свои генераторы. Национальный демократический институт финансировал работу 170 киргизских неправительственных организаций, выделив для этих целей 83 тысячи евро в год.

Но на этот раз не все получилось так, как того хотели американские стратеги и «продавцы демократии». Новый режим не проявил ожидаемой лояльности в отношении Соединенных Штатов. Новое правительство не пожелало выступить с декларациями о «выходе из зоны влияния Москвы». И американцы продолжают следить за страной, чья граница с Китаем проходит всего в 150 км от крупного китайского города Кашгар, центра уйгурских сепаратистских движений. В Киргизии проживает 10 тысяч китайцев.

Следующей целью обозначена Белоруссия. Американцы не очень хотят трогать режимы, подобные узбекскому, где у них уже есть две военные базы, а также Азербайджан и Казахстан, столь богатые нефтью.

ЧАСТЬ II
НАРУШИТЕЛЬ МИРОВОГО БАЛАНСА

Глава 7
ИМПЕРИЯ ПОБЕДИЛА РЕСПУБЛИКУ

МИР УТРАТИЛ БАЛАНС

В сложившихся условиях Вашингтон после 1989 г. уже не мог кивать на «противника у ворот»; Советский Союз самоустранился. Критически важным стало поведение главного пользователя мировых богатств — Соединенных Штатов. Именно в эти годы единственная сверхдержава могла создать систему, близкую к подлинно законопослушной, на основе массовой помощи бедному Югу, разумному природопользованию со стороны страны, на которую приходится потребление 40 % земных ресурсов. При этом страна не породила новых Вудро Вильсонов и Франклинов Рузвельтов — никаких глобальных схем спасения — возобладал заземленный священный эгоизм.

Вслед за окончанием «холодной войны» Соединенные Штаты постарались, во-первых, взять на себя мировые полицейские функции и, во-вторых, посредством *глобализации* закрепить свое мировое главенство, максимально удовлетворяя свои интересы, отчетливо определяя свои цели, создавая условия для безболезненного отхода после их достижения, решая силовые задачи ограниченным контингентом американских войск. И при этом стараясь

минимизировать свои жертвы, максимально благоприятно освещая происходящее на телевизионных экранах. Классическим примером может служить вторжение в Панаму в 1989 г., когда американское правительство жестко обозначило угрозу своим национальным интересам (наркотики губят американскую молодежь) и свергло правящего Панамой генерала Мануэля Норьегу. Примененные силы были ограниченными: несколько убитых и хорошая картинка на американском телевидении.

157

Более масштабная будущая картина мира была показана в ходе «войны в Заливе» 1991 г. При осуществлении национальной цели — обеспечении постоянного потока нефти из Персидского залива уровень американских потерь оказался необычайно низким, а вид на американских телеканалах был фантастическим. Победа почти без потерь на одной стороне и большие потери на противоположной стороне. Экспедиция 1992 г. в Сомали была предпринята по *гуманитарным* соображениям. Но уже в Сомали, Руанде и на Балканах стало совершенно отчетливо ясно, что таит в себе система гегемонии: исчезновение балансирующей сверхдержавы развязало силы огромной разрушительной мощности. Как с горечью резюмирует английский исследователь Харви, «в последнем десятилетии XX века не хватало воли остановить традиционные проявления человеческой дикости»[1]. Америка была занята своими интересами, и резня типа руандийской в 1994—1995 гг. прошла мимо американцев.

Начало третьего тысячелетия явилось временем господства в самой могущественной стране мира группы неоконсерваторов, посчитавших, что история не простит им, если они «упустят» очевидный для них шанс возглавить мир и дать верное направление его развитию. Соединенные Штаты словно решили показать всем, что «никакая политика не является для них *табу»*[2].

История, география и экономика дали Вашингтону шанс, который прежде имели лишь Рим и Лондон. Впрочем, Паке Британника жил экономно. Британская армия была меньше европейских, и даже королевский военно-морской флот равнялся всего лишь двум следующим за ним флотам — ныне *все,* взятые вместе, военно-морские флоты не сравняются с американским. Наполеоновская Франция и Испания Филиппа Второго имели могущественных врагов и являлись частью многополярной системы. Римская империя распространила свои владения дальше, но параллельно с ней существовала еще одна великая империя — Парфян-

[1] *Harvey R.* Global Disorder.London: Robinson, 2003, p. 48.

[2] *Hanson V.* Has Iraq Weakened Us? («Commentary», February 2005).

158

ская и огромный Китай. Короче говоря, современную американскую империю *не с чем сравнивать.*

Как формулирует английский политолог А. Ливен, «комбинация экспансии американского геополитического влияния, поддержка военных интервенций и *в высшей степени селективное* продвижение демократических ценностей сделали Соединенные Штаты исключительно грозным противником любого государства, в котором они готовы увидеть противника».

При этом трехнедельный блицкриг весной 2003 г. в Ираке вызвал у мирового лидера подлинную эйфорию; скорость и эффективность силового воздействия породили еще «менее скованное» отношение к применению фантастической военной мощи Америки. Разве военные расходы, составляющие всего 3,5 % валового национального продукта США, не стоят феноменального имперского влияния?

В 2003 году мир утратил баланс, в чем вторжение американо-британских войск в Ирак — вопреки процедурам ООН и в отсутствие фактического наличия у Хусейна ОМП — убедило даже явных скептиков. Есть все основания утверждать,

что мир в Афганистане и Ираке вступил в схватку, конца которой не видно. Могущественное меньшинство уже не спрашивает санкции мирового сообщества для военных экспедиций. И по понятным причинам. Нет и не может быть собрана в обозримое время никакая коалиция, уравновешивающая колоссальную мощь Соединенных Штатов. Отныне и на десятилетия анализ понятия «Американская империя» будет главным занятием политологов. Самым главным документом начала третьего тысячелетия явилась «доктрина Буша». В ней президент Дж. Буш-младший указал, что «Соединенные Штаты обрели чрезвычайно благоприятное положение страны несравненной военной мощи, которая создает момент возможности распространения благ свободы по всему миру». *Главный* тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства. Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния — объединенные об-

159

щими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса. Даже такие слабые государства, как Афганистан, могут представлять собой большую опасность нашей безопасности точно так же, как и мощные державы». Разъясняющая «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над «i»: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциального агрессора, *мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми».*

«Доктрина Буша» покоится на том основании, что *наступающая, атакующая сторона* имеет несомненное превосходство. Подходя шире: перехват инициативы позволяет атакующей стороне навязать свою волю и свой способ действий потенциальному агрессору. Словами ключевого документа — «Стратегия национальной безопасности», «наилучшей формой обороны является хорошее наступление».

В конкретной практике главной целью антитеррористической борьбы стал Ирак, руководство которого стало изображаться как *ничем не сдерживаемое,* как находящееся на финальной стадии овладения ядерным оружием, как готовое поделиться этим оружием с террористами всех мастей. Война с диктатором Саддамом Хусейном завершилась (в отличие от мира) быстро, как это было в Афганистане. Ирак станет примерной демократией, весь арабский мир будет в конечном счете благодарить Соединенные Штаты. До 2003 г. Соединенные Штаты долгое время были безразличны к характеру ближневосточных режимов, но достаточно неожиданно Америка поверила в то, что «демократия может быть экспортным товаром», — иначе в чем смысл завоевания Афганистана и Ирака?

Оформившаяся доктрина «превентивной агрессии», помимо прочего, страшна тем, что превращает *потенциального* противника в неотвратимо реального. При этом государства — *потенциальные* члены антиамериканского союза невольно подталкиваются к формированию такого союза. И делают это быстрее и эффективнее из-за страха встретить американский удар в одиночку. Мир сделал на наших глазах огромный поворот. Цену этого поворота определит только будущее.

160

Но уже сейчас можно видеть противодействие этому повороту в самых разных частях мира, в том числе и среди самых преданных прежде американских союзников. Переизбрание Буша, пишет брюссельская «Ле Суар», было «встречено в Западной Европе с яростью: ибо в Америке произошла своего рода анестезия в отношении презренной смеси интересов экономико-финансовых групп, слепого милитаризма, религиозного фундаментализма и

неоконсервативной пропаганды»[1].

ИМПЕРИЯ ИЛИ НЕ ИМПЕРИЯ?

Империя — это форма правления, когда главенствующая страна определяет *внешнюю* и частично *внутреннюю* политику всех других стран. Республиканской администрации Дж. Буша-младшего не хотелось сразу расставлять акценты и однозначно называть свою политику *имперской.* Невозможно говорить об империи в классическом виде, эмфатически утверждает советница президента Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс. «У Соединенных Штатов нет территориальных амбиций и нет желания контролировать другие народы». Подобным же образом и президент Буш открещивается от предлагаемого лозунга: «У нас нет территориальных амбиций, мы не стремимся создавать империю».

Примечательный уход от определения *империи* никак не разделяется теми, кто не считает зазорным называть явления своими именами, кто энергично и открыто обеспечивает идейную подоплеку односторонней политики. Для таких идеологов, как Чарльз Краутхаммер, для издателя неоконсервативной «Уикли стандард» Уильяма Кристола, для популярного ныне аналитика Роберта Кэгена и заместителя министра обороны Пола Вулфовица — в имперских орлах, в имперском влиянии, в самом слове *империя* нет ничего, что заставляло бы опускать глаза. Как написал редактор популярной «Уикли стандард» Уильям Кристол, «если кто-то желает сказать, что мы имперская держава, ну что ж, очень

[1] *Waldron A.* Europe's Crisis («Commentary», February 2005).

хорошо, мы *имперская* держава». Среди тех, кто все более свободно оперирует этим термином, есть и умудренные историки — к примеру, Джон Льюис Геддис: «Мы (США) — определенно *империя,* более чем империя, и у нас сейчас есть мировая роль».

В послесентябрьской Америке понятие «имперское мышление» сменило негативно-осуждающий знак на позитивно-конструктивный. И ныне даже такие умеренные и солидные издания, как «Уолл-стрит джорнэл» и «Нью-Йорк таймс», впервые за сто лет заговорили об *империи, имперском мышлении, имперском бремени* не с привычным либеральным осуждением, а как о реальном факте исторического бытия. Изменение правил политической корректности ощутили на себе редактора бесчисленных газет и журналов повсюду между двумя океанскими побережьями. Ведущие американские политологи триумфально возвестили, что «Соединенные Штаты вступили в XXI век величайшей благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен».

Теоретики могут выступать *за* или *против* империи, но все они уже свободно пользуются этим термином — от политического правого фланга до левого, от Майкла Игнатьева и Пола Кеннеди до Макса Бута и Тома Доннели. Именно это и наиболее примечательно; все участники дебатов *знают,* о чем идет речь. И речь идет не о традиционных темах распространения влияния по всему миру. Речь совершенно определенно идет о *принуждающей* внешней политике, об использовании вооруженных сил США на глобальных просторах, на всех материках и на всех океанах.

Даже самые хладнокровные среди американских идеологов приходят к выводу, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфере».

И империя держит марку — держит войска в долине Рейна («чтобы замкнуть Германию в ограничительных структурах и не позволить разрушить существующий политический порядок на Европейском континенте»), на Окинаве («против возвращения Японии к практике 1930-х гг.») и в Центральной Азии, контролирует Ближний Восток, умиротворяет Балканы и разрешает конфликты в Карибском бассейне и в Колумбии, в Тайваньском проливе и на Корейском полуострове. «Ни одна нация, — напомнил *urbi et orbi* президент Дж. Буш-младший, — не может себя чувствовать вне зоны действия подлинных и неизменных американских принципов свободы и справедливости. Эти принципы не обсуждаются, по их поводу не торгуются».

Взлет имперских орлов сделал классическую историю популярной наукой. Обращение к Римской и Британской империям за несколько месяцев стало захватывающим чтением, изучение латинского языка вошло в моду (даже «Гарри Поттер» переведен на латинский язык) и приобрело новый смысл. Буквально повсюду теперь в республиканской Америке можно найти статьи о положительном воздействии на мир *Пакс Романум,* подтекст чего не нужно никому расшифровывать: новая империя пришла в современный мир, и мир должен найти в ней признаки и условия прогресса. Парадокс эволюции американской демократии: *Пакс Американа* изживает (по крайней мере, для американцев) свой негативный подтекст.

Посетившие Вашингтон после сентября иностранцы в один голос указывают на новую ментальность страны, где главное общественное здание — *Капитолий,* где римские ассоциации *сенат* вызывает не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *обелиск* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Менталитет «римских легионов» проник даже в Североатлантический союз (жалуются англичане) ради жестких односторонних, *имперских* действий. Вольно или невольно готовилась Америка к этому звездному часу своей исторической судьбы. Посмотрите на архитектуру основных зданий Вашингтона, обратите внимание на название государственных учреждений: сенат, верховный суд; не упустите

факта колоссальных прерогатив *принцепса,* именуемого в данном случае президентом. Не упустите того факта, что, согласно американской конституции, внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов.

Создается «неоимперское» видение, оставляющее за Соединенными Штатами право определять в глобальном масштабе стандарт поведения, возникающие угрозы, необходимость использования силы и способ достижения справедливости. В такой проекции суверенность становится абсолютной для Америки, по мере того как она все более обуславливается для стран, которые бросают вызов стандартам внутреннего и внешнего поведения Вашингтона. Такое видение мира делает необходимым — по крайней мере, в глазах его приверженцев — оценивать новый и апокалиптический характер современных террористических угроз и обеспечивать беспрецедентное глобальное доминирование Америки. Эти радикальные стратегические идеи и импульсы, как это ни странно, могут изменить современный мировой порядок так, как того не смогло сделать окончание «холодной войны».

«Мыслительные центры» столицы новой империи — Вашингтона с готовностью обсуждают стратегию односторонних действий по всему мировому периметру. Прежде республикански сдержанная «Уолл-стрит джорнэл» находит благосклонную аудиторию, когда пишет: «Америка не должна бояться свирепых войн ради мира, если они будут вестись в интересах «империи свободы». Все это

означает, что Америка действует без оглядки на других. Международные соглашения типа «протокола Киото» являются жертвами представления о неподсудности американцев никому, кроме собственных национальных учреждений. Сенат США, в частности, не ратифицировал Конвенцию экономических и социальных прав, Конвенцию искоренения дискриминации в отношении женщин, Конвенцию прав детей, участие в Международном уголовном суде, против «протокола Киото» вместе с президентом Бушем выступили 95 американских сенаторов. Многие проводят линию на наличие в американской истории давней и неистребимой тра-

диции «американской исключительности». Гарвардский профессор Э. Моравчик: Америка, стабильная демократическая, идеологически консервативная и политически централизованная, *является сверхдержавой и может обходить обязательные для всех правила и законы.*

Мировая история подсказывает: США не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры.* Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе». Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества».

Проконсулы докладывают из провинций о завершении военных операций. Тацит, историк имперского Рима, почувствовал бы себя в своей тарелке.

Но мировое лидерство оказалось сложным делом: обостряются внутренние проблемы, слабеет доллар, огромен бюджетный дефицит, растет зависимость от зарубежных инвесторов, крепнет зависимость от иностранного капитала. Засомневались даже самые самоуверенные. Так, известный лидер правых Уильям Бакли в июне 2004 г. сказал: «Если бы я знал о возможной ситуации в Ираке, я был бы против войны»[1].

[1] *Hanson V.* Has Iraq Weakened Us? («Commentary», February 2005).

Глава 8
НОВОЕ ЛИЦО АМЕРИКИ

Национальные интересы любой страны вытекают из ее национальной идентичности. Прежде чем определить свои интересы, каждая страна так или иначе определяет, какова ее идентичность, «кто она такая». Не только Россия переживает кризис идентичности; этот кризис охватил несколько стран. Особое внимание неизбежно обращено к кризису идентичности гегемона современного мира — Соединенных Штатов Америки. Формирование новой американской идентичности непосредственно влияет на основные международные процессы.

Падение блоковых барьеров в конце XX века и очевидная экономическая глобализация неожиданно остро поставили вопрос об идентичности, о характере развития наций. Чтобы победить в Четвертой мировой войне, лидер Запада

должен проявить невиданное единство. Способствуют ли этому единству будоражащие, буквально *меняющие* лицо Америки этнические процессы?

ИДЕНТИЧНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО КОЛОССА

Четыре элемента определяют идентичность нации: *раса, этническая принадлежность, культура* (язык и религия в первую очередь) и *идеология.* Все четыре элемента склонны сохранять стабильность в условиях постепенного развития и определенной обособленности национального развития.

Америка в течение первого столетия своего независимого существования справедливо воспринималась как продолжение Британии. Она делила с ней единство по расе, религии этничности, ценностям в культуре, богатству, политической традиции. Современные исследователи специально подчеркивают, что «Америка была основана поселенцами XVII и XVIII веков, почти все из которых прибыли с Британских островов. Их ценности, институты и культура заложили основание Америки последующих столетий. Они первоначально определили идентичность Америки в терминах расы, этничности, культуры и что еще более важно, рели-

гии. В XVIII веке они добавили Америке идеологическое измерение»[1].

Эта культура первых поселенцев держалась стойко на протяжении *четырех* веков. Была бы Америка похожей на сегодняшнюю, если бы ее основали не английские протестанты, а французские, испанские или португальские католики? Вовсе нет — тогда на месте современной Америки был бы Квебек, Мексика или Бразилия. Но произошло противоположное. В четырех сосредоточиях колониального развития — в Новой Англии, в долине реки Делавэр, в заливе Чезапик и в гряде Аппалачских гор культурные основания были заимствованы с Британских островов, и определенно получилось *некое продолжение Британии.* Исследователи (в данном случае Олден Воэн) отмечают, что в первые столетия заселения будущих Соединенных Штатов «почти все было фундаментально английским: формы собственности и воспитания, система образования, управления, базовые положения права и правовых процедур, видов развлечения и характера использования свободного времени и бесчисленных других аспектов колониальной жизни»[2].

Англосаксы и, шире говоря, WASP — белые англосаксонские протестанты — отчетливо осознают это обстоятельство и, более того, в немалой степени гордятся им. Скажем, приобретший такой авторитет С. Хантингтон рассуждает без обиняков: «Основу американской идентичности создали первые поселенцы — эту культуру восприняли поколения иммигрантов, породивших в своем политическом опыте американское кредо. В сердцевине этой культуры находится протестантизм». Нет смысла противопоставлять друг другу культуру протестантов-англосаксов и «бестелесое» некое гражданское общество, просто подчиняющееся общей гражданской конституции. Это неверное построение. В истории и в реальной жизни *первое* породило *второе.*

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p, 38.

[2] *Vaughan A.* Seventeen Century Origins of American Culture (In: Cohen S. and Ratner L., eds. The Development of an American Culture. New York: St.Martin's. 1983, p. 30—32.

Между 1820 и 1924 гг. в Соединенные Штаты въехало 34 млн европейцев. Первое поколение было *частично* ассимилировано англосаксонским ядром американского общества, зато второе и третье оказалось переварено «американским котлом» полностью. Был создан чрезвычайно эффективный алгоритм: приезжающие сознательно принимали идейные основы уже устоявшегося в Америке общества. Сухая теория вскоре нашла убедительный

художественный образ — около ста лет тому назад И. Зангал написал свою знаменитую пьесу «Плавильный тигель», и аллегория вошла во все учебники. Мир плавящихся в едином котле национальностей стал популярным символом Америки. На финансовом знаке страны, на долларе появилась надпись, которая как бы фиксировала идентификационный процесс страны: *E Pluribus Unum — Из множественного единое.*

ПОМИМО WASP

Метафора оставалась релевантной еще долгое время, но постепенно ее фактическая точность стала ослабевать. Британская империя охватила четверть мира, и потенциальные американцы начали осваивать просторы Австралии, саванну Южной Африки, создавать колониальную систему Индии. Да и другие «доноры» — европейские метрополии обратились К собственным имперским владениям, сокращая западноевропейский сегмент отправляющихся в США, тем паче что Аргентина и Бразилия представлялись не менее многообещающими.

Прежде всего ослаб главный — европейский ингредиент американского «плавильного котла». Это обстоятельство стало весьма резко менять лицо прежде более монолитной, идейно-культурно сплоченной и единой американской нации. Зато возрос поток из нетрадиционных мест: Восточная и Центральная Европа, экзотические страны Азии. В Штаты отправились славяне из Австро-Венгрии, евреи из Российской империи, из разделенной Польши, прибалты из остзейских германских вотчин прибалтийских провинций, религиозно притесняемые секты. Этот компонент *очень* отличался от типичного англосакса, ирландца, немца, прекративших выезд за океан.

Хозяева страны, ее правящий слой ощутили опасности

«разбавления» первоначального элемента, угрозу изменения прежних культурно-политических устоев страны. Опасения достигли пика на рубеже XIX — XX веков. Президент Теодор Рузвельт (1901—1909) стал первым государственным деятелем, которого интересовал не только наплыв дешевой рабочей силы, но и сохранение прежней, преимущественно англосаксонской идентичности. Он в конечном счете подчинился растущему давлению привилегированного и испытывающего конкуренцию классов, в результате чего вынужден был поддерживать идеи уже сложившихся охранительных структур, прежде всего национально значимой *Лиги сокращения иммиграции.* В дальнейшем Теодор Рузвельт первым среди американских глав исполнительной власти выступил за радикальную реформу иммиграционных законов в сторону запретительных начал. Теперь, мол, *слишком много неанглосаксов* прибывает в Америку, «ухудшая» сложившуюся в стране этническую основу, грозя расколом общества, вплоть до социальной дезинтеграции. И, как минимум, изменением сложившихся духовно-традиционных схем, преобладавших со времен Джорджа Вашингтона.

Решительно запретительное (в отношении новых *инородных* иммиграционных волн) настроение господствовало в Соединенных Штатах между 1920—1965 годами. Алармисты несколько успокоились. К периоду Второй мировой войны стало складываться впечатление, что страхи прошлого напрасны, что между двумя мировыми войнами произошла решительная ассимиляция в американское общество значительного числа представителей Восточной и Южной Европы. Собственно *этничность,* казалось, перестала быть определяющим элементом национальной идентичности. Период сознательного сокращения иммиграции продолжался, как уже говорилось, между 1920 и 1965 гг. Англосаксонская культура и сопутствующее ей кредо либеральных свобод сумели пережить эти испытания. До 1960-х годов от иммигрантов требовалось «расстаться с основными чертами своего прежнего наследия и полностью

ассимилироваться в существующие культурные нормы, представляющие собой англо-конформистскую модель»[1].

[1]*Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. New York: Oxford University Press, 1995, p. 14.

169

Не совсем. Славяне, итальянцы, евреи, многочисленные жители Балкан, Прибалтики и Закавказья так или иначе вошли в амальгаму американизма, привнося в нее новые элементы. Они создали свои кланы, сумели сохранить основы своей культуры, свою прессу и читательскую среду, свое видение мира, свое желание участвовать в американском политическом процессе. Отметим немалочисленных «перемещенных лиц» после Второй мировой войны. Но всем им пришлось *приспосабливаться* к устойчивым чертам исконного американского общества.

ОСОБЫЕ ЧЕРТЫ

Не имея в своем укороченном историческом прошлом феодальных и иных предрассудков, американское общество с самого начала своего формирования приобрело особые черты. Возможно, самый проницательный наблюдатель Америки — Алексис де Токвиль — сказал еще в начале XIX века, что американский характер — это нечто новое, «неизвестное старым аристократическим обществам». И если даже каждая нация уникальна по-своему, то американская нация *особенно уникальна.* Несколько черт отмечали Америку с самого начала.

Во-первых, изначально высокий жизненный уровень. Заметим, что даже в колониальной Америке, уже в 1740-х годах, *уровень жизни на душу населения был самым высоким в мире*[1]. Америка и сегодня пропускает впереди себя по этому показателю только Люксембург и Норвегию, имея 35 тыс. долл. на душу населения в год. У 18,3 % американских семей имеется три и больше автомобилей. Сегодня Соединенные Штаты представляют собой третью по численности нацию мира, производящую *треть* мировых товаров и услуг, нацию, стоящую во главе материального и иного прогресса на нашей планете.

Во-вторых, в Соединенных Штатах наблюдается особое положение закона и тех, кто помогает его отправлению.

[1]*Barone M.* A Place Like No Other («U.S. News and World Report», June 26, 2004, p. 39).

170

В Америке всегда было много адвокатов; сегодня их 3,11 на тысячу населения — значительно больше, чем в других развитых странах, где адвокатов в среднем значительно меньше одного на тысячу. Такое положение судебной власти делает все общественные документы, начиная с Конституции, подлинным правилом общественного поведения. Конституция же выделяет граждан, называемых американцами, проживающих в Соединенных Штатах, а не носителей той или иной крови.

В-третьих, в Америке наблюдается постоянное беспокойство относительно целостности этнически пестрого населения. Больше чем британские штыки волновало одного из отцов основателей — Бенджамина Франклина то обстоятельство, что немецкие поселенцы сохраняли (в Филадельфии и других местах) приверженность немецкому языку и обычаям; немцы здесь с большой неохотой ассимилируются и переходят на английский язык. «У меня самые, — писал Франклин, — большие опасения относительно этих иммигрантов из-за их клановости, плохого знания английского языка, их прессы и растущей нужды в переводчиках. Я предполагаю, что через несколько лет переводчики понадобятся в самом конгрессе, чтобы сообщить одной его половине, что сказала другая»[1]. В середине XIX в. страну буквально парализовал страх перед прибытием в нее

католиков из Ирландии, Италии, Южной Германии, Австро-Венгрии. В 1900 г. романист К. Робертс печалился о том, что «Америка становится Восточной Европой»[2]. Это нежелание быть чем-то иным, кроме «царства англосаксов», продлилось на века.

При этом желание видеть свою страну и нацию *единой* владеет правящим слоем американцев со времен революции и Войны за независимость. Один из героев этой войны — Джон Джей в 1797 г. ставил весьма конкретную задачу: «Мы должны американизировать наш народ»[3]. Томас Джефферсон полностью присоединялся к этому мнению. Наиболее

[1]«Foreign Policy», May-June 2004, p. 4.

[2] Ibid, p. 9.

[3]*Carlson R.* The Quest for Confirmity: Americanization Through Education. New York: John Wiley, 1775, p. 6—7.

упорные и настойчивые усилия в этом направлении предпринимались в конце XIX и начале XX века — когда англосаксонский поток уже не мог конкурировать с инородным. По определению очень активного тогда судьи Луиса Брендайса, сделанному в 1919 г., *«американизация* означает, что иммигрант принимает одежду, манеры, доминирующие здесь обычаи: принимает вместо родного английский язык, делает так, что его интересы, предметы восхищения становятся глубоко укорененными в американской почве и становятся полностью совместимыми с американскими идеалами и стремлениями; новый иммигрант сотрудничает с нами в достижении этих целей, обзаводясь национальным сознанием американца». Все старые пристрастия и лояльности забыты, нити прежних связей разорваны.

Ради сохранения американского *единства* полегли на фронтах Гражданской войны 1861—1865 гг. шестьсот тысяч американцев. А президент Линкольн в мраморе вознесен над американской столицей под надписью «Спасителю Союза». Следует отметить в этом плане, что среди многонациональных стран Америка в этом отношении уникальна, она сохранила свое единство. Среди соседей Соединенных Штатов (созданных в 1776 г.), развалился Советский Союз (основанный в 1922 г.) и на глазах разваливается Великобритания (созданная в 1707 г. союзом англичан, шотландцев, уэльсцев и ирландцев).

В-четвертых, религиозность американского народа. О ней особо и отдельно.

САМАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СТРАНА ЗАПАЛА

Ныне происходит *четвертое* религиозное новообращение Америки. Страна не только осталась нацией верующих — религия стала играть *еще большую роль* в американском обществе. В XXI в. 59 % американцев считают, что религия играет в их жизни растущую роль. (Для стоящей на втором месте Британии этот показатель равен 32 %; далее следует Канада — 30 %, Италия — 27 %, Россия — 14 %, Япония — 12 %, Франция — 11 %.) Только в этой стране

жаждут абсолютных стандартов личного поведения и общественной добродетели.

САМОЗАЩИТА ПРИБЫВШИХ ЭТНОСОВ

Прибывающие национальности обратились к самозащите, в том числе идейной. В 1916 г. была опубликована работа Р. Бурна «Наднациональная Америка». Это была первая серьезная попытка разобраться в проблеме влияния этнических диаспор на внутри- и внешнеполитические проблемы Соединенных Штатов. Это была убедительная попытка оценить меняющееся представление об американской национальной идентичности в свете таких обстоятельств, как смещение центра «поставки» новых иммигрантов в Центральную и Восточную Европу, национальное испытание на лояльность в ходе войны, где Германия и

Австро-Венгрия заняли противоположные американским позиции.

Это была обстоятельная и убедительная критика ассимиляции и концепции «плавильного тигля», предполагающей отказ от культурных связей с покинутой родиной. Р. Бурн призвал американских консерваторов признать те преимущества, которые получает Америка от новых волн иммиграции, от прибытия новых людей иных этнических корней, которые своим самоотверженным и упорным трудом способны не только спасти экономику страны от стагнации, но и многократно приумножить ее национальное достояние. Обличение превратной роли иммигрантов, идеологические и практические атаки, направленные против новых иммигрантов, — как часть более широких попыток сплотить американское общество — разрушают важнейшее в американском политическом эксперименте: сам дух Америки, традиционно постоянно подпитывающийся новыми волнами иммигрантов.

Бурн защищал этническую культуру, что актуально и в современной Америке, продолжающей искать решение дилеммы: «хомо американус» или не потерявший связи со своей этнической общиной гражданин США. Критикуя ассимиляторскую традицию, Бурн обосновал ценность этнического

173

элемента, он привел аргументы в пользу этнической укорененности. «Для Америки опасен не тот еврей, который придерживается веры отцов и гордится своей древней культурой, а тот еврей, который утратил свой еврейский очаг и превратился просто в жадное животное. Дурно влияет на окружающих не тот цыган, который поддерживает создание цыганских школ в Чикаго, а тот цыган, который заработал много денег и ушел в космополитизм. Совершенно ясно, что, если мы стремимся разрушить ядро национальной культуры, то в результате мы плодим мужчин и женщин без духовности, без вкуса, без стандартов — просто толпу. Мы обрекаем их жить, руководствуясь самыми элементарными и примитивными понятиями. В центре этнического ядра господствуют центростремительные силы. Они формируют разумное начало и ценности, которые означают развитие жизни. И лишь постольку, поскольку уроженец другой страны сумеет сохранить эту эмоциональность, он сможет стать хорошим гражданином американского сообщества»[1].

Так идеологически обосновывается несогласие с теорией и практикой «плавильного тигля». Это несогласие ждало своего конкретного воплощения почти сто лет. Мощные силы начали терзать американское единство, главными элементами которого стали культура и политическая система.

НОВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

После ослабления иммиграционных препон в 1965 г. в Соединенные Штаты хлынул поток иммигрантов, среди которых никак не преобладали европейцы, и в определении национальной идентичности стало терять свое значение *расовое* определение. Между 1965 и 2000 гг. в Соединенные Штаты въехало 23 млн иммигрантов. В середине 1960-х годов количество въезжающих в США иммигрантов составляло несколько меньше 300 тыс. человек ежегодно. В начале 1970-х гг. эта цифра выросла до 400 тыс. ежегодно, а в начале 1980-х гг. достигла 600 тыс. въезжающих в год.

[1] *Randolph Bourne.* «Transnational America» in War and the Intellectuals? New York, 1964, p. 109.

174

Затем произошел примечательный скачок. Цифра иммигрантов в США переваливает за миллион человек в год. В 1990 г. американское правительство подняло лимит официальной иммиграции с 270 тыс. человек до 700 тысяч. Если в 1980-е годы в Америку въехало 7 338 062 человека, то в 1990-е годы — 9 095 417 человек[1]. Если на протяжении 1960-х годов в Соединенные Штаты въехало 3,3

млн новых граждан, в 1980-е годы американское общество увеличилось на 7 млн. А в десятилетие 1990-х годов население США за счет иммиграции увеличилось на более чем 9 млн человек. Если в 1960 г. доля рожденных за пределами США граждан составляла 5,4 %, то к 2004 г. эта доля увеличилась до 11,5 %[2]. Эта третья (после двух первых — середина XIX и рубежа XIX—XX веков) волна иммиграции в США отличается своей массовостью и своего рода *неукротимостью.* И еще: местом происхождения.

На этот раз в своем большинстве иммигранты прибыли не из Европы, а из Латинской Америки и Азии (почти четверть из них прибыла незаконно). Необходимость в рабочей силе в значительной мере стимулировала (особенно активно в конце 1990-х годов) иммиграционный поток.

Но, в отличие от прежних волн иммиграции, текущая волна вовсе не гарантирует, что второе и третье поколения сольются в «плавильном тигле», столь различны культуры новоприбывших американских граждан. Обозначилось отличие нынешнего иммигрантского потока от прежних. Раньше большинство иммигрантов прибывали из европейских государств, имеющих сходную с американской культуру. Те иммигранты были готовы заплатить немалую «цену» за приобщение к американскому обществу. Они *хотели* быть американцами. Те из них, кто не сумел приспособиться к американской реальности, возвращались в свои страны. *Те* иммигранты прибывали из многих стран — ни одна страна и ни один язык не были преобладающими среди иммигрантского потока. Прежние иммигранты расселялись по

[1]U.S. Immigration and Naturalization Service, 2000. Statistical Yearbook.

[2] U.S. Census Bureau. Statistical Abstract of the United States: 2001, p. 45.

всей широте огромной страны, не составляя заведомое большинство ни в одном крупном городе, ни в одном отдельно взятом штате. Все это, как характеристика иммиграционного потока, ушло после 1965 г. в прошлое.

Как справедливо оценивает ситуацию С. Хантингтон, «многие американцы теперь (в 2004 г. — *А.У.)* не уверены в достоинствах главенствующей культуры и вместо приобщения к единому руслу молятся на доктрину многообразия и равной ценности всех культур в Америке»[1]. Теперь иммигранты, замечает М. Уотерс, «не входят в индифферентную монолитную культуру, но скорее вливаются в сознательно плюралистическое общество, в котором существует множество субкультур, расовых и культурных идентичностей»[2]. Пришельцы отныне выбирают среди этих субкультур ту, которая более всего соответствует их историческому и психологическому коду. Важнейшая особенность: *они ныне могут ассимилироваться в американское общество, не ассимилируясь при этом в головную американскую культуру.*

И никто в огромном американском государственном аппарате не берет нынче на себя смелость остановить этот поток фактической дезинтеграции. Одиноким голосом прозвучал голос члена конгресса Барбары Джордан (возглавляющей Комиссию по реформе интеграции), выдвинувшей рекомендации по базовой «американизации» иммигрантов. Ее предложения были фактически проигнорированы. В американском обществе доминирует совсем другое отношение к вопросу. Вместо осмысления культурных последствий «разжижения» американской национальной идентичности превалируют более скромные дебаты о положительных и отрицательных сторонах прибытия новых иммигрантов с точки зрения экономических выгод и потерь. Что же касается последствий нового типа иммиграции для социального единства американского общества, то об этом современная

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 199.

[2]*Waters M.* Ethnic and Racial Identities of Second-Generation Black Immigrants in New York City («International Migration Review», Winter 1994, p. 799).

американская элита, увлеченная решением злободневных проблем, предпочитает молчать.

АВТОМАТИЧНА ЛИ АССИМИЛЯЦИЯ

За пройденным в 1950-е годы пиком национального единства начинает подниматься волна, которая позже получит название мультикультурализма. Это явление сделало ассимиляцию «новых» иммигрантов более сложной, замедленной, отличной от прежнего процесса. Выделились испаноязычные иммигранты и мусульмане, образовательный уровень которых отличается от других иммиграционных потоков. Согласно опросу 2000 г. среди американских мусульман, 32 % въехавших считает, что американское общество не питает уважения к исламу; 45 % американского населения видит в исламе угрозу.

Но и в этих условиях побеждает не прежнее стремление заставить активнее работать американский плавильный тигель, а новое для Америки убеждение, что усилия по американизации не нужны, что многоцветье обещает больше, нежели национальная сплоченность и единая культурная идентичность. Как заметил влиятельный теоретик Майкл Уолцер, «у Америки нет единой национальной судьбы»[1]. Социолог Деннис Ронг: «Никто не выступает за «американизацию» новых иммигрантов, как это было в старые дни этноцентризма»[2].

Будет ли так всегда? Увы, в культурном и политическом отношении Америка сегодня, при всем ее колоссальном могуществе, находится в мире практически в состоянии осады. Америка же в лице президента Буша-младшего собирается предоставить права американского гражданства от 8 до 14 млн незаконным иммигрантам, пришедшим с Юга. Идеолог правых республиканцев Патрик Бьюкенен жалуется, что «никто не собирается остановить вторжение в Соединенные Штаты, рискуя увидеть радикальное изменение характера страны, превращение ее в две нации с двумя языками и культура-

[1]*Walzer M.* What It Means to Be an American. New York: Marcilio, 1992, p. 49.

[2]«International Migration Review», Winter 1994, p. 799.

ми — как израильтяне и палестинцы на Западном Берегу» . Уже сейчас многие на Западе полагают, что самым большим сюрпризом будет, если США 2025 г. будут в общих своих параметрах напоминать сегодняшние Соединенные Штаты.

В конце XX в. началась подлинная эрозия достигнутого в середине века единства. Это выразилось в растущей популярности доктрин мультикультурализма и определенного этнического обособления; в формировании особых этноцентрических интересов, которые стали выставлять расовую, этническую и другие «поднациональные» идентичности *над* общей национальной идентичностью; в слабости или отсутствии факторов, которые прежде обеспечивали ассимиляцию; в доминировании среди новой волны иммигрантов представителей одного *неанглийского* языка — испанского, что всерьез поставило вопрос о билингвизме в американской жизни; в денационализации важных элементов американской элиты, вызвавшей разрыв между ее национальными и патриотическими ценностями. К началу XXI века давлению начал подвергаться и господствовавший до того английский *язык*.

Поразительным фактом является то, что в 2000 г. 21 млн иммигрантов заявил публично, что не может адекватно изъясняться на английском языке. В одном только штате Массачусетс в 2002 г. около полумиллиона человек (7,7 % от всего населения штата) не говорили в достаточной степени по-английски. А зачем необходимо это знание? Растущее число частных предприятий говорит с клиентами не по-английски. И бизнес в целом начинает пересматривать свое

отношение к английскому языку. Если в 1900-е годы компания «Форд» была лидером американизации, то через столетие в этой многонациональной корпорации даже члены руководящего совета являются *неамериканцами.* Крупные компании должны учитывать то обстоятельство, что покупательная способность иммигрантов и этнических меньшинств перевалила за 1 трлн долл. ежегодно. Американские компании ныне расходуют «около 2 млрд долл. ежегодно на продажу своих товаров тем, кто желает приобрести продук-

[1]«Foreign Policy», May—June 2004, p. 12.

ты, пользуясь при этом своим собственным языком. Товары, продаваемые на иностранных языках, теперь приветствуются нашей корпоративной культурой»[1].

Множество организаций, помогающих иммигрантам, вовсе не ставит перед собой цели введения их в общенациональный *мэйнстрим.* Сохранение уникальной групповой идентичности *не* выдвигается как самая существенная задача. Практически одно лишь федеральное правительство Соединенных Штатов осталось организацией, которая могла бы поставить перед собой задачу сохранения единого языка, общей культуры, но оно, в отличие от начала XX века, не ставит перед собой такой задачи. И, как справедливо судит Дж. Миллер, «культ групповых прав являет собой самую большую угрозу американизации иммигрантов»[2].

В прежние времена роль ассимиляторов брали на себя общественные школы, именно они приобщали массу будущих американцев к культуре и языку их новой страны. Ныне же — в 2000-е годы — пропорция учащихся, идентифицирующих себя как «американцы», упала на 50 %, доля американцев определенного иностранного происхождения сократилась на 30 %; зато доля тех, кто отождествляет себя с некой иной страной (или национальностью), *увеличилась* на 52 %[3]. Выражаясь словами С. Хантингтона, «общество, которое столь высоко ценит этническое и расовое разнообразие, дает своим иммигрантам мощный стимул поддерживать и утверждать идентичность *своих* предков»[4].

Важнейшим фактом последних десятилетий является то, что доля иммигрантов, пожелавших получить американское гражданство, сократилась драматическим образом, а доля тех, кто наряду с американским гражданством сохранил и гражданство другой страны, поразительно возросла. Это т. н. «трансмигранты», или «транснационалы». Большинство из них исходят из стран Латинской Америки. «Ста-

[1] «Washington Post», July 16, 2000, p. B3.

[2] *Miller J.* The Unmaking of Americans. New York: Free Press, 1998, p. 134-135.

[3]«Freedom Review», Fall 1997, p. 51—52. [4] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 204.

туя Свободы означает своего рода конечный пункт для иммигрантов из Европы. Но это вовсе не конечный пункт для латиноамериканцев»[1]. Четко осознают свою принадлежность к прежнему гражданству жители прежде всего нескольких следующих стран, пославших значительную долю своего населения в США.

Страна	Доля населения данной страны, живущая в США
Ямайка	23,0%
Сальвадор	16,8%
Тринидад и Табаго	16,0%
Куба	11,3%
Мексика	9,4%
Барбадос	9,2%

Доминиканская Республика	8,5 %[2]

Неудивительно, что переехавшее из указанных стран население сохраняет теснейшие связи со своей прежней родиной. В то же время увеличивается число стран, позволяющих формировать двойное гражданство, прежде всего латиноамериканских стран. Между 1994 и 1998 гг. семнадцать из двадцати наиболее активно посылающих свое население в США стран разрешило двойное гражданство. В течение этих лет из 2,6 млн прибывших в США иммигрантов 2,2 млн (86 %) сохранило двойное гражданство. Мексиканские консулаты стали поощрять мексиканцев в США принимать американское гражданство, сохраняя при этом и мексиканское гражданство. В Западной Европе ныне численность иммигрантов с двойным гражданством составляет цифру где-то между 4 и 3 млн. В Соединенных Штатах эта цифра превышает 7,5 млн человек. В то же время три четверти из 10,6 млн родившихся за пределами США амери-

[1] *Suro R.* Strangers Among Us. New York: Knopf, 1998, p. 124.

[2] *Renshon S.* Dual Citizens in America. Washington: Center for Immigration Studies, July 2000, p. 6.

канских граждан являются также гражданами еще и другой страны.

Относительно новым явлением стало участие в выборах в своих странах граждан с двойным гражданством. Три тысячи из 200 тысяч колумбийцев, живущих в Нью-Йорке, голосовали на президентских выборах 1998 г. в Колумбии; около двух тысяч участвовали в сенатских выборах в Колумбии в 1998 г. Тысячи доминиканцев вылетели в Доминиканскую Республику на президентские выборы 2000 г. Добавим к этому огромный денежный поток, идущий от граждан двойного гражданства на их прежнюю родину, — еще более важными, чем личное голосование, являются финансовые взносы тех, кто, живя в США, ощущает себя гражданином другой страны. 15 % всех расходов на президентских выборах в Доминиканской Республике пришли из Соединенных Штатов. Особенно это относится к жителям Мексики, работающим в США.

В 1997 г. городской советник г. Хакенсака (Нью-Джерси) выдвигался одновременно в сенат Колумбии. Наплыв иммигрантов нового типа привел к тому, что уровень натурализации опустился в США с 63,6 % в 1970 г. до 37,4 % в 2000 г. И новые пришельцы интересуются прежде всего не звездами и полосами, не историей США, а федеральными социальными программами. Исследователи П. Шак и Р. Смит с большим основанием утверждают, что «получение социальной помощи, а не гражданство — вот что влечет новых иммигрантов»[1]. Лояльные двум (а иногда даже трем) странам граждане мало похожи на тех, кто полностью и бесповоротно связал свою судьбу с Соединенными Штатами. И это при всем том, что концепция двойного гражданства абсолютно противоречит американской конституции, провозглашающей, что американцы могут быть гражданами только одной страны и могут голосовать только в одном государстве.

Увеличивают ли такие процессы степень лояльности этих новых граждан к США? Встает ли в данном случае речь

[1] *Schak P. and Smith R.* Citizenship Without Consent: Illegal Aliens in the American Polity. New Haven: Yale University Press, 1985, p. 108.

о лояльности и патриотизме? «Те, кто отрицает значимость американского гражданства, равным образом отрицают привязанность к культурному и политическому сообществу, именуемому Америкой»[1]. Альтернативой ассимиляции стало закрепление внутри Соединенных Штатов той культуры и социальных институтов, которые иммигранты привезли с собой. В 1996 г. президент Клинтон с примерным душевным спокойствием оценил это качественно новое явление такими словами: «Сегодня, благодаря прежде всего

иммиграции, уже не существует главенствующей расы на Гавайях, в Хьюстоне и в Нью-Йорке. В течение следующих пяти лет не станет главенствующей расы в самом большом штате — Калифорнии. Менее чем через пятьдесят лет в Соединенных Штатах не будет расового большинства. Ни одна нация в истории не подвергалась демографической перемене такого масштаба в столь короткое время»[2].

ОСЛАБЛЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ИНДИВИДУАЛИЗМА

В своей «Культуре нарциссизма» (1979) исследователь Кристофер Лэш показал, что американцы стали неисправимыми эгоистами. Особенно это касается 70 млн «бэбибуме-ров», детей всплеска рождаемости 1960-х годов. И одновременно выросла ожесточенность противников американского мэйнстрима. В 1967 г. Гарольд Круз писал: «Америка — это нация, которая лжет самой себе относительно того, кем и чем она является. Это нация меньшинств, которая управляется таким меньшинством, которое думает и действует так, как если бы в стране преобладали белые англосаксонские протестанты»[3].

Затем давлению подверглась доминирующая *религия.* Католики и иудеи были первыми, кто ощутил дискомфорт преобладания реформизма, — сначала протестантам стали противостоять католики из Германии, Польши, Ирландии,

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 219.

[2] «The New York Times», June 15, 1998.

[3] *Cruse H.* The Crisis of the Negro Intellectual. New York: Morrow, p. 256.

Италии (к 2000 г. численность протестантов в стране уменьшилась до 60%). Краеугольное «полагаться прежде всего на себя» во второй половине XX века стало уступать страху перед жестким индивидуализмом. Эту тенденцию капитальным образом укрепили ставшие колоссальными *средства массовой информации.*

Кульминацией долгой и постепенной эрозии устоявшейся англосаксонской идентичности Соединенных Штатов в сфере национального образования стал мультикультурализм. Он вызрел не сразу. Между 1900 и 1940 годами содержание учебников по своей идейной направленности колебалось в схеме «нейтрализм — патриотизм — национализм — шовинизм» между патриотизмом и национализмом. Начиная с 1960 года «большинство учебников колебалось между нейтрализмом и патриотизмом». Исчезли патриотические военные истории, «дававшие детям политические идеалы»[1].

В 1963 г. Натан Глезер и Дэниэль Мойнихэн опубликовали своего рода манифест сил, противостоящих «плавильному тиглю». Эти авторы утверждали, что «отчетливо выраженный язык, признаки культуры и обычаи теряют свою отчетливость лишь во втором поколении, а чаще всего в третьем». И оба эти автора утверждали, что потеря явных изначальных признаков — явление сугубо негативное, что большой Америке требуется цветение всех разнообразных этнических цветов, что приобретаемый иммигрантами новый опыт в Америке «воссоздает прежние социальные формы»[2].

В 1970 г. конгрессмен Роман Пучинский (представлявший Чикаго) выдвинул законопроект «Об этнических исследованиях», который, будучи принятым, обязал федеральное правительство содействовать оживлению отдельных этнических величин в США. Как пишет С. Хантингтон, «мультикультуралисты, жестко обличая европейскую цивилизацию, никак не могли солидаризироваться с теми членами европейских общин, культура которых являла собой

[1] *Stotsky S.* Losing Our Language. New York: Free Press, 1999, p. 59-62.

[2] *Glazer N. and Moynihan D.P.* Beyond the Melting Pot. Cambridge: MIT Press, 1963, p. 16-17.

часть европейской цивилизации» . Вызрело — впервые в американской истории — настоящее противостояние «мультикультурализма» и «англо-конформистской» культуры. Мультикультуралисты стали утверждать, что, хотя они представляют собой меньшинство сейчас, им принадлежит будущее, то время, когда Соединенные Штаты отставят свое национальное единство, когда Америку нельзя будет назвать «культурно компактной группой»[2].

Именно тогда, в последние десятилетия XX века, в ряды мультикультуралистов стали вступать видные интеллектуалы, представители академической общины, профессура американских университетов. Их целью стало отменить приоритет английского языка в системе образования, «трансформировать школы в аутентичные культурные центры», делающие акцент на «культуру субнациональных групп»[3]. Один из лидеров мультикультуралистского направления Джеймс Бенкс поставил целью мультикультурного воспитания «реформирование школ и других образовательных учреждений таким образом, чтобы учащиеся из различных расовых и социально-классовых групп могли ощутить образовательное равенство»[4].

Исследование 22 учебников последних десятилетий XX века показало, что только несколько текстов из многих сотен «несли патриотический заряд». В большинстве учебников абсолютно не упоминаются прежние «национальные святые» Патрик Генри, Дэниэл Бун, Пол Ривер. Общий вывод: «Морализм и национализм более не в моде», из чего делается вывод: «Столь полной стала победа мультикультурализма в общественных школах Америки»[5].

[1]*Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 172.

[2]*Craige B.J.* American Patriotism in a Global Society. Albany: State University of New York, 1996, p. 66.

[3]Nava e.a. Educating Americans in a Multicultural Society. New York: McGrow-Hill, 1994, p. V.

[4] *Banks J.* Multiethnic Education: Theory and Practice. Boston: Allyn and Bacon, 1994, p. 3.

[5] *Glazer N. and Ueda R.* Ethnic Groups in History Texbooks. Washington: Ethics and Public Policy Center, 1983, p. 15.

Скажем, американцы польского происхождения, как и многие другие восточноевропейцы, с окончанием «холодной войны» так или иначе усилили свой интерес к странам своего прежнего проживания. Начинается весьма неожиданный для многих взлет мультикультуралистов. Их целью становится решительный вызов «англо-конформистам» Америки. Мультикультуралисты обращаются к тому будущему Америки, в котором Соединенные Штаты «никогда более не будут едиными, когда в стране более не будет культурно определяющей группы»[1].

В Стэнфордском университете обязательный прежде курс истории западной цивилизации оказался замененным курсом, фиксирующим обучение на изучении меньшинств, народов «третьего мира», истории женщин. Последовало изменение курсов в Беркли, университете Калифорнии, университете Миннесоты, Хантер-колледже и других университетах. В конце XX в. американский историк Артур Шлесинджер-младший пришел к выводу, что «студенты, которые оканчивают 78 % американских колледжей и университетов, не обращаются к истории западной цивилизации *вовсе.* Целый ряд высших учебных заведений — среди них Дартмут, Висконсин, Маунт-Холиок — требуют завершения курсов по «третьему миру» или этническим исследованиям, но не по западной цивилизации»[2].

Результат движения в этом направлении обобщила Сандра Стоцки: «Исчезновение *американской* культуры в целом»[3]. А Натан Глейзер в 1997 г. провозгласил «полную победу мультикультурализма в общественных школах Америки»[4]. В начале XX века ни один из пятидесяти лучших университетов

Соединенных Штатов не требовал обяза-

[1] *Craige B.J.* American Patriotism in a Global Society. Albany: State University of New York, 1996, p. 65—66.

[2] *Mesinger A.M.* The Disuniting of America. New York: Norton, 1992, p, 123.

[3] *Stotsky S.* Losing Our Language. New York: Free Press, 1999, p. 72-90.

[4] *Glazer N.* We Are All Multiculnuralists Now. Cambridge: Marsilio, 1992, p. 83.

тельного прохождения курса американской истории, что сняло вопрос об изучении *общих основ* американского общества. Только четверть студентов элитарных университетов смогла идентифицировать источник слов «правительство народа, для народа, посредством народа». Хантингтон приходит к горькому выводу: «Люди, теряющие общую память, становятся чем-то меньшим, чем нация»[1].

Одновременно с нападками на «возможность и релевантность» единой истории впервые за всю американскую историю на национальном уровне возник вопрос: следует ли в школах читать Библию? В 1962 г. верховный суд впервые запретил обязательные строго регламентированные молитвы в школах. Государству запретили спонсировать чтение Священного Писания в школах. Из официальной клятвы изъяли слова «по воле Божьей»: в июне 2002 г. трое судей из Девятого апелляционного округа Сан-Франциско пришли к выводу, что эти слова представляют собой «слова поддержки религии» и являют собой «поддержку религиозной веры монотеизма». Сторонники этого решения вышли на улицы с лозунгами, указывающими на то, что Соединенные Штаты являются секулярной страной, что первая поправка к конституции запрещает поддержку со стороны правительства как материальной, так и риторической поддержки религии.

Некий доктор Майкл Ньюдоу задал обществу вопрос: «Почему я должен ощущать себя аутсайдером?» Суд согласился с тем, что слова «с Божьей милостью» указывают неверующим, что они аутсайдеры в своем обществе. Неверующие не должны повторять слова клятвы и быть невольными участниками религиозных церемоний. В 1999 г. в городе Бойз штата Айдахо начался процесс за снятие двухметрового креста, установленного на общественной территории (подобные же процессы вскоре начались также в Сан-Диего и Сан-Франциско под предлогом того, что «для буддистов, евреев, мусульман и прочих жителей крест является симво-

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 176.

лом того, что они находятся на чужой земле»).

В 1994 г. девятнадцати ведущим американским историкам и политологам был задан вопрос, доминирует ли общенациональная идентичность в США над всеми другими идентичностями. Исследователей попросили определить уровень американской интеграции между 1930 и 1990 гг., используя такую шкалу оценок, где 1 представляла собой высший балл, а 5 — низший. 1930 год получил 1,71 балла; 1950 - 1,46; 1970 - 2,65; 1990-й - 265. Получается, что пиком американской цельности был 1950 год и последующее десятилетие, символом которого были известные слова президента Кеннеди: «Спрашивай не о том, что твоя страна может сделать для тебя, а о том, что ты можешь сделать для своей страны». В дальнейшем общность американского общества подверглась сомнениям, в результате которых усилилась социальная и культурная фрагментация американского общества.

ГРЯДУШЕЕ ДВУЯЗЫЧИЕ

Процесс исключительно интенсивной иммиграции испаноязычных привел к тому, что в начале XXI в. вызрела перспектива превращения Соединенных

Штатов в англо-испанское общество. Тому пособил мультикультурализм, раскол среди американской элиты, политика правительства в отношении билингвизма и воспитания на двух языках, громкие аффирмативные акции.

Демографическая *реконкиста* ведет к тому, что влияние Мексики на территориях, некогда отнятых Соединенными Штатами у Мексики, начинает преобладать над влиянием англосаксонского начала. Этот процесс ведет к тому, что граница между США и Мексикой начинает размываться, и на территориях, бывших до 1840-х гг. мексиканскими, элемент начал усиливаться с необычайно быстрой силой. Обнаружилось, что иммифация из Мексики несет в себе чрезвычайно своеобразные черты, заставляющие по-новому взглянуть на это подлинное иммифационное вторжение в США.

[1] «The New York Times», November 29, 1999, p. A14.

Испаноязычные идеологи по тем же поводам ликуют. *Хосе* уже опередил *Майкла* в качестве наиболее популярного имени на американском Юге. Профессор университета Нью-Мексико Ч. Трухильо предсказывает, что к 2080 г. юго-западные штаты США и северные штаты Мексики создадут новое государство — «Северную республику». Граница между этими штатами уже превращается в фикцию. Наблюдатели ищут подходящее название новому образованию: «Мексамерика», «Амексика», «Мексифорния». Популярен стикер: «Пусть последний англоговорящий заберет с собой и флаг».

Реалистичным является прогноз, согласно которому испаноязычное сообщество в США решит структурно зафиксировать свою особенность и свое преобладание. Уже сейчас крупнейшие кубинские организации, доминирующие в Майами, называют наиболее острой проблемой «столкновение культур, столкновение между нашими ценностями и ценностями американского общества». Нет недостатка в доказательствах «превосходства» латинского мира. Скажем, известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес с талантом и убедительно определил различие между совмещенным испано-индийским наследием, «культурой католицизма», с одной стороны, и американской протестантской культурой, «идущей от Мартина Лютера», — с другой.

Испаноязычные говорят о «более глубоких корнях» испанской культуры. Англоязычные указывают на неверие испаноязычных в образование и упорную работу. Культурная пропасть разделяет две общины. При этом 38-миллионная испаноязычная община растет быстрее и все энергичнее самоутверждается. Их общая покупательная способность перешагнула за полтриллиона долларов, значительная часть американской экономики ориентируется уже на испаноязычных — это создает важные предпосылки. А общие телевизионные каналы, такие, как «Унивизион», уже конкурируют с ведущими американскими, начиная с CNN.

В испаноязычной среде выделились такие идеологи, как Уильям Флорес и Рина Бенмайор, которые попросту отвергают идею «единого национального сообщества». Любые попытки «культурной гомогенизации», укрепления функ-

ций английского языка воспринимаются ими как проявления ксенофобии и культурного высокомерия. Задача испаноязычных, с их точки зрения, «укрепить латинскую идентичность, латинское политическое и социальное сознание». Отсюда требование отдельного «культурного гражданства», предоставления латиносам «ясно обозначенного культурного пространства»[1]. Адвокаты испанизма открыто стремятся ослабить основу англо-протестантской культуры как головной, стремятся к превращению Соединенных Штатов в двуязычное общество двух культур. По мнению Флореса и Бен-майор, «Нью Йорк уже является двуязычным городом, где испанским языком широко пользуются в

обыденной жизни, в бизнесе, в общественных и социальных институтах, в школах и в домашней обстановке». Профессор Илан Ставанс: «Мы являемся свидетелями пересмотра национальной лингвистичной идентичности»[2].

Непосредственно после своего избрания в июле 2000 г. президент Мексики Висенте Фокс заявил, что его целью является открыть американо-мексиканскую границу для людского потока с юга на север. Его министр иностранных дел Хорхе Кастанеда указал, что для центрального мексиканского правительства немыслимо «сдерживать своих граждан от эмиграции — тогда социальный котел Мексики может взорваться»[3].

В 2004 г. численность испаноязычных в Соединенных Штатах составила 38,8 млн человек — рост на 9,8 % в год после ценза 2000 г. (среднеамериканский уровень — 2,5 %). Более 47 млн человек в США говорят дома не по-английски. Министр образования США Р. Райли предсказал, что к 2050 г. *четверть* населения Соединенных Штатов будет говорить по-испански. Сенатор Хайякава придает делу необходимый пафос: «Почему ни один филиппинец или кореец

[1]*Flores W. and Benmayor R.* Latino Cultural Citizenship: Claiming Identity, Space, and Rights. Boston: Beacon Press, 1997, p. 3—10.

[2]«Boston Globe», January 8, 1995. [3] *Castaneda J.* Ferocious Differences («Atlantic Monthly», July 1995, p. 76).

не протестует против английского языка? Не возмущаются японцы. И конечно же, вьетнамцы, счастливые пребыванием здесь. Они быстро изучают английский язык. И только испанцы представили собой проблему. Возникло влиятельное движение за превращение испанского языка во второй официальный»[1]. 14 июня 2000 г. президент Клинтон сказал о том, что он — «последний президент США, не говорящий по-испански». Через год, 5 мая 2001 г., президент Дж. Буш-младший приветствовал мексиканского президента по-испански. Кандидаты на пост губернатора Техаса начали вести теледебаты по-испански. 4 сентября 2003 г. впервые дебаты на пост президента США от демократической партии велись именно по-испански.

При продолжении этой тенденции культурное размежевание между испаноговорящими и англоязычными заменит собой расовое деление белых и черных в качестве самого серьезного противоречия американского общества. Изменятся базовые основания американского развития последних трех столетий. Новой характеристикой американского общества стала его уязвимость. По существу, оказалось, что общими элементами его стали лишь язык и политическая система. Единые традиции и объединяющая культура стали отходить назад.

РАСТУЩИЕ ОПАСЕНИЯ

Историк Дж. Кеннеди замечает: «Отрезвляющим фактом является то, что Соединенные Штаты не имеют опыта, подобного тому, что разворачивается на Юго-Западе. Мексиканцы прибывают на территории, которые некогда были мексиканскими, они чувствуют себя находящимися на собственной земле»[2]. Тем более что 25 поселений мексиканцев продолжали жить следуя испанским традициям, даже будучи оккупированы американцами в 1848 г. Население шести из двенадцати наиболее населенных американских городов вдоль границы с

[1]*Crawford J.* Hold Your Tongue: Bilingualism and the Politics of «English Only». Reading: Addison-Wesley, 1992, p. 149—150.

[2] *Skerry P.* Mexican Americans: The Ambivalent Minority. Cambridge: Harvard University Press, 1993, p. 289.

Мексикой уже является на 90 % мексиканским, трех других — мексиканским на 80 %, один — на 79 % и только два (Сан-Диего и Юма) — мексиканские менее

чем на 50 %. В долине Эль-Пасо мексиканцами являются 75 % населения[1].

Но самым *испанским* среди городов США является Майами, где выходцы с Кубы фактически заставляют англоязычных покидать насиженные места. Майами уже называют «столицей Латинской Америки». Испаноязычные здесь — две трети населения, 96 % иммигрантов. Три четверти населения говорят здесь не по-английски (55,7 % в Лос-Анджелесе, 46,7 % в Нью-Йорке). Испаноязычные телеканалы превосходят здесь англоязычные. Ведущая газета — «Эль Нуэво Геральд». Современный «Большой Майами» производит больше, чем большинство отдельно взятых латиноамериканских стран. И является очень крупным банковским центром для всего Испанидада. Если Лос-Анджелес повторит судьбу Майами, то исход англоговорящих из Калифорнии, самого большого американского штата, станет массовым.

Весьма неожиданным фактом является то, что испаноязычные вовсе не стремятся получить американское гражданство. Американское гражданство среди иммигрантов-филиппинцев получили 76,2 %, среди корейцев — 71,2 %, китайцев — 68,5 %, поляков — 61,3, а среди мексиканцев — 32,6 %[2]. При этом до 45 % испаноязычных находятся в США нелегально. Испаноязычные не стремятся жениться на представителях других этнических общин. И в целом самая популярная поговорка по-испански: «Дядя Сэм — не мой дядя». По умеренным прогнозам, к 2040 г. численность испаноязычных составит не менее 25 % населения США[3]. Все это позволяет исследователю М. Крикоряну определить испаноязычный приход в США как «не имеющий прецедентов в американской истории»[4].

[1] «Economist», July 7, 2001, p. 29.

[2] «New York Times», August 6, 2003, p. Al, A14.

[3] «Econimist», August 24, 2002, p. 21—22.

[4] *Krikorian M.* Will Americanization Work in America? («Freedom Review», Fall 1997, p. 48-49).

Внутри США создается этнический и социально-политический блок, который, говоря попросту, необратимо меняет характер Соединенных Штатов, поворачивает развитие американской истории. Рождается ли здесь американский Квебек? Заметим, что, в отличие от Южной Калифорнии, Квебек очень далек от Франции, и сотни тысяч французов не направляются ежегодно в Монреаль. «История учит, что в случае посягательства жителей одной страны на чужую территорию, стремления обрести особенные права возникает серьезный потенциал конфликта»[1]. В начале XXI в. более 26 млн американцев говорили дома по-испански (рост на 65 % по сравнению с 1990 г.). Абсолютное большинство испаноязычных желают, чтобы их дети говорили по-испански.

По определению С. Хантингтона, «сражение с расовыми, двуязычными и мультикультуралистскими вызовами системе американских ценностей, английскому языку и основам культурного кода США *стали ключевым элементом американского политического ландшафта* в начале XXI века. При этом, если внешние угрозы Америке будут менее значительными, редкими и неярко выраженными, американцы будут в большей мере разделенными в отношении своих политических убеждений, языка и ключевых культурных факторов своей национальной идентичности»[2].

Главное явление американской демографии — сокращение «неиспанского» белого населения в США, которое составляло 75,6 % всего населения в 1990 г. и 69,1 % в 2000 г. В Калифорнии, на Гавайях, в Нью-Мексико и в округе Колумбия они уже являют собой меньшинство населения. Особенно ощутимо ослабление позиций этого отряда населения в крупных городах. В 1990 г. белые немексиканцы были меньшинством в 30 из 100 крупнейших американских городов. В 2000 г. они были меньшинством уже в 48 из 100 крупнейших городов

и составляли всего 44 % населения этих городов. Демографы предсказывают, что к 2040 г. бе-

[1] *Huntington S.* Who We Are? The Challenges To America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 230.

[2] Ibid, p. 177.

лые неиспаноязычные будут *меньшинством среди всех американцев.*

Специалисты по американской культуре разделяют эти страхи. Уже в 1983 г. социолог М. Яновиц пришел к выводу, что «испаноязычное население создает в эволюции американского общества такую бифуркацию, что социально-политическая структура Соединенных Штатов приближается к состоянию национального раскола. Близость Мексики к США и сила мексиканских культурных основ ведет к тому, что «естественная история» мексиканских иммигрантов вступит в противоречие с эволюцией других иммигрантских групп. Для Юго-Запада наступит этап культурного и социального ирридентизма, широкой мексиканизации, ставящей под вопрос единство страны»[1]. Д. Кеннеди говорит, что «если испаноязычные выберут этот путь, они могут *сохранять свою культурную особенность бесконечно.* И они смогут сделать то, о чем другие культурные группы не смели и мечтать: они смогут бросить вызов существующей культурной, законотворческой, коммерческой и образовательной системе с целью реализации фундаментальных перемен не только в языковой области, но и в основных общественных институтах»[2]. Р. Каплан отмечает, что «история медленно и верно уже вершится — происходит воссоединение Штата «Одинокой звезды» (Техаса) с северовосточной Мексикой»[3].

БОЛЬШИНСТВО СТАНОВИТСЯ МЕНЬШИНСТВОМ

Первой нацией Запада, сознательно согласившейся с превращением прежнего большинства в меньшинство, будут Соединенные Штаты Америки. И произойдет это еще до 2050 г., когда радикально изменится этнический характер страны.

[1] *Janovitz M.* The Reconstruction of Patriotism: Education for Civic Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1983, p. 128—137.

[2] *Kennedy D.* Can We Still Afford to Be a Nation of Immigrants? («Atlantic Monthly», November 1996, p. 68).

[3] *Kaplan R.* History Moving North («Atlantic Monthly», February 1997, p. 24).

Европа как «общая родина» американцев удаляется в историческую даль. И очень быстро. В 1960 г. только *шестнадцать* миллионов американцев вели свою родословную не от европейских предков. В 2002 г. таких американцев *восемьдесят* миллионов. Англосаксы стали меньшинством в Калифорнии в 2000 г. и станут таковым в Техасе в 2005 г. Америка более не является обществом 1960 г., имеющим две расы с 90 процентами белых. Белое население составляло в США в 1960 г. 88,6 %; в 1990 г. - 75,6 %; к 2020 г. белые составят лишь 61 процент американского населения . В стране 31 млн родившихся за ее пределами — половина из которых пришла из Латинской Америки, а четверть - из Азии. Именно иммигранты на 100 % «ответственны» за родившихся в 1990-е годы новых американцев. При этом треть прибывших в США за последнее десятилетие легальных иммигрантов не имеет среднего образования. Треть прибывших живет за чертой бедности. У американцев уже нет прежней признанной череды героев — Вашингтона, Джефферсона, Джексона, Линкольна. Все эти личности подвергаются критическому переосмыслению. Половина нации в 2000 г. не удосужилась даже проголосовать.

А ведь совсем недавно преобладание белого населения виделось столь стабильным. Еще в 1930 г. на 110 млн белых в США приходилось 12 млн афроамериканцев и 600 тысяч «других» (азиаты и индейцы). В 2002 г. 37 млн

американцев определили себя как американцев испанского происхождения; 35 млн - афроамериканцев; 12 млн - выходцами из Азии. Азиаты и испаноязычные совместно составляют сегодня 15 % всего населения, а вместе с афроамериканцами -более четверти американского населения. В 3500 приходах сегодня в США молятся по-испански.

Для испаноязычного населения (которое само себя называет «бронзовой расой») это только начало их возвышения в общем спектре национальностей, составляющих американскую нацию. С наступлением ночи на трехтысячекилометровой границе между США и Мексикой начинается

[1]«National Review», June 22, '992.

движение к северу, в котором принимает участие даже мексиканская армия. Растущее ежегодно на миллион жителей мексиканское население движется к более богатым землям севера. Защищающие границы Кореи, Кувейта и Косова американские войска не могут защитить собственную границу. За 1990-е годы численность американцев мексиканского происхождения увеличилась на 50 % — до 21 миллиона; еще шесть миллионов дают незаконные иммигранты. Мексиканцы, в отличие, скажем, от немцев, с трудом ассимилируются в США — сказываются глубокие различия в культуре, в менталитете. Они не желают изучать английский язык. Собственно, их родной дом не США, а Мексика. Они создают свои радиостанции, газеты, каналы телевидения.

Идея мексиканского президента В. Фокса о фактическом объединении США, Канады и Мексики получила весьма благожелательный отклик таких столпов общественного мнения, как «Уолл-стрит джорнэл». При этом мексиканский жизненный уровень (пять тысяч долларов в год) значительно ниже американского. Половина мексиканцев живут в невиданной бедности, восемнадцать миллионов жителей страны существуют на менее чем два доллара в день. В США же минимальная ежедневная заработная плата равна 50 долларам в день. Естественно предположить, что открытие границы вызовет неслыханный поток мексиканцев, направляющихся в США. В Калифорнии треть населения уже принадлежит к латинской расе, четверть населения родилась не в США. В Техасе город Эль-Сенизо объявил испанский язык официальным языком городских властей. Легислатура штата Нью-Мексико выдвинула предложение именовать штат Нуэво Мексико. Латинские студенческие организации американских университетов выступают за *возвращение* юго-западных американских штатов Мексике. Столицей новой мексиканской провинции называют Лос-Анджелес. Президент Лиги объединенных граждан латиноамериканского происхождения М. Обледо указал, что «Калифорния станет мексиканским штатом». Мексиканский президент Э. Седильо провозгласил, обращаясь к аме-

риканцам мексиканского происхождения: «Вы — мексиканцы, живущие к северу от Мексики»[1].

На протяжении 1990-х годов бомба истории начала тикать в крупнейшем американском штате — Калифорнии. Население штата выросло за десятилетие на три миллиона, но численность англосаксов уменьшилась на полмиллиона. Графство Лос-Анджелес потеряло полмиллиона белых. Теряя сто тысяч англосаксов каждый год, увеличивая за десятилетие азиатское население на 42 %, имея среди молодежи моложе 18 лет 43 % испаноязычных, крупнейший штат Америки прямо движется к превращению в преимущественно испаноязычный регион. К 2050 году испаноязычные жители страны будут составлять 33 % всего американского населения (100 млн американцев). Американцы испаноязычного происхождения явятся третьей в мире латинской конгломерацией после Бразилии и Мексики.

Трудно не согласиться с утверждением, что «ни одна нация в истории не подвергалась таким гигантским переменам, оставаясь при этом самою собой — все той же нацией»[2]. В Америке зазвучали голоса, что прежние герои сброшены с пьедесталов, что прежняя культура унижена, что ценности прежних лет осмеяны, что новое поколение повели вперед вовсе не представители традиционной культуры. «Не мы покинули Америку, Америка покинула нас». В последней трети XX века «иудеохристианский моральный порядок оказался отвергнутым миллионами жителей Запада»[3]. На президентских выборах 2000 г. Буш и Гор представляли собой просто разные культуры. Произошла культурная революция. Доминирующие черты этой культуры могут быть названы, по мнению П. Бьюкенена, «постхристианскими или антихристианскими, ибо ценность этой новой культуры является антитезой всему тому, что является христианским»[4].

Известный американский политолог С. Хантингтон пи-

[1] «The New York Times», December 10, 1995.

[2] *Buchanan P.* The Death of the West. N.Y.: Thomas Dunne Press, 2002, p. 3.

[3] Ibid, p. 32.

[4] Ibid, p. 4.

шет: «Вторжение (ежегодно) более чем миллиона мексиканцев является угрозой безопасности американского общества. Это угроза нашей культурной цельности, нашей национальной идентичности и потенциально нашему будущему как страны»[1]. Ныне 72 % американцев хотели бы сократить поток иммигрантов, а 89 % предпочли бы объявить английский язык официальным языком Соединенных Штатов. Хантингтон предупреждает: «Если ассимиляция не удастся, Соединенные Штаты окажутся разделенной страной, создающей все возможности для внутренней борьбы и последующего разъединения»[2].

ЧЕТЫРЕ ТИПА ИДЕНТИЧНОСТИ

От выбора типа идентичности зависит, помимо прочего, характер будущей внешней политики Соединенных Штатов, которая после окончания «холодной войны» пришла в своего рода смятение, не зная, как реагировать на новый мир XXI века, ее поведение в Четвертой мировой войне. В результате Америка встала на развилке четырех дорог, выбора между четырьмя типами идентичности.

1. Соединенные Штаты — «универсальная нация», основанная на ценностях, близких всему человечеству, на принципах, понятных всем народам.

Если Америка принадлежит к *первому* типу и ее идентичность являет собой универсальные принципы свободы и демократии, тогда целью американской внешней политики должно быть глобальное распространение этих принципов.

2. Соединенные Штаты — западная нация, чья идентичность определяется европейскими корнями, наследием европейских институтов и истории.

Если Америка относится ко *второму* типу — она просто одна из западных стран, европейское культурное наследство

[1] *Huntington S.* Reconsidering Immigration: Is Mexico a Special Case? Center for Immigration Studies Bacgrounder. November 2000, p. 5.

[2] *Huntington S.* The Clash of Civilizations. New York: Simon and Schuster, 1996, p. 305.

являет собой основу ее «геополитически-генетического» кода, а ее принципы и идентификационные корни принадлежат всему Западу, тогда основополагающим принципом Вашингтона должно быть сохранение Североатлантического союза и обращение к остальному миру от лица своего Североатлантического региона, своей западной цивилизации. В этом случае США должны всеми возможными способами крепить западную солидарность. Они обязаны в этом случае безусловно считаться с европейскими политическими, экономическими и демографическими интересами. К примеру, Вашингтон обязан считаться с

арабским элементом в европейской демографической мозаике.

3. Америка — *уникальная* нация, исключительная по своей истории и особенностям, сложившаяся в неповторимых, неимитируемых условиях.

Сторонники этой точки зрения утверждают, что Америку, собственно, породили два, но всеобщих начала: европейская Реформация и англосаксонское понимание свободы. Протестантское происхождение сделало Америку непохожей ни на одну другую страну протестантской нацией. Именно так о ней писали все путешественники и мыслители с конца XVIII века и до настоящего времени. Один из наиболее влиятельных интерпретаторов Америки Луис Харц характеризует ее прежде всего как «фрагмент Просвещения», как воплощение идей Джона Локка[1].

4. Америка — это то, во что ее превращает масса наиболее влиятельных и активных поселенцев-иммигрантов. В этом случае следует выделить определяющие элементы подобной уникальности, которые на настоящий момент видятся в массовой миграции в США испаноязычного населения. И тогда Соединенные Штаты должны решительно повернуться к Латинской Америке, завязать на себя все Западное полушарие, превращая его в резервуар американского влияния и мощи.

Американская нация — это сообщество людей, чье наследие и связи минимальны; это нация, чей хрупкий общий

[1] *Hartz L.* The Liberal Tradition in America. New York: Harcourt, Brace, 1955.

базис — это краткая Декларация независимости, Конституция и общая законодательная база. Как писал в свое время самый проницательный исследователь Америки — де Токвиль: «В Америке все родились равными, и поэтому ее жителям не нужно бороться за это»[1].

В этом случае Соединенные Штаты обязаны будут отказаться от поисков «родственных» цивилизационных отношений и дать собственное неповторимо-особенное определение того, «что есть Америка», и не пытаться искать общие корни с другими регионами. В этом случае логично предположить, что конфликты за пределами Соединенных Штатов не имеют непосредственного отношения к собственным интересам американского народа и правительству Соединенных Штатов не стоит столь пристально всматриваться в базово чуждый внешний мир. Следует сконцентрироваться на внутриамериканских улучшениях, действовать посредством примера, а не навязывания своей воли и институтов — что в принципе невозможно (Филиппины, Вьетнам, Ирак).

ОТ ЕДИНОГО К МНОЖЕСТВЕННОМУ

Помимо притока новых, совершенно особенных иммигрантов четыре процесса обострили вопрос о новой американской идентичности.

I. Падение Востока поглотило те внешние силы, необходимость бороться с которыми предотвращала внутренние процессы раскола в американском обществе.

II. Преобладание идеологии мультикультурализма ослабило объединяющую сущность канонов американского единства и общих идеологических основ.

III. Волна иммигрантов из Латинской Америки и Азии, чьи культурные основы нередко диаметрально отличались от прежних англосаксонских, обессилили процесс американизации миллионов новых легальных и нелегальных граждан США.

[1] *Tocqueville A. de.* Democracy in America. New York: Vintage, 1945, v. 2, p. 30.

IV. Впервые в американской истории у английского языка появился мощный конкурент, питающийся культурой десятков стран, Испанидада.

Особенное этническое развитие Америки поставило перед ним вопрос,

который стоит не у всех мировых наций. Как определить свое «мы», свою этническую принадлежность? Есть ли у Соединенных Штатов свой «корневой» этнически-исторический ствол, или Америка — это мультикультурная мозаика с трудом совмещаемых этнических величин?

Напомним, что ни одно общество не является вечным. Сегодня Соединенные Штаты — это невероятная мозаика народов, все меньше напоминающая общество, отделившееся в 1776 г. от Британии. *То* общество было преобладающе белым, в нем господствовали британский элемент и протестантизм, общая культура, совместная борьба за независимость и совместные конституционные основы.

Посмотрим на промежуточный этап. В 1900 г. в США жили 77 млн человек. Основой американского населения были 41 млн «местного белого населения», потомки уже нескольких поколений, живших в Америке, потомки англосаксов: 26 млн «нового белого» населения были недавними пришельцами, из них 30 % — англосаксы, 31 % — немцы, 4 % — шведы, 4 % — русские, 4 % — австрийцы, 3 % — итальянцы. В стране жил миллион евреев. 9 миллионов были потомками африканских рабов, 124 тысячи представляли монгольскую расу (90 тысяч китайцев и 24 тысячи японцев). Местных индейцев осталось 237 тысяч человек.

Ныне американцев в сто раз больше, чем при основании государства; Америка многорасовая и многонациональная страна. В ней 69 % белого населения, 12 % испаноязычного населения, 12 % — афроамериканского, 4 % — азиатского, 3 % иного. В США 63 % — протестанты; 23 % — католики; 8 % представляют другие религии. Деятельность многих групп населения непосредственно направлена против национального единства страны.

Впервые в своей истории Соединенные Штаты могут *лишиться «главенствующего стержня» — англосаксонской культуры* и стать страной многокультурного многоцветья с ослабленной притягательностью прежних базовых полити-

ческих институтов. Скажем, бережливость всегда была достоинством пуритан. Сегодня долг *на кредитных карточках* составляет в США на душу населения 985 долл. в год. Крепкая семья уступила место фантастическому уровню разводов — 6,2 развода на тысячу в год (по сравнению с 3,4 развода в Канаде, 3,1 развода в Японии, 1,4 развода на тысячу населения в Испании, 1,0 развода на тысячу человек населения в Италии). Опрятность пуританских городов вошла в пословицы, а ныне на душу населения в США приходится 1637 фунтов мусора в год (в Германии — 823 фунта, во Франции — 572 фунта, в Италии — 548 фунтов).

В этом случае история и психология ставят под вопрос национальное единство. Впереди замаячит новая Австро-Венгрия, а конфедерации не существуют долго. Если испанский элемент продолжит свое нынешнее движение, то впереди будет вариант Канады. Если превалирующий англосаксонский компонент пойдет на активные предотвращающие меры, то политический строй США может претерпеть изменения в сторону более жесткого политического порядка. В этом случае следует ожидать резкой активизации протестантских конфессий — своего рода охранителей прежней американской идентичности.

Глава 9
СТРАТЕГИЯ КОЛОССА

Ничто не является более фатальным для нации, чем экстремальная самососредоточенность и тотальное желание осуществить то, чего другие самым естественным образом боятся.

Эдмунд Берк, 1797

Новый миропорядок зарождается в тени американского всемогущества. США уже более ста лет определенно доминируют в Западном полушарии; только закрепившись здесь, супердержава нашего времени устремилась к гло-

бальному доминированию. Главенства в западном лагере оказалось недостаточно. В 1991 г., как только окончилась «холодная война», первая администрация Буша смело заявила, что Соединенные Штаты не только являются *самым могущественным государством на планете,* но намерены решительно пресечь попытки других стран посягнуть на их гегемонию. Именно так действовал президент Дж. Буш-младший на Совете национальной безопасности через три дня после террористической атаки 11 сентября: «Это новый мир. Генерал Шелтон должен дать генералам все необходимые цели. Смотрите на часы. Я хочу видеть план — его стоимость, время исполнения. Все варианты на стол. Я хочу, чтобы решения были приняты быстро»[1]. Этот принцип зафиксирован в знаменитом документе «Стратегия национальной безопасности», изданном администрацией Буша-младшего в сентябре 2002 г.[2], в котором была сформулирована «доктрина Буша».

Может ли американский колосс повернуть течение мировой истории в желаемом для себя направлении, представляя собой лишь двадцатую часть мирового населения? И при этом столь разнородного населения?

НЕОКОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сложилось весьма устойчивое убеждение в том, что современным Вашингтоном правят «новые консерваторы» — или, как их привычно называют на Западе, «неоконы». Те в обиде: ах, если бы так. На самом деле самой влиятельной столицей мира владеет весьма сложная амальгама политических сил, и «настоящие неоконы» — лишь часть этих сил. И, как жалуются «неоконы», главенствующая лишь периодически. Группе высших исполнительных лиц, «либеральным империалистам — Чейни—Рамсфелд—Райс—Вулфовиц — талантливо ассистировали на теоретическом уровне

[1] *Woodward B.* Bush at War. New York: Simon and Schuster, 2002, p. 63.

[2] *Mearsheimer J.* Better to Be Godzilla than Bambi («Foreign Policy», January/February 2005, p. 25).

теоретики-неоконсерваторы Роберт Коэн, Краутхаммер, издатель «Уикли стандард» Уильям Кристол. Неоконсерваторов также называют просто «империалистами» (Вулфовиц, Перл), а основную правящую группу — «настойчивыми националистами» (Чейни, Райс, Рамсфелд).

Мир обозначил американскую гегемонию как империю. Империя?

«Настоящих буйных мало», — говорил поэт. Назовем сразу признанных «буйных неоконсерваторов»: первый замминистра обороны Пол Вулфовиц; замминистра обороны по выработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента Льюис «Скутер» Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по выработке оборонной политики Ричард Перл. Остальные «неоконы» судят и рядят о политике, но не формируют ее, они ее «философы» — Макс Бут в «Уолл-стрит джорнэл», Уильям Кристол в «Уикли стандард», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерест» и «Комментари». Философ Сидни Хук, Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги. Джин Киркпатрик преподает. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси размышляет о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» сильны в таких аналитических центрах, как Американский

предпринимательский институт, Проект Нового Американского Века, в таких фондах, как Бредли, Джон Олин, Смит Ричардсон.

А политику делают президент Джордж Буш-младший, вице-президент Ричард Чейни, министр обороны Доналд Рамсфелд, госсекретарь Кондолиза Райс. Не все они (и не всегда) благоволят к «неоконам» со всеми их крайностями. Прежнего госсекретаря Пауэла можно было определить, противопоставляя его крайним, как либерального интернационалиста. Многие из «грандов» осуждали яростную активность «неоконов» на Балканах, опускали международные разделы в речах Буша-младшего, когда тот лишь претендовал на Белый дом. (И либеральные фонды — Форд, Рокфеллер и Макартур будут помощнее: 833 млн долл. в 2003 г. против 68 млн долл. неоконсервативных фондов.) Неоконсервативные журналы имеют меньший тираж, чем

203

откровенно либеральные «Нэшнл ревью», «Нэйшн», «Нью-рипаблик», «Нью-йоркер» (не говоря уже о «Тайм» и «Ньюсуик»).

Неоконсерватизм вызрел как идейное движение, которое требовало большей американской твердости в отношениях с Советским Союзом. Он поддерживал диссидентов в Советском Союзе как вызов советской мощи. На периферии «холодной войны», в странах «третьего мира» неоконсерваторы требовали от американского правительства жесткости в отношении союзников — вы с Америкой или против? Неоконсерватизм стал заклятым врагом реализма, это было бурное выражение демократического империализма, исходящее из иррационального тезиса, что Америка всегда права. Неоконсерватизм почти вслепую верит в благость смелых действий, в губительность поисков компромисса.

«Редкий случай в американской истории, — пишут Иво Даалдер и Джеймс Линдси, — когда крепко сплоченная и упорно действующая группа сумела осуществлять такое решающее влияние по столь критически важным вопросам, как это делают неоконы в отношении Ирака и других стран после крушения башен-близнецов»[1].

Кредо неоконсерватизма: открытое провозглашение первенства США в международных делах, снижение роли международных организаций, предваряющие удары по потенциальным противникам, любые действия, предотвращающие распространение оружия массового поражения, подозрение в отношении даже старых союзников (не говоря уже о таких новых доброхотах, как РФ), сокрушение «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея), активное использование уникального факта американского всемогущества («история не простит бездействия»). Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» («агрессивных государств») ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединенные Штаты.

[1] *Daalder I. and Lindsay J.* America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington: Brookings Institution Press. 2003, p. 230.

204

«Звездный час» политического всемогущества настал для «неоконов» в трагический для Америки час. Когда потрясенная страна в сентябре 2001 г. озиралась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» молниеносно вышли на национальную арену и предложили президенту и администрации в целом серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию страны, полтораста лет не знающей войны на своей территории. Войны в Афганистане и Ираке вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты. Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-младший пришел к

выводу, что администрация не может более позволить себе «скромной» внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 г. амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларированное право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства Х грозящей антиамериканскими действиями. Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ.

Обречена ли Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих в конечном счете распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов, невозможную попытку осуществить полицейские функции «по всем азимутам»? Даже сейчас видно, что внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона идет жесткая внутриведомственная схватка. Если бы «неоконы» были в ней побеждающей стороной, то мы бы уже видели силовые действия против Ирака и Афганистана гораздо раньше. Сейчас мы наблюдали бы за ударами по Северной Корее и Ирану. Напротив, мы видим первые попытки контактов республиканской администрации с обеими этими странами.

В Америке достаточно трезвых людей, не опьяненных положением единственной сверхдержавы. Быстро выигранная война обратилась в Ираке (да и в Афганистане) теряемым миром. Уже сегодня ведущий американский социолог Иммануэль Воллерстайн спрашивает, почему «нашим глав-

ным военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября? «Полный вперед» — это девиз нынешней администрации, поскольку если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем крах *сегодня».*

Неоконсерваторы уже сейчас (на всякий случай) жестко утверждают, что они стояли и стоят за более активное, энергичное и быстрое вмешательство в «национальное строительство» в Ираке и Афганистане. Они *уже* обвиняют деятелей типа и класса Рамсфелда в неповоротливости, в скепсисе по отношению к участию американцев в создании новых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Они выступают за расширение американского военного присутствия здесь. Современный американский неоконсерватизм — мощная и сплоченная сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

«Неоконы» отметают всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминают, что во время подавления иракского восстания в 1920 г. англичане потеряли более 500 солдат — гораздо больше, чем американская армия на этапе вхождения в Ирак. Но если потери в Ираке не прекратятся, а 87 млрд долл., выделенных Ираку, не стабилизируют там обстановку, если ценой борьбы с горцами будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесен жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает, как его зовут.

Стоя, так сказать, во «втором эшелоне» республиканской администрации, неоконсерваторы — демократические империалисты имеют все возможности воздействия на принятие ключевых решений. Как пишет Дж. Мершол, «определяющей характеристикой внешней политики администрации Буша стало то, как неоконы внутри и за пределами администрации оказались способными выиграть ключевые битвы — если не в первом раунде, то во втором или третьем. Неоконы не всегда писали либретто, но итог в большинстве случаев твердо попадал им в руки. Например, в Пентагоне

Рамсфелд играл ключевую роль во внутренних дебатах по изменению оборонной политики, но в вопросах внешней политики его неоконсервативные заместители Вулфовиц и Фейт имели решающий голос и сумели обеспечить почти тотальный контроль по всем аспектам войны и последующей оккупации»[1].

Похожее мы видим и в трансформации вице-президента Чейни. Вскоре после 11 сентября 2001 г. он погрузился в изучение ислама, и его учителями были неоконсерваторы Бернард Льюис, Фуад Аджами и Льюис «Скутер» Либби, которые утверждали, что свержение Саддама Хусейна покажет силу Америки и увеличит доверие к Соединенным Штатам во всем исламском мире. Чейни присоединился к партии войны.

ОТЕЦ И СЫН

Впервые за столетие республиканская партия в 2004 г. во второй раз подряд завладела Белым домом, сенатом и палатой представителей. Так было только во времена после победы Севера над Югом в Гражданской войне. Произошла немыслимая прежде концентрация колоссальной власти. И центром этой правящей миром власти является Совет национальной безопасности (СНБ), в который входят президент США и его ближайшие помощники. У этого органа больше ресурсов, мощи, прерогатив, способности применять силу в любом краю планеты, чем у любого правителя в мировой истории.

Как известно, СНБ первых сорока пяти лет существования концентрировался на реакции Советского Союза; после этой эпопеи данный орган, чьи полномочия не подтверждает и не оценивает даже конгресс, обрел невообразимую силу. И при этом мало кто специально обращает внимание на этот находящийся как бы в тени орган, работающий ежедневно и принимающий решения, касающиеся всех нас. Но те, кто входил в СНБ, как бы являют собой самую влиятель-

[1] *Marshall J.* Remaking the World: Bush and the Neoconservatives («Foreign Affairs», Nov./Dec. 2004, p. 87).

ную элиту современного мира. Теперь члены СНБ практически игнорируют внешнюю реакцию, отношение мира за пределами американских границ. Поразительна «безнаказанность» работы этого органа, членов которого не нужно проводить через процедуру парламентских слушаний.

Как главный распорядитель нынешнего американского Совета национальной безопасности, Кондолиза Райс, бесспорно, была ближе к президенту, чем любой из ее предшественников на посту советника президента по национальной безопасности. По ее собственному признанию, она проводила до шести-семи часов в день рядом с президентом. Более того, она как бы стала «неофициальным» членом семьи президента, проводя с этой семьей воскресные обеды, проводя с ней отпуск.

Лояльность Райс президенту как руководителю и как личности абсолютна. Вот ее собственная оценка своего босса: «Этот президент обладает стратегическим мышлением в большей мере, чем какой-либо другой президент, которого я видела. Время от времени что-нибудь в разведывательных оценках провоцирует его мыслительный процесс и подвигает на уточнение его стратегического курса. Я видела много такого в летней резиденции, в Кэмп-Дэвиде и на его ранчо в Техасе. Мы сидим и работаем над очередной проблемой, и вдруг он говорит: «Вы знаете, я сейчас подумал: ситуация в Китае». Это *нечто* люди не понимают, говоря о президенте. Потому что, если вы не сидите рядом с ним в Овальном кабинете, вам этого не увидеть»[1]. Во многом перекликается мнение еще одного наблюдателя, видевшего Белый дом обоих Бушей, — Колина Пауэлла: «Буш-43 похож на Буша-41 своей готовностью действовать, но для 41-го это был процесс, которому предшествовали специальные размышления, в то

время как 43-й руководствуется больше внутренней инерционной навигационной системой, а не интеллектом. *Он знает во многом то, что он хочет делать и что он хочет услышать по поводу того, как достичь задуманного».*

Представления Райс об оптимальной работе СНБ были

[1]*Rothkopf D.* Inside the Committee that Runs the World («Foreign Policy», March/April 2005, p. 19).

выработаны еще в годы ее работы в СНБ Буша-старшего, где ее учителем был тогдашний советник — Брент Скаукрофт (самый влиятельный президентский советник после Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского). Скаукрофт входил в элиту, внутри которой апологеты и антагонисты текущего курса ведут негромкую, но очень важную борьбу. И примечательно то, что весьма *ожесточенным антагонистом* курса современного СНБ (лицо которого определяют сам президент, вице-президент Чейни, министр обороны Доналд Рамсфелд и госсекретарь Кондолиза Райс) является именно секретарь СНБ его отца, Дж. Буша-старшего, — Брент Скаукрофт. Сам Скаукрофт определяет свою борьбу как сражение «традиционалистов», которых он возглавляет, против пришедших с Бушем-сыном «трансформистов», прагматиков, выступивших против неоконов. Борьбу интернационалистов против приверженцев односторонних действий, людей, победивших в «холодной войне», недовольных стратегией борцов «с террором».

Последние раскололи прежнее единство американской элиты, агрессивно оттесняя триумфаторов 1991 года от рычагов фантастической власти Вашингтона. Признаки этой борьбы налицо. Общеуважаемого Брента Скаукрофта при Буше-младшем не назначили даже на во многом декоративный пост главы президентского Совета по внешней разведке.

Почему? Потому что столь близкий отцу нынешнего президента Скаукрофт не желает демонстрировать стопроцентную лояльность. Он пытается сейчас объяснить причины склонности Дж. Буша-младшего к радикальным решениям: «Трансформация пришла 11 сентября. Нынешний президент — очень религиозен. Он воспринял как нечто уникальное, как поданное сверху то катастрофическое, что произошло 11 сентября, когда ему пришлось быть президентом. Он воспринял происшедшее как миссию, как его личную миссию расправиться с терроризмом». Скаукрофт замечает, что проблема в «абсолютной вере, в мотиве, столь благородном, что отныне все содеянное в отместку — О.К., поскольку речь идет о правом деле». Анализ Брента Скаукрофта однозначен: от традиционных отношений с союзниками до событий в тюрьме Абу Граиб — чем меньше мо-

ральной двусмысленности в твоем мировоззрении, тем лучше, тем спокойнее ты можешь оправдать свои действия.

Еще одна проблема, согласно взглядам Скаукрофта, проистекает из того факта, что «если вы верите в то, что ваши деяния — абсолютное благо, тогда *грехом* будет отходить от уже намеченного и взятого курса». Это означает, что абсолютизм либо создает опасные политические решения, либо, в противном случае, он делает Соединенные Штаты открытыми к обвинениям в лицемерии. Скаукрофт: «Например, вы выступаете в защиту тезиса об экспорте демократии, и при этом вы обнаруживаете себя в объятиях таких лидеров, о которых можно сказать что угодно, но только не то, что они привержены демократии или готовы отстаивать демократические идеалы где-либо. Абсолютные истины невозможно подвергать сомнению; невозможно одновременно практиковать прагматизм и полностью загораживаться от критики».

Это своего рода объявление войны традиционалистов трансформистам. Возникает ситуация противостояния курсов 41-го и 43-го президентов, отца и

сына. Согласно Скаукрофту, «11 сентября позволило трансформистам утверждать, что ситуация в мире быстро ухудшается и *мы должны быть смелыми.* Мы знаем, что делать, и у нас для этого есть сила».

Контраст нынешнего Совета национальной безопасности и того, который возглавлял Скаукрофт, очевиден. Нынешние лидеры СНБ и не пытаются прикрыть своего отличия. Кондолиза Райс откровенно гордится своим детищем: «Я не хотела бы иметь СНБ, похожий на СНБ времен Брента — действующий в низком ключе, занимающийся координацией, а не оперативными проблемами, маленький и менее энергичный». Возглавляя СНБ, Райс требовала прежде всего безусловной лояльности, полного подчинения курсу президента, потакания всем его привычкам: «Вашей первой обязанностью является поддержка президента. Если президент желает иметь текст 12-го размера печати, а вы подаете ему 10-го, ваша обязанность дать нужный размер».

Традиционалисты утверждают, что Райс превратила главный штаб выработки американской внешней политики — Совет национальной безопасности в организацию, ко-

торая служит индивидуальным прихотям одного человека в ущерб лучшему служению более широко понимаемым национальным интересам. Огорченный Скаукрофт пессимистически размышляет: «Существуют две модели осуществления функций советника по национальной безопасности — снабжать президента информацией и управлять СНБ как организацией. Сложность состоит в том, чтобы решать *обе* задачи». Будучи советником президента по национальной безопасности, Кондолиза Райс, по мнению традиционалистов, ежеминутно была занята тем, чтобы быть на стороне президента, постоянно шепча ему что-то на ухо, становясь его *alter ego* в вопросах внешней политики. Это изменило роль СНБ как центра анализа, способного критично взглянуть на свой курс.

В результате государственный секретарь Колин Пауэлл, видимый миру как обладатель «голоса разума», — столь нужный рядом с импульсивным президентом, стал восприниматься президентскими лоялистами как подозрительная личность. Пауэллу приходилось не раз оправдываться перед иностранной аудиторией. Так, в Давосе в 2003 г., накануне американского наступления на Ирак, он заявил европейцам: «Вы хотите одеть меня в ваши одежды. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не борюсь за ваш курс внутри американского правительства: я думаю, что президенту решать, должны мы применить военную силу или нет. Вы, ребята, должны понять, что я не являюсь выразителем европейской точки зрения в среде администрации». Отговорки, подобные вышеприведенной, не помогли: Пауэлл стал терять влияние, а затем и покинул администрацию. Его заместитель Марк Гроссман сказал: «Мы стали ненужной бюрократией». Традиционалисты в американской дипломатии уступили «демократическим империалистам» типа вице-президента Чейни и министра обороны Рамсфелда, уступили СНБ, возглавляемому Кондолизой Райс. Не зря Генри Киссинджер назвал Рамсфелда «самым безжалостным человеком», которого он когда-либо видел в американском правительстве.

Накануне 11 сентября 2001 г. вице-президент Чейни был влиятельным консервативным политиком, но изменив-

шаяся обстановка превратила его в лидера идеологически ориентированной группы политиков, готовых на крайние действия. Рамсфелд, как казалось в первой половине 2001 г., не задержится в администрации. Сентябрьский кризис вывел его министерство и его самого на первый план творимой истории.

И теперь связка Чейни — Рамсфелд конкурирует с СНБ по степени влияния

на президента. Сотрудники СНБ с завистью отмечают, что Рамсфелд может войти в Белый дом в *четырех* местах этого хорошо охраняемого поместья. В то же время вице-президент Ричард Чейни имеет беспрецедентно большой собственный штат исследователей и чиновников, которым руководит Льюис «Скутер» Либби, имеющий ранг «советника президента» (формально равный руководителю СНБ). Желая избежать феодальных склок, Райс называет Чейни «восхитительным мудрым умом на советах администрации». Мнение вице-президента обычно не дебатируется, всем ясно, что он — чрезвычайно влиятельный советник президента.

ДВУХПАРТИЙНАЯ ПОДДЕРЖКА

Повсюду, куда ни ступала нога англосакса, политическая система приобретала устойчивую двухпартийность. Консерватор по природе, англосакс считает, что в политическом мире существуют лишь две партии — та, что сохраняет статус-кво — существующее положение, — и та, что стремится его изменить. Второго ноября 2004 г. победила та часть политико-психологической природы американца, которая воспротивилась радикальным переменам уже принятого курса, означающего на сегодня, увы, малопривлекательный статус-кво: войну, сокращение лагеря союзников, непривлекательность внешних инвестиций в вялую американскую экономику.

В этом была своя лихость: пусть весь мир осуждает бои в Междуречье, пусть ржавеют союзные связи с первостепенными союзниками, пусть экономика топчется в ожидании циклического подъема, пусть налоги уменьшаются у главенствующего процента населения — Америка предпочла

не возврат в менее амбициозное республиканское прошлое, а настойчивое самоутверждение в роли безусловного имперского лидера, железной рукой «исправляющего» наш бренный мир. Американцам нравится пример Рональда Рейгана. Ну и что из того, что он не блистал энциклопедизмом, ведь сумел же он положить на лопатки «империю зла»?

Президент Буш совершил своего рода революцию во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Он сознательно, целенаправленно и демонстративно отошел от опоры на союзные усилия, от постоянной упорной дипломатической работы к опоре на односторонние превентивные удары. Он круто изменил главному принципу своего отца-президента: «Нужно полностью погасить возникший в некоторых кругах соблазн того, что Соединенные Штаты могут каким-то образом в борьбе с терроризмом идти своим собственным односторонним путем». Сын полностью опроверг отца: «Мы можем остаться одни. Ну что ж, я это принимаю. Мы — Америка». И, считая значение 11 сентября самоочевидным, американское руководство и не пыталось убедить весь мир в своем трактовании этого события. Президент Буш-младший пообещал мировым террористам показать «американскую справедливость», как будто обещания просто *справедливости* было недостаточно. В результате Америка начала войну против Ирака, имея поддержку только *четырех* членов Совета Безопасности ООН.

Главное — не то, что Америка сегодня империя; главное, что она готова пользоваться своей мощью. Основной удар война в Ираке нанесла умеренным режимам в мусульманском мире. Президент Буш-младший сделал это возможным, когда вместо борьбы с «Аль-Кайдой» призвал к борьбе против одной из арабских стран и в поддержку доктрины «предваряющего удара» — все в одном пакете. «Многие из тех, кто противостоял «Аль-Кайде», решили, что они не хотят быть с Соединенными Штатами. Европейцы чувствуют неловкость в отношении американских претензий — вкупе с американскими сомнениями в

европейской решимости это создает потенциал для долговременного и опасного разъединения». Это была война «по выбору, а не по необходимости», и большинство европейцев вовсе не раздели-
213
ли восприятия и чувств и логики американцев. Связав Ирак с Усамой — что было явно несправедливо, — администрация Буша стала подавать таких союзников, как французов и немцев, не просто как «несогласных», но как предателей. Это не могло не вызвать межсоюзнического кризиса. Европейцы же просто не желали очевидного слома многолетних прежних правил и замены их одиозными новыми — американскими.

История знает множество случаев, когда ее герои вовсе не считали себя виновными в ошибках и преступлениях. Римляне считали славными грабежи парфян; правоверные католики считали справедливым деяния испанской инквизиции; «отцы-основатели» Соединенных Штатов считали рабство экономической необходимостью; боснийские сербы считали справедливыми этнические чистки; умиротворители нацистов считали самым главным «мир в наше время». Урок: чем дольше длится иллюзия зла, тем сложнее от нее избавиться.

ДЕМОКРАТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА

Можно ли было победить президента Дж. Буша-младшего? Вполне. Рухнул же с имперской колесницы его отец — Буш-старший, причем в сиянии славы победителя в том же Персидском заливе? Но, в отличие от Билла Клинтона, Джорджу Керри не хватило политического таланта, не хватило убедительной последовательности. Он начал свои притязания на Белый дом издалека — почти два года назад. И сразу же обнаружил ограниченность своего политического таланта. В эру телевидения, в эпоху средств массовых коммуникаций претендент виден миллионам со всеми своими достоинствами и недостатками. Керри природа наделила многими из достоинств — память, реакция, жизненная сила, чутье к слову, понимание аудитории. Помог многолетний опыт пребывания в сенате, семейное благосостояние, высокий престиж Бостона и Массачусетса в целом. Во всем этом сочетании достоинств не хватало малого. Он *не волновал.* Так прошла вся вторая половина 2003 г.; бостон-
214
ский брамин говорил неглупые вещи, но всерьез его воспринимали немногие.

На наличие шанса указал сосед — Ховард Дин из Вермонта. Он не превосходил Керри из Массачусетса ни ростом, ни опытом, ни числом военных наград. Он превосходил Керри темпераментом. Именно Дин превратил становящиеся скучными и все более напоминавшие ворчания бостонца дебаты в яростный — немедленно привлекший внимание атакующий порыв против косноязычного президента. Именно Ховард Дин сокрушил «послесентябрьскую» тефлоновость президента подвергнувшейся нападению страны. «Мне стыдно быть американцем», «Америка сегодня более уязвима, чем год назад — до нападения на Ирак», «Где приснопамятные средства массового поражения?». Дин сокрушил табу, он и был тем «мальчишкой», который сказал, что техасский король на самом деле *голый.* Джон Керри увидел представившуюся возможность. Мы увидели нового сенатора Кери, воодушевленного и возмущенного, овладевшего рядом истин, которые больно били по президенту:

Ирак Саддама Хусейна был меньшим распространителем терроризма, чем развороченный американскими войсками шиитско-суннитско-курдский улей с лидерами типа шиитского клирика Ас-Садра.

Наличие у Саддама Хусейна оружия массового поражения — ложный предлог для выступления машины Пентагона.

Нет никаких доказательств существования контактов, связи (не говоря уже о взаимодействии) между официальным баасистским Багдадом и исламским фундаментализмом; в качестве предлога военного выступления и этот тезис является ложным.

Президент Буш снизил налоги с одного (верхнего) процента наиболее богатых американцев, не улучшая долю низшей половины среднего класса.

Республиканская администрация разрушила одно из оснований мировой мощи Америки — ее военные союзы, проигнорированные, лишенные внимания и опеки.

Президент Буш своей внутренней и внешней политикой расколол страну, противопоставил одних американцев дру-

215

гим, порушил послесентябрьское единство ставшей жертвой терроризма страны.

Все эти обвинения были сильны своей *правдой,* эти обвинения показали уязвимость младшего Буша. Страна стала ужасаться репортажами из Эль-Фаллуджи и других мест. Страна созрела к перемене курса? Именно здесь Джон Керри и обнаружил свою слабость — он, колеся по всей стране, не мог ответить прямо и конкретно: что *он* будет делать в Ираке на второй день избрания президентом? Он, голосовавший в сенате за вторжение, не обещал вывести войска, он не говорил о необходимости перемирия, он не показал *своего* решения столь острой проблемы. И американцы 2 ноября увидели его относительно убедительным критиком, но гораздо менее убедительным созидателем. Это и предопределило итог схватки. Непоследовательность и отсутствие перспективы — большой грех в политике.

Характерным обстоятельством стало то, что противники и сторонники президента Буша приняли решение задолго до выборов — в этом яркая особенность кампании 2004 г. Если ожесточение кампании 2000 г. сводилось к спору *о выборе,* то четырьмя годами позже спор приобрел все черты ожесточенной самозащиты. Курс же противника приобрел черты органической неприемлемости. Самые животрепещущие сферы стали предметом спора — война и экономика стали главными ее предметами, — и американское общество отозвалось так контрастно, как никогда прежде.

Между тем внешний мир на этот раз не был безразличен к американским реалиям. Престиж Соединенных Штатов уменьшился более чем на 15 % в таких странах, как Германия, Франция, Россия, Турция, Бразилия, Нигерия, Иордания. Поразительны и многозначительны перемены в видении Америки самой населенной мусульманской страной — Индонезией — с 75 % положительно относящихся до 83 % негативного отношения. Поразительно: в таких союзных натовских странах, как Британия, Германия, Франция и Италия, российский президент В. Путин стал более популярным политическим деятелем, чем президент Соединенных Штатов.

Спад ждал США и в Азии. Так, поддержка Соединен-

216

ных Штатов в ключевой стране (в борьбе с терроризмом) — Пакистане опустилась до малоубедительных 20 %. Опросы в России и семи преимущественно мусульманских странах указали на растущее чувство угрозы со стороны Соединенных Штатов. Как пишет М. Олбрайт, «я никогда не думала, что придет день, когда Соединенных Штатов будут бояться те, в отношении которых США не имеют ни намерения, ни желания нанести ущерб».

И последнее. Буш яростно встал на путь восстановления «американского плавильного тигля», в то время как Керри шел дорогой мультикультуралиста Клинтона. Возможно, что 2 ноября 2004 г. — это последний случай, когда WASP бросили клич всей традиционной Америке и добились успеха. «Нутряная»

Америка предпочла простить неправедность причин иракской войны, чтобы сохранить прежнюю веру в то, что династии типа бушевской охраняют коренное в Америке: труд, прямодушие, откровенность, приверженность традиционным ценностям.

С КЕМ БОГ?

Преемственность чаще всего похвальна, мы строим мир на основе все более солидного опыта. Однако частью текущего американского опыта оказалась далекая от похвал безнаказанность тех, кто решил, что история не простит упустившим редкий миг всемогущества. Речь, разумеется, идет о когорте неоконсерваторов, решивших бросить неимоверную американскую мощь на достижение безусловной американской гегемонии в мире. К сожалению, не последними среди победителей были кандидаты в президенты.

В ноябрьской битве Буша и Керри своего рода «козлами отпущения» явились те «неоконсерваторы», которым, казалось, не избежать национального позора — ведь именно они толкнули достаточно простодушного президента в Ирак, прячась за общепатриотическую риторику.

Теперь, став президентом на второй срок, Джордж Буш-младший не ждет решений электората, он получил все, что мог, его судья теперь — История. Возложим же надежды на то, что опыт первого президентства не прошел даром.

Что сын героя Второй мировой войны, выпускник Йеля, губернатор необозримого Техаса с пользой прошел четырехлетний курс политической учебы. Этот курс должен сказать ему, что игнорирование ООН, самовольно провозглашенное право «упреждающих ударов», попирание суверенитета гордых наций земли способны лишь изолировать могучую Америку. Этот опыт должен сказать, что никто в этом мире не рожден обреченным на опеку других, что народы платят за свободу и независимость *любую* цену. Как в греческой трагедии, стремясь всеми силами замедлить процесс вооружения все большего числа стран оружием массового поражения, Соединенные Штаты, лишив прежней значимости вестфальскую систему, урезав вчера еще превозносимую суверенность, фактически сами подтолкнули претендентов на ядерное вооружение — ведь *настоящим,* в результате силовых действий американцев, стал только тот суверенитет, который подкреплен *ядерной вооруженностью.*

Если учеба пошла не впрок, то 43-му президенту США придется заплатить немалую и горькую цену за неимоверное посягательство. Таков закон истории: никто не рожден с заведомо высшим, назидательным призванием, если речь идет о демократии, самоуправлении, самоуважении. Даже такому гиганту, как США, *принципиально не по силам* задача «исправления» всего мира. Этому препятствуют культура, прошлое, традиции, гордость двух сотен суверенных государств. Если Буш останется во власти «неоконов», то его следующий противник — а на его место уже претендует сенатор Джон Эдвардс— обещал начать битву с правыми фанатиками. С теми, для кого 2 ноября 2004 г. (когда половина страны выразила свое несогласие — а часто и возмущение) является стартовой площадкой новой политической Варфоломеевской ночи. Гордыня погубила много царств.

ОРУЖИЕ ИМПЕРИИ

Полицейские функции в глобальном масштабе — вот какую цель ставят перед собой идеологи американской империи. Они буквально накинулись на министерство обороны США, когда то закрыло т. н. Институт поддержания ми-

ра, предназначенный для охраны уже захваченных участков территории. Это, мол,

неудачная идея. Идеолог неоконсерваторов Макс Бут: «Армия должна выполнять имперские полицейские функции, как бы дико это ни звучало для некоторых политиков. Это жизненно важно для поддержания долговременных американских интересов: армейское командование должно понять, что победы на поле битвы в таких местах, как Афганистан и Ирак, легко могут обернуться в свою противоположность, если войска не приложат достаточно усилий для того, чтобы *выиграть мир»*[1].

Основой боевой ударной мощи Соединенных Штатов являются национальные подводные силы — примерно 50 атомных подводных лодок стратегического назначения, шахтные межконтинентальные баллистические ракеты и ядерные боезаряды стратегической авиации. Оперативные запасы США составляют 9 тысяч ядерных боезарядов. Часть из них развернута в боевых позициях, а часть составляет стратегический резерв. Все эти стратегические боезаряды в ближайшие годы будут прикрыты системой широкомасштабной противоракетной обороны, системой слежения, обнаружения, сопровождения, селекции и управления перехватом. В идеале перехватчики должны обеспечить полное прикрытие территории США.

До 2015 года военно-морской флот США пополнится еще 18 атомоходами современной конструкции — четвертого поколения; Вашингтон расходует ежегодно на свои ВМС 37 млрд долл. Но это оружие глобального конфликта, мало приспособленное для конфликтов региональных или для борьбы с терроризмом.

Американцы стали реализовывать стратегию военной гегемонии вскоре после развала второй «сверхдержавы». Этот новый подход впервые мы видим в документе Объединенного комитета начальников штабов «Взгляд на ВВС XXI века», созданный в 1996 г. и рассчитанный на реализацию до 2025 г. Этот документ новоизбранный президент Дж. Буш-младший воспринял как главный.

[1] *Boot M.* The New American Way of War («Foreign Affairs», July/August 2003, p. 57).

Новая стратегия придает исключительное значение группировке бомбардировщиков B-1B «Лансер». В новой «ядерно-неядерной» структуре данный бомбардировщик выступает в двух ипостасях — в качестве ядерного меча и в качестве носителя неядерных зарядов для решения оперативно-тактических задач.

1) В первом случае «Лансеры» действуют наряду с авианосцами, атомными подводными лодками стратегического назначения. Здесь акцент делается на подводные лодки SSN-774 типа «Вирджиния», SSN-21 «Сивулф», подлодки типа «Огайо», перевооруженные с боевых ракет на крылатые ракеты большой дальности и фантастической точности.

2) Во втором своем качестве «Лансеры» возглавляют обычные силы, способные нанести удар в любом районе земного шара, они становятся основной ударной силой «глобального воздействия» для доставки высокоточных обычных средств поражения на самые удаленные театры военных действий.

Военное министерство США соединило Стратегическое командование ВВС с Космическим командованием США в единое Стратегическое командование. Но, наряду с централизацией на самом высоком уровне, американское руководство восприняло уроки боевых действий в Афганистане и Ираке. Оно учло отсутствие надежного разведывательно-информационного сопровождения. Отныне предусмотрено внедрение в разведывательно-информационные системы войск и в ударное оружие инновационных технологий высоких скоростей, сверхзвуковых и гиперзвуковых ракетных систем со встроенными интеллектуальными свойствами, создание систем разведки, которые способны резко повысить скорость и эффективность боевого реагирования.

В начале 2003 г. ОКНШ США разработал типовые наступательные операции — «объединенные операции силового вторжения», что получило отражение уже в 2004 финансовом году. Начиная с 2006 финансового года акцент в финансировании военных НИОКР переносится на расходы по приоритетной разработке и поставке в войска сверхскоростных систем ракетного оружия высокой точности. Осо-

бое внимание уделяется компьютерным сетям разведки, которые связываются в единый управленческий комплекс.

В августе 2004 г. командование военно-воздушных сил США обнародовало свою доктрину операций в космическом пространстве, предписывающую методы достижения и поддержания военного превосходства Америки в космосе. А в марте 2005 г. министр обороны Рамсфелд подписал «Национальную оборонительную доктрину», декларирующую важность преобладания в космосе. Ради ее реализации уже создаются суборбитальные аппараты, способные поражать цели *в любой точке земного шара менее чем за два часа после их запуска с территории Соединенных Штатов.* Идеи документа уже находятся в разработке. Американское военное ведомство прилагает исключительные усилия ради создания систем, способных атаковать спутники противника, либо уничтожая их совсем, либо лишая возможности принимать и посылать сигналы. Администрация Буша-младшего и здесь делает ставку на превентивные меры.

Американская сторона утверждает, что внимание Пентагона к космосу спровоцировано действиями и заявлениями представителей Китайской Народной Республики. Как утверждают американцы, Пекин на протяжении нескольких лет не раз угрожал тайно парализовать, дезориентировать или уничтожить западные космические корабли и спутники.

Следует сказать, что Пентагон берет ту словесную и практическую сторону китайской позиции, которая его устраивает. Он как бы игнорирует *другую* сторону — в частности, совместное российско-китайское предложение организовать в Женеве конференцию по вопросу о предотвращении гонки космических вооружений с целью заключения многостороннего договора об ограничении милитаризации космоса. Даже «ястребов» в США беспокоит способность Вашингтона выйти за пределы разумного в создании военных космических станций.

Пентагон ныне выполняет долгосрочную программу «революционной военной трансформации» Объединенных вооруженных сил (ОВС), в первую очередь стратегической и тактической авиации общего назначения ВВС и ударных сил ВМС. Речь идет о качественно новых ударных аэрокос-

мических силах, совмещенных с новым применением ОВС. Главная черта — глобальный охват предполагаемых боевых действий. Его реализация предполагает упор на баллистические и крылатые ракеты, ударные беспилотные летательные аппараты большой дальности, снаряженные оружием массового поражения. Основа боевой системы — ударные аэрокосмические средства: стратегические бомбардировщики ВВС с дальнобойными крылатыми ракетами высокой точности и большой дальности, ударные многоцелевые авианосцы с палубными самолетами и крылатыми ракетами водного базирования, надводные ракетные корабли ВМС, развернутые на передовых морских плацдармах. Сухопутные войска США выводятся на уровень военно-воздушных сил и военно-морских сил по потенциалу глобальных стратегических возможностей.

Это новая стратегия, рассчитанная на ведение боевых действий нового типа.

Особая роль предназначена тем, кто в Афганистане и в Ираке начинал боевые операции, — бомбардировочной авиации. Для «глобальной вахты» соединенные

Штаты имеют 60 бомбардировщиков B-1B, 21 бомбардировщик B-2 и 76 «стареющих» B-52HS. На относительно небольшой дистанции в функции штурмовика могут быть использованы истребители/бомбардировщики F-15 и F-16. Испытанные B-52 будут находиться на вооружении американцев до 2040 г. Авиационное командование полагается на создание в ближайшем будущем совместно с военно-морскими силами самолета F/A-22 «Рэптор», а в дальнейшем с началом производства многофункционального истребителя F-35. У этих новых самолетов будет относительно небольшой радиус действий, что делает их зависимыми от американских баз, разбросанных по всему свету. Но эти самолеты будут внимательно следить за отдельными участками территории; их задача — не битва с равносильными соперниками, а контроль с воздуха над территорией потенциального противника.

Армия будет выполнять те же функции при помощи огромного флота боевых вертолетов. И флот будет ожидать не грандиозных подвигов в духе адмирала Нельсона, а выполнять, прежде всего, задачу помощи наземным операциям.

222

Главным орудием здесь выступают авианосцы и их авиация — F-14 и F-18. Их относительно небольшой радиус действий требует от авианосных групп максимальной приближенности к потенциальному полю боя — а это означает необходимость в разветвленной сети военно-морских баз по всему свету.

Американский опыт военной гегемонии говорит о еще большей необходимости разведывательных самолетов, таких, как JSTARS и «Global Hawk». Возрастает нужда в беспилотных самолетах. Только в этом случае американские генералы обещают «выигрывать войны малой кровью». Речь идет о достижении быстрой победы за счет огромной маневренности, скорости, гибкости, готовности нанести удар первыми и комбинирования усилий всех трех родов войск.

Речь идет о превращении армии США в своего рода «экспедиционные» вооруженные силы. Корабли и подводные лодки ВМС постоянно имеют на борту боевой запас.

Реформу американских вооруженных сил в текущем столетии начал министр обороны Доналд Рамсфелд, ближайшими помощниками которого были Стивен Камбон и Доув Закхейм, с первых же дней президентства Дж. Буша-младшего они заговорили о грядущей «трансформации». Первыми жертвами «трансформаторов» стали тяжелые артиллерийские орудия. «Речь шла о значительно большем, чем изменение систем, а речь шла об изменении умственной настроенности, которая помогла бы военным освоить технологические прорывы века информации ради получения качественного превосходства над потенциальным противником»[1].

Первым экспериментальным полем «трансформаторов» стал Афганистан, где Соединенные Штаты предпочли сражаться горсткой специальных групп, используя высокоточную технику, что позволило Северному Альянсу в течение двух месяцев сокрушить Талибан. Вторая война в Заливе оказалась более впечатляющей как проведенная с американской стороны слаженными усилиями различных родов

[1] *Boot M.* The New American Way of War («Foreign Affairs», July/August 2003, p. 42).

223

войск. Эта война показала, какой будет американский способ ведения войн в нашу эпоху. Если Роммель и Гудериан оккупировали Францию за 44 дня при потерях 27 тысяч своих войск, то американские генералы в марте 2003 г. оккупировали страну с территорией в 80 % Франции ценой 161 убитого за 26 дней. Американцы начали штурм Багдада через пятнадцать часов после начала наземной войны.

В ближайшие десятилетия американцы намерены построить новый причал в

Сингапуре, который, как и причал в Порт-Каланге (Малайзия), может принять авианосец. Вооруженные силы США останутся в Южной Корее и на Окинаве; на Филиппинах американцы, скорее всего, вернутся в Субик-Бей.

В Средиземном море США намерены ввести еще один суперавианосец. Британия строит два новых авианосца среднего класса; Франция строит второй такой авианосец. Италия намерена обзавестись таким авианосцем, малый авианосец имеется у Испании. Европейские союзники развивают амфибийный потенциал.

РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНЕГО ПРИСУТСТВИЯ

Американская армия ныне расположила 368 тысяч солдат в 120 странах. До 11 сентября 2001 г. за границей Соединенных Штатов находилось 20 % наличного армейского персонала; через два года на воинской службе за пределами страны находилась почти половина американской армии[1]. За неделю до начала боевых действий в Ираке заместитель министра обороны П. Вулфовиц предсказал, что жители Ирака, «как народ Франции в 1940-х годах, видит в нас желанных освободителей». В мае 2003 г. предполагалось к сентябрю 2003 г. оставить в Ираке 30 тысяч американских солдат. Это была излишне оптимистическая оценка. Зимой 2005 г. в Ираке находилось 140 тысяч американских солдат и 20 тысяч солдат их союзников. Десять американских дивизий, как десять имперских легионов, стремятся контро-

[1] *Thompson M. and Duffy M.* Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 36).

лировать огромный мир. Их *не хватает.* Сенатор-демократ Дж. Рид предлагает призвать на действительную службу семь бригад национальной гвардии, чтобы увеличить армию США еще на 20 тысяч, создать одиннадцатую дивизию. Предлагаемое создание *двух* армейских дивизий обойдется американским налогоплательщикам в 10 млрд долл. в год (в добавление к уже достигшему 400 млрд долл. военному бюджету Соединенных Штатов). Расширяется Миротворческий институт армии США в Карлейле (Пенсильвания). Член комитета по вооруженным силам палаты представителей Айк Скелтон: «Мы должны признать новые реальности нашей глобальной миссии и создать адекватные этой миссии вооруженные силы»[1].

В будущем американские планировщики предполагают осуществить «более радикальные изменения в размещении американских вооруженных сил за пределами Соединенных Штатов, чем это было полстолетия назад, больше, чем было сделано изменений после Вьетнама или в окончании «холодной войны»[2].

Крупные базы (такие, как Рамштейн в Германии, Мисава и Иокосука в Японии) будут основой для гораздо менее масштабных баз, разбросанных по гораздо более широкому спектру. Америка в XXI веке желает понизить уровень присутствия на таких базах, как Рамштейн (Центральная Германия), и увеличить свое присутствие на «дальних форпостах» — Гуам в Тихом океане и Диего-Гарсия в Индийском. Укреплены будут силы морского базирования. Американские военные авторитеты считают, что в текущем веке «нормой станут экспедиционные операции»[3].

Прежние союзники Соединенных Штатов решали проблемы «холодной войны»; в новом веке предпочтение будет отдано «спонтанным коалициям» в каждом конкрет-

[1] *Thompson M. and Duffy M.* Is the Army Stretched Too Thin? («Time», September 1, 2003, p. 39).

[2] *Campbell K. and Ward C.* New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 95).

[3] *Larrabee S., Gordon J. and Wilson P.* The Right Stuff («The National Interest», Fall 2004, p. 54).

ном случае. Новые базы будут созданы преимущественно за пределами Европы.

Огромные запасы военного и военно-морского оборудования будут подготовлены во многих странах с тем, чтобы быть всегда готовыми к приему быстро растущего персонала. Пентагон уже готовит серию новых баз в Азии, Европе, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе.

Будет значительно увеличено военное присутствие американских вооруженных сил в Азии. Вашингтон увеличивает доступ, совместное проведение учений и маневров на Филиппинах, в Малайзии и в Сингапуре. Присутствие здесь будет уже «освоенным» базированием на островах Гуам и Диего-Гарсия, дополнительно оснащаемым бомбардировщиками и запускающими крылатые ракеты подводными лодками. Предполагается, что Вашингтон запросит о возможности военного присутствия во Вьетнаме. Уже ведутся переговоры с Индией о доступе американцев на базы в Южной Азии. В Европе Болгария и Румыния предлагают свои порты и аэродромы, «близкие к потенциальным конфликтам на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке»[1].

Опыт Афганистана и Ирака научил Пентагон, что внимание к задаче военного решения не должно ограничиваться «первой фазой» — разгромом и оккупацией страны-противника. Для США даже более важной становится «послепобедная фаза» — период консолидации проамериканских сил на обломках поверженного противника. Период «стабилизации после одержанной победы потребует то, что ранее почти игнорировалось: гражданская инженерная служба, военная полиция, персонал общения с местным населением, войска, знающие местный язык. Будут созданы специальные войска «на постконфликтное время».

Европейское командование вооруженных сил США готовит расширение военного присутствия в Африке, регионе колоссальных потенциальных конфликтов. Размещение в 2003 г. двух тысяч американских военнослужащих в Джибути предполагает контроль над Африканским Рогом и далее.

[1] *Campbell K. and Ward C.* New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p-97-98).

Ведутся переговоры о подобных же базах в Западной Африке. «Новые американские базы в Центральной Азии, созданные в ходе афганской кампании, будут оставаться необходимыми Соединенным Штатам на долгое время и для таких долговременных целей, как война с терроризмом и, возможно, контроль над растущим Китаем»[1]. Резко увеличена будет американская база в Катаре. Как пишут американские исследователи, «Соединенные Штаты не могут подвергнуть себя риску отказа к доступу в ключевые регионы, и поэтому будет диверсифицирован и расширен список баз, с которых могут быть начаты боевые операции»[2].

Вашингтон видит впереди четыре поля возможного военного конфликта: Китай, Иран, Северная Корея, Сирия. Китай — это особый случай ввиду стратегического арсенала этой страны; Северная Корея представляет собой менее масштабную задачу, равно как и Иран. Сирия не видится сложным противником. Но распространение ядерного оружия очевидным образом усложняет задачи и риск для США. Очевидно, что наличие средств массового поражения ставит американские вооруженные силы в более уязвимое и рискованное положение. «Все рода войск, — подчеркивают американские эксперты, — должны подготовиться к ситуации ограниченного применения ядерного оружия»[3]. Соответственно, американские вооруженные силы должны быть готовы к нанесению оппоненту быстрого поражения «с применением американской стороной *ядерного оружия»*[4].

РАЗВЕДКА

А в целом будущее потребует укрепления прежде всего военно-морского

флота, военно-морской пехоты и разведки. Эту истину подчеркнули Афганистан и Ирак. Авианос-

[1]*Campbell K. and Ward C.* New Battle Stations? («Foreign Affairs», September-October 2003, p. 98).

[2]Ibid, p. 99.

[3]*Larrabee S., Gordon J. and Wilson P.* The Right Stuff. («The National Interest», Fall 2004, p. 55).

[4] Ibidem.

цы сыграли в этих войнах исключительную роль. Тактическая авиация была наиболее эффективной. Модернизации тактической авиации Пентагон Дональда Рамсфелда придает ныне особое значение. Предполагается, что она будет нужна в первую очередь в случае конфликта в таких странах, как Колумбия, Филиппины, Индонезия. БТР-амфибии в руках морской пехоты станут первым по значимости контингентом вооруженных сил США.

В отличие от главных конфликтов XX века, Соединенным Штатам не приходится готовиться к битве с подводными лодками предполагаемого противника. Здесь только Китай и Россия могут выступить весомым противником США. Но возрастает роль разведывательной авиации. Приобретут новую жизнь за счет новых приборов бомбардировщики Б-52 и Б-1. Резко возрастет количество и качество беспилотных самолетов. Для мирового контроля вооруженным силам США сегодня меньше нужны превосходные в воздушном бою Ф-22, им для этой цели больше необходимы воздушные платформы, предназначенные для запуска (и обнаружения) баллистических ракет, крылатых ракет низкой высоты полета. Предполагается сократить численность зенитной артиллерии за счет увеличения защиты воздушными средствами — за счет авиационного прикрытия. Армия избавляется от тяжелой артиллерии и тому подобного вооружения, эффективного в XX веке, но уходящего на второй план в текущем веке.

Американская армия готовится к тому, что в грядущие десятилетия ей придется осуществлять своего рода полицейские функции по всему миру — в Индонезии, Колумбии и других отдаленных местах. Это потребует специфической подготовки. В частности, для борьбы с партизанским движением (боевые действия «по достижению политической стабильности»).

Новые обстоятельства увеличивают значимость стратегической разведки. Простая охрана национальных американских границ становится неприемлемо примитивным способом самообороны. Неизмеримо большее внимание

будет привлечено к потоку импорта товаров в Соединенные Штаты.

Самый большой закрытый клан — американское разведывательное сообщество — расходует 40 млрд долл. в год (больше, чем все остальные разведки мира, вместе взятые), претендуя и на всезнание, и на понимание главных мировых явлений. Составляющие его *четырнадцать* разведывательных служб и днем и ночью фиксируют мировые и региональные процессы, стремясь обеспечить американское правительство наиболее компетентным анализом грозящих Америке явлений.

Второй срок президента Дж. Буша-младшего характерен реструктуризацией громоздкой американской разведывательной системы, основанной на рекомендациях Комиссии по расследованию обстоятельств 11 сентября 2001 по созданию антитеррористического центра и поста Директора национальной разведки. Неудачи второго этапа войны в Ираке вызвали новое стремление модернизировать разведывательные системы. Комиссия 11 сентября довольно сурово высказалась по поводу отсутствия американской разведывательной сети внутри Ирака накануне американского вторжения. В докладе об обстоятельствах 11 сентября весьма сурово говорится об «утраченной корпоративной культуре и плохом менеджменте» разведывательного сообщества.

Рекомендовано достичь большей степени сотрудничества между ЦРУ и ФБР, обеспечить проникновение агентов в национальные общины; следить за подготовкой университетами иностранных студентов — «террористы из «Аль-Кайды», «Хезболлы», Хамаза и Исламского джихада все еще ходят по американским улицам»[1]; обратить внимание на специалистов по химическому, биологическому и ядерному оружию, по баллистическим ракетам и соответствующим программам в Индии, Пакистане, Иране, Китае и Египте. Ставший главой американской разведки в 2004 г. Портер Госс обещал перемены в указанном направлении.

[1] *Russell R.* Spies Like Them («The National Interest», Fall 2004, p. 58).

СТРАТЕГИЯ ВАШИНГТОНА: ДЕМОКРАТИЯ КАК ТАЛИСМАН И КАК ИНСТРУМЕНТ

Для того чтобы контролировать в своих интересах мир, необходим благородный мотив. В противном случае людская жертвенность становится просто *ценой.* Со времен отстраненного, но алчущего пафоса президента Вудро Вильсона, в ходе Первой мировой войны Соединенные Штаты избрали превосходный мотив: «Сделать этот мир безопасным для демократии». И пусть абсолютное большинство современного мира видит в глобальном американском контроле *имперский* мотив (даже ближайший друг президента Буша-младшего — британский премьер Тони Блэр говорит о либеральной империи, которую он предпочитает региональному хаосу), Вашингтон продолжает горячо заботиться о демократии во всем мире как о главной своей внешнеполитической цели.

Недавно раскрытые документы Совета национальной безопасности США показывают, какую невероятно большую роль сыграло стремление администрации Г. Трумэна контролировать нефтяные богатства Персидского залива в начале «холодной войны». Американцы — документ NSC 26/2 за 1949 г. — планировали даже применение на Ближнем Востоке «радиологического» оружия[1].

В долгие годы «холодной войны» вопрос о доступе к главным (для экономики) ресурсам планеты был волею логики борьбы отодвинут на второй план. И лишь теперь, когда Америка осталась единственной сверхдержавой, подлинным гегемоном мирового развития, проблема *конечных земных ресурсов* заняла первое место в списке приоритетов американского руководства. Внешнеполитическая и военная машина США всей своей мощью развернулась к сырьевым источникам, питающим могучую экономику Запада.

На слушании по своему утверждению в ранге государственного секретаря У. Кристофер — уже после окончания «холодной войны» — заметил, что будет *«продвигать дело экономической безопасности Америки с такой же энергией и*

[1] *Telhami S.* Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p. 33—34).

стойкостью, с какой мы вели «холодную войну»»[1] (выделено самим Кристофером). Правительство США сделало экспансию внешней торговли и инвестиций стратегической внешнеполитической целью Америки, что, в частности, сказалось в оказании давления на партнеров и потенциальных конкурентов. Кредо американского правительства: «Наши экономические интересы и интересы нашей безопасности связаны между собой неразделимо»[2]. «Современный поворот внимания к ресурсам, — пишет М. Клэр, — представляет собой более чем поворот к прошлому; более всего этот поворот отражает растущую важность индустриальной мощи и экономических компонентов безопасности»[3].

Выраженное на государственном уровне приравнивание интересов экономики к соображениям безопасности неизбежно повысило интерес мощных

американских компаний к конечным земным ресурсам, ибо без постоянного и гарантированного потока природного сырья самая могучая экономика мира рискует замедлить свой бег. Особое значение имеет поток нефти и газа. «Процветание нашей экономики зависит от стабильности в ключевых регионах, с которыми мы торгуем, которые импортируют товары критической важности, такие, как нефть и природный газ»[4].

После окончания «холодной войны» военно-морской флот США переориентировался на охрану морских коммуникаций страны, тех океанских путей, которые связывают экономику США с общемировой. Адмирал Мэхен снова стал релевантен, об этом заявили новые идеологи Америки[5].

Соединенные Штаты считают важнейшими своими достижениями отказ Бразилии и Аргентины в 1990-е годы, а Ливии в 2000-е гг. от попыток стать ядерной державой. Они приписывают эти успехи *не только дипломатии.*

[1]Department of State Dispatch, January 25, 1993, p.46.

[2]A National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C.: White House, December 1999, p. 21.

[3]*Klaire M.* Resource Wars. The New landscape of Global Conflict. N.Y.: Henry Holt and Company, 2001, p. 7. [4] Ibidem.

[5]*Peek R.* The Importance of Maritime Chokepoints// «Parameters», US Army War College, Summer 1997, p. 61-74.

ГЛАВНОЕ СЫРЬЕ

Сразу же после событий 11 сентября 2001 г. президент Буш призвал к большей независимости Соединенных Штатов от импорта нефти — всем было ясно почему, все знают, *откуда* течет этот поток. Двигаясь в собственном направлении, Саудовская Аравия неофициально заявила, что американские военные больше не являются желанными на Аравийском полуострове (о чем сообщила газета «Вашингтон пост» 17 января 2001 г.). Эр-Риад открыто осудил позицию Вашингтона в палестино-израильском конфликте и начал активное давление в пользу подъема цен на свое стратегическое сырье.

Вашингтон внимательно следит за стратегическим треугольником Персидский залив — Каспийский бассейн — Южно-Китайское море. В этом треугольнике добывается 74 % мировой нефти, и «обойти» его мировому гегемону никак нельзя. Политические амбиции, религиозные распри, стремление овладеть колоссальными нефтяными богатствами владеют этим регионом начиная с 1908 г., когда в Иране были обнаружены первые большие месторождения нефти. Ныне американские официальные лица выступают за американское военное присутствие в регионе и готовы применить силу в случае посягательств на нефтяные богатства региона.

Проблему снабжения страны нефтью Соединенные Штаты решают уже традиционным способом — за счет особого союза с Саудовской Аравией. Администрация Дж. Бу-ша-младшего выразила свою приверженность этому курсу в так называемом «докладе Чейни»: Соединенные Штаты гарантируют феодальный статус-кво Саудовской Аравии, а та, крупнейшая кладовая нефти (четверть мировой нефти), дает основной поток нефтяного импорта Америки.

Обретшие столь большое влияние «неоконы» смотрят на сложившуюся в энергетической сфере ситуацию несколько иначе после 11 сентября 2001 г., когда на Соединенные Штаты обрушились 19 террористов-самоубийц, 15 из которых были выходцами из Саудовской Аравии. «Неоконы» внесли Саудовскую Аравию, наряду с Сирией и Ираном, в список стран, где «желательна смена режима». Эр-Рияд постарался сделать все возможное, чтобы вернуть

благорасположение гаранта своего политического строя: в ходе войны США в Ираке Саудовская Аравия наращивала добычу нефти, а высшие чиновники США

и саудовского режима тайно решали возникающие проблемы. Это помогает ваххабитскому режиму Эр-Риада активно поддерживать ваххабизм как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии и на Северном Кавказе.

Неоконсерваторы полагают, что высокие цены на нефть позволяют таким странам, как Иран, Ливия и Саудовская Аравия, сохранять фундаменталистские режимы и периодически занимать антиамериканскую позицию. И неоконсерваторы предложили новую стратегию: 1) диверсифицировать источники нефтяного импорта; 2) оказать нажим на ОПЕК с целью понизить цены на нефть (это напоминало линию президента Рейгана в 1980-е годы — понизить цены на нефть, чтобы ослабить Советский Союз); 3) поддержать экспорт нефти из России и Ирака (после предполагаемого восстановления его нефтяной индустрии).

Военная машина США весьма отчетливо воспринимает сигналы политического руководства. Здесь понимают, что, «тогда как дипломатия и экономические санкции могут быть эффективными в реализации некоторых экономических целей, *только военная мощь может обеспечить постоянный поток нефти и других критически важных материалов* из отдаленных регионов планеты в случае кризиса или войны. В качестве уникального средства обеспечения экономической безопасности нации вооруженные силы (США) начали систематически увеличивать свой потенциал защиты потоков наиболее важных сырьевых материалов»[1].

Вашингтон, безусловно, хотел бы владеть долей контроля над Саудовской Аравией. Генерал Бинфорд Пей, командующий американскими войсками в Заливе, так определил свою линию поведения в конгрессе США: «Опыт говорит, что враждебные нам лидеры уважают лишь военную силу»[2].

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 9.

[2] *Binford Peay J.H.* Promoting Peace and Stability in the Central Region. Report to the House Appropriations Committee Subcommittee on National Security. March 17, 1997.

Уже в 1995 г. помощник министра обороны США Дж. Най объявил, что Америка «будет готова защищать жизненно важные американские интересы в данном регионе — *односторонне, своими собственными силами,* если это потребуется»[1]. А глава Центрального командования США (отвечающего за Ближний восток и Персидский залив) генерал Э. Зинни сказал на слушаниях в американском конгрессе в 1999 г., что «американская жизненная заинтересованность в Персидском заливе имеет долговременный характер: Соединенные Штаты должны иметь свободный доступ в этот регион, где наличествуют 65 % мировых нефтяных запасов»[2].

Американцы предполагают два типа угроз своему доминированию. 1) Иран закрывает пролив Ормуз; 2) в Саудовской Аравии происходит революция. Вооруженным силам США поставлена задача в случае необходимости совладать с обоими кризисами одновременно. Свою стратегию американцы построили достаточно просто: опираться на Турцию, Саудовскую Аравию, Кувейт, Иорданию, Бахрейн и ОАЭ; противостоять Ираку и Ирану. Главные военные опорные пункты — 27 военных баз в Турции (самая важная — Инджирлик), база Дахран в Саудовской Аравии, одна американская бригада в Кувейте, вторая в Катаре.

Речь идет о «сложившемся» положении 2005 г. — когда в регионе было размещено 140 тысяч американских войск, когда в Персидском заливе уже стояла армада американских судов, частью которой являлись два авианосца. В последующем численность американских войск была доведена до четверти миллиона военнослужащих (плюс 30 тысяч союзников-англичан). Число авианосных соединений дошло до шести (половина общей численности американских авианосцев). Противоракетные комплексы «Пэтриот» готовы снять

любую блокаду Ормуза. В Эр-Рияде американцы фактически содержат огромные силы безопасности, страхующие Саудовскую династию. 57-тысячная национальная гвардия полностью вооружена американцами. (Еще в 1981 г.

[1]Department of State News Briefing. Pentagon, Washington, D.C., May 17, 1995.

[2] General *A. Zinni.* Prepared Statement Before the Senate Committee on Armed Services. Washington, D.C., April 13, 1999.

президент Рейган объявил, что США «не дадут инсургентам свергнуть Саудовскую династию»[1].)

И исламский фундаментализм желает воспользоваться энергетической зависимостью Запада. Американская военно-воздушная база Дахран, размешенная на Аравийском полуострове, оскорбляет чувства тех, для кого хадж в Мекку является самым важным событием жизни. Согласно опросу лета 2001 г., палестинская проблема является «наиболее важной, взятой отдельно» проблемой для 63 % жителей Саудовской Аравии, и примерно столько же арабов этого королевства выразили свое недовольство американским военным присутствием[2]. В сентябре 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне обнаружилась страшная степень решимости воинов джихада, и в США (как формулирует известный аналитический центр — Брукингский институт) «напряженность в отношениях между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией вызвала стремление освободиться от зависимости от потока ближневосточной нефти»[3].

Важным средством влияния Соединенных Штатов стала продажа оружия странам региона. За период после 1990 г. Вашингтон продал своим союзникам в регионе вооружений более чем на пятьдесят млрд долл.[4]. Были проданы самолеты Ф-15 и Ф-16, танки М-1 «Эбрамс», атакующие вертолеты «Апач», антиракетные комплексы «Пэтриот». США продали ОАЭ самую последнюю модель истребителя Ф-16 — более совершенный, чем находящийся на вооружении армии США. Это самый большой в истории трансфер вооружений.

Все это обеспечило американское доминирование в Персидском заливе — самой важной кладовой мира. И нетрудно предположить сохранение этой стратегии на все первые десятилетия XXI в.

[1] «The New York Times», October 2, 1981. [2]*Telhami S.* Understanding the American Oil Strategy («Brookings Review», Spring 2002, p. 35). [3] Ibid, p. 33). *Grimmett R.* Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1990-1997. CRS Report to Congress. Washington, D.C.: Library of Congress, Congressional Research Service, July 31, 1998.

США И КАСПИЙ

Стратегический интерес Соединенных Штатов к Каспийскому региону впервые был определенно выражен государственным департаментом в апреле 1997 г. — в специальном докладе конгрессу. В нем говорилось, что США, как главный в мире потребитель энергии, имеют прямой интерес в «расширении и диверсификации» мировых энергетических запасов. Причем интерес не только экономический, но и стратегический, касающийся области безопасности страны. Вероятие неожиданного прекращения движения традиционных потоков энергетического импорта настоятельно требует «содействовать быстрому освоению каспийских энергетических ресурсов для укрепления безопасности Запада»'. Через три месяца, выступая в Университете Джона Гопкинса (21 июля 1997 г.), заместитель государственного секретаря С. Тэлбот заявил об исключительной американской заинтересованности в независимости и стабильности центральноазиатских республик. «Для Соединенных Штатов чрезвычайно важно, чтобы американские нефтяные компании получили доступ к региону, где расположено не менее 200 млн баррелей нефти»[2].

Через десять дней, 1 августа 1997 г., президент Клинтон детально обсудил эту тему в беседе с Гейдаром Алиевым, президентом Азербайджана. Американский

президент демонстративно пообещал президенту Алиеву поддержку любых планов экспорта азербайджанской нефти на Запад. Клинтон: «В мире растущих энергетических запросов наша нация не может позволить себе полагаться в энергетическом обеспечении на единственный регион» .

Это никогда не бывает случайным словосочетанием у американцев. Когда президент Соединенных Штатов заяв-

[1]U.S. Department of State. Caspian Region Energy Development Report, Report to the House International Relations Committee Pursuant toH.R. 3610, April 15, 1997, p.l.

[2] *Talbott S.* A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Address at the Johns Hopkins School of Advanced International Studies. W., D.C. July 21, 1997.

[3] Visit of President Aliev. The White House, August 1, 1997.

ляет, что на кону безопасность страны, это фактически означает, что правительство страны практически готово, борясь за свои права, применять силу. Заявление Клинтона не могло быть воспринято легковесно. Через полтора месяца после встречи Клинтона с Алиевым начались военные учения «Центразбат-97» — демонстрация того, что Каспий представляет жизненный интерес для США. Так глубоко в просторы СНГ американцы еще не забирались. Теперь они демонстрировали и волю и решимость. В то же время заместитель помощника государственного секретаря Келлехер и генерал Шихан сопроводили американские войска на учение в Казахстан.

Вторые учения «Центразбата» прошли в сентябре 1998 г., когда несколько сот американских солдат прибыли из форта Драм (штат Нью-Йорк) в Ташкент, а затем на базу в Северную Киргизию[1]. В 1999 г. командование подготовки и доктрин создало компьютерную модель Каспийского бассейна для опробования различных сценариев вмешательства вооруженных сил США в дела региона[2]. Речь на американо-азербайджанских переговорах зашла о создании военной базы в Азербайджане[3].

Инерция созданного процесса требует от США установления особых военных отношений с центральноазиатскими странами на территории прежнего Советского Союза. Во всем объеме встает техническая проблема транспортной связи США с регионом. Произошло нечто важное. Впервые нынешние союзники по антитеррористической коалиции оказываются соперниками, находясь плечом к плечу.

В этом плане стоит обратить внимание на оценки собственно американских специалистов: «Стремясь к ослаблению зависимости Запада от Персидского залива, американские лидеры обратили огромное внимание на проблему использования ресурсов Каспийского моря. Вашингтон увеличил свои военные

[1] www.acom.mil/centraz.nsf/ News on June 21, 1999.

[2]*Myers S.L.* A Modem Caspian Model for U.S. War Games//«New York Times», March 15, 1999.

[3] *Kinzer S.* Azerbaijan Asks the U.S. to Establish Military Base//«New York Times», January 31, 1999.

возможности в данном регионе. Это, в свою очередь, немедленно вызвало озабоченность Москвы, которая рассматривала этот регион как традиционную сферу своего влияния. Российские лидеры также прилагают усилия к тому, чтобы обеспечить поток нефти и газа по российским нефте- и газопроводам. Определилась сцена для долговременной силовой борьбы между Соединенными Штатами и Россией»[1]*. При этом исследователи отмечают, что речь идет не только об экономических выгодах, но о геостратегических соображениях. В современной ее форме борьба представляет собой «наступление западных интересов, встречающее русских, ведущих арьергардные бои на своем собственном прежнем заднем дворе»*[2].

За период 1998—2005 гг. Соединенные Штаты оказали пяти прикаспийским

государствам фантастическую помощь — более миллиарда долларов[3]. Более всего получила Грузия (300 млн), которую Вашингтон считает ключевым игроком. Министерство обороны США оказало помощь в модернизации грузинской армии. Особенное внимание было уделено защите нефтепроводов. То же внимание к энергетике характерно для отношения Вашингтона к Казахстану и Азербайджану (последнему оказала значительную военную помощь союзная с США Турция). Казахстан, в частности, получил от Америки скоростное морское судно для укрепления своего влияния на Каспии, Президент Назарбаев подписал с американским правительством соглашение об обмене офицерами и регулярном военном контакте. Так США становятся «не совсем чужой» силой на Каспии. Представитель Совета национальной безопасности США открыл смысл происходящего так: «Разбить монополию России на контроль над транспортировкой нефти из Кас-

[1] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 83.

[2] *Pope H.* Central Asia Crisis Forges Tenious Cooperation («Wall Street Journal», September 8. 1999; *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 89.

[3] U.S. Department of State. Congressional Presentation for Foreign Operations. Fiscal Year 2000. Washington D.C.: Department of State, 1999.

пийского региона» . На настоящее время и США и Россия стремятся укрепить свои военные позиции в данном регионе.

Двух обстоятельств — соперничества Москвы и Вашингтона, а также стремления местных режимов извлечь максимум из этого соперничества достаточно для дестабилизации обширного региона. К этому следует добавить собственные интересы Турции и Ирана, общий социальный крах в регионе, усиление межэтнической розни. В результате немалое число специалистов, в частности профессор М. Б. Олкотт (Колгейтский университет, США), предрекают агрессивную борьбу за энергию Каспийского бассейна, «создание зоны нестабильности и кризиса, который может простираться от Черного моря до Индийского океана, от Уральских гор до бассейна реки Тарим в Китае»[2]. Еще более откровенен М. Клэр: ни США, ни Россия «не могут контролировать социальное и политическое развитие Каспийского региона, не могут предотвратить порывов насилия. В результате они могут оказаться в ситуации, когда их жизненно важные интересы окажутся под угрозой и единственным способом решения проблемы будет прямое военное вмешательство. Именно таким путем ход событий в Каспийском бассейне может создать условия для широкомасштабного конфликта в регионе»[3].

КАДРОВАЯ СТРАТЕГИЯ НЕОКОНСЕРВАТОРОВ

В определенном смысле эмигранты важнее для Соединенных Штатов, чем иммигранты, поскольку представители американской духовной и материальной культуры так или иначе воздействуют на внешний мир — как своим примером, так и своими действиями за пределами Америки. Речь идет в первую очередь о дипломатах, гражданских ли-

[1] «Washington Post», September 22, 1997.

[2] *Olcott M.B.* The Caspian's False Promise («Foreign Policy», Summer 1998, p. 96).

[3] *Klare M.* Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: A Metropolitan, p. 108.

цах, военных (расквартированных в самых разных углах мира), менеджерах и представителях американских транснациональных компаний. Три категории особенно важны:

— военная каста. Долгий опыт общения с внешним миром имеет каста

американских военных, расквартированных от Германии до Японии, от Филиппин до Узбекистана, — в 45 странах. Их деятельность наиболее целенаправленна, они знают, где они служат и зачем. Их трудно сравнить, скажем, с офицерами британской колониальной администрации; они гораздо демократичнее и несут с собой все «ценности» американской массовой культуры. Но следует сказать, что американские разведслужбы начиная с Центрального разведывательного управления не похожи на разведывательные службы Британской империи, которые пестовали свои сети по всему миру почти столетия;

— носители культуры в политической и научной среде — от дипломатов до студентов. Здесь Америка, возможно, отстает от таких прежде глобально значимых стран, как Британия, которая в свое время имела превосходный механизм особых отделений Оксфорда и Кембриджа для колониальной администрации, языковой практики, углубленного знакомства с чужими культурами и переноса британских ценностей в огромный внешний мир. Выпускники американских университетов, как бы там ни было, предполагают пребывание и работу (равно как и семейные планы) внутри Соединенных Штатов, а вовсе не в среде «аборигенов»;

— представители американского бизнеса. Американский бизнес представлен по всему миру — от давно завоеванного латиноамериканского или европейского рынка до новых «полей сражений» (скажем, в Центральной Азии). Проникая в деловые круги страны обитания, американские бизнесмены несут непосредственный опыт общения с американской культурой в слои торгово-промышленной элиты почти всех стран мира (кроме «государств-изгоев»).

Настоящими своего рода «разносчиками» американских культурных ценностей являются *иностранные студенты,* учащиеся в американских университетах и колледжах. Они с необычайной быстротой и надолго впитывают смысл и внешние формы американского образа жизни. Особенно отмеча-

ют тех, кто явился в Соединенные Штаты постигать экономические дисциплины. Они априорно привержены принципам свободного рынка; возвращаясь в свои страны, они немедленно стремятся воплотить на собственной почве экономические и политические принципы, почерпнутые на американской почве. Как оценивает их американский исследователь Дж. Курт, «эти иностранные студенты являются как имперскими иммигрантами — когда они прибывают на учебу в Америку, — так и имперскими эмигрантами — когда они возвращаются для продолжения своей карьеры в собственные страны. Более того, те из них, кто остался в Америке, создают своего рода *corpus colosseum* между американской метрополией и ее хинтерландом. Речь идет как об ученых и инженерах, так и о бизнесменах и юристах. Специалист по компьютерам из Индостана, который живет и работает в Америке, является самым эффективным звеном, чем, скажем, в Бангалоре. Все они (китайцы, израильтяне, австралийцы) осуществляют свои функции добровольно — и часто с охотой и без напряжения; для Соединенных Штатов они проделывают ту же работу, что делали их предшественники в габсбургской империи, а особенно в Оттоманской империи. Они помогают интегрировать элиты имперской периферии в имперское ядро»[1].

С точки зрения американского культурного влияния эти распространители американских ценностей являются превосходными кандидатами на лидерство в странах своего проживания, у них есть для этого все шансы. Куда бы мы ни посмотрели сегодня в странах Латинской Америки, Европы и Восточной Азии, мы увидим выпускников американских университетов. Американские специалисты отмечают, что «способность Американской империи управлять подопечными территориями будет зависеть от успеха в создании определенного рода иммигранта/эмигранта, который займет влиятельные позиции. В

определенном смысле Америка стремится приделать имперскую голову к колониальному телу: Американская империя — империя информационного

[1] *Kurth J.* Migration and the Dynamics of Empire («The National Interest», Spring 2003, p. 15).

века — больше основана на идеях, чем империи прошлого»[1]. Как пишет Майкл Мандельбаум, «идеи, которые правят миром, — это идеи мира, демократии и свободного рынка»[2]. До тех пор пока джефферсоновские идеи «права на жизнь, свободу и стремление к счастью» будут в пантеоне американских ценностей, американское влияние в мире будет иметь значительные шансы.

Если же Соединенные Штаты не сумеют предотвратить череду войн, цепь новых проамериканских диктатур, если они не смогут вывести мир из экономической депрессии, не предотвратят отчуждения собственной элиты, тогда идейное влияние Америки на внешний мир не будет главенствующим и студенты всех стран перестанут быть проводниками американских ценностей. Именно это сейчас на кону в ходе борьбы с терроризмом.

Глава 10
«ДОКТРИНА БУША»

ПОДХОДЫ

Базовые документы американской внешней политики, такие, как «длинная телеграмма» Кеннана, как СНБ-68[3], представляют собой главные доктринальные повороты американской внешней политики за последние шестьдесят лет.

[1] *Kurth J.* Migration and the Dynamics of Empire («The National Interest», Spring 2003, p. 15).

[2] *Mandelbaum M.* The Ideas That Conquered The World: Peace, Democracy, and Free Markets in the Twenty-first Century. New York: Public Affairs, 2002.

30 января 1950 г. президент Трумэн потребовал от группы специалистов провести анализ ситуации в мире после создания Советским Союзом атомной бомбы и образования Китайской Народной Республики и через три месяца получил документ под названием «Совет национальной безопасности (СНВ)-68», ставший основой курса на быстрое увеличение стратегической мощи США, базовым внешнеполитическим документом Вашингтона между 1950-1990 гг.

Наиболее значимым документом современной американской внешней политики стала «доктрина Буша».

В 2001 г. выделилась группа лиц. убедивших самое могущественное национальное общество современности в том, что пассивная самооборона самоубийственна. Это радикальный отход от прежде господствовавшей традиции либерального реализма в принципе и в практической жизни. Тогда обрел влияние тезис Чарльза Краутхаммера о том, что пассивность губительна; что «покорная международная гражданственность» Соединенных Штатов рискует погасить светоч демократии и справедливости во всем мире. Неоконсервативные идеологи обнаружили друг друга по одному кодовому определению: Америка может избежать трагической судьбы только в том случае, если сознательно сбросит с себя оковы созданных после Второй мировой войны организаций, начиная, разумеется, с ООН.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. дали администрации то, без чего она не смогла бы совершить крутой поворот в своей внешней политике: оскорбленное чувство праведного гнева американского народа — великая сила. Неоконсерваторы воспользовались этим обстоятельством.

Президент Дж. Буш-младший совершил подлинную революцию в американской внешней политике и уже этим вошел в историю XXI века. Вопреки некоторым суждениям, этот американский президент не был ни пешкой, ни безмолвным свидетелем происшедшего поворота. Он стоял во главе процесса. Как пишут бывшие сотрудники клинтоновского Совета национальной безопасности

Иво Даалдер и Джеймс Линдси, «Буш, возможно, не утруждал себя безжалостно в выработке внешнеполитической философии мировой политики. Однако жизненный опыт, исключительно богатый опыт, помог ему выработать глубоко охватившие его «символы веры» — инстинкты в жизни могут оказаться не менее важными — относительно того, как устроен и действует мир и как складываются международные отношения, что не менее важно, чем все другое»[1]. Та идея,

[1] *Daalder I. and Lindsay J.* America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington: Brookings Institution Press, 2003, p. 47.

что Америке мешают международные ограничения, принадлежит самому президенту. А мы видим последствия этого.

Дж. Буш-младший получил феноменальные возможности приложения своих идей после драмы 11 сентября 2001 г. Американский народ как бы вручил ему право действовать многократно смелее и настойчивее. Неоконсервативная плеяда воспользовалась этим шансом.

В отличие от президента Клинтона, Буш-младший полагает, что *государства, а не организации* являются главной силой на мировой арене; он сместил акцент с «Аль-Кайды» на правительства Афганистана, Ирака и прочих враждебных стран. Как сказал заместитель министра обороны Дуглас Фейт, то обстоятельство, что террористы полагаются на государственную поддержку, «является главным принципом нашей военной стратегии в отношении терроризма»[1]. Вера в то, что *энергичное и действующее, исходя из собственных интересов, лидерство устрашит противников и наладит дисциплину среди союзников, стала основополагающей.* Вице-президент Чейни: «После того как все Саддамы хусейны мира будут посрамлены, огромная часть мира, особенно наши союзники, придут к нашему образу мыслей» (выступление по телевизионному каналу NBC в 2003 г.).

Американцы называют «доктриной» несколько принципиально новых положений. «Доктрина Буша» никоим образом не возникла на некой голой почве. Напротив, долгая и богатая традиция питала подходы к ней. Главные идейные предпосылки новой Америки обозначились еще до Югославии, Афганистана и Ирака, отражая долгосрочные тенденции американской истории. Тезис «не упустить исторический шанс» — государственная мудрость республиканцев Буша, поколения Чейни и Рамсфелда — возник в годы обличения Мюнхена, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренады, Панамы, Никарагуа,

[1] *Marshall J.* Remaking the World: Bush and the Neoconservatives («Foreign Affairs», Nov./Dec. 2004, p. 83).

Африки в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в «холодной войне» и апология рейганизма.

Кондолиза Райс указывала, что «будущее включает в себя тот тип взаимоотношений между великими державами, который мы имели между XVII и XX столетиями и который привел к войне и попыткам перекроить карту мира. Характер новых угроз — распространение средств массового поражения, появление безответственных государств, угрозы экстремизма — требует приложения особых, *новых* усилий».

Создатели «доктрины Буша» — сам президент, тогдашний советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс, глава отдела планирования государственного департамента Ричард Хаас и другие — настаивают на исключительной серьезности и важности этого документа. Хаас: «Важность этого документа в том, что он отражает базовые положения нашей политики». Еще один из творцов этого документа — Филип Желиков, историк из Вирджинского университета, настаивает на том, что «президент внимательно

прочел каждую строку этого документа. Он лично отвечает за каждое его положение». По словам Кондолизы Райс, сконцентрировала умы членов группы, заседавшей вместе с президентом, «настоятельная потребность Соединенных Штатов в создании всеобъемлющей стратегии, которая окончательно определит вызовы эры, начавшейся после окончания «холодной войны». (В этом смысле Джошуа Муравчик из Американского института предпринимательства указал на сходство этой последней «великой стратегии Соединенных Штатов» с ее великим предшественником — доктриной «сдерживания».)

СОБСТВЕННО ДОКТРИНА

Преамбула доктрины была освещена в выступлении президента Буша-младшего в Вест-Пойнте в июне 2002 г.: «Америка намеревается поддерживать военную мощь, не имеющую себе равных: чтобы сделать дестабилизирующую гонку вооружений *других государств* бессмысленной, чтобы

245

ограничить соперничество в торговле и других сферах противостояния»[1].

«Доктрина Буша» — провозглашение идей «по-новому» обеспечить безопасность США, осуществленное в «Докладе о положении нации» 2002 г., «Стратегии национальной безопасности» (сентябрь 2002 г.), в выступлении в Организации Объединенных Наций (сентябрь 2002 г.). Еще более пространно «доктрина Буша» сформулирована в опубликованном администрацией президента Буша весной 2003 г. обобщающей «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов»[2]. Вот слова, которые увидели свет в сентябре 2002 г.: «Мы будем активно работать ради осуществления демократии, развития, свободного рынка и свободной торговли во всех частях мира. Америка должна твердо стоять за ценности человеческого достоинства, по поводу которых не ведут переговоров: правление закона; ограничение абсолютной мощи государства; свобода слова; свобода вероисповедания; равная справедливость; уважение к женщине; религиозная и этническая терпимость; уважение частной собственности».

В этих документах президент Дж. Буш-младший декларировал «способность Соединенных Штатов аккумулировать такую мощь, которая сделает враждебную гонку вооружений бессмысленной». Выступая в октябре 2002 г. в Нью-Йорке, К. Райс определила в качестве главной цели «доктрины Буша» «разубеждение потенциальных противников от попыток превзойти или даже добиться равенства с мощью Соединенных Штатов и их союзников»[3].

Центральным элементом «доктрины» сознательно было сделано то, что всегда прежде имелось в виду и подавалось как крайнее, последнее средство, — предупреждающий,

[1] *Ikenbeny G. and Kupchan Ch.* Liberal Realism. The Foundations of a Democratic Foreign Policy («National Interest», Fall 2004, p. 38).

[2] Анализ последнего документа см. в детальном разборе его Филипом Желиковым в журнале «Нэшнл интерест», весна 2003 года *(Zelikov Ph.* The Transformation of National Security. Five Redefinitions [«National Interest», Spring 2003]).

[3] «The National Interest», Spring 2003, p. 40.

246

предвосхищающий, предваряющий удар *первым.* Президент Буш-младший пообещал мировым террористам показать «американскую справедливость», как будто обещания просто *справедливости* было недостаточно. Четыре основных элемента «доктрины Буша»:

1) действовать без согласования с кем-либо (ООН, союзники по НАТО);

2) американское права «упреждающего удара», который Америка намерена легально и открыто наносить по всякому, кто покажется хотя бы лишь *потенциально* опасным для безусловного гегемона современности;

3) право на использование ядерного оружия. Естественно, что у огромного

внешнего по отношению к США мира сложилось представление о том, что Америка сознательно понижает ядерный порог. Это было с американской стороны тем более нелепо, что именно американские вооруженные силы достигли невероятного превосходства в *обычных* вооружениях, что делало сами угрозы применения ядерного оружия иррациональными;

4) «поддержать свободные и открытые общественные институты на всех континентах». Глава отдела планирования госдепартамента Ричард Хаас немедленно выступил с идеями «продвижения демократии в мусульманском мире». Америка стала утверждать, что «демократия может быть экспортным товаром». Идеи «доктрины» стали для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов а 1а Рамсфелд подлинным *кредо* Америки на этапе ее единосверхдер-жавности в XXI веке.

Она же утверждает, что «чем страшнее угроза, тем выше стоимость риска ввиду бездействия»'. Еще одно ключевое положение этого же документа: «Посредством нашей готовности применить силу для своей обороны Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать такой баланс сил, который благоприятствует свободе».

[1]Office of the President. National Security Strategy of the United States. September 2002, p. 5

Английский историк Найолл Фергюсон пишет, что Британская империя стояла за те же идеалы. «Либеральные империи всегда провозглашали собственный альтруизм»[1]. Эдмунд Берк идентифицировал свободу как главную характеристику Британской империи еще в 1766 г. «Точно так, как американцы рассматривают сегодня глобальную демократизацию по американской модели как самоочевидное благо, так и англичане в свои дни стремились экспортировать свои институты парламентской монархии всему внешнему миру»[2]. То, что англичане делали в Индии, Африке и повсюду в 1904 г., американцы делают в Междуречье в 2004 г.

Смысл происходящего в Соединенных Штатах после рокового сентября сводится к следующему: «Мы атакованы. Мы не нуждаемся в резолюции ООН для нашей самообороны»[3]. Ощущение величайшей уязвимости наложилось на самовосприятие крупнейшей силы в истории. В борьбе за выживание американская политика не дебатируема. В Европе попросту ужаснулись.

Вот главные черты нового курса: вторжение в Ирак без санкции ООН и с фальшивым обвинением в наличии у иракских вооруженных сил оружия массового поражения; России предложен новый тип контроля над стратегическими вооружениями (и предложен по принципу — «соглашайтесь, или мы пойдем в будущее без вас»); Европейскому союзу на тех же основаниях предложено согласиться с игнорированием Соединенными Штатами Международного уголовного суда; Германия и Франция подверглись давлению вследствие их негативной реакции на американское вторжение в Ирак; Киотский протокол отвергнут.

ВРЕМЕННАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ

Республиканская администрация декларировала долгосрочность выдвинутой концепции. В ходе президентской кампании 2004 г. Джордж Буш утверждал, что никогда не

[1]*Ferguson N.* Colossus, p. 23.

[2] Ibid., p. 25-26.

[3] Цит. по: *Laurent Zecchini.* Etats-Unis et Europe: le grand ecart des budgets de defense («Le Monde», 6 fevrier 2002).

поколеблется нанести предваряющие удары тому, в ком увидит потенциального противника. И ему не нужен «международный тест». Своего рода революция,

совершенная при помощи «доктрины Буша», на национальных выборах получила одобрение большинства американцев. Редактор журнала «Комментари» Норман Подгорец уверенно утверждает: «Я спокойно могу предсказать, что Буш в период второго срока не изменит свой курс и что он будет руководствоваться своей доктриной по всему Ближнему Востоку»[1].

Кто вместе с Джорджем Бушем взял на себя определенное право «улучшить мир» на национальных выборах 2004 г. ? Согласно Общенациональному опросу (НЭП), самое большое число голосов он получил от сторонников «сохранения моральных ценностей» — 22 %; именно эта четверть избирателей позволила Бушу возобладать над Джоном Керри. Вторую по величине группу избирателей, поддержавших «доктрину Буша», составили те, кто главной задачей Америки видит «борьбу с терроризмом» (19 % избирателей). У третьей по величине группы избирателей (15 %) главной мотивацией была победа в Ираке. Итак: моральные ценности Америки, ответ на террористические нападения, победа в военном конфликте — таковы три основных элемента поддержки жесткого силового курса, фактически противопоставившего США глобальному большинству. Главный среди них — поддержка правого религиозного крыла, «фактор веры», столь влиятельный в стране, 94 % населения которой объявляют себя верующими (сравните с 30 % в Западной Европе). Противопоставив себя едва ли не всему миру, американские традиционалисты возобладали в самой могущественной стране мира.

Наиболее популярным правым комментатором и пропагандистом доктрины является Раш Лимбо и в целом телевизионный канал «Фокс». Целый ряд аналитиков (к примеру, бывший министр военно-морского флота Джеймс Вебб) утверждают, что потворствующая «доктрине» традиционалистская культура была основана прежде и питается ныне шотландско-ирландской группой населения, составившей основу «большинства Буша». Именно шотландцы и ирландцы

[1] *Podhoretz N.* The War Against World War IV («Commentary», February 2005).

составили основу того массива штатов, который поддержал начавшего войну президента. Они оценивают лидеров по персональным качествам, выделяя личные достоинства и силу — двухтысячелетняя военная традиция воинственности и патриотизма. Они поддерживали *все* войны, которые вела Америка, и выступают категорически против контроля над личным оружием. Получив поддержку тех, кто возмущен террористическими нападениями, эти избиратели обеспечили переизбрание президента Буша тремя с половиной миллионами преобладающих голосов. Американский главнокомандующий в Четвертой мировой войне был поддержан самой могущественной в мире политической машиной.

Весь правый фланг американской политической арены утверждает, что мир «недооценивает» Джорджа Буша-младшего. Норман Подгорец поет подлинный гимн «смелости, решимости и жизненной силе: исключительным политическим качествам» президента Буша, реализовавшего в «доктрине Буша» мечту президента Рейгана[1]. Чарльз Краутхаммер называет Афганистан с его президентом Корзаем «первым результатом «доктрины Буша» как инструмента распространения демократии во враждебных ей районах».

Противники «доктрины Буша» обвиняются в отрыве от реальности, в благодушествовании в то время, когда над Западом нависает смертельная угроза. Это первый «козырь» неоконсерваторов; а второй — это то, что в современном мире, где господствует феноменальная военная мощь США, создать антиамериканский союз попросту *невозможно*. В таких средствах массовой информации, как телеканал «Фокс», как журнал «Комментари», сторонники «доктрины Буша» получили средства воздействия на американское общество, которых у правых не было во времена Вьетнама.

ВО ИСПОЛНЕНИЕ

Конкретную приверженность этой доктрине характеризует упорное следование силовым курсом в Ираке. Следуя «доктрине Буша», Соединенные Штаты нанесли упреждаю-

[1] *Podhoretz N.* The War Against World IV («Commentary», February 2005, p. 4).

щий удар по Ираку, и Ирак (как пример приложения «доктрины Буша») — стал местом первого испытания этой доктрины. Самое суровое испытание «доктрина Буша» претерпела в суннитском «треугольнике» Ирака.

ЦЕННОСТЬ УПРЕЖДАЮЩЕГО УДАРА: КТО СОМНЕВАЕТСЯ

Внешний мир с великими опасениями воспринял «доктрину Буша». Как пишет Джон Льюис Геддис, «суверенность долгое время была самым священным принципом международной системы. Самое могущественное государство мира внезапно заявило, что обеспечение его безопасности требует нарушения принципа суверенитета некоторых других государств; понятно, что это вызвало в мире нервную реакцию»[1]. Как определил ситуацию политолог Джон Айкенберри, «созданная в Вашингтоне политика упреждающего удара создала образ глобального полисмена, который никому не подотчетен и не позволяет гражданам иметь замки в дверях своих домов. Какими бы шокирующими ни были атаки 11 сентября, международное сообщество *не готово* принять план Буша по реализации американской безопасности».

Отражая точку зрения либерального истеблишмента, Айкенберри и Капчен высказываются определенно: «Сами основы «доктрины Буша» фундаментально ошибочны»[2].

Война в Ираке получила значительно меньшую поддержку, чем на то рассчитывала администрация Буша. И немногие страны одобрили ведение войны без санкции Совета Безопасности ООН. Но многие страны осудили резкое игнорирование администрацией Буша «протокола Киото», Международного суда, надуманную связь между Саддамом Хусейном и бен Ладеном, приписывание Багдаду наличия оружия массового поражения, выход из Договора по ПРО.

[1] *Gaddis J. L.* Grand Strategy in the Second Term («Foreign Affairs», Jan./Feb. 2005, p. 47).

[2] *Ikenberry G. and Kupchan Ch.* Liberal Realism. The Foundations of a Democratic Foreign Policy («National Interest», Fall 2004, p. 39).

Джон Льюис Геддис: «Мир нуждается в хороших манерах. Всегда плохо подменять мудрость силой: мускулы — это не мозги. Никогда не было хорошей идеей наносить оскорбления потенциальным союзникам, каким бы плохим ни было их поведение. И далеко не умно представлять консультации как поддержку уже взятого курса. Администрация Буша едва ли была первой, совершившей подобные ошибки. Но она стала *первой, совершившей столько ошибок в столь короткое время* именно тогда, когда помощь друзей нужнее всего»[1].

Внутри США столкновение с суровой реальностью меняет мировоззрение самых твердых из сторонников «ударной» дипломатии. Даже такие «ястребы», как Норман Подгорец, признают, что интеллектуальных противников «доктрины» больше, чем ее сторонников. Хотя они и «не на коне».

Критики указывают, что вторая война против Ирака являет собой яркий пример нарушения того правила, которое ввел в американскую дипломатию первый империалист американской истории — президент Теодор Рузвельт: «Говори тихо и неси с собой большую дубину». Растиражированная агрессивность, громкая несдержанность на всех форумах, начиная с трибуны ООН, — вот что мы видели на подходах и в ходе трехнедельной войны двух никак не равных сил.

Назовем более серьезные проблемы, чем разгром иракской армии, которая, как оказалось, никогда не имела ядерного оружия и средств его доставки. 1) Как управлять 60 процентами иракских мусульман, которые являются *шиитами* и смотрят как на священный на иранский город Кум? 2) Можно ли разоружить вчерашнего союзника — почти пятимиллионный (в Ираке) народ курдов? 3) Как сохранить лояльность ключевого в регионе союзника — Турции, более всего на свете боящегося восстания воодушевленной курдской *трети* 67-миллионного турецкого населения? 4) Как

[1] *Gaddis J. L.* Grand Strategy in the Second Term («Foreign Affairs», Jan./Feb. 2005, p. 49).

уберечь американскую армию от партизанской войны, столь памятной по Вьетнаму? 5) Где среди местного населения найти носителей демократических ценностей, если они здесь никогда не имели распространения? 6) Как сплотить, на чем основываться в поддержании единства Ирака, если прежняя элита (баасистские сунниты) стали меньшинством, а шиитское большинство дружественно антиамериканскому Ирану?

США в результате трехнедельной победоносной кампании не только не решили своих проблем, но обрели, как мы видим это сейчас, *гораздо более масштабные* проблемы. «Доктрина Буша» вызвала зримое противодействие в самих Соединенных Штатах, где «неоконсервативная революция» отнюдь не заглушила голос здравого смысла.

Правы ли «неоконы» с их предупреждающими, предвосхищающими ударами? Политолог Джек Снайдер размышляет на эту тему так: «Это правда, что малые государства-изгои и им подобные не могут собственными силами создать контрбаланс американской мощи в традиционном понимании такого баланса. Справедливо и то, что такие страны — потенциальные противники, как Россия и Китай, так сказать, «устали» от противостояния американцам и их военным экспедициям. Но если даже несравненная мощь Америки понижает вероятие создания традиционного союза-контрбаланса, уже сами американские действия создают некий функциональный эквивалент такого союза. Предшествующие расширяющиеся империи в конечном счете обнаруживали себя перенапряженными, даже если противостоящие альянсы создавались очень медленно. Например, хотя потенциальные жертвы Наполеона и Гитлера с большим трудом оформляли противостоящие коалиции, эти империи атаковали столь большое число оппонентов практически одновременно, что значительные союзы *де-факто* в конечном счете обретали форму противостояния. Сегодня аналогичная форма перенапряжения — политического и военного — может найти себя, если страны посчитают американские усилия по предотвращению ядерного воо-

ружения и стремление насадить демократию силой в мусульманские страны станет постоянным серьезным фактором»[1].

СПЕКТР ПРОТИВНИКОВ

Спектр противников «доктрины Буша» в США весьма широк — от крайне правых изоляционистов до крайне левых сторонников более умеренной политики США во внешнем мире. Сомкнули силы ветераны Вьетнама (такие, как влиятельный обозреватель Сеймур Херш и новое поколение антимилитаристов, среди которых выделяется Майкл Мур с его антибушевскими фильмами. Можно ли отсталый регион мира «загнать» в демократию? «Большая» пресса Америки слабо верит в такие чудеса. К примеру, известие об избрании Карзая президентом Афганистана «Нью-Йорк таймс» поместила на восьмой странице, «Вашингтон пост» — на тринадцатой, «Ю.С. тудей» — на пятой, «Лос-Анджелес таймс» — на

третьей.

Крайние критики. Крайне правых уже много лет представляет Патрик Бьюкенен, противник всего, что президент Буш сделал после сентября 2001 г. Он не верит в верный для Америки курс силового навязывания демократии в столь враждебных для демократии землях. Вторых так же давно представляет Ноам Хомский, для которого «доктрина Буша» — последний образец империализма. В том же ключе выступает Майкл Мур со своими фильмами.

А на правом фланге американского политического спектра такие идеологи, как Анжело Кодевилья («Клермон ревью ов букс»), критикуют «доктрину Буша» за «несерьезность». Если Америка ведет войну, она не должна ограничивать себя определенным контингентом и искусственными правилами. В том же духе Марк Гальприн требует объявить Ираку войну и произвести подлинную мобилизацию вооруженных сил страны. Гальприн просто издевается над лозунгами «принести демократию на Ближний Восток» как над

[1] *Snyder J.* Imperial Temptations («The National Interest», Spring 2003, p. 37).

символом синтеза невежества и желания подвига. Эта группа идеологов старается использовать лозунги «неоконов» и при этом придать делу еще большую серьезность. «Доктрину Буша» они воспринимают как «несерьезную», не задействующую всю мощь США. Если уж воевать, то воевать: мобилизация в США, полное напряжение в Месопотамии. Для них Буш — человек, воюющий одной рукой.

Либеральные реалисты. Гораздо большее влияние в Америке имеют либеральные интернационалисты, возлагавшие надежду на победу Джона Керри. Они представляют Совет международных отношений, Брукингский институт, Фонд Карнеги и ряд других влиятельных организаций. Тридцать два видных американских политолога (в основном представители школы «политического реализма») выступили в газете «Нью-Йорк таймс» с возражениями против «безрассудной», с их точки зрения, доктринальной догмы неоконсерваторов[1].

Наиболее яркие среди них голоса — Стэнли Гофман из Гарварда, Чарльз Капчен из Совета международных отношений, Джон Айкенберри из Джорджтаунского университета. Они обрушиваются на слова, подобные следующим высказываниям президента Буша: «Мы не можем защитить Америку и ее друзей, просто полагаясь на лучшее. Мы не можем верить словам тиранов, которые вначале подписывают договоры. А потом их нарушают». Для них переговоры — основа мирного общежития. Буш в их глазах — «человек, погубивший либеральный интернационализм» (Ч. Капчен), обесценивший компромисс, консенсус, влияние международных институтов.

С точки зрения Айкенберри, Буш вооружился набором «твердолобых фундаменталистских идей и обеспечил победу радикальной послесентябрьской переориентации американской внешней политики. Это не лидерство, а крушение в геостратегических масштабах всей полустолетней международной архитектуры. Война против Ирака нанесла ущерб международным позициям страны — ее престижу, надежности, партнерству по безопасности и расположенности дру-

[1] «New York Times», September 26, 2002.

гих стран». Джон Айкенберри весьма убедительно доказывает, что демократическая форма правления — с ее упором на транспарентность — особенно требовательна к *союзам* с менее мощными странами; только тогда охрана статус-кво становится общим, популярным, эффективным делом. Айкенберри доказывает, что сильнейший должен «вести за собой на основе согласия, а не принуждения»[1]. Встает вопрос: доколе Америка будет руководствоваться доктринами односторонности в условиях общего изменения

стратегической ситуации, демографического уменьшения Запада, растущего ожесточения за пределами «золотого миллиарда»?

Стэнли Гофман из Гарварда выступает за скорейший вывод американских войск из Ирака, что «принесет примирение с друзьями и союзниками, шокированными односторонностью Вашингтона и отказом от международных обязательств ради восстановления доверия к Америке». Капчен: если США не потерпят поражения в Ираке, то «возвратить США в лоно либерального интернационализма будет уже невозможно».

Либеральные интернационалисты опубликовали целый ряд влиятельных книг, критически анализирующих «доктрину Буша»[2]. В целом с этой доктриной «Америка перестала быть силой добра в мире». Профессор политических наук в Колорадо-колледж Дэвид Хендриксон (один из активных деятелей Коалиции за реалистическую внешнюю политику) пишет: «Как только революционное рвение (Джорджа Буша) вплотную столкнется с суровой реальностью, политика Буша завершится горькими слезами»[3].

[1]*Ikenberry J,* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2000, p. 146.

[2]*Daalder I. and Lindsey J.* America Unbound: The Bush Revolution in American Foreign Policy. New York, 2004; *Barber B.* Fear's Empire: War, Terrorism, and Democracy. New York, 2003.; *Prestovitz C.* Rogue Nation: American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003.

[3] *Hendrickson D.* A Dissenter Guide to Foreign Policy («World Policy Journal», Summer 2004).

Реалисты. Их взгляды базируются на двух основах: 1) главная цель — международная стабильность; 2) только баланс сил предохраняет от силовых катаклизмов. Это сторонники Вестфальской системы суверенных государств, считающие невозможным вторжение во внутренние дела суверенных государств. В отличие от либеральных интернационалистов, реалисты не воспринимают панически применение силы в международных отношениях. Но это применение должно быть направлено на нарушителей баланса.

Сторонник реалистического подхода к решению проблемы не может не смутиться провинциальной несдержанностью команды, которую не сдерживают даже вопросы жизни и смерти. Фанфары по поводу «предвосхищающего удара» никому не нравятся, это некая некорректная несдержанность представителей страны, где общественная жизнь регулируется политической корректностью.

Реалисты были исключительно влиятельны до сентября 2001 г., когда они смотрели на все прочие течения как на просто наивные. Буш отринул *реализм* после 11сентября: «Те, кто называет себя реалистами, ставят под вопрос необходимость распространения демократии на Ближнем Востоке. Здесь реалисты теряют контакт с фундаментальной реальностью: Америка всегда была в опасности, когда свобода отступала; Америка была в безопасности со свободой на марше». Это противоположно апологии внутренней суверенности государств — революционная перемена в американском мировидении. Афганистан и Ирак были едва ли не смертельными ударами по американской школе *политического реализма.* По меньшей мере, реалисты сейчас считают Афганистан и Ирак свидетелями «сверхреакции» Вашингтона. Лидер этого направления — Генри Киссинджер довольно неожиданно переместился из центра американского политического спектра на некую периферию. Брент Скаукрофт и Лоуренс Иглбергер стали жесткими критиками «доктрины Буша». Одним из ведущих критиков «доктрины Буша» стал предшественник Райс на посту советника по национальной безопасности — Брент Скаукрофт, ведущий деятель школы «политического реа-

лизма» — в отличие от Киссинджера, который после начала войны в Ираке

объявил, что вопрос поставлен о доверии Америке, а раз так, акцию нужно поддержать.

Реалисты предлагают осмыслить более ранний — афганский — опыт. Петер Венер суммирует афганскую ситуацию: «Афганистан — слишком отсталая страна; слишком раздробленная; слишком средневековая и религиозно фанатичная; слишком неуправляемая для движения к демократии»[1].

И либеральные интернационалисты и реалисты пока не призывают к массовым действиям против «доктрины Буша», они еще верят в силу своих статей и книг, в поворот общественных симпатий. Центр их усилий — показать, что «надуманная доктрина» при столкновении с реальностью приносит горькие плоды. Судьба их теоретических изысканий, по существу, решается в суннитском «треугольнике» Ирака. Поражения войск проамериканской коалиции сразу же усиливают значимость критиков предваряющих ударов. Пока же призывы таких активистов вьетнамского периода, как Том Хейден, сделать массовым движение за вывод американских войск из Ирака не дают практических результатов. Но важно отметить, что часть «антибушистов» призывают к мобилизации общественных действий по примеру отошедших в историю 1960-х годов.

ПОТЕНЦИАЛ МАССОВОГО ПРОТЕСТА

Даже очень «малоотчетливый» союз сил, выступающих против односторонних действий одной державы, может оказаться мощным фактором международных отношений в условиях, когда огромное большинство мирового сообщества начинает видеть себя объектом чужеродной политики и потенциальной жертвой этой политики. Вьетнам и Алжир в 1960-х годах возобладали над значительно более мощными странами-противниками. Палестина может не возобладать, но стоимость совладения с нею становится грандиозной, трудноперенosимой. И мир ожесточенных не может в этих

[1] «Commentary», December 2004, p. 31.

условиях не смотреть на потенциальные источники оружия массового поражения как на средства своего рода *баланса.* Очень опасный поворот событий.

Через несколько недель после переизбрания Буша один из противников «доктрины» Крис Хеджес пишет в «Нью-Йорк таймс ревью оф букс»: «Мы терпим поражение в войне в Ираке. Постоянно увеличивается численность нападений на войска коалиции. Мы стали изолированной нацией, на которую смотрят косо. Мы тираны для более слабых стран. Мы потеряли маяки наших демократических идеалов»[1]. По мере интенсификации войны «потеря идеалов» обретет массовость. Сенатор Эдвард Кеннеди уже сравнил практику тюрьмы Абу Грейб с тюрьмами Саддама Хусейна, экс-вице-президент провел параллель с ГУЛАГом, Джордж Сорос сказал, что практика этой тюрьмы сравнима с 11 сентября[2]. Что же касается потерь, то, как пишет Брайан Гиффорд из Калифорнийского университета, «фокус на «относительно небольшие» потери служит рационализации продолжения ведения войны и мешает нам как нации оценить реальные условия войны в Ираке»[3].

В государственной американской структуре против «войны за демократию» выступили две могущественные силы — Центральное разведывательное управление и Государственный департамент. Последний, как возмущенно указывают «неоконы» (в данном случае Лоуренс Кэплен в «Нью рипаблик»): «На пороге войны с Ираком американские посольства, в частности, расположенные на Ближнем Востоке, сообщили в государственный департамент, что они не смогут убедительно оправдать дело войны в Ираке»[4]. ЦРУ постаралось организовать утечку материалов в «Нью-Йорк таймс», распространило пессимистические оценки ситуации, а наибольшее внимание привлекла (№ 1 в списке бестселлеров)

книга сотрудника ЦРУ Майкла

[1]«The New York Times Review of Books», December 27, 2004.

[2] «Commentary», February 2005, p. 17.

[3]«Washington Post», December 6, 2004. [4] «New Republic», June 2004, p. 24

259

Шойера «Имперское наваждение», прямо направленная против «доктрины Буша»[1].

Президенту пришлось заменить глав обоих ведомств, послать во главу «обезглавленного» ЦРУ Портера Госса, который в первом же приказе по ведомству приказал «не идентифицировать себя с оппозицией администрации, не помогать ей». А вместо «противопоставившего себя всей стране» главы госдепартамента Колина Пауэлла переизбранный Буш поставил безусловно лояльную Кондолизу Райс — она не позволит американской дипломатической машине фрондировать против главенствующей внешнеполитической доктрины. (Впрочем, такие «неоконы», как Эдвард Лутвак, предупреждает своих коллег, что Райс «подает сигналы о новой внимательности в отношении европейцев, которые не поддерживают войну в Ираке.)

Отметим несколько наиболее важных моментов, ставящих под сомнение «доктрину Буша».

1. Классическим примером предвосхищающего удара является хорошо известный «план Шлиффена», тщательно обосновавший необходимость такого удара по Франции и детально разработавший такой удар через Бельгию. При всей изощренности этого плана он, по сути, бросает вызов здравому смыслу. Оборона всегда обходится дешевле, чем наступление на неведомое большое. Представьте сегодня Соединенные Штаты, периодически наносящие удары по *пятимиллиардной* периферии мира. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, где ей придется озираться без конца и края, тратя свои конечные ресурсы.

2. Гораздо реалистичнее представить себе Северную Корею применяющей ядерное оружие, не в слепой ярости наносящую удар по Сеулу, а в беспросветном отчаянии столкнувшуюся со сверхмогущественными Соединенными Штатами, пожелавшими изменить политический режим в Пхеньяне. Именно превентивное наступление вооруженных сил США, как видится, скорее всего прочего могло бы

[1]*Anonimous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington: Brassey's, Inc. 2004.

260

вызвать то, чего, по понятным причинам, опасаются и боятся в США.

3. Американское руководство не может бесконечно использовать логику, исходящую из положения, что «показать слабину» для Америки смертельно опасно: «Если мы не покажем готовность приложить силу в данном конкретном случае, то доверие к нам в мире падет до нуля»[1]. Исторический опыт не может не подсказывать американцам, что именно на этом основании (плюс «доктрина домино») им объясняли важность борьбы с Вьетконгом, с вьетнамским Сопротивлением (мол, если уступить во Вьетнаме, то падет весь Индокитай, за ним неизбежен переход на противоположную американцам сторону Таиланда, Малайзии и Индонезии; а за ними и коммунизация всей Азии. Нельзя же верить бесконечно в надуманное «падающее домино».

4. Титаны дипломатии стремились поставить своего противника в положение «первого атакующего», чем выигрывали в глазах общественного мнения. Надо ли вызывать тень великого Бисмарка, чтобы напомнить, что он находился под постоянным давлением своих генералов, жаждавших получить приказ выступать. Бисмарк же назвал *превентивную войну* чем-то «похожим на совершение самоубийства из-за страха смерти»[2]. Более импульсивные наследники канцлера Бисмарка бросили Германию в цепь авантюр, которая завершилась для этой

страны двумя мировыми поражениями.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ

Отчего потеряла влияние Британская империя? Оттого, что принимала активное и непосредственное участие в двух мировых войнах, доведших ее до изможденья. Между тем, если бы Британия содержала большую армию в мирное время — убедительное для Германии сдерживание, то она не

[1] *D. Ramsfeld.* Testimony before the House Armed Services Committee, September 18—19, 2002.

[2] *Craig G.* Germany: 1866—1945. N. Y.: Oxford University Press, 1978, p. 24-25.

261

изошла бы жизненными силами в мировых катаклизмах. В пик имперского влияния (между 1870 и 1914 годами) Британия расходовала на военные нужды 3,1 % валового внутреннего продукта в год[1] — не столь уж напряженное бремя. Не более напряженно оно пока и у Соединенных Штатов, но несколько обстоятельств «работают» против продолжительного имперского всемогущества.

I. У власти в США республиканцы, доминирующий элемент их внутриполитической философии — снижение уровня налогов в стране. А ведь империя требует жертв, в том числе и финансовых. Даже на военные нужды Соединенные Штаты в годы «холодной войны» расходовали значительно больше, чем сегодня. Республиканцы президента Дж. Буша-младшего уже произвели несколько подобных налоговых сокращений. Не собираются ли они доминировать в мире «бесплатно», пользуясь просто ослаблением (последовательно) мусульманского мира после 1700 года, Китая после 1850 года, Западной Европы после 1914—1945 годов, России после 1991 года? Ведь все поименованные силы прилагают старания восстановить свою мощь — военную в том числе — и настроены на координацию своих усилий.

II. Встает вопрос, как могут Соединенные Штаты контролировать огромный внешний мир, если бюджеты двух главных механизмов-доноров, государственного департамента и Американского агентства международного развития совокупно составляют всего 1 (!) % федерального бюджета? Американское правительство тратит 16 % на военные нужды, но ведь империя не может жить одним лишь покорением непокорных.

III. Изменить функции военных? На этот счет внутри республиканской администрации идет борьба, и похоже, что побеждают те, кто, словами Джозефа Ная, предназначают военному ведомству ограниченную функцию: «Вломиться в дверь, избить диктатора и возвратиться домой, а не

[1] *Boot M.* The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power. New York: Basic Books, 2002, p. 351.

262

приступать к тяжелой работе создания демократического общества»[1].

IV. Главное. Даже если Соединенные Штаты произведут более серьезную, чем просто создание министерства внутренней безопасности, внутреннюю мобилизацию, и идеологическую и материальную, все равно жестким фактом реальности будет то, что *все более растущий объем процессов в мире остается за пределами контроля даже самого могущественного государства.* У Соединенных Штатов нет инструментов, воли и психологического настроя на постоянной основе вмешиваться во внутренние дела бесчисленного множества государств, заниматься постоянным мониторингом происходящих в этих государствах внутренних процессов, силовым вмешательством на постоянной основе.

V. Трудности в Ираке начались не с выдвижением американских армейских частей против элитных иракских формирований, а после того, как эти формирования исчезли неведомо куда. Американский народ в общем и целом воспринял как «приемлемые» потери полутораста человек в ходе боевых

действий между Тигром и Евфратом (примерно такими же были потери в афганской кампании). Но американское общество начало испытывать конвульсии после 1 мая 2003 г., когда президент Буш объявил об одержанной победе, а еженощные потери американских военнослужащих начали приближаться к цифре собственно боевых потерь. Мир оказался для американской армии и общества едва ли не более болезненным, чем объяснимый военный период.

Особое внимание следует обратить на демографические процессы, быстро меняющие мир и влекущие за собой последствия стратегического характера.

Соблазн нанести *упреждающий* удар получил общенациональное одобрение на выборах в ноябре 2004 г. Но, встав на этот путь, Соединенные Штаты неизбежно приговорены историей разделить судьбу всех претендентов на имперское всевластие.

[1]*Nye J.* U.S. Power and Strategy After Iraq («Foreign Affairs», July-August 2003, p. 67).

263

Во-первых, *все* империи, пытавшиеся демонстрировать готовность к активной самообороне на своей периферии, неизбежно были вынуждены переносить (в конечном счете) поле битвы на территорию метрополии. Современная технология не позволяет герметично закрыть границы метрополии.

Во-вторых, *предвосхищающие* удары становятся в конечном счете контрпродуктивными для имперской безопасности, когда их следствием становится бесконечная череда конфликтов на имперских окраинах, восстания в прежде покоренных регионах, растущее недовольство как сателлитов, так и зависимых стран.

В-третьих, даже в зоне испытанных привилегированных союзников использование вооруженной силы грозит крушением имперских основ, столпов имперского могущества. Номинально независимые страны неизбежно интенсифицируют свое сопротивление диктату.

В результате не нужно даже смотреть в магический кристалл, чтобы предсказать *увеличение* проблем национальной безопасности США, а не ожидаемое уменьшение этих проблем. Бросим взгляд на не очень далекую историю. Как пишет Джек Снайдер из Института войны и мира Колумбийского университета, «чтобы гарантировать свои европейские владения, Наполеон и Гитлер пошли маршем на Москву, чтобы быть поглощенными русской зимой. Германия кайзера Вильгельма попыталась предотвратить свое окружение союзниками посредством неограниченной подводной войны, что бросило против нее всю мощь Соединенных Штатов. Имперская Япония, завязнув в Китае и встретив нефтяное эмбарго Америки, попыталась пробиться к нефтяным месторождениям Индонезии через Перл-Харбор. Все хотели обеспечить свою безопасность посредством экспансии, и все кончили имперским коллапсом»[1].

Будут ли США стоять отчаянно на имперских позициях или сумеют, подобно Британии в XX веке, мирно сдать их? Пример Британии изучается в современной Британии с уд-

[1]*Snyder J.* Imperial Temptations («The National Interest», Spring 2003, p. 30).

264

военным вниманием. Свежая работа Найэла Фергюссона о подъеме и спаде Британской империи[1] стала буквально *обязательным* чтением. Истратив непропорционально большие ресурсы в войне с бурами, видя одновременно подъем в Европе Германии, Британия отказалась от стратегии «блестящей изоляции» (что в применении к Соединенным Штатам является стратегией *односторонности).* Это и повело Лондон к союзу равных с Францией и Россией. История учит, что *односторонние действия* не спасли колоссальную Испанскую империю в XVII веке (герцог Альба в Нидерландах), не помогли Людовику XIV сохранить французское преобладание в Европе в начале XVIII века (маршалы

Короля-Солнца на Рейне), не укрепили мир Наполеона (московская экспедиция Великой армии), не помогли кайзеру и фюреру («план Шлиффена» и «Барбаросса»).

Сражающиеся стороны в Ираке достаточно отчетливо понимают, что происходящая здесь битва идет не за то, кто победит в Багдаде, а *победят или проиграют* Соединенные Штаты с их новой доктриной. И в этом противники США в Ираке смыкаются с противниками «доктрины» в Америке — точно так, как это было во Вьетнаме.

У всех наблюдателей возникает общий вопрос, способны ли такие руководители, как команда Дж. Буша-младшего, на трезвый отход от гегемонии в случае непредвиденных препятствий, когда очередные — Иран, КНДР и далее по списку — «оси зла» введут Вашингтон в клинч с историей, с конечностью собственных ресурсов, с неготовностью американского населения нести жертвы в условиях малоубедительного их трактования? В декабре 2004 г. Дэвид Сэнгер в «Нью-Йорк таймс» предсказывает: «Вторая администрация Буша, не сдерживаемая осторожностью Колина Пауэлла, поведет Соединенные Штаты в нескончаемую череду конфронтации с миром, начиная с воинственного подхода к контролю над ядерными амбициями Ирана и Северной Ко-

[1] *Fergusson N.* Empire. The Rise and Demise of the British World Order *and the Lessons for Global Power*. London: Basic Books, 2002 (курсив мой. Фергюссон как бы дает совет Соединенным Штатам. — *А. У.).*

реи. Представление об ограниченности американской мощи начало тонуть в Белом доме»[1].

Надежду в данном *случае* дает *критическое восприятие* американским народом своего афганского и иракского опыта (породившего столько новых проблем), а также резонный страх перед спровоцированием нежелаемого развития событий. Как пишет тот же Сэнгер, «Ирак сделал более трудным ястребиное поведение в этом Белом доме, потому что он связал американские боевые части и увеличил нужду в небесконечных военных ресурсах. У мистера Буша будет еще много оснований «звучать как ястреб» в Северной Корее и Вьетнаме, но у него уже будут ограниченные возможности». Иво Даалдер из Брукингского института склоняется к выводу, что «мы обязаны будем смириться с ограниченностью наших ресурсов». Более жесткий Пэт Бьюкенен утверждает: «Хотя у неоконов нет недостатка в планах «Пакс американы», президент Буш споткнется о грубую реальность — американская армия связана *в* Ираке и истекает кровью, при этом растущая стоимость войны, взлетающий к небесам дефицит, падающий доллар и отсутствие союзников порождают вьетнамскую дилемму».

«Доктрина Буша» уже показала свою ограниченность. Но идеологи типа Нормана Подгореца отмахиваются: «Президента Буша уже неоднократно недооценивали. Он будет вести себя с Ираном и Северной Кореей как и с прежними противниками»[2]. В Северной Корее американцев останавливает боязнь отторжения Южной Кореи; в Иране — масштаб военной задачи, разбросанность ядерных объектов. Майкл Ледин из Американского института предпринимательства убеждает: *«Если мы смогли сокрушить Советский Союз, воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения, то шансы в Иране значительно больше»*[3].

Америка не откладывает свою главную внешнеполитическую доктрину, и мы о ней еще услышим. «Доктрина Буша»

[1] «The New York Times», December 17, 2004.

[2] *Podhoretz N.* The War Against World IV («Commentary», February 2005, p. 21).

[3] National Review Online, December 5, 2004.

отвергается большинством в Западной Европе, России, Китае. Исламский мир с

ней ведет войну. Китай смотрит в будущее, Россия ищет независимое место, Европейский союз создает собственные вооруженные силы. В Западной Европе идет непосредственная атака на «доктрину Буша», на новую американскую стратегию: «Величайший недостаток новой американской доктрины лежит в национальной переоценке, в излишней склонности использовать военную силу и игнорировать иные системы ценностей и союзников. Вот почему эта доктрина не продержится долго»[1]. Никто не желает даровать самой мощной стране мира право упреждающего удара и право суждения об обстоятельствах его применения. Это открывает перспективу весьма широкого альянса защитников собственного суверенитета. Это делает «доктрину Буша» препятствием для 95 % мирового населения.

Глава 11
СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ИСПОЛИНА

Феноменальная мощь Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы — военной, экономической, информационной — не нуждается в детальном аргументировании. Два обстоятельства — крах Советского Союза и невиданный экономический рост 1990-х годов вознесли Америку на недосягаемую высоту могущества. Но даже имперский блеск не способен скрыть или закамуфлировать те слабые стороны огромного американского военного и экономического организма, которые дают отнюдь не лестную картину страны, претендующей на мировую гегемонию.

Во-первых, в 2001 г. прекратился этап исключительного по интенсивности экономического подъема. Достигнув цифры 12 трлн долл. валового национального продукта, экономика США прекратила свой бег, вступив в фазу депрессии. Индекс Насдак — индекс развития высоких техно-

[1]Цит. по: *Lambert R.* Misunderstanding Each Other («Foreign Affairs», March/April 2003, p. 63).

логий — рухнул, развеивая мифы о якобы преодоленном экономическом цикле на основе информационной технологии. В ту, клинтоновскую, Америку из внешнего мира шло 200—300 млрд долл. долларов в год, а в 2000-е годы — только 20—30 млрд долл.

Во-вторых, по мнению растущего числа экономистов, «упадок и падение американской империи произойдут не из-за стоящих у ворот террористов и не в свете помощи террористам государств-изгоев, но из-за фискального кризиса современного американского государства»[1]. В ближайшие пять лет 77 американцев, родившихся в эпоху демографического бума, начнут получать пособия по социальному обеспечению. Через восемь лет они станут пользоваться системой «Медикеэр». К тому времени как все они выйдут на пенсию в 2030 г., пожилое население США увеличится вдвое, а число обеспечивающих их благосостояние — только на 18 %. Рождающиеся сегодня американцы должны будут платить налогов вдвое больше, чем их отцы. Военные и прочие федеральные расходы после сентября 2001 г. заставили Бюджетную службу конгресса предсказать рост бюджетного дефицита в ближайшие десять лет до 2,3 трлн долл. Долг американского государства за это время увеличится на 9,1 трлн долл.[2]. За последние 5 лет 44 % международных долговых обязательств оплачиваются в евро, а 48 % — в долларах. Ослабление финансовой системы страны не может не влиять сдерживающим образом на ее внешнюю политику.

В-третьих, программа международной финансовой глобализации не удалась. Япония застыла с 1990 года, а в 1998 г. обнажилась уязвимость тихоокеанских «тигров», Мексики, Аргентины, Индонезии и, конечно, России. Выдвигаемый в качестве схемы мировой финансовой либерализации т. н. «вашингтонский

консенсус» оказался губительным для возникающих и растущих экономик Азии и Латинской Америки. Ведущие страны начали очередной виток протекционизма. Одна только «стальная» война вызвала

[1] *Ferguson N. and KotlikoffL.* Going Critical («The National Interest», Fall 2003, p. 31.).

[2] «The National Interest», Fall 2003, p. 24.

резкое отчуждение Соединенных Штатов и Европейского союза, России, Японии, Южной Кореи, Бразилии. Китай стал чрезвычайно притягательным направлением японских капиталов и товаров, и здесь на наших глазах возникает восточноазиатское экономическое сообщество, которое в будущем бросит новый вызов Америке. В результате есть немало оснований утверждать, что США сегодня пользуются меньшим влиянием, чем десятилетие назад, — и этот баланс продолжает меняться не в пользу Америки — в основном из-за того, что американский рынок ослабляет свою значимость для местных стран и в свете растущей зависимости Америки от иностранного капитала.

В-четвертых, ныне более 50 % готовых товаров и продуктов, потребляемых Соединенными Штатами, *импортируется* (рост с 31 % в 1887 г.). США ныне нуждаются в 600 млрд долл. ежегодно, чтобы оплатить этот импорт и покрыть дефицит внешней торговли. Америка как бы повторяет судьбу имперской Британии, которая в 1913 г. экспортировала огромные объемы капитала — 9 % своего валового продукта, финансируя Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Аргентину, а после Первой мировой войны превратилась в должника. Подобным же образом США после Второй мировой войны инвестировали во весь мир. А ныне Америка *импортирует* 6 % своего валового внутреннего продукта, черпая капитал не только из богатых Западной Европы и Японии, но даже из относительно бедных экономик. В текущее время Центральный банк Китая стал крупнейшим покупателем ценных бумаг министерства финансов США и совместно с Японским центральным банком обеспечивает почти 45 % текущего дефицита расчетов США. Международный долг США дошел до 30 % внутреннего валового продукта. Такой уровень внешнего долга обычно характерен для слаборазвитых стран — он делает страну-должника зависимой от экономических решений, принимаемых другими. (А Западная Европа увеличивает экспорт капитала, обретая все большее влияние на такие страны, как Россия, Бразилия, Турция.)

В-пятых, геополитики в Вашингтоне преувеличивают значение военной силы. Развитые страны мира не видят се-

годня на горизонте военной угрозы. Электронно-космическая мощь США заставляет вспомнить поговорку: не стреляй из пушки по воробьям. При этом, инвестируя в свою военную мощь, Соединенные Штаты подрывают другие элементы своего могущества. Вооруженные силы могут сражаться, но им не под силу полицейские функции или меры по поддержанию мира. При этом огромный развивающийся мир *никак* не ощущает блага американского доминирования. Напомним, что США находятся на последнем месте среди стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития по доле средств, выделяемых на экономическую помощь другим странам, — одна семнадцатая доля военного бюджета США. И американская помощь четко концентрируется всего на нескольких странах: Израиль, Египет, Колумбия и Иордания. США сегодня не могут ничего предложить многим важным странам. Результат: Вашингтон не смог «уговорить» голосовать за свой проект по Ираку даже такие относительно близкие себе страны, как Мексика и Чили, не говоря уже о Гвинее и Камеруне.

В-шестых, центром приложения американской силы стала не Западная

Европа и не Восточная Азия (подлинные силовые центры мира), а прежде маргинальный Средний и Ближний Восток — от Бишкека до Йемена, от Каира до Исламабада. По существу, это означает, что Америка взваливает на себя ношу, которая никому не по плечу (демократизация арабского мира, индустриализация кочевых народов, построение наций на месте племенных союзов и т. п.). При этом американцы помогают Египту и Иордании с непосредственной целью предотвратить их помощь палестинцам, сокрушить демократическое движение в этих странах, обеспечить их связи с дружественными американцам феодалами Персидского залива. Может быть, в этих усилиях и можно увидеть благородную цель, но едва ли реалистичную. Ведь большая стратегия — это всегда создание шкалы приоритетов; а такая шкала, на которой исламский Восток значит для Америки больше Европы, едва ли делает честь самим стратегам. Мудрое ли это приложение американской мощи? Не важнее ли Ближнего Востока достижение дружественности с Россией, с Китаем, с Индией? Попытка укрепить гло-

бальное лидерство посредством активизации на Ближнем Востоке — иллюзия или неверный расчет. Имперские увертюры в арабском мире способны лишь ослабить США в ключевой евро-восточноазиатской зоне.

В то же время Западная Европа после окончания «холодной войны» все меньше нуждается в американской военной защите. Даже на Балканах — в Боснии, Косове, Македонии. Она создает вооруженные силы ЕС вопреки очевидному сопротивлению Америки.

В-седьмых. Ярость 11 сентября 2001 г. исключила резонный, обстоятельный и уравновешенный анализ терроризма. Неоконсерваторы неистово, республиканцы энергично, демократы вольно-невольно *обязаны* в сложившейся морально-психологической обстановке стремиться к почти спонтанным силовым решениям, соглашаясь увидеть в Саддаме Хусейне некие дьявольские черты. Одно дело быть настороже, трезво-обеспокоенным, а другое — сводить стратегию к битве с практически невидимым врагом. Именно в этом и заключается сила терроризма — в подталкивании к иррациональным решениям, к эмоциональному всплеску вместо хладнокровного анализа.

При этом американцы, судя о других, с легкостью относят чеченский терроризм к сепаратизму. Если это так, то нечто другое, чем терроризм, можно без особого труда увидеть в колумбийской гражданской войне, в палестинской интифаде, в столкновении племен Афганистана, в иракском котле противоречий. И «перенос войны на территорию противника» (слова президента Буша-младшего) в Центральной Азии открыт для критики: военное присутствие вооруженных сил здесь (как и в Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и др. местах) *увеличивает степень угрозы и американским интересам и американскому военному персоналу.* Многим американцам неясно, как «расширение системы американских военных баз может предотвратить террористические атаки на США»[1]. Американскому обозревателю Уильяму Пфаф-

[1] *Schwenninger S.* Revamping American Grand Strategy («World Policy Journal», Fall 2003, p. 6).

фу, в частности, непонятно, «уязвимы ли базы «Аль-Кайды» с баз в Центральной Азии?»[1].

Могут ли США позволить себе боевые действия не против Ирака (23 млн жителей), а против Ирана (60 млн жителей)? Изоляция Ирана или КНДР может лишь стимулировать усилия по обретению ядерного оружия.

СОХРАНИТСЯ ЛИ СТРАНА

Америка в течение первого столетия своего независимого существования справедливо воспринималась как продолжение Британии. Америка делила с ней

единство по расе, религии, этничности, ценностям культуры, богатству, политической традиции. Америка стала продолжательницей *общеевропейских* традиций между Гражданской и Первой мировой войнами (1865—1914 гг.). Но в этот период англосаксонской Америке удалось ассимилировать три вторгшихся новых компонента — ирландский, германский и славянский. Период сознательного сокращения иммиграции продолжался между 1920 и 1965 гг. Англосаксонская культура и сопутствующее ей кредо либеральных свобод сумели пережить эти испытания. И вот после ослабления иммиграционных препон в Соединенные Штаты после 1965 г. хлынул поток иммигрантов, среди которых никак не преобладали европейцы.

[1]*Pfaff W.* More Bases Won't Curb Terrorism («International Herald Tribune», August 2, 2003).

ЧАСТЬ III
СИЛЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

БЛАГО ЛИ АМЕРИКАНСКОЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО?

Если стратегия «сдерживания» более полувека назад помогла Америке стать «осью» мирового развития, то неоконсервативная стратегия (которую нередко называют «мускулистой») грозит расколом Запада, вступлением Вашингтона в безвыигрышную гражданскую войну мусульман, отчуждением России и Китая, что не может в конечном счете не грозить истощением гиганта Запада, как минимум, по двум причинам: американский рынок становится *все менее значимым;* растет зависимость США от внешнего капитала. При этом не забудем и колоссального внутреннего неравенства: 1 % населения в США владеет богатствами большими, чем 95 % населения страны. Преступность — более 15 тысяч человек убивают в США ежегодно. В тюрьмах страны находится четверть заключенных мира. 40 % американцев не имеют страхования по здоровью[1]. Когда американские лидеры говорят о «расширении зоны свободы», они должны помнить об особенностях своего общества, претендующего на то, чтобы быть моделью. Гегемония Америки может затормозить многие процессы, но она не может сдержать мировой эволюции. Новый порядок поднимается в неожиданных местах и обретает никем не ожидаемую скорость. Совершенно неожиданно американцев не пригласили на встречу АСЕАН+3, куда входят члены Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, Китай, Япония и Южная Корея. Этот блок имеет все возможности затмить не только США, но и НАФТА, объединяющую

[1]*Prestowitz C.* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 39.

США с Канадой и Мексикой. Так рождается новая архитектоника мира.

А ведь совсем недавно Вашингтон был уверен в своих тихоокеанских позициях. Он использовал организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) для сдерживания азиатского обособления, блокирования азиатского противопоставления экономической мощи Азии фантастическому исполину — Северной Америке. Едва ли в сторону сближения с США происходит региональное сближение Южной Америки. И даже в недавно немыслимой сфере военного соперничества с Соединенными Штатами обозначился своего рода прорыв: Европейский союз, значительно более населенный, чем США, начинает создавать свою военную систему. В ЕС уже существуют органы военного планирования,' здесь формируются силы быстрого реагирования. Европейская спутниковая система «Галилео» посягает на американскую монополию глобальной спутниковой связи.

Но более всего американских военных обеспокоило участие в проекте

«Галилео» Китая — не только самой быстрорастущей страны, но и растущего конкурента в высокотехнологических сферах. КНР сотрудничает в космосе и с Бразилией, и с Россией. Исключительное впечатление вызвало в США согласие Китая принять у себя российские войска для проведения совместных учений. Пятнадцать лет назад представить себе военные учения без участия — при откровенном игнорировании — Соединенных Штатов было трудно. Сейчас создание торговых и военных блоков без американского участия стало реальным фактом жизни. В сторону от декларируемой американцами линии поведения идут Европа, Китай, Россия, Латинская Америка. Грубой военной силы оказалось недостаточно для контроля над миром.

Исключительное могущество Соединенных Штатов, возможно, было бы великим благом для человечества, если бы высшей целью американского государства было создание модели человеческого общежития по примеру того библейского «города на холме», о котором мечтал первый губернатор Массачусетса Джон Уинтроп в 1630 году. Если бы, достигнув преуспеяния (во многом благодаря междоусоб-

ным войнам конкурентов), Соединенные Штаты обратились к «менее счастливому» миру, лишенному экономических и социальных стандартов североамериканского гиганта, с помощью и состраданием, а не с яростным желанием продлить свою гегемонию бесконечно, даже если для этого потребуется — как этого требует провозглашенная в сентябре 2002 г. новая доктрина национальной безопасности США — наносить «предваряющие удары» там, где национально-эгоистичное руководство Америки узрит для себя *потенциальную* опасность.

Вся суть в том, что для американского правительства главенствующим надо всем благом является *их* безопасность, и ради достижения своей безусловной безопасности оно готово буквально на все. Но для огромного мира, для 95 % мирового населения, корчащегося в конвульсиях выживания, социального неравенства, экономической отсталости (обеспечения *питьевой водой,* в конце концов), безопасность некой процветающей страны, продление ее всемогущества на невообразимое время в будущем *не может быть поддерживаемой обществом целью.*

Для характеристики проблемы «блага или зла» Америки для мира как нельзя лучше подходят слова патриарха американской дипломатии Г. Киссинджера: «Как только держава достигнет всех своих целей, она будет стремиться к достижению абсолютной безопасности... Но, поскольку абсолютная безопасность для одной державы означает абсолютное отсутствие безопасности для всех других, она... может быть достигнута лишь посредством завоевания»[1]. По этому пути и устремились Соединенные Штаты, посягая при этом на суверенитет других народов, что неизбежно превращает юношеское восхищение в твердую самозащиту зрелых людей и обществ.

К любому явлению можно относиться как к незрелому и эфемерному, но противостояние *любой* гегемонии являет собой самую устойчивую черту мировой истории. Индивидуумы и нации жаждут самореализации, а не сервильной ус-

[1] *Kissinger H.* A World Restored: Castlereagh, Metternich and the Restoration of Europe, 1812-1822. Boston, 1957, p. 144—145.

тойчивости, они более всего ценят свободу, а не лакейскую сытость. Тому, кто не согласен с тем, что это главенствующая черта мирового процесса, придется еще в этом убедиться.

Много лет спустя после окончания вьетнамской войны экс-министр обороны США Р. Макнамара обедал с президентом Вьетнама. Тот повернулся к министру

и задал заветный вопрос: «Разве вы не понимали, что мы сражаемся за национальную свободу? Никто из вас не читал историю Вьетнама? Вы что, не знали, что мы 1000 лет сражались за свою свободу с Китаем?» Нет наций, рожденных подчиненными, и светлая вера американцев, что они лучше знают, что нужно филиппинцам, вьетнамцам, афганцам, иракцам (и далее по списку), очень быстро превращалась — и *всегда* будет превращаться — в темную тоску непонимания очередной страны, предпочитающей свободную нищету экспериментам американских всезнаек. Как пишут в широко обсуждаемой сейчас на Западе книге о неприятии оксидентализма И. Бурума и А. Маргалит, «отторжение всего, что люди ассоциируют с Америкой, чрезвычайно сильно. Оно привлекает радикальных последователей ислама к политизированной исламской идеологии, в которой Соединенные Штаты являют собой инкарнацию дьявольского зла. Оно разделяется национально думающими китайцами — да и всеми прочими частями незападного мира»[1].

Америку не любят за разное. Немало тех, кто с неодобрением относится к глобальному распространению американской культуры и корпоративной мощи. Романтические поэты ненавидят коммерциализированный мировой метро-полис, традиционалисты презирают сексуальную свободу, трудящиеся страдают от превратностей капиталистического цикла развития и от жестокой конкуренции. Огромное крестьянское большинство мира слепнет от ярости к сверхэффективным производителям Канзаса и Айовы, обесценивающим их труд. Но наиболее разделяемо всеми чувство ограниченности своего суверенитета на фоне всеобъемлющей заботы Америки о своей безопасности.

[1] *Buruma I. and Margalit A.* Occidentalism. The West in the Eyes of Its Enemies. New York: The Penguin Press, p. 2004, p. 4—5.

Глава 12
АТЛАНТИЧЕСКИЙ РАЗВОД

Старый Атлантический союз был основан на обстоятельствах, которых более не существует: военная взаимозависимость союзников, согласие относительно условий использования силы и убежденности государств-членов, что в условиях кризиса союзники от начала до конца будут стоять друг за друга. Новый Атлантический союз, если его воссоздадут, станет покоиться на *параллельных* (если они будут найдены и утверждены) интересах и на обоюдной способности абстрагироваться от очевидных противоречий.

Если спросить американцев, какой должна быть Европа, те немедленно начнут размышлять, что Европа *должна сделать.* Американцы ставят перед собой цели. Европейцы же всегда предпочитают рассуждать о своей *идентичности.* Более того, говоря о будущем, американцы стремятся определить отношение Западной Европы *к Соединенным Штатам:* партнер, противовес, альтернативная система ценностей. Американское видение будущего Европы неотделимо от анализа будущего американо-европейских отношений. Европейцы же смотрят на европейское развитие как на таковое. Они все более решительно не хотят жить в монополярном мире. Вот как выразил эту идею французский президент Жак Ширак: «Любое сообщество с одним доминирующим центром всегда представляет собой опасность, вызывая реактивные тенденции. Вот почему я предпочитаю многополярный мир, в котором Европа, вполне очевидно, будет иметь собственное место»[1].

НОВАЯ НЕПРИЯЗНЬ

В Западной Европе всегда считали, что Американская империя заместила империю Британскую довольно грубо, очевидно грубым образом Вашингтон

сокрушил ис-

[1]Time». February 24, 2003, p. 33.

панское влияние в Латинской Америке. Исторически Соединенные Штаты воевали практически со всеми западноевропейскими странами. И подъем Америки произошел во многом потому, что Атлантический океан оберегал молодую американскую республику от ссорящихся между собой европейских держав. А затем США непосредственно нажились на двух мировых войнах в Европе. Поэтому ухудшение отношений не является неким «отходом от столбовой дороги».

Добавим к этому, что Вашингтон, себялюбиво отстаивая собственные интересы, никогда не пытался выработать долгосрочную стратегию в отношении Европы. За исключением нескольких центров на Атлантическом побережье, в Соединенных Штатах решительно победила мегаломания мировой гегемонии; разрешение региональных проблем оставили дипломатическим и военным проконсулам. Чем должна быть Европа после колоссальных сдвигов 1989—1992 годов — этим американские геополитики не озаботились. Им, видимо, легче было пустить дела на самотек и рассчитывать на благодарность «спасенных от Сталина» европейцев. Американцы «вполглаза» увидели новые европейские проблемы, только когда во всей лютости заполыхал огонь на Балканах к середине 1990-х годов.

Но и во времена «военного возвращения» на Балканы, во времена Дэйтона американское руководство не поставило перед собой вопрос: какой отныне будет эволюция Европы, каким будет европейское отношение к глобальной военной политике Америки? В Вашингтоне и после 11 сентября не нашли решения проблемы, каким может быть фактор поддержки (или ее отсутствия) в американо-европейских отношениях.

После окончания «холодной войны», и особенно с неоконсервативной революцией, в Соединенных Штатах межатлантическое взаимопонимание стало весьма сложной проблемой. Провозглашенная в 2002 г. «доктрина Буша», по мнению Стэнли Гофмана, «создала пропасть между Соединенными Штатами и их союзниками. В своих базовых основаниях изменилась — изменилась значительно больше, чем предполагают в Европе, — американская концепция между-

народных отношений и внешней политики»[1]. В видении имперского Вашингтона, Европейский союз должен был быть привилегированным партнером Америки, «подчищающим» огрехи лидера. 2003 год стал *annus horribilis* для атлантических союзников. Аналитики по обе стороны Атлантики признают, что «ярко выраженное большинство европейской общественности посредством опросов и демонстраций на улицах выразило свою враждебность американской политике в Ираке»[2].

Война в Ираке обрисовала новую роль, предназначаемую американцами для Брюсселя, — роль потенциального имперского соперника. Эта война окончательно изменила господствовавшую прежде парадигму «холодной войны», в которой Америка представала абсолютным протектором Европы. Новые члены Европейского союза попытались сохранить эту надевропейскую роль Вашингтона, но «старые» члены ЕС решительно осадили атлантических неофитов (особенно резко прозвучали слова президента Ширака). Строго говоря, Ирак не является *причиной* межатлантической размолвки, он является *симптомом* глубинных процессов, уводящих регионы Северной Атлантики друг от друга. В основе разногласий лежат различия относительно видения и интерпретации наиболее важных глобальных процессов, относительно употребимости мощи в международных отношениях, относительно роли вооруженной силы,

относительно степени совместимости американских и европейских глобальных интересов.

Многие американцы предпочли увидеть в реакции европейцев на Ирак проявление черной неблагодарности — ответ на освобождение в ходе Второй мировой войны, на «план Маршалла», на защиту от СССР, на объединение Германии.

Многим не верилось в возможность реальной межатлантической размолвки. Американский исследователь ат-

[1]*Hoffmann S.* The crisis in transatlantic relations. In: Lindstrom G. (ed.). Shift or rifr. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 13.

[2]*Lindstrom G.* (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 7.

279

лантизма Дэвид Гомперт утверждает, что «реализация идей межатлантического противостояния могла бы произойти лишь в случае политических ошибок *библейских* пропорций, совершенных по обе стороны Атлантики». Но уже на раннем этапе межатлантического кризиса по поводу Ирака Генри Киссинджер предсказал «катастрофические последствия для Атлантического альянса»[1]. Это был верный анализ, европейские лидеры весьма жестко обозначили свою позицию. Теперь система евро-атлантических отношений должна была бы быть перестроена с самых начальных элементов. И строить будет сложно, так как нелегко представить себе, как «строители» уберут руины прошлого, мешающие новому выяснению отношений.

ФРАНЦИЯ

Так, символом «черной неблагодарности» стал французский президент Жак Ширак, который использовал дарованное некогда место постоянного члена Совета Безопасности ООН для обструкции американского курса в отношении Ирака. Он открыто назвал действия Америки, бросившей на Ближнем Востоке вызов всему мировому сообществу, *«незаконными».* Ширак постарался придать Европе роль судьи и прокурора. Ширак «унизил и ослабил позиции наиболее уважаемой личности в Соединенных Штатах - Колина Пауэлла»[2]. Ирак покончил с упорной версией о том, что, несмотря на все двусторонние противоречия, французы в случае крайнего развития событий все же встанут рядом с американцами. Как это было во времена де Голля, когда разразился Кубинский кризис и французы пообещали полную поддержку Соединенным Штатам. На этот раз они ничего не обещали.

[1]*Kissinger H.* Role Reversal and Alliance Realities («Washington Post», February 10, 2003.

[2] *Gompert D.* What does America want? In: Lindstrom G. (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 46.

280

Ширак провозгласил в качестве цели создание «многополярного мира, в котором Европа станет противовесом американской политической и военной мощи»[1]. Бывший германский канцлер Гельмут Шмидт заявил, что его страна и Франция «едины в общем желании противостоять гегемонии нашего могущественного союзника, Соединенных Штатов»[2]. Ответственный за внешнюю политику Европейского союза Крис Паттен открыто призвал Европу стать «серьезным игроком на мировой арене: серьезным противовесом Соединенным Штатам». Итальянский премьер Сильвио Берлускони убежден, что «Европа перестанет смотреть на Соединенные Штаты как лицо подчиненное»[3]. Даже более дружественные к США британские комментаторы считают, что «Америка владеет слишком большой мощью, это не приносит ничего хорошего никому, включая ее саму»[4].

Эту мощь Америка продолжала развивать и в мирное время после окончания

«холодной войны», когда казалось, что военная мощь уже не потребуется и европейские страны резко уменьшили военные расходы — а США продолжали тратить гигантские суммы на военное технологическое обновление.

ГЕРМАНИЯ

В то же время официальный документ ЕС о европейской безопасности настойчиво утверждает, что «ни одна отдельно взятая страна не способна в одиночку решить современные сложные проблемы. В мире глобальных угроз, глобальных рынков, глобальных средств массовой коммуникации наша безопасность и процветание зависят от эффективной многосторонней системы. И фундаментальным

[1] *Ferguson N.* The Price of America's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 227.

[2] *Glennon M.* Why the Security Council Failed («Foreign Affairs», May/June 2003, p. 16-31).

[3] «Financial Times», July 1, 2003.

[4] «New York Times», April 9, 2002.

основанием международных отношений является Хартия Объединенных Наций»[1].

Две стороны разошлись в представлении о суверенитете. «Соединенные Штаты менее склонны, чем европейцы, уважать суверенитет государств, особенно если его внутренняя репрессивная политика подлежит осуждению»[2]. Американский порог вмешательства во внутренние дела *занижен* по сравнению с европейским. Европейская боязнь быстроты, с какой Соединенные Штаты вторгаются во внутренние дела других стран, является частью общей боязни всевластия Америки. Превентивная война самой могучей державы современности против многократно более слабых стран буквально ужасает европейцев. Этот ужас европейцев перед мессианской решимостью Америки очевиден. И это противостояние имперскому всевластию не может быть подано как французская претенциозность и германское новое властное чувство. Европейцам претит и американское желание стимулировать раскол Европы на своих клиентов и своих противников.

Речь идет не о мнении брюссельских чиновников, на этот раз антиамериканизм выплеснулся на европейскую улицу. В популярной прессе и на европейском телевидении Америка едва ли не впервые была в массовом масштабе показана как жаждущая лишь власти и высокомерная — черты, которые едва ли укрепляют лидерство. Негативные чувства укрепили военные угрозы. Имея незначительные потери на этапе завоевания Ирака, Америка и вовсе потеряла сдерживающие начала. Как пишет Дэвид Гомперт, «американская поддержка Израиля видится в некоторых европейских штаб-квартирах как главная причина враждебности арабов и мусульман в целом, доказательством того, что еврейский заговор контролирует американскую по-

[1] *Solana J.* Europe and America: partners of Choice (Foreign Policy Association, New York, May 7, 2003, p. 9).

[2] *Gompert D.* Legitimacy and World Politics (In: *Lake A. and Ochmanek D.* — eds. The Real and the Ideal. New York: Rowman and Littlefild Publishers, Inc., 2001.

литику и именно он послужил причиной вторжения в Ирак»[1].

У европейцев, убедившихся в отсутствии у Саддама Хусейна оружия массового поражения, сложилось неколебимое чувство, что Америке отныне доверять нельзя. Более всего покоробила американских стратегов не Франция — привычный недруг. Таковым в случае с Ираком стала Германия.

Первой реакцией американцев на резкую антиамериканскую позицию канцлера Гельмута Шредера стало недоумение. Не с американской ли помощью была восстановлена Германия? Защищена от вечно подозрительных соседей и в конечном счете воссоединена, вопреки позиции Британии и Франции? Наследник

Аденауэра и Коля занял антиамериканскую позицию? Американцы вынесли немало ссор с Парижем, но с германской столицей у них практически всегда была гармония. До событий в Месопотамии.

Противоречия с Германией оставили более глубокую отметку в Вашингтоне. С Францией у американцев было много противоречий, но с Германией — да еще по поводу применения силы — первое подобное столкновение. Американская сторона постаралась представить дело так, что канцлер Шредер занял резко антиамериканскую позицию ввиду предстоящих выборов, стремясь использовать растущий антиамериканизм избирателей. Самый неожиданный — германский фактор — оказался самым болезненным.

Дело касается не только Белого дома и Капитолия; впервые массовый американский избиратель ощутил «холод измены» со стороны всегда прежде верных немцев. А как могло быть иначе? Молодое поколение немцев не помнит американского прорыва блокады Берлина, американского опекунства в период принятия ФРГ в Североатлантический союз, твердой поддержки Бушем-старшим процесса объединения Германии (в условиях, когда Миттеран и Маргарет Тэтчер противились этому).

[1]*Gompert D.* What does America want? In: Lindstrom G. (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 48.

Особенно отчетливо новая линия Берлина прозвучала во время европейского визита президента Буша-младшего в феврале 2005 г., когда германский канцлер заявил, что традиционные рамки Североатлантического союза «непригодны для обсуждения межатлантических противоречий». Это знамение новой эпохи в межатлантических отношениях. Эти слова стали знаковыми, как и оценка американского вторжения в Ирак как «авантюры».

Теперь американцы твердо знают, что под тонкой пленкой внешней приязни кроется жесткое неприятие системы американской опеки, американского одностороннего всевластия. «Ирак или другая причина, но связи между европейцами и американцами уже не являются ни особыми, ни неколебимыми. Враждебность новой политики по обе стороны Атлантики будет препятствовать любым попыткам восстановить старые связи, укрепить новое партнерство»[1].

Ирак воспламенил европейскую обеспокоенность безрассудством Соединенных Штатов; он же укрепил американских неоконсерваторов в убеждении, что европейские союзники ненадежны. Образ неготовой оказать поддержку Европы стал в Америке общеупотребимым. Несопоставимое военное могущество Америки сделало ее гораздо менее чувствительной к пожеланиям европейцев, среди которых возросла нервозность относительно нечувствительности янки.

К тому же европейцы не разделяют американского тезиса о «неразделимости угрозы», как далеко она ни находилась бы. Для европейских столиц Ирак находится слишком далеко, и происходящее здесь никак не воспринимается в качестве неминуемой актуальной опасности. Азиатские угрозы не воспринимаются как европейские угрозы. Так стало не так уж давно. Из войн последних пятнадцати лет европейцы принимали участие в столкновениях в Кувейте, Боснии, Косове, Афганистане, Ираке — европейцы (разумеется, не все) отвергли лишь последнюю. У европейцев нет

[1] *Gompert D.* What does America want? In: Lindstrom G. (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 48.

экспедиционных сил по всему миру, которые могли бы быть мишенью и своего рода заложниками.

Опрос депутатов британской палаты общин показал, что 87 % ее членов проголосовали бы за Джона Керри и лишь 2 % были довольны переизбранием

президента Буша. Почти общепринятой стала точка зрения, что Европа и Америка стали просто слишком различны для продолжения сохранения их союза времен «холодной войны».

АМЕРИКАНСКОЕ ВИДЕНИЕ

Многое в поведении американцев объясняет (и объяснит в будущем) простое историческое везение. Россия сама обрушила свою мощь. Япония, казавшаяся всемогущей в 1980-е годы, погасила свой порыв. Китай еще не встал на собственные ноги. Европейский союз пока занят сугубо внутренними проблемами, в решении которых они видят предпосылки своего мирового возвышения. Руководимое американцами НАТО было занято преимущественно приемом новых членов, а не выработкой новой — мировой роли. Американцев воодушевляло то обстоятельство, что в пяти конфликтах после окончания «холодной войны» (война в Заливе, Босния, Косово, Афганистан, Ирак) американские вооруженные силы потеряли менее 1 % своих потерь во Вьетнаме — 500 против 50 000). Относительная незначительность потерь как бы подсказала Пентагону, что союзники относительно не важны.

Америка осознает, что изоляционистское прошлое осталось позади, что глобализация и резко выросшие американские интересы делают мировую роль Америки практически неизбежной. Появление в стране некоего американского Горбачева немыслимо. Как традиционный истеблишмент, так и мощное движение неоконсерваторов преследуют интернационалистские цели. И — ради своего внешнеполитического могущества — Америка нуждается в Европе, причем в *открытой* Европе. Только так Соединенные Штаты могут совладать в растущим миром Азии, где многое обещает борьбу: ядерный статус КНДР, неясность дальнейшей эволюции Японии, сепаратизм огромной Индонезии, террори-

стическая инфильтрация Юго-Восточной Азии, спор между КНР и Тайванем. Главное: если будущее во многом определится ростом континентального Китая, а США будут продолжать свою ближневосточную увлеченность, то только кумулятивная мощь солидарной Европы может сохранить общее преобладание Запада в мире, где миллиарды людей живут в состоянии исключительной бедности. Обе политические партии в США и неоконсервативное движение ныне признают, что неразвитость, коррупция и правительственное насилие в бедных странах создают среду, порождающую столь пугающий американцев терроризм.

Явит ли Европа собой в будущем геополитического соперника или союзника США? Прежде американцы были убеждены, что *европейская интеграция* гарантирует возобладание в Брюсселе дружественных проатлантических элементов, ныне эта уверенность несколько увяла. После окончания «холодной войны» американцы предпочитают «углублению» интеграции ее «расширение», распространение на центральноевропейские и восточноевропейские страны. Вместо прежней «слепой поддержки» возникает *обусловленная* поддержка.

В дальнейшем на прежнее геополитическое везение американцам полагаться не следует, оно не вечно. Даже сугубо проатлантические круги признают, что «величайшей угрозой американской поддержке углубления европейской интеграции являются заявления европейских лидеров относительно того, что главной миссией Европы является создание контрбаланса мощи Америки»[1].

В Соединенных Штатах видят сложности интеграционного процесса, несомненные трудности гармонизации увеличившейся единой Европы. Америку определенно *радует* то обстоятельство, что военная интеграция ЕС затормозилась, а восточноевропейские государства оказались проатлантическими неофитами. Совокупные военные расходы в Европейском союзе составляют 432 долл. в год на человека;

[1] *Gompert D.* What does America want? In: Lindstrom G. (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 61.

а в США — в три раза больше — 1271 долл.[1]. И в дальнейшем Вашингтон, вне всяких сомнений, будет использовать свое военное превосходство. Но США *пока* продолжают оказывать поддержку европейской интеграции, уже почти автоматически — и надеясь на новый атлантизм свежеприбывших членов интеграционного процесса, таких, как Польша, Венгрия и др. И все же: партнер или противовес? Не являемся ли мы свидетелями формирования нового, более агрессивного *европеизма* ?Не станет ли союз с Америкой вовсе не обязательной альтернативой?

Надежды американцев покоятся на том, что США и ЕС вместе живут в «золотом миллиарде» и на порядок превосходят все другие регионы по уровню благосостояния и комфорта. Вместе им не страшны Япония и Китай. Эмбрион европейских сил быстрого развертывания замедлил свое развитие, что вызвало несомненное облегчение в США. Интеграция ослабила свой порыв тоже. Жесты Соланы, Паттена и других «спешащих» европейцев оказались фактически несоответствующими замедленному ритму европейской интеграции.

Отдавая дань реализму, следует отметить, что будущее американо-европейских отношений будет зависеть (в американском видении) от *степени способности помочь* Соединенным Штатам в продвижении своих имперских интересов. В Вашингтоне уже осознали, что они не могут рассчитывать на автоматическую солидарность европейских стран просто как выражение некой благодарности за «план Маршалла» и т. п.

Нельзя сказать, что в Соединенных Штатах не видят этой новой неприязни европейцев, особенно после Ирака. Влиятельный американский журнал пишет: «Редко бывает, чтобы европейское общественное мнение было столь монолитно негативным в отношении не только американской политики, но и американского характера, особенно представленного президентом Дж. Бушем-младшим»[2].

Но черный сентябрь усугубил американское своеволие и, соответственно, отличие во взглядах с европейцами. Ос-

[1] The Military Balance 2002-2003.

[2] *Waldron A.* Europe's Crisis («Commentary», February 2005).

новное отличие американского видения от европейского заключается в представлении о «неделимости» основных угроз, о глобальном характере опасности — откуда бы ни исходили угрозы — из Азии, Ближнего Востока или Европы. Прежние угрозы — со стороны Советского Союза — были согласованы и взаимоприемлемы; новые служат могучим *разделяющим фактором.* Стороны согласны, что средства массового поражения опасны, но там, где американцы явственно обеспокоены, европейцы не испытывают опасений. В широком смысле это понятно: европейцы не имеют глобальных обязательств, а Соединенные Штаты сознательно берут их на себя. США же зависят от представления своих потенциальных противников о готовности Вашингтона всеми доступными средствами защитить свои заграничные легионы. Европейцы, может быть, и опасаются создаваемого в других регионах ОМП, но спокойны до той поры, пока это оружие не угрожает непосредственно Европе.

Разительные перемены произошли в американском видении Европы. Вот основные моменты этого существенного изменения в мировидении.

1) Приоритет межатлантических отношений над всеми прочими, характерный для предшествующего полустолетия, изменился ввиду резко возросшей для США значимости Ближнего Востока и Восточной Азии. Поворот начался издалека: еще при президенте Буше-старшем проблема воссоединения Германии была самой приоритетной в мире 1989 года. Но уже в следующем году центр внимания

сместился в район Кувейта, оккупированного Саддамом Хусейном. Глядя на Европу 1990-х годов, американцы видели только югославский кошмар и неспособность европейцев выйти из него без американской помощи. Но революцию произвел Буш-младший, для которого не атлантический альянс, а битва с терроризмом стала центром внешнеполитического фокуса.

2) Новая стратегическая доктрина США («доктрина Буша») была ярчайшим отходом от главенствовавшей с 1947 г. «доктрины сдерживания». Теперь американцы грозили не только отдельным организациям, но и суверенным государ-

ствам в случае несогласия с ними — тезис, неприемлемый для большинства европейцев.

3) Америка провозгласила односторонность как свой заглавный принцип: отношение к Киотскому протоколу, к Договору о противоракетной обороне, к Гаагскому международному суду — тоже разрыв с принципами, главенствовавшими с 1947 г.

4) Подготовка и вторжение в Ирак в 2003 г. были проведены без малейших контактов с НАТО, с европейскими союзниками. Именно на этапе подготовки начался спор с Францией и Германией — новые существенные обстоятельства межатлантических отношений. Североатлантический союз был «отодвинут» в сторону и потерял значение центра координации межатлантических отношений. Именно на этом этапе министр обороны США Доналд Рамсфелд отделил «старую» Европу, ставшую непокорной, от «новой», более готовой следовать проамериканским курсом.

5) Американцы заявили, что теперь будут создавать «коалиции желающих», противопоставляя их неудобным старым блокам. Теперь Вашингтон не чувствовал нужды в уговаривании строптивых союзников, он развязал себе руки. И Европа увидела не «одного из своих», а своенравного гегемона.

6) Неоконсерваторы в Белом доме, Пентагоне и госдепартаменте отныне не считали нужным дипломатично скрывать свое возмущение «оголтелым антиамериканизмом» Франции, традиционной неприязнью голлизма, нежеланием Германии увеличить свой военный бюджет и посылать войска за пределы действия блока НАТО, неясным характером франко-германского союза.

7) Вперед вышли идеологи типа Роберта Кагана, готового сатирически подойти к «женоподобной» Европе с ее комплексами утерянного величия и жертвенности. Гедонизм европейцев стал ежедневным дискурсом американских средств массовой коммуникации, ирония заменила солидарность. От Европы перестали чего-либо ждать. «Уолл-стрит джорнэл»: «Европейцы были менее полезны в ведении войны в Афганистане, чем узбеки, казахи и пакистанцы»[1].

[1] «Wall-Street Journal», February 5, 2002.

8) Если Европа сохранила лояльность в отношении ООН, то Америка после 11 сентября стремительно ее теряла. Возглавлявший Отдел планирования Государственного департамента Ричард Хаас: «Когда ООН не может предотвратить прямую угрозу, мы сохраняем за собой право действовать в не столь всеобъемлющем организационном окружении, скорее в ad hoc коалиции желающих участвовать в данном предприятии. Ни одна организация, включая ООН, не имеет монополии на легитимность; легитимность зависит в основном от рационального подхода к действиям»[1].

Использование силы, за исключением случаев очевидной самообороны, видится в Европе как *последнее средство—и* только в том случае, если оно санкционировано Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Именно так определил ситуацию Европейский совет накануне вторжения

американцев в Ирак в феврале 2002 года. «Война не неизбежна. По контрасту с массивной видимой угрозой «холодной войны» ни одна из *новых* угроз не является по характеру чисто военной; и она не может быть блокирована чисто военными средствами. Сила должна быть использована только в крайнем случае, как последнее возможное средство»[2].

Совершенно иначе отреагировал на ход событий американский истеблишмент. Господствующие в нем неоконсерваторы типа Ричарда Перла свели европейскую позицию к признанию своей технологической слабости и военной ущербности: «В случае с Европой обращение к военной силе является даже не последним средством вследствие того, что европейцы имеют столь малые военные возможности, что это практически исключает их эффективное вмешательство в ход дел. Мир, который обеспечит справедливость и возможности для каждого, будет более безопасным для Европейского союза и его граждан. Предваряющее вторжение может исключить более серьезные проблемы в будущем. Первая линия нашей обороны будет за границей. Мы долж-

[1] *Haas R.* Sovereignty: existing rights (Georgtown University, January 14, 2003).

[2] Conclusions of the European Council, Brussels, February 2003.

ны быть готовы действовать в условиях, когда все правила потеряли смысл»[1]. Американцы категорически не соглашались с европейской оценкой событий весны 2003 года в Ираке как реализации желания овладеть нефтью и стремления колонизовать регион.

Атлантическая политическая культура рухнула. Доверие к НАТО поколеблено, традиционная риторика в этом отношении не работает. Американцы требуют непосредственного участия во всех важнейших дискуссиях Европейского союза. Дихотомия возникла немедленно: «предваряющий удар против предотвращения конфликта», «государства-парии против государств, попавших в катастрофу», «основанный на силе против основанной на законе международной системы», «изменение режима против хорошего правления», «национальный интерес против эффективной многосторонности», «международная стабильность против торжества демократий». И легальные, и этические проблемы разделили два региона Запада, как никогда прежде. Возникли буквально два полюса. Германия и Франция стоят на полюсе необходимости возвращения прерогатив Организации Объединенных Наций, а США и Британия — на полюсе революционного ниспровержения «устаревших правил и организаций». Но при этом все они — от Блэра до Шредера, от Петтена до Соланы — так или иначе напомнили Вашингтону об ограниченности ценности односторонних действий, об опасности чисто военных действий в борьбе против терроризма и о непреходящей ценности коллективных действий. Даже в странах, решивших поддержать Америку, массовое восприятие стало меняться в противоположную от американской точки зрения.

В Британии поддержка американских действий уменьшилась за время самой начальной, победной фазы войны с 75 до 50 %; в Италии - с 70 до 34 %; в Польше с 80 до 50 %; в Италии и Испании — с 70 до 34 %[2].

[1] *Perle R.* Is the United States the only institution that can legitimize force? («New Perspectives Quarterly», Spring 2003, p. 11).

[2] International poll carried out by The Press Research Center for the People and the Press, published on May 29, 2003.

В результате развития новых процессов ослабла прежде неколебимая поддержка Америкой европейской интеграции. Принятие десяти новых членов, государств — участников ЕС было, может быть, последним актом безоговорочной поддержки. Теперь официальный Вашингтон уже не идет слепо по дороге поддержки, но гораздо более внимательно следит за различными

аспектами интеграционного процесса. Критическими стали вопросы, где будет вырабатываться европейская внешняя политика, какие государства имеют определяющее влияние, кто может быть использован в качестве тормоза на пути неблагоприятных аспектов европейского самоутверждения. Особое внимание американцев отныне обращено к военным аспектам европейской интеграции — здесь европейское продвижение вперед явственно уменьшает главное оружие Америки — ее абсолютное доминирование в НАТО.

Благоприятность одного обстоятельства трудно отрицать: теперь американской стороне ясно, что без общего пересмотра приоритетов и структур *нельзя* молча использовать НАТО — инструмент «холодной войны» — в качестве подсобной структуры всемирной американской гегемонии. Это предполагает придание европейскому крылу союза большей ответственности при решении глобальных проблем. Да и региональных — таких, как намеченная Соединенными Штатами немыслимая *демократизация* Ближнего Востока. Американская дипломатия все более отчетливо постигает тот факт, что силовой дипломатии и наличия гигантской мощи *недостаточно.*

Америка стала использовать разногласия между отдельными европейскими странами. Возможно, отчетливее других эту линию воспел Джон Халсмен из «Херетидж фаундейшн»: «Америка обязана постоянно подмечать различия во взглядах внутри Европы и использовать эти разногласия ради формирования «добровольной коалиции» по главным политическим проблемам. Только Европа, не скованная общей дисциплиной, устраивает Соединенные Штаты»[1].

[1] *Hulsman J.* How America sees Europe «Heartland», № 9, 2003.

Существует два подхода к объяснению кризиса в межатлантических отношениях. Первый исходит из некоторых имманентных особенностей двух регионов, а второй — из естественного закона, диктующего развал любой из имеющихся в мировой истории коалиций после того, как цели, связывавшие данную коалицию, либо были достигнуты, либо исчезли.

НОВЫЙ ХАРАКТЕР КРИЗИСА

Роберт Каган предположил, что в случае развития нынешних противоречий скоро названия типа АСЕАН и «Андский пакт» станут более употребимыми в США, чем ЕС. Это крайняя точка зрения. Большинство в США достаточно отчетливо осознают мощь и потенциал Западной Европы и стараются нащупать компромисс.

1) Очевидны особенности. Как пишет уже упоминавшаяся бельгийская «Ле суар», Америка руководствуется «традиционными правилами силовой политики. Она желает уменьшения государственной роли в делах общественных, она боготворит конкуренцию».

В то время как Европейский союз желает жить *по правилам.* Европейцы с презрением относятся к американскому боготворению чудодейственных якобы особенностей рынка и видят большой смысл в обращении к мощи государства ради поддержания жизненного уровня и уравнивания жизненных стандартов. Лондонская «Гардиан»: «Только Европа может предложить жизнеспособный противовес экономической брутальности американского образа жизни»[1]. Европа видит себя просвещенным секулярным обществом, в то время как в американцах она усматривает неисправимых религиозных фанатиков. Так лондонская «Обсервер» именует Дж. Буша не иначе как «президентом Бога».

2) *Второй* подход исходит в том, что в межатлантической ссоре «виноват» не Саддам Хусейн, а окончание «холодной войны», исчезновение восточной угрозы и соответствующее недовольство лидером, взявшим на себя односто-

[1] «Guardian», January 7, 2005.

роннее руководство миром. Это более глубокий подход. Ведь НАТО взяло на себя не только военные, но и политические функции. Именно против этих политических функций выступал генерал де Голль, издалека видевший неумолимое стремление Америки к мировой гегемонии.

Окончание «холодной войны» поставило под вопрос двойную функцию Соединенных Штатов — военная защита и укрепление политического баланса между европейскими странами. Главные европейские страны усомнились в политической функции многолетнего протектора. Даже Турция усомнилась настолько, что не допустила американские войска в Ирак со своей стороны. «Политическая функция реализации политического лидерства в Европе оказалась поставленной под вопрос ввиду парадокса американской стратегии: американская администрация выступила революционной силой в отношении порядка и стабильности на Ближнем Востоке, но исключительно консервативной силой в отношении европейского порядка и трансатлантического статус-кво»[1].

Полувековой давности Североатлантический союз отнюдь не был выражением мирового органического развития. Скорее он был своего рода «великой случайностью», обусловленной неукротимым желанием США навязать Советскому Союзу и Восточной Европе свои правила поведения. Но, даже имея общий военный союз, Западная Европа и Соединенные Штаты испытали на историческом пути немало кризисов: по поводу Суэца в 1956 г.; многосторонних ядерных сил НАТО; выхода Франции из объединенной военной системы; «стратегической оборонной инициативы» президента Рейгана; размещения в Европе «Першингов-2»; деколонизации; продажи оружия.

Во времена «холодной войны» американская политика в отношении Западной Европы базировалась на трех принципах: культивировать трансатлантические связи; поддерживать процесс европейской интеграции; осуществлять стра-

[1] *Gnesotto N.* EU, US: visions of the world, visions of the other. In: *Lindstrom G.* (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 41.

тегическое лидерство в Европе. Как только СССР перестал быть общим противником, противоречия обнажились кричащим образом, отношения стали «нормально» взаимно подозрительными. Эти противоречия были выражением той линии, которая была характерной для американо-западноевропейских отношений со времен достижения североамериканцами независимости, со времен Версальского мира 1783 г. В реальной жизни это стало означать отход США от двух первых (из трех указанных) принципов. Буш-старший еще держался за испытанные принципы. Президент Клинтон ослабил внимание к Европе (она, прежде всего, должна сама решать свои проблемы). И Клинтон, пожалуй, первым испытал трудности переговоров с ЕС по торговым вопросам. Американские военные силы в Европе были ослаблены.

Но подлинный поворот осуществил президент Буш-младший. Его неоконсервативные помощники (о них ниже) смотрели на ЕС и НАТО едва ли не как на вериги, мешающие реализации всемогущества США. Ныне США едва ли не безразличны к культивированию связей с Трансатлантическим регионом и не испытывают энтузиазма в отношении расширения ЕС до 25 стран. Остается *третий* принцип: *доминирование в Европейском регионе.*

Но и Европа изменилась. Новый элемент в геостратегическом уравнении XXI века — Западная Европа *объединилась.* Средней величины державы, объединив свои силы, стали все больше видеться *протосупердержавой.* Стоит только напомнить о диалоге ЕС — Латинская Америка, ЕС — Азия. Европа предпочитает заключать соглашения с менее богатыми, менее развитыми странами. Все это вызывает недовольство американцев, которые называют ее

«всадником, который сам по себе живет хорошо, даже слишком хорошо как паразит Соединенных Штатов. Когда европейцы, защищаясь, упоминают о своих действиях в Македонии, Руанде или Сьерра-Леоне, американские неоконсерваторы только пожимают плечами»[1].

[1]*Hoffmann S.* The crisis in transatlantic relations, in: *Lindstrom G.* (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 17.

Два региона спорят особенно ожесточенно по двум вопросам: уровень угрозы и способ ответа на нее. Когда европейцы начинают противостоять американцам, скажем, на Ближнем Востоке, указывая на мощь нефтяного и еврейского лобби, в Штатах начинают вспоминать об антисемитизме режима Виши, попытку заменить собственной «grobpolitik» прежнюю свою покорность в НАТО. В Европе же говорят об американском мессианизме.

Достаточно у США сил, чтобы доминировать на пространстве Европейского союза? Это большой вопрос. Чтобы решить его, Вашингтон очевидным образом стремится *разъединить* союз 25 стран.

АМЕРИКАНСКОЕ ВИДЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ: РЕНЕССАНС АМЕРИКИ И ДЕКАДАНС ЕВРОПЫ

Первый подход, возможно, талантливее и ярче других подает идеологический лидер американских неоконсерваторов, американский аналитик неоконсервативного направления, столь влиятельного при президенте Дж. Буше-младшем, - Роберт Каган. Он прост и убедителен: «Американцы прибыли с Марса, а западноевропейцы — с Венеры»[1]. Американцы воинственны потому, что сильны, а европейцы миролюбивы, потому что слабы: «Европейская военная слабость создала совершенно понятное отвращение к применению военной мощи. Создалась ситуация, когда европейский интерес заключается в том, чтобы создать такой мир, в котором сила потеряла бы значимость. Но европейское отрицание военной силы, курс на ее девальвацию в качестве инструмента международных отношений зависит от присутствия американских вооруженных сил на европейской территории» .

Америка — это бог войны Марс, она всегда выбирает действие, она воинственна, она отказывается идти на компромиссы с противником; мужество — ее главное достоин-

[1] *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York: Knopf, 2003.

[2] *Kagan R.* Power and Weakness («Policy Review», Fall 2002).

ство. Выявить противника и нанести удар — вот девиз американского Марса. (Напомним, что военный бюджет Соединенных Штатов более чем *вдвое* превышает кумулятивный западноевропейский.) Европа же — это ищущая компромисса и примирения Венера, убежденная в том, что гармония достижима, а правит миром любовь. Умиротворить потенциального противника, протянуть ему оливковую ветвь — вот главный порыв европейской Венеры.

Европейцам откровенно не нравится эта аллегория. Этот подход уделяет значительное внимание личностям — президент Ширак «играет в де Голля», канцлер Шредер зависит от антиамериканизма левых. Это поверхностный подход. Некоторые из европейцев, обращаясь к Гомеру, предпочитают видеть в Америке героев «Илиады» и «Одиссеи». «Гнев, насилие, предпочтение военного решения вопроса разве не делают Соединенные Штаты неукротимым Ахиллом, в то время как сдержанность, тонкость в суждениях делает Европу похожей на хитроумного Одиссея?»[1] (Который, помимо прочего, *втрое* большую оказывает помощь отстающим регионам мира.)

Адекватны ли аллегории, какая из них больше соответствует реальности?

Полагаем, не (только) две мировые войны загасили воинственность европейцев. Не менее важно то, что в относительных терминах европейский континент значительно потерял свой вес. В 1870 г. на долю Европы приходилась одна треть промышленного производства мира, а ныне — одна пятая. Население Европы в середине XIX века составляло 32 % мирового, а в начале XXI — 16 %.

Надо сказать, и в Соединенных Штатах не все видят в развитии Европы эволюцию от Марса к Венере. Так, Сэмю-эль Хантингтон оценивает европейскую интеграцию как «самое важное явление», направленное против однополярного мира. Чарльз Капчен предсказывает, что «Европа скоро настигнет Америку: потому что она объединяет усилия, собирает вместе внушительные резервы и интеллектуальный капитал отдельных стран. Коллективная Европа бросит

[1] *Sur S.* Ni Mars ni Venus: Achille ou Ulisse («Questions inter-nationales», № 9, 2004, p. 4—5).

вызов американской мощи» . Джозеф Най также видит в Европе равную по экономической мощи силу[2]. А Джон Мерсхаймер видит главную проблему в выборе американского подхода к Европе: «Если США решат покинуть Европу, этот регион станет менее стабильным, если же США решат остаться, то это будет похоже на то, что они сдерживают своего колоссального конкурента, возникнет рискованная ситуация»[3]. Историк Пол Кеннеди обращает внимание на большое население Европейского союза, «превосходящее население США и имеющее почти равную долю мирового продукта. Вынашивая планы привлечь новых членов и вводя в качестве конкурента доллару евро, новый гигант не знает сдерживающего опыта 11 сентября»[4].

Материальные обстоятельства. Возможности Америки огромны, военная мощь очевидна, технология безукоризненна — этот гигант может действовать самостоятельно, поворачиваясь спиной к международным обязательствам и международным организациям, выдвигая национальные интересы как превосходящие по значимости все прочие, презирая юридические сдерживающие механизмы. Здесь безусловное национальное единство, политическое «единоначалие», эйфория патриотизма, единство национального самосознания порождают волю к доминированию.

А Европа обращена к практике *многосторонности,* делает акцент на международных организациях, пытается «понять» других, выше всего ставит уважение к юридическим нормам. Прошедшая сквозь войны Европа невольно культивирует расслабленность, двусмысленность, опору на национальную идентичность, предотвращающие космополитическое всевластие.

[1] *Kupchan Ch.* End of American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. New York, 2002, p. 119, 132.

[2] *Nye J.* The New Rome Meets the New Barbarians: How America Should Wield Its Power («Economist», March 23, 2003.

[3] *Mearsheimer J.* Tragedy of Great Power Politics. New York, 2001, p. 385.

[4] *Kennedy P.* What Hasn't Changed Since September 11 («Los Angeles Times», September 11, 2002).

Еще одна популярная аллегория — Рим и Афины. Не являясь ничьим данником, Рим всевластен в своей универсальной империи на протяжении ряда веков, и Вашингтон, кажется, перенимает этот факел. Рожденная разделенной, Греция так и не смогла преодолеть внутренней разобщенности, выразившейся в бесконечных войнах за континентальное преобладание. Как и в Европе, имеет место гордость за интеллектуальные достижения; ее наука и культура получили мировое признание, но внутренний раскол подорвал внутренние силы и стремление к доминированию, доведя ее до состояния американского протектората.

Но все это своего рода *литература.* В реальности, триумфально осваивая

технологию, Соединенные Штаты прилюдно рискуют политически обратиться к регрессу. Хороша демократическая система, которая делит население на две почти равные части, не умея избрать общепопулярного президента, информация контролируется несколькими корпорациями, непопулярные «неоконсерваторы» приобрели несоразмерное влияние, даже элементарные юридические принципы подвергаются сомнению! Гнев Ахилла, а не разум сената правит всемогущей страной. Что ни говори, а Америка Буша повторяет ошибки Европы периода между Наполеоном и Вильгельмом Вторым.

Европа отстает технологически, но она сделала вывод из своих политических несчастий, обрела уроки истории. За пятьдесят лет производительность труда в Западной Европе росла быстрее, чем в США, и практически настигла высокую американскую производительность. У Европы нет дефицита во внешних расчетах, характерного для США. Экспорт ЕС превышает американский. ЕС, в отличие от США, не зависит от внешних инвестиций. Евро становится конкурентом доллара. Политически зрелым видится объединение региона, итог долгой и планомерной работы. Возникает колоссальная агломерация. Пока успешно идет преодоление противоречий национального и интернационального. Пройдя долгий путь, Одиссей строит медленно, но верно. Да, пока мощь Европы может показаться *невидимой,* но у нее уже нет комплекса неполноценности в отношении Америки. И у нее на четверть большее население и экономика, равная

82 % американской. И ее политическая культура явственно отличается от американской. В Европе численность посещающих церкви более чем вдвое меньше, чем в Соединенных Штатах[1].

Ахилл и Одиссей пока не противники. Более того, они в *одном* лагере. Их стратегии часто направлены на общие цели — но это в том случае, если они *захотят* действовать совместно. Но пока США, действуя односторонне, наводят в мире «американскую правду», а Одиссей пытается предотвратить ненужные конфликты, призывая к многосторонности. Согласно опросам общественного мнения, численность лиц, благосклонно относящихся к США, после Ирака уменьшилась почти наполовину. И более трети европейцев выступают за более настойчивое отстаивание Европейским союзом своих интересов.

Неизбежно то, что Америка увидит пределы своего «всемогущества» — мир велик и склонен отвергать указ извне. Европе предстоит поверить в свои силы. Нужно ли напоминать, что Ахилл погиб в бою, а Одиссей, пройдя сквозь все, возвратился в свою гавань?

АНТИАМЕРИКАНИЗМ И АНТИЕВРОПЕИЗМ

При подписании в Вашингтоне в 1949 г. Североатлантического договора оркестр военно-морского флота США исполнял мелодию Гершвина из «Порги и Бесс» под названием «Все это *не обязательно* так». Насколько это *не так,* выяснилось в начале XXI в., когда США ринулись на Средний Восток. Лидером противостояния американским действиям в междуречье Тигра и Евфрата стала Франция — и это не было удивительно, поскольку голлистская традиция самоутверждения стала некой константой европейского развития. (Французский антиамериканизм включает в себя и левых и правых[2].) Более неприятным для Вашингтона стал новый

[1] *Ferguson N.* The Price of America's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 237.

[2] См.: *Roger Ph.* L'ennemi americain. Genealogie de l'anti-americanisme francaise. Paris: Le Seuil, 2002.

подход страны, где США держат свой самый большой контингент в Европе, — Германии. Уже в ходе предвыборной кампании 2002 г. канцлер Шредер исключил

возможность присоединения к Америке в Персидском заливе. Стало нарочито ясно, что времена стояния на границе «холодной войны» канули в Лету и Вашингтону придется противостоять лидеру европейского развития. В феврале 2005 г. канцлер Шредер заявил, что НАТО — плохой форум для решения межатлантических противоречий. Сказано это было во время визита президента Буша в Европу.

Вторым подлинным поражением американской дипломатии в Европе стало неожиданно самостоятельное поведение прежде покорной Турции. Именно здесь в 1947 г. зарождалась «доктрина Трумэна» с последующей «холодной войной». Те времена ушли. Все действительно стало «не обязательно так». Турецкий меджлис 1 марта 2003 г. запретил американскому контингенту выйти к иракской границе с *турецкой* стороны. Общий антииракский фронт Запада обрушился.

Интенсивность межатлантического противостояния фактически превзошла все прежние стандарты. Жесткость одностороннего американского подхода к Ираку симметрично вызвала европейское недовольство. Что является более новым фактором: в Соединенных Штатах окрепло чувство антагонизма к таким европейским лидерам, как Франция и Германия, своего рода «франкогерманофобия». Это относительно новое — и важное — явление. До сих пор от Германии ждали благодарности за «холодную войну» и за объединение (как и от турок благодарности за введение единственной мусульманской страны в западный военный лагерь). Американские правые, указующие на «предателей», получили общественный резонанс, если и не стопроцентную поддержку, — снова наступили жесткие времена неорейганизма; дружественные Европе американские либералы ушли в своего рода подполье, устрашенные обвинениями в отсутствии патриотизма и т. п. Распалась связь старых либералов по обе стороны Атлантики. Нелепо и представлять ныне американского президента говорящим «Ich bin Berliner». Даже на форумах НАТО Буш старается

обойти «неверных» стороной. Кто драматизирует несогласие?

Посмотрим на *объективные* обстоятельства. Немцы прибывали на американские берега двумя огромными волнами (Бенджамин Франклин боялся замещения английского немецким) в 1830—1890-х гг. и в 1930—1960-х гг. Поток французов в Америку был заметным в 1820—1840-х и в 1940-е годы. Поток итальянцев был мощным в период 1900—1980-х гг. Взрывная демографическая волна ирландцев приходится на 1820—1860-е гг. Шведы и австрийцы-венгры прибывали в конце XIX века, а португальцы и греки — полвека спустя[1].

Между 1971 и 2002 гг. в Соединенные Штаты въехало 29 128 909 иммигрантов, из них из Европы — 3 277 140 человек[2]. Все. Европа перестала создавать естественные связи. Еврейская иммиграция самоценна. А с юга и востока на мир принятого английского языка двинулось новое подлинное переселение народов. Мексика начала своеобразную *реконкисту.* Прежнее европейское лицо Америки стало весьма быстро меняться. Прежде едва ли не всемогущие европейские национальные лобби стали терять свою силу и влияние.

Эту перемену ускорила травма 11 сентября. В американском национальном сознании определенно укрепилась мысль, что европейцы даже на фоне американской трагедии выступают неловкими наследниками Невилля Чемберлена — *примирителями.* А это уже видится как моральная ущербность. Выступая в ноябре 2002 г. в Бухаресте, президент Дж. Буш-младший заявил, что он знает разницу между добром и злом, «потому что он видел зло». Президент не преминул и противопоставить восточноевропейцев самодовольным западноевропейцам: «Румынский народ понимает, что агрессивных диктаторов нельзя утихомирить или игнорировать; им всегда нужно противостоять»[3]. Чувство, что

[1]Source: US Citizenship and Immigration services (USCISI): http://uscis.gov/

[2]US Citizenship and Immigration services (USCISI): http:/uscis.gov/ [3] «Questions internationales», № 9, 2004, p. 9.

302

«тебя предали» в решающий момент, весьма утвердилось в американском обществе. Это произошло на фоне фактического «захвата власти» американскими неоконсерваторами.

АМЕРИКАНСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Буш и его люди сделали *первостепенной* задачу установления нового порядка на Ближнем и Среднем Востоке. В Европе все более важной задачей стало блокирование идеи европейских сил быстрого реагирования (они шли вразрез с *третьим* принципом традиционной американской политики в Европе). Именно ради ликвидации этого проекта министр обороны США Доналд Рамсфелд выдвинул идею создания «сил быстрого вторжения НАТО». Буш и его окружение заранее дали понять, что операция против Ирака может быть проведена без согласия и поддержки европейцев. Буш-младший дал понять, что Вашингтон не будет привязан к НАТО, если этот военный блок не будет служить реализации американских интересов. Тогда-то Роберт Каган и написал, что следует прекратить делать вид, будто США и ЕС «одинаково смотрят на мир и его проблемы»[1]. Американцы строят новый мир, а европейцы погрязли в самодовольстве.

Устремленный к атаке на Ирак, президент Буш-младший отверг предложение европейских стран послать больше инспекторов в Ирак (канун весны 2003 г.). И если в 2001 г. американец спрашивал: «За что они нас ненавидят?», то к нападению на Ирак вопрос эскалировал в более обширный: «За что нас все ненавидят?» Кондолиза Райс: «Мы в недоумении по поводу того, что наш друг Канада не способен поддержать США. Мы разочарованы позицией германского правительства. Наступили времена, когда кажется, что американскую мощь воспринимают как более опасную, чем Саддама Хусейна»[2]. Американцам трудно было понять, что ничто не могло быть более неприемлемым для европейцев,

[1]*Kagan R.* Power and Weakness. Why the United States and Europe see the World Differently («Policy review», June-July 2002), p. 5

[2] Marshall Fund. September 4, 2003. Transatlantic Trends 2003.

303

чем открытая американская апология одностороннего использования силы. По данным Фонда Маршалла, 83 % американцев и 79 % европейцев пришли к выводу, что Европа и Америка не разделяют единые социальные и культурные Ценности.

Хавьер Солана постарался объяснить американцам: «Европейская приверженность многостороннему подходу является делом убежденности, а не коварной стратегии. Наш опыт говорит нам, что признание чужой суверенности Увеличивает и нашу суверенность. Перефразируя сэра Уинстона Черчилля, следует сказать, что многосторонность — это худшая из систем, но лучше не создано»[1].

Американский аналитик Уильям Смайзер делает такой вывод: «Дж. Буш-младший стал первым — со времен Второй мировой войны — американским президентом, который решил удалиться от Европы и выдвинул гипотезу, что готов игнорировать НАТО в том случае, если причастность к этой организации будет препятствовать реализации американских интересов»[2]. Вашингтонский Центр стратегических и международных исследований огласил свое мнение, Что «никакой пересмотр стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов не был выработан в согласованиях с союзниками по НАТО»[3].

А осенью 2002 г. министр обороны США Д. Рамсфелд Посчитал

необходимым противопоставить «старую» Европу «новой» — недавно принятым членам НАТО, демонстрирующим большую покорность Соединенным Штатам. Более того. Администрация Буша полагает, что наиболее эффективными и рациональными являются коалиции ad hoc, coalition of the willing — коалиции стран, заведомо готовых Подчиняться Вашингтону, создаваемые в каждом случае

[1] *Solatia J.* Europe and America, partners of choice. Foreign Policy Association, New York, May 7, 2003.

[2] *Smyser W,* Les Etats-Unis et l'Europe: une relation turbulente («Questions Internationales», № 9, 2004, p. 18).

[3] CSIS Panel Report «The Future of the Transatlantic Defense Community». Center for Strategic and International Studies, Washington, January 2003, p. 26.

для решения определенной цели. Что тогда делать с параграфом 5 Вашингтонского договора о создании НАТО? Каждое решение и действие теперь лишаются автоматизма и происходят только с благословения Вашингтона.

ДЕБАТЫ

Дебаты по трансатлантическим отношениям открыл в «Полиси ревью» блестящий и увлекающийся Роберт Каган: Соединенные Штаты замещают Европу в проявлении глубинных стратегических рефлексов: жесткая защита собственного суверенитета, основанный на защите национальных интересов *реальполитик,* обращение к военной мощи. Америка ответственна за hard power, а Европа — за soft power[1], то есть лишь за идеологическое обслуживание интересов Запада. Что еще важнее: у США и Европы все меньше общих ценностей.

Европейский ответ Роберту Кагану не заставил себя ждать[2]. Важнейшим в этом ответе было согласие: да, различия между двумя берегами Атлантики увеличиваются и соединительные узы ослабевают. Приток латиноамериканцев и азиатов ускорит этот процесс. Последствия для атлантизма будут разрушительными. Не следует забывать и о различии в главенствующей экономической философии — этатизм Европы и либерализм Америки; накопления в Европе и колоссальный долг Соединенных Штатов; непременное обращение к Богу американского президента и отсутствие подобных обращений у европейских политиков (европейцы отказались упомянуть о Боге даже в Конституции Европейского союза).

А стратегия? Соединенные Штаты в 2004 г. израсходовали на испытания и создание противоракетной обороны фантастическую сумму в 10 млрд долл. Многие европейцы более чем далеки от одобрения. Французский сенат пришел к выводу, что, «без сомнения, развертывание НМД (National

[1] *Kagan R.* Power and Weakness. Why the United States and Europe see the World Differently («Policy review», June-July 2002, p.4).

[2] «Commentaire», № 100, hiver 2002.

Missile Defense) негативно воздействует на доминирующую уже долгое время доктрину сдерживания»[1]. Что останется от французского сдерживания в случае полномасштабного развертывания НМД?

Европейцев бесконечно раздражает самостоятельность и отсутствие желания консультироваться по самым насущным стратегическим вопросам, обнаружившиеся у первой и второй администраций Буша. Обречена ли Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих в конечном счете распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов, невозможной попытки осуществить полицейские функции «по всем азимутам»? Даже сейчас видно, что внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона идет жесткая внутриведомственная схватка. За ней внимательно следят европейцы.

Что касается исламского фундаментализма, то в Европе его оценивают иначе,

чем в Соединенных Штатах. Посол Франции в США: «Мы в Европе стоим перед иной формой исламского терроризма. Мы не пережили шока 11 сентября. Мы переживаем то, что можно назвать конфликтом слабой интенсивности»[2].

Ирак катализирует эти процессы и различия. Но не менее важно и то, что Европа — впервые за многие десятилетия — не стоит первой строчкой в списке внешнеполитических приоритетов США. Бывший главный потенциальный театр военных действий превратился во второстепенную проблему американской дипломатии. Что же касается главнейшего европейского процесса — интеграции, то на этот счет, как пишет Генри Киссинджер, «у американского руководства всегда было двойственное отношение»[3].

Политика в отношении американского вторжения в

[1]Rapport d'information du Senat (№417, session ordinaire de 1999—2000, au nom de la Commission des affairs etrangeres, de la defense et des forces armees sur La defense antimissile du territoire aux Etats-Unis).

[2]*Levitte J.-D.* Relations transatlantique. Council on Foreign Relations. March 2003.

[3]*Kissinger H. and Summers L.* Renewing the Atlantic Partnership. Task Forse Report. Council on Foreign Relations, 2004, p. 7.

Ирак вызвала в Белом доме знаменитое пожелание «наказать» Францию, «компенсировать» усилия Блэра, «игнорировать» Шредера. Нечто новое в атлантических отношениях. В ходе предвыборной кампании 2004 г. демократы упрекали республиканцев за утрату самого важного для США союза. Но большинство американцев не посчитали этот курс ложным.

1) И все же не все можно восстановить. Трансатлантические связи уже не будут прежними — как в прошедшем веке. Теперь Белый дом видит возможность избежать дальнейшего отчуждения Европы только за счет укрепления связей с Британией, которая явно ценит свою избранность.

2) И благожелательность в отношении европейской интеграции ушла в прошлое — тем скорее, чем явственнее европейцы хотят создать свои силы быстрого реагирования.

3) Вашингтон готовится опереться на зависимых Польшу и Румынию как замену самоуправным Франции и Германии.

4) Вероятно ослабление влияния США в европейском регионе, вдвое большем американского, имеющем более твердую валюту, более бережливого, создающего проекты конкуренции с США.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

С европейской точки зрения исламский терроризм и ближневосточный конфликт являются уникальными факторами. Но главными обстоятельствами мировых (в том числе и межатлантических) отношений являются более широкие процессы: нарушение мирового равновесия после падения коммунизма, ускорение процесса глобализации, прогресс в европейском строительстве. И то, что, будучи основанными беглецами из Европы, Соединенные Штаты почти неизбежно стали противостоящей стороной. У европейцев не было той истовой американской веры, что в их случае идет борьба между «добром» и «злом», где добро — на стороне Америки — и непременно победит. С самого начала ис-

тории своей страны Соединенные Штаты требовали открытых морей и открытых портов на пяти континентах — чего в отношении себя они никогда бы не позволили. Американизм — это не подчиняться правилам, придуманным другими (будь это Киотский протокол или Международный суд в Гааге).

Итак, есть несравненная мощь, есть желание эту мощь использовать, есть идеологическое обоснование использования этой мощи. Нет только противовеса. Насколько долго продлится этот «мертвый ход» однополярности? Европейцы

боятся, что надолго, а это означает, что условия для настоящего диалога Вашингтона с Брюсселем не вызреют еще долго.

Еще более зримо развивается культурное различие. Религия занимает в США совсем другое место, чем в Старом Свете. Различия касаются методов внедрения демократии, взаимоотношений индивидуума и общества. Америка, в отличие от Европы, приемлет смертную казнь. Резолюцию ООН о правах развития не приняли лишь США, Япония и Австралия. США покинули ЮНЕСКО и были исключены из Комиссии по правам человека в 2001 г. А в Ираке — впервые после Суэца 1956 г. в западном Мире пролегла реальная полоса отчуждения. У европейцев возник зрелый вопрос: защищать международное право или демонстрировать солидарность с Соединенными Штатами? Это та основа, которая подстегивает взаимное отчуждение. А брутальность американской политики дает ее противникам в Европе массовость.

Европейцы видят большое изменение: сорок лет американцы прикрывали их, но теперь нужда в защите (от Востока) исчезла. Особенно это значимо для таких стран, как Германия.

ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТОЛПА

Уже заметно, что Европа готова потеснить трансатлантического конкурента.

Друг другу ныне противостоят два похожих по макропоказателям блока:

308

— 300 млн американцев с ВНП 12 280 млрд долл;

— 400 млн западноевропейцев с ВНП 13 700 млрд долл.[1].

Это два крупнейших в мире блока; тенденции к глобализации сближают эти два суперблока. Узость рынка открывает новые узлы противоречий. На конференции в Дохе (сентябрь 2003 г.) оба блока выработали некоторые правила взаимного поведения, чтобы предотвратить такие взаимные удары, как повышение тарифов на импортируемую сталь (март 2002 г.), прикрытие своих рынков сельскохозяйственной продукции.

На текущем этапе ЕС представляет собой более мощную торговую величину.

	Экспорт (в млрд текущих долларов)	Импорт (в млрд текущих долларов)
ЕС	2450	2447
США	694	1202

Источник: *«Questions Internationales», №9, septembre—octobre 2004, p. 48.*

Что касается двусторонней торговли ЕС и США, то цифры таковы:

Экспорт США в ЕС (в млрд долл)	Импорт США из ЕС (в млрд долл)
232	144

Источник: *«Questions internationales», №9, septembre—octobre 2004, p. 48.*

Между США и ЕС осуществляется не менее 50 % мировых инвестиций. Плотность населения в ЕС значительно выше, чем в США. Оба центра опасаются подъема Китая и Индии — именно в этом случае проявляется их солидарность.

[1] The Economist Research Center/ The World in 2005. London, 2004, p. 91-96.

309

В математике, от которой зависит будущее научного превосходства, США занимают 28-е место в мире, уступая Финляндии, Голландии, Бельгии, Франции и Германии.

Производство высокотехнологичных товаров проявляется прежде всего в

сфере военной технологии, о чем говорит нижеследующая таблица.

Расходы на цикл военно-технологического обновления (в млрд долл.)		
Научная база	Исследования и технология	Развитие систем
Западная Европа	2,3	10
Соединенные Штаты	10	38

	Расходы на исследования и развитие		
	Военные расходы	Гражд. расходы	Общие расходы
Западная Европа	12	49	61
Соединенные Штаты	46	37	83

Источник: *«Questions Internationales», №9, septembre—octobre 2004, p. 61.*

Америка далеко обходит Европу по расходам в военной сфере. США израсходовали в этой сфере 405 млрд долл. в 2005 финансовом году. На всю Западную Европу, которая с 2003 г. осуществляет общие военные программы, приходится в 2005 г. 208 млрд долл. (более всех — Франция — 45 млрд долл.; Британия — 35 млрд долл.; Германия — 34,9 млрд долл.».

ЗАКОН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАВИТАЦИИ

Нас в данном случае интересует то, как будет строиться эта имперская структура: пожелает ли новый Рим — Вашингтон строить свое глобальное могущество на собственных плечах, или он постарается *использовать в качестве несущих основ своих главных союзников — блок западноевропейских стран.*

Между 1990—2001 гг. американская экономика увеличилась на 27 %, тогда как западноевропейская — на 15 % (а японская — лишь на 9 %)'. Уровень безработицы упал до фантастически низких 4 %. Абсолютная и относительная мощь Америки достигла невиданных высот, о чем свидетельствует нижеследующая таблица.

Таблица 1

ВВП ШЕСТИ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА (И РФ) В 2003 Г. В МЛРД ДОЛЛ.

США	Япония	Германия	Франция	Британия	Италия	РФ
12	4,1	2,3	1,9	1,8	1,4	0,4

Источник: *The World in 2005. London. The Economist Publications, p. 89.*

Доля США в мировом валовом продукте увеличилась между 1996 и 2002 годами с 25,9 до 31,4 %[2]. Годовой доход в расчете на каждого американца составил 40 тыс. долл. На США приходится 35,8 % мировых расходов на производство новой технологии. Америка инвестирует в высокотехнологичные области больше, чем вся Европа, вместе взятая. *Военная* мощь глобального масштаба включает в себя флот двенадцати тяжелых авианосцев, ядерное оружие, атакую-

[1] *Heisburg F.* American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999—2000, p. 16).

[2] The World in 2003. The Economist Publications. London, 2003, p. 86.

щие подводные лодки наряду со спутниками в космосе и несравненные силы быстрого развертывания. Американская экономика осуществила в 1980—1990-х гг. модернизацию, сделавшую бремя военных расходов менее ощутимым, несмотря на увеличение доли американских военных бюджетов в общемировых расходах. «Неужели поддержание американского первенства не стоит оборонных где-то на уровне 3—3,5 % ВНП?»[1] Если США сохранят организацию Североатлантического договора до 2050 г., то они будут продолжать оставаться сильнейшей военной силой мира.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Самые убежденные апологеты атлантизма признают, что «у многих западноевропейцев глобализация порождает глубокое чувство зависти и раздражения в отношении Соединенных Штатов ввиду того, что Америка оседлала лучше других тигра глобализации, и потому, что в складывающейся ситуации жертвам глобализации представляется, что США попросту бичуют каждого замешкавшегося. Вводите Интернет, уменьшайте размер предприятий и маршируйте под американские мелодии в мир быстрого развития»[2].

С точки зрения глобализационного объединения атлантическое направление останется наиболее приоритетным для США в XXI веке. Причины очевидны — в Северной Атлантике сосредоточена самая большая экономическая и военная мощь мира. Здесь, на двух берегах Атлантического океана, живет самое образованное и квалифицированное технологически население — около 800 млн человек (13 % мирового) — привыкшие к мировому лидерству представители единой цивилизации, общего исторического и культурного наследия. В их руках мировая наука и огромные ин-

[1] *Kagan R. and Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).

[2] *Friedman Th.* The Lexus and the Olive Tree. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000, p. 383.

дустриальные мощности. Примерно уже сто лет Запад производит две трети промышленного производства мира. (Пик пришелся на 1928 год — 84,2 %. В дальнейшем подверглась падению и доля Запада в мировом промышленном производстве — с 64,1 % в 1950 году до 48,8 % в 2000 году — грандиозная, определяющая доля.)

Среди 500 крупнейших компаний мира в 1999 году 254 компании были американскими и 173 — западноевропейскими. Вместе они составляют абсолютное большинство (на долю чемпиона Азии — Японии приходится лишь 46 компаний)[1]. Можно смело предположить, что США и Западная Европа еще очень долго в XXI веке будут главным средоточием центров высокой технологии, науки и эффективного производства. Не менее внушительно смотрится Запад и в военной сфере. Армии Запада, оснащенные наиболее совершенной военной техникой, — самый мощный военный конгломерат в мире[2].

Для сравнения участия в *глобализации* Соединенных Штатов и Западной Европы специалисты предлагают сопоставить четвертьвековой давности список 25 ведущих американских и западноевропейских компаний со списком 25 ведущих компаний этих регионов на сегодняшний день. Различие между региональными списками будет воистину потрясающим: в Западной Европе 25 лидеров сохранили свои позиции, а в США большинство лидеров будут новичками. Венчурный капитал в одном лишь штате Массачусетс превосходит венчурный капитал всей Европы. В Америке группа людей с 50 тыс. долларов может через несколько дней создать компьютер «Эпл», а в Европе таких примеров нет. Американская сторона гораздо эффективнее воспользовалась

возможностями глобализации. Рынки капитала сегодня в США гораздо эффективнее, чем в любой другой стране.

[1] «Economist», January 24, 1999, p. 27.

[2] UN Population Division. Dept of Economic and Social Information and Policy Analysis. World Population Prospects. N.Y., 1997.

Приметно следующее: банкротство в Западной Европе — каинова печать для разорившейся компании. О ней с горечью вспоминают в третьем поколении. Банкротство в США — заурядная вещь; банкротов привечают, потому что считают, что они получили очень полезный опыт, без которого невозможны нововведения. В Кремниевой долине полагают, что банкроты «всегда лучше и умнее благодаря своим несчастьям. И им — как это ни парадоксально — легче собрать деньги в следующий раз, потому что люди говорят: «Он обжегся в своем первом предприятии? Уверяю вас, он кое-чему научился, и я ставлю на него деньги»[1]. 300 тысяч рабочих мест на предприятиях высокой технологии разоряются и создаются вновь.

И в Америке меньше смотрят на происхождение. В Кремниевой долине 1786 компаний с капиталом в 12,6 млрд долл. и 46 тысячами рабочих управляются индийскими и китайскими иммигрантами.

ВЫЗОВ ЕС

При всех вышеуказанных слабостях совокупная мощь западноевропейского ядра Европы все же приближается к классу американских показателей. В 1999 году валовой продукт Европейского союза составил 19,8 % общемирового, уступая только американскому (20,4 %)[2]. Крупнейшие западноевропейские столицы ищут пути восстановления своей геополитической значимости, они пытаются поднять свой вес как за счет активизации собственной стратегии, так и за счет объединения усилий. Предпосылки этого объединения уже созданы. *«Формы противодействия гегемонии в коалиции,* — полагает С. Хантингтон, — *сформировались еще до окончания «холодной войны»: создание Европейского союза и единой европейской валюты. Как сказал министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, Европа должна создать про-*

[1] *Friedman Th.* Op. cit., p. 370.

[2] The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p. 105.

тивовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном мире»[1].

Объединив в Европейском союзе силы, западноевропейцы могут в любой момент снова обратиться к геополитике. Огромные территории, многочисленное население, необъятные ресурсы, высокая степень технологической изощренности, внутреннее социальное и политическое единство, эффективная военная машина, способность проецировать свое могущество в самые отдаленные районы планеты и волевая готовность осуществлять эти воинские операции, административная способность быстро принимать решения и реализовывать их — вот что будет характеризовать узкую группу могучих держав, которые через несколько лет (десятилетий) могли бы трансформировать однополярность в биполярность.

Западная Европа находится в самой середине долговременного процесса экономической и политической интеграции, которая постепенно снижает значимость внутренних границ, которая постепенно создает центральную власть Европейского союза. Тенденция такова, что ЕС постепенно превращается в соперничающий с гегемоном центр — пятнадцать членов ЕС создают подлинную критическую массу; распространение ЕС на восток Европы как бы склоняет баланс (в негласном и заочном соревновании с США) в пользу Европы. Европейский союз уже стал организацией большей, чем *конфедерация,* и в обозримом будущем ЕС, возможно, станет европейской *федерацией.* Огромный

торгово-политический блок ощутил свою силу и не намеревается отдавать другим жизненно важные и прибыльные позиции.

И, как пишет 36. Бжезинский, «возникновение подлинно политически объединенной Европы представило бы собой базовое изменение в мировом распределении сил»[2].

[1] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March—April 1999, p. 45).

[2] *Brzezinski Zb.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).

Экономический соперник. Западноевропейская интеграция дала Европе новый шанс. Совокупная экономическая мощь Западной Европы приближается к американским показателям — 19,8 % общемирового валового продукта (США — 20,4 %[1]). Население Европейского союза — 380 млн человек — на 40 % больше американского, и тенденция преобладания по демографическому показателю сохранится на долгие годы. «Евроленд, — пишет американский экономист Ф. Бергстен о будущем потенциального соперника, — будет равным или даже превзойдет Соединенные Штаты в ключевых параметрах экономической мощи и будет *во* все возрастающей степени говорить одним голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические взаимоотношения Соединенных Штатов и Европейского союза во все более возрастающей степени будут основываться на основаниях равенства»[2].

Таблица 2

СООТНОШЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ США И ЕС СЕЙЧАС И В БУДУЩЕМ

	США	ЕС-15	ЕС-25	ЕС и Турция
Население	273 млн	400 млн	480 млн	545 млн
ВНП	12,3 трлн долл.	8,5 трлн долл.	13,37 трлн долл.	14 трлн долл.
ВНП на душу	*31,5* тыс. долл.	21 тыс. долл.	15 *тыс.* долл.	14,8 тыс. долл.
Воен. расходы	405 млрд долл.	170 млрд долл.	208 млрд долл.	230 млрд долл.

[1] The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p. 105.

[2] *Bergsten F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

Воен. расходы как % ВНП	3,4%	1,85 %	2%	2,06 %
Общий экспорт	0,9 трлн долл.	2 трлн долл.	2,2 трлн долл.	2,23 трлн долл.
Доля экспорта в мировом объеме	16,5 %	37%	40%	40,7 %
Общий импорт	0,986 трлн долл.	1,43 трлн долл.	2,15 трлн долл.	2,17 трлн долл.
Доля импорта в мировом объеме	13,5 %	36%	38%	39%

Источники: *The World Factbook (Wash.,CIA, 2003); Direction of Trade Statistics. Wash. IMF, December 2004; The World in 2005. Economist Statistics. London, 2000;*

«The National Interest», Summer 2005, p. 18.

Реальная жизнь в подвергающейся суровой экономической конкуренции североатлантической зоне в принципе поглощает сантименты и требует выбора, от которого зависит уровень экономического подъема и трудовой занятости стран-участников. На этом поле глобальной экономической битвы ощущается тенденция к выбору пути самостоятельного от США развития. Римский договор, Маастрихт, переход к единой валюте, реанимация Западноевропейского союза как возможной основы сепаратной военной системы — этапы долгого пути, ведущего к существенной самостоятельности. «Европейцы, — пишет английский журнал «Экономист», — желают укрепить свою мощь до такой степени, чтобы суметь отделить себя от Америки. Нигде в мире нет такой силы, *которая* могла бы продемонстрировать столь мощный волевой акт»[1]. Они ищут пути восстановления своей значимости за счет активизации собственной стратегии и за счет объединения усилий.

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 253.

317

Европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа значительно больше чем, Соединенные Штаты, зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25 % больше, чем у Соединенных Штатов, и вдвое больше, чем у Японии. Доля экспорта в германском ВНП равна 25 %. Доля экспорта в ВНП Франции и Британии — 18 %, Италии — 15 %. (Доля экспорта в ВНП США — 7 %.) Европейский союз осуществляет безостановочную торговую экспансию. Заключив соглашения об ассоциации с 80 странами, он намерен увеличивать свою значимость как торгового блока, как источника инвестиций, как мирового культурного центра.

Американский аналитик У. Пфафф и не сомневается: «Европейский союз является единственным действующим лицом на мировой сцене, который способен бросить серьезный вызов Соединенным Штатам — и он почти наверняка бросит этот вызов»[1]. Этот вызов не обязательно будет иметь характер военной угрозы. Речь пойдет прежде всего об интенсивной экономической конкуренции, в ходе которой, как пишет У. Пфафф, «Соединенные Штаты вовсе не обязательно выиграют — ни одна сторона, вероятнее всего, не выиграет, — но политические последствия такого соревнования приведут к окончанию доминирования Америки в будущей международной системе»[2].

Лидеры Западной Европы наметили создание центра автономного информационного общения. Итальянская и германская информационные компании практически слились, а «Бритиш телеком», «Дойче телеком», «Франс телеком» и испанская «Телефоника» стремятся создать свой электронно-коммуникационный мир. (Напомним, что телекоммуникации через несколько лет оттеснят автомобильную промышленность в качестве лидирующей мировой отрасли; на эту отрасль пришлось 267 млрд долл. в 2003 году.) Подобные же процессы происходят в западноевропейском авиационном сотрудничестве и в ряде других сфер.

[1] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

[2] Ibid.

318

Слабое место выдвигающей исторические претензии Европы — ослабление ее рабочей силы. За прошедшую четверть века США создали несколько миллионов рабочих мест, а Западная Европа — почти ничего. Если такая ситуация продлится еще два-три десятилетия, то шансы ЕС бросить вызов США будут ослаблены.

ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

Выше уже говорилось, что в декабре 1999 года были заложены основания новой европейской политики в области безопасности и обороны. Европейский совет поставил задачу создания Европейского корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч, который может быть сформирован в течение двух месяцев для действий на протяжении двух лет. Это эквивалент армейского корпуса, он будет иметь военно-морской и военно-воздушный компоненты. (Официальное объяснение необходимости его создания — избежание «трех Д» — дублирования, дискриминации, «декаплинга» — размежевания оборонительных военных функций.) Создается некий эмбрион западноевропейского военного штаба. Прежний генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, а не некий безликий клерк стал возглавлять процесс военного становления ЕС. Он возглавил ЗЕС и военно-политический орган ЕС, придав Западноевропейскому союзу очевидную значимость. Встреча военных и внешнеполитических представителей поставила в конкретную плоскость вопрос о членстве в ЕС долго отвергавшейся Турции. И, разумеется, речь идет о совместном европейском производстве современных вооружений.

Резонно предположить, что в XXI веке западноевропейцы еще более повернут к координации в военно-промышленной области. Претендуя на роль второго полюса мира, Западная Европа будет стремиться создать собственную военную промышленность, независимую от американской. «Во все более возрастающей степени европейские союзники США постараются производить собственные виды вооружений. Хорошим примером этого является запрограммированный на будущее процесс создания общеевропейского

истребителя, в производстве которого сотрудничают прежде всего германские и британские фирмы. Как и общая валюта, независимая военная промышленность будет существенной чертой интегрированной Европы, которая потребует своей собственной политической, экономической и военной инфраструктуры. Многие европейцы считают, что Европа должна достичь состояния, когда она будет способна на военные действия без поддержки и участия США»[1]. Наиболее амбициозным европейским проектом является план создания единой Европейской аэрокосмической оборонной компании (ЕАОК), в которую войдут французский «Аэро-спасьяль», «Бритиш Эйрспейс», немецкий «Даймлер-Крайслер Эйрспейс», испанская «КАСА», шведский «САААБ», итальянская «Финмеканника-Аления». Речь идет о создании суперкомпании, производящей самолеты, вертолеты, космические корабли, управляемое оружие и другие военные системы.

По разные берега Атлантики возникает собственное восприятие мира. Очевидно, что европейские интересы не всегда будут совпадать с американскими. «Европейцы, — полагает Вашингтонский институт мировой политики, — гораздо более американцев обеспокоены возможностью коллапса России и начала гражданской войны на бывших советских территориях, чем риском восстановления Россией своих сил... Опасности со стороны растущих держав, таких, как Китай и Индия, а также угрозы со стороны держав-париев не видятся в Европе насущными и столь важными»[2]. Назначение главой Европейской комиссии Романо Проди, а ответственным за политику в сфере безопасности Хавьера Соланы говорит о возрастании интереса к самоутверждению.

Америка и Европа стоят на противоположных позициях по вопросам глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовского законодательства (скажем, о

[1] *Deutch J., Kanter A., Scowcroft B.* Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 55—56).

[2] *Cuthbertson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 78).

слиянии «Боинга» — «Макдоннела» — Дугласа»), по поводу американских экономических санкций, о путях стимулирования экономики, о необходимости еще одного раунда («Раунд Тысячелетия»: ЕС — за, США — против), по вопросу либерализации мировой экономики. В буднях атлантического мира США ограничивают импорт стали, машинного оборудования из Германии, шерсти из Италии и Британии и т. п.

К 2020 г. процесс формирования Европейского союза в общем и целом завершится. Последними (в плане расширения ЕС) будут вопросы о России и Турции. «История предполагает, что Россия будет включена в ЕС, а Турция — нет. Россия в течение долгого времени будет колебаться между богатой, развитой Европой и великим азиатским хинтерландом. Под руководством лидеров, ориентирующихся на Запад, она будет долгое время полагаться на ресурсы своих огромных земельных массивов. Если Россия преуспеет в построении рыночной экономики западноевропейского типа (на это потребуется примерно двадцать лет), тогда она последует европейским путем, заимствуя опыт у западных соседей, овладевая их мастерством и снабжая их своими сырьевыми припасами»'. Тогда огромная евразийская масса станет *первым* силовым регионом мира.

Обозначим основные пункты противоречий. *Первое. Евро* станет полновесным конкурентом *доллара;* на рыночном пространстве пятнадцати членов ЕС в XXI веке выделятся компании-чемпионы экономической эффективности. Экономисты М. Фельдстайн и М. Фридмен схожим образом выражают опасение, что Европейский валютный союз в конечном счете приведет Европу к столкновению с Соединенными Штатами. *Евро* будет отвлекать финансовые потоки с американского рынка, осложнит дефицит американского бюджета, станет мощным конкурентом доллара на рынках международных расчетов, ослабит Америку в фиксировании цены на нефть и другие сырьевые материалы. Единый валютный союз превратит основанную на господстве доллара мировую финансовую систему в биполяр-

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 226.

ный *доллар — европорядок,* оттесняя Японию далеко на третье место. Нынешняя зона единой европейской валюты — *евро* — самая большая в мире зона богатых покупателей. Выпущенные в 1999 году в евро облигации составили 44 % всех облигаций, выпушенных в мире, в то время как на доллар пришлось 43 %[1]. Создание зоны евро, по мнению американского эксперта П. Родмена, «освободит Европу от невыгодной подчиненности в отношении к доллару и подчиненности в конце концов в отношении Соединенных Штатов»[2]. Учитывая размеры колоссальной зоны евро, многие компании в Восточной Европе, Северной Африке, Азии и Латинской Америке уменьшают долю операций в долларах, переходя на евро. Оканчивается эра абсолютного господства доллара как единственной мировой валюты.

Одновременно ЕС осуществляет безостановочную торговую экспансию, заключив соглашения об ассоциации с 80 странами. Такие американские атлантисты, как Г. Киссинджер, полагают, что создание Европейского валютного союза ставит Европу на путь, который «противоположен атлантическому партнерству последних пяти десятилетий... Нет никаких оснований предполагать, что объединенная Европа когда-либо добровольно пожелает помочь Соединенным Штатам в их глобальном бремени»[3].

Второе. Страны Европейского союза, стремясь в будущем достичь американского технологического уровня, расходуют в год на приобретение

вооружений, исследования, разработки, испытания и оценки 36 млрд долл., что равняется примерно 40 % сходных американских расходов (США — 82 млрд долл.). Средства, идущие на проведение операций и поддержку, также составляют 40 % от американских. Ощущая свое отставание, Европейский союз на рубеже столетий назначил специального координатора своей политики безопасности, создает центры внешнеполи-

[1] *Everts S.* America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 26).

[2] *Rodman P.* Drifting Apart? Trends in US-European Relations. Washington: Nixon Center, June 1999.

[3] «The National Interest», Spring 1999, p. 21.

тического планирования, принял решение о формировании совместных сил быстрого реагирования.

Коллективное производство оружия ослабит зависимость от американцев. Американцы приходят к выводу, что «создание Европейской военной промышленности является отличительной чертой эволюции ЕС, который сможет держаться политически на равных с Соединенными Штатами»[1]. Создание европейского военного консорциума приведет к соперничеству между «крепостью Европа» и «крепостью Америка», что нанесет капитальный удар по политическому единству и военной эффективности НАТО[2]. Западноевропейский союз (ЗЕС) уже претендует на роль фундамента сепаратной западноевропейской военной системы. В 1999 г. Франция поддержала инициативу Германии о превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского союза. Но для создания военной машины, сопоставимой с американской, западноевропейцам нужно будет минимум в четыре раза увеличить свои военные расходы. Они должны будут нагонять США в области производства сенсоров, точно наводимых боеголовок, военных спутников и пр.

Отчасти они уже делают шаги по этому пути. В феврале 2000 года на своей встрече в Португалии французский министр обороны А. Ришар предложил общий для всех потолок для расходов на производство вооружений — 0,7 ВНП страны. ЕС обязуется расходовать по данным статьям примерно 60 млрд долл. (против 36 млрд ныне)[3]. Эта цифра уже ближе к 82 млрд американских расходов на эти цели. Коллективное европейское производство оружия позволит ослабить зависимость от американцев.

Желание Западной Европы значить больше в НАТО уже вызывает в США, по выражению Э. Понд, «шизофреническую реакцию и ведет к столкновениям в НАТО. Вашингтон не желает видеть противовес своим односторонним дей-

[1] *Deutch J., Kanter A., Scowcroft B.* Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 59). [2] Ibid., p. 60. «Survival», Summer 2200, p. 14.

ствиям» . Трансатлантическая конкуренция в нескольких стратегически важных высокотехнологичных областях, которые обе стороны считают абсолютно необходимыми для своего экономического выживания, подводят атлантических военных союзников к грани разрыва. Логически напрашивающееся слияние крупнейших компаний в общем технологическом пространстве «политически неприемлемо, — пишет У. Пфафф, — для Европы. То же самое можно сказать о Соединенных Штатах, ибо любое такое слияние поставило бы у контрольных рычагов неамериканского партнера»[2].

Третье. Речь идет о серьезной конфронтации в создании военных самолетов и ракетных установок. Конгломерату «Боинг» — «Локхид Мартин» — «Рейтеон» противостоит группа европейских авиационных компаний, и в этой битве не на жизнь, а на смерть стоит вопрос о самом существовании европейской авиационной индустрии. Отказ от собственной авиационной промышленности будет неприемлем даже для дружественной американцам Британии. Глядя с

американской стороны, представляется невероятным, чтобы американский конгресс позволил концерну «Нортроп», хранителю технологии *стелс,* войти в предлагаемую ему долю совместно с европейскими компаниями — германский Даймлер-Бенц — «Аэроспейс», французский «Томсон», британский «Маркони». В будущем американскому авиационно-космическому могуществу будет противостоять союз «Бритиш Эйрспейс», германской ДАСА и французской «Эроспасьяль». И нет сомнения в том, что к конкурентной борьбе присоединятся правительства всех заинтересованных стран.

Четвертое. Как формулирует У. Пфафф, «американское политическое сообщество все более воспринимает свою национальную роль в терминах гегемонии (используя этот термин в его необидном смысле), рационализируя свои обязательства защищать необходимую оборону междуна-

[1] *Pond E.* Come Together. Europe's Unexpected New Architecture («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 11).

[2] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

родного порядка, что оправдывает неоспоримое первенство американской военной мощи, скрепляемое элементом национального мессианизма, замешанного на теории божественной предопределенности пуритан»[1]. А Европейское Сообщество для того и объединяет силы, чтобы не быть безнадежно зависимым.

Достижение этой цели — весьма сложная операция. Достаточно очевидно, что в течение ряда грядущих лет рождающаяся Западная Европа пока не будет представлять собой ни сообщества абсолютно независимых держав, ни наднациональный союз государств. Силовая основа Европейского союза не централизована, она распределяется между номинальной столицей ЕС Брюсселем и основными национальными столицами — основные решения пока принимаются на национальной основе. Существует сложность не только в определении общей цели, но и единого понимания того, во что в конце своей эволюции превратится Европейский союз, — столь велики разночтения и видение будущего Берлином, Парижем и Лондоном. На фоне централизованных действий Вашингтона это несомненная геополитическая слабость.

Пятое. Серьезные сложности возникают в свете различных подходов в культурной области. Защита интеллектуального и культурного своеобразия становится в Европе частью национального «кодекса чести». Учтем при этом, что прямые выборы в Европарламент создадут единое политическое поле. Совместные выпуски газет, общие телеканалы и пр. сформируют единое информационное пространство.

Ярким примером является принятие Европейским союзом единой экономической и валютной политики в мае 1998 года. Оно отражает усилия ЕС создать самостоятельный глобальный центр, наладить большее взаимопонимание и взаимность интересов. «Было бы близоруким, — считает американский исследователь де Сантис, — отрицать то, что глобализация придает Европе новый динамизм. Она не только порождает энтузиазм среди кругов бизнеса и консер-

[1] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

вативного политического сообщества, но она заставляет левых пересматривать свою социальную политику, подобно тому, как это делает британская лейбористская партия»[1].

Сильной стороной западноевропейской мощи всегда была ее культура. Это превосходство ныне пошатнулось — Западная Европа отстает по эффективности системы высшего образования. Возможно, лишь Британия имеет сопоставимые с американскими по уровню университеты. Европейские университеты выпускают

в два раза меньше специалистов в технических областях (здесь — в отличие от США — стремятся резко отделить гуманитарные науки от технических).

По оценке американского исследователя И. Катбертсона, «восприятие мира на двух сторонах Атлантики разнится друг от друга в поразительной степени. Внутренние трения и конкурирующие экономические интересы могут эскалировать слишком быстро и потопить под собой партнерство»[2]. Многолетний наблюдатель американо-европейских перипетий У. Пфафф (живущий в Париже) полагает, что «различие интересов, а не прихоть вызовут на протяжении грядущих десятилетий постоянно углубляющееся соперничество между Европой и Соединенными Штатами, конкурентное стремление укрепить свое экономическое и политическое влияние в остальном мире»[3]. 24 % американцев считают Западную Европу критической угрозой себе[4].

Дрейф Европы в автономном от США плавании пройдет, видимо, ту промежуточную стадию, когда на основе партнерства более консолидированного Европейского союза с США западноевропейский «столп» обретет необходимую прочность. Подлинное определение Западной Европой отличного от американского «политического лица» про-

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 45).

[2] *Cuthbertson I.* Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 93).

[3] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p.8).

[4] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.

изойдет тогда, когда все три «гранда» европейской политики — Германия, Франция и Британия — найдут основу для координации своих курсов, для совместных действий, для отчетливо выраженных совместных оборонных усилий. Видимым шагом в этом направлении было бы создание чего-то вроде трехстороннего европейского директората. Это ослабило бы страх Франции перед большой Германией и опасения Берлина в отношении новой Антанты. Только в этом случае объединительная тенденция возобладала бы над тысячелетней тенденцией внутриевропейской розни.

Следует сказать, что ситуация в начале нового века несколько напоминает ту, которая предшествовала Первой мировой войне: все более определяющая свое главенство Германия и нестабильная, социально-политически неопределившаяся Россия, клубок противоречий на Балканах, неспособность Британии и Франции выступить с единых позиций. Чешский президент В. Гавел указывает на главную слабость региона: *«В современной Европе отсутствует общий набор идей, отсутствует воображение, отсутствует щедрость... Европа не представляется достигшей подлинного и глубокого смысла ответственности за себя»*[1]. При этом лидер региона Германия в случае «второсортности» своего военного статуса согласится скорее на зависимость от далеких Соединенных Штатов, предпочитая ее зависимости от близких зарейнских и ламаншских соседей.

Пока ни одно из правительств крупных западноевропейских стран не берет сегодня на себя инициативу возглавить региональную группировку и повести ее вперед. Германия даже при Шредере не рискует напугать остальных европейцев, Британия даже при Блэре боится показаться слишком проамериканской, Франция не чувствует необходимой силы и достаточной поддержки малых стран. Наиболее существенный общий проект — Европейский валютный союз — важен сам по себе (и по своим последствиям), но даже его реализация не дает оснований говорить о «едином голосе», паневропейской дисциплине, возникновении главенствующей идеологии.

[1] «The New York Times Review of Books», Nov. 18, 1993, p. 3.

Фундаментальной важности фактор: там, где дело касается европейской экономики, где затронут интерес западноевропейцев в успешном функционировании их валюты, независимости их индустрии, безопасности их инвестиций, мирового уровня их технологии, безопасности и расширения их торговых потоков, вперед — на первый план в европейских столицах — выходит энергичная национальная самозащита. Общий рынок и общая валюта гарантируют то, что западноевропейцы в XXI веке будут координировать свои усилия — и уж определенно в отношениях с Соединенными Штатами. Как резюмирует де Сантис, «реальностью является то, что Европа не может контролировать свою политическую судьбу, одновременно оставаясь зависимой в военной отрасли от Соединенных Штатов, равно как Соединенные Штаты не могут ожидать от своих союзников больших оборонных обязательств, осуществляя одновременно политическую гегемонию над ними. В отсутствие глобальной военной угрозы такие противоречивые цели постепенно подточат межатлантические связи. Как только валютный союз обозначит европейские глобальные экономические параметры, это немедленно скажется на трансформации трансатлантических обязательств в сфере безопасности. Европейский валютный союз даст импульс европейской интеграции и в конечном счете приведет к общей внешней и военной политике»[1].

Таит потенциал отчуждения битва ЕС против американских сельскохозяйственных культур, подверженных генетической обработке (GM).

ТРИ СЦЕНАРИЯ

Три сценария видятся реалистичными для развития событий в глобализирующемся XXI веке.

Первый — замедление и фактическое прекращение процесса расширения Европейского союза. «Европейцы (за периодическим исключением французов), почти как японцы,

[1] *Santis De H.* Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).

стремятся присоединиться к поезду развития высокотехнологичного производства, ведомому в будущее Соединенными Штатами. Они не проявляют желания возвысить себя до положения «равных соперников» Соединенных Штатов»[1]. ЕС отказывается от амбиций достижения равных с США позиций.

В случае реализации *первого* сценария полностью проявляет себя то обстоятельство, что отсутствие восточной угрозы ослабляет движение к европейскому единству. Ослабление интеграции повлечет за собой утрату европейского интереса к глобальной (совместной) политике. Как предрекает англичанин С. Пирсон, «к 2004 году общий европейский военный бюджет упадет до уровня в две трети американского военного бюджета. Пятнадцать лет мирного дивиденда и мирового расстройства приведут к тому, что США станут в военном смысле доминирующей и технически наиболее передовой военной державой в мире, несопоставимой ни с кем в мировой истории»[2].

Это ослабление лишает и американцев особого интереса овладеть рычагами контроля над европейским развитием. В случае краха политики расширения ЕС последует ослабление американского вовлечения в европейские дела, заглавную роль сыграет изоляционизм американского конгресса. В целом американцы считают неудачу позитивной эволюции ЕС негативным поворотом событий; сама концепция диктуемой Западом системы безопасности и мировой роли Запада окажется под ударом.

Второй сценарий — процесс расширения Европейского союза продолжается, но идет с крайними трудностями — Европа превращается в структуру со многими уровнями (различные скорости интеграции), где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верхнем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело пред-

[1] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54).

[2] *Pearson S.* Total War 2006. The Future history of global conflict. London: Hodder and Stoughton, 1999, p. 3.

сказать проявления сугубо культурных различий как на уровне элит, так и в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет постепенное взаимоотчуждение двух регионов. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. *Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.*

Второй сценарий — случай ослабления сближения стран ЕС между собой — Соединенные Штаты будут активнее поддерживать проатлантические силы в Европе, в значительной степени стимулировать различие скоростей (и направленности интеграционного процесса). В этом случае некий союз равных уходит за исторический горизонт. В США оживут схемы союза англоговорящих стран — проявится стремление использовать дружественность и солидарность Британии. Но это же может вызвать антиамериканское ожесточение германо-французского «остова» ЕС.

Третий сценарий — Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она — единственный *реальный* и возможный соперник Соединенных Штатов (если речь идет об историческом пространстве в три или четыре десятилетия). Ее экономика сохранит сравнимые с американскими размеры (увеличивающиеся по мере приема новых членов), ее технология будет находиться на сравнимом с американским уровне, ее дипломатические традиции позволят ей успешно маневрировать в хаотическом мире. В ее состав будут продолжать входить две ядерные державы со значительным запасом ядерного оружия и софистичными средствами доставки. В ее распоряжении будут значительные обычные вооруженные силы, экипированные почти на американском уровне и имеющие опыт взаимодействия друг с другом[1].

При реализации *третьего* сценария — формирование фактически нового огромного европейского государства — ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет. Брюссель увидит мировые горизонты. Этот, *третий,* вари-

[1] *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54.

ант развития беспокоит США более всего. Это кратчайший путь лишиться гегемонии. Столкновение интересов может быть купировано лишь появлением *третьей,* враждебной всему Западу силы. Или хладнокровным разделом мира на зоны влияния. Или стимуляцией раскола среди европейцев — ведь любая гегемония прежде всего стремится *divide et impera.*

Но существует опасность того, что американские усилия разделить европейцев могут лишь подтолкнуть европейцев друг к другу. Ведь «даже наиболее проатлантические европейские правительства признают, что их первостепенный интерес сегодня лежит в солидарности со своими европейскими соседями. И, если США окажут давление «сверх нормы», европейский выбор, пишет У. Пфафф, будет предопределен. «Экономический интерес, а не фривольный выбор вызовет углубляющееся соперничество Европы и

Соединенных Штатов на протяжении грядущих десятилетий; это соперничество будет сопровождаться конкурентной борьбой за экономическое и политическое влияние в остальном мире. В той мере, в какой европейская индустриальная и экономическая независимость окажутся в зоне угрозы из-за конкуренции, которая не знает ничего среднего между поражением и победой, под угрозой окажется европейская суверенность»[1].

Не исключая реализации любого из указанных трех сценариев, отметим наиболее реалистический поворот событий: *Западная Европа* несколько отходит от атлантического русла. Произойдет сближение более атлантически настроенной Британии с европейски самоутверждающейся Францией, а вместе они найдут общий язык с более умеренной Германией. Произойдет изменение отношения к проблеме расширения Европейского союза на Восток: западноевропейцы начнут смотреть на Восточную Европу не как на «варварский Восток», а как на интегральную часть Европы, чья дополнительная сила укрепит западноевропейские позиции визави США.

Век атлантического партнерства отступает, потому что

[1] «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8.

«страны Северной Атлантики, видимо, никогда не достигнут интеграции столь глубокой, как у европейцев, и не смогут реализовать призыв государственного секретаря США Джеймса Бейкера синхронизировать межатлантическое сближение с западноевропейским»[1]. В этом случае однополярность неизбежно увядает, уступая место новому — биполярному миру.

Различие в восприятии

Для оформления европейского единства чрезвычайно важно сближение социальных ценностей. В этом плане приход к власти социал-демократа Г. Шредера сделал правящий слой Европейского союза более гомогенным. Во всех трех странах — лидерах Союза господствует левая половина политического спектра. Рафарен во Франции, Т. Блэр — в Великобритании, прежний коммунист возглавлял (до Берлускони) итальянское правительство. Социал-демократы победили в Швеции; они доминируют в Испании, Австрии и даже в посткоммунистических Польше и Чехии. Такой политический ландшафт весьма резко отличается от системы социальных воззрений, так или иначе доминирующих в США. Удовлетворенный капиталистическим ростом своей национальной экономики республиканский конгресс США в этом смысле весьма резко контрастирует с «более розовыми» западноевропейскими парламентами, осуждающими «вельветовую гегемонию» Соединенных Штатов.

Примечательна растущая идейно-политическая гомогенность: во всех трех странах — лидерах Союза господствует левая половина политического спектра (социалисты во Франции, социал-демократы в Германии, лейбористы в Британии) — весьма отличный от американского политический ландшафт. Так формируется тот центр, самостоятельный выход которого на мировую арену сразу превратил бы современную однополюсную систему в биполярный мир. При этом «динамика развития силовых факторов поощряет

[1] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 34).

соперничество, а общие культурные основы ведут к сближению»[1].

Стойкая европеистская Франция находит понимание с «новой» Британией и «новой» Германией. Поклонник Блэра канцлер Шредер также стал весьма по-иному смотреть на возможности подключения Лондона. Для Германии критически важна благосклонность Британии к расширению германской активности на востоке Европы. Франция поддерживает инициативу Германии о

превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского союза. ЗЕС может взять на себя новые, более ответственные функции в миротворческих операциях, фактически оттесняя НАТО.

Слабость Европейского союза заключается не в экономических показателях, а в *способности принимать стратегические решения.* Особенно это ощутимо в периоды кризисов. Скептики не возлагают особых надежд на еврократов: «Механизм принятия решений Вашингтоном бесконечно более эффективен, чем брюссельский механизм... Это отставание органически присуще великому предприятию под названием «Европа». Возможно, первоначальная шестерка стран Европейского сообщества могла превратиться в подлинную федерацию. Но расширение до «двадцати плюс» практически не дает шансов ЕС стать единым государством» . С этой точки зрения возможна лишь та или иная степень конфедерации, но не формирование единого государства.

Американские исследователи У. Уоллес и Ч. Купчая говорят об амбивалентности процесса западноевропейской интеграции, о *«страхе в США перед превращением Европы в подлинного глобального соперника»*[3]. *Оставить второй по могуществу регион Земли без всякого контроля американское руководство не готово — если только оно не согласно оставить планы долгого глобального лидерства. В обозримой перспективе «Вашингтон не желает видеть Западную Европу и Японию сильными настолько, чтобы дать ей возможность бросить вызов американскому лидерству. Соединенные Штаты будут*

[1] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 48. *Bell C.* American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).

[3] *Wallace W., Zielonka J.* Op. cit., p. 66.

стремиться сохранить свое геополитическое превосходство визави Западной Европы»[1] Вашингтон готов немало заплатить за контрольные рычаги во втором по могуществу экономическом центре мира (способном мобилизовать и соответствующий военный компонент своего могущества).

В подходе к международной системе три различия в стратегии лежат на поверхности:

— США смотрят на текущие события с глобальной точки зрения, а ЕС — с региональной;

— США предпочитают действовать односторонне, а западноевропейцы — через международные организации;

— США не исключают для себя военного решения вопроса, а западноевропейцы подчеркивают политические и экономические возможности[2].

Уроки мировой истории заключаются в том, что более слабые всегда объединяются против гегемона. Это нежелательно. Неизбежно ли это? Оценки расходятся, но ослабляющий единство фактор исчезновения общего врага не может игнорировать никто. Как пишет С. Хантингтон, *«отсутствие общего врага, объединявшего союзников, неизбежно ведет к обострению противоречий между ними. Борьба за превосходство, которую мы признаем естественным явлением в поведении индивидуумов, корпораций, политических партий, спортсменов, не менее естественна и для стран»*[3]. Отпустить в свободное плавание, ослабить военный и политический контроль над западноевропейской зоной означает, что почти половина экономики планеты сможет действовать вопреки американским стратегическим ориентирам. Концентрирующаяся вокруг мощной Германии Европа, возможно, и не будет угрожать непосредственно интересам американской безопасности, но едва ли станет соперником Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Восточной Азии.

Главная американская задача — сдержать силы сепаратизма в Европе, ограничить горизонт самостоятельных сил,

[1] *Layne Ch.*. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 12).

[2] *Burwell F., Daalder I.* (eds). The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 289.

[3] «International Security», Spring 1992, p. 47.

334

положить предел неопределенности в эволюции Европы, гарантировать работу объединительных механизмов, добиться координации политики двух регионов. Есть все основания полагать, что Соединенные Штаты приложат немалые усилия, чтобы заручиться дружественностью западноевропейского центра. Жесткий диктат в отношениях с этим центром уже невозможен, но это вовсе не означает, что у Соединенных Штатов нет мощных рычагов (политических, экономических, военных, культурных) воздействия на регион, находящийся в процессе интеграционной консолидации.

Переходный характер переживаемого момента, может быть, является главной характеристикой эволюционирующего западноевропейского центра, второго (по всем основным показателям) мирового силового центра после США, но еще далекого от американской эффективности. Западную Европу будет ослаблять не только экономическая стагнация (сопровождаемая высоким уровнем безработицы), но и почти повсеместное ослабление роли национальных правительств, усиление местнических тенденций; фрагментация общества; лингвистическое, культурное и, соответственно, политическое размежевание; сепаратистские устремления в основных странах (земли ФРГ, Бретань и Корсика во Франции, Каталония в Испании, Падания в Италии, Шотландия и Уэльс в Объединенном Королевстве и т. п.). Речь идет о восстановлении таких явлений «донационального» прошлого, как Ганзейский союз, Средиземноморская лига и т. п. На фоне создания парламента в Шотландии и Ассамблеи в Уэльсе в значительной мере тормозится общее для всей Западной Европы движение, наступает ослабляющая всех фрагментаризация. Регионализм становится едва ли не главным препятствием на пути консолидации общеевропейских усилий.

Американец Ш Швеннингер: *«Европейцы ощущают угрозу исламского фундаментализма в Северной Африке, не имеющего такого же значения для США. В прошлом такие разночтения между США и (Западной) Европой сглаживались не только в свете советской угрозы, но и ввиду двухпартийной*

335

поддержки элиты в США. Ныне мы видим фрагментацию этой элиты»[1].

Преждевременно делать окончательные выводы. Ни западноевропейцы, ни американцы не знают, в каком направлении и с какой скоростью расходятся их пути и что более соответствует их интересам. История в этом смысле безжалостна. Ясно, что прежде общая угроза их объединяла, ясно также, что этой угрозы более не существует. Как указывает один из ведущих американских исследователей, *«без враждебной силы, угрожающей обеим сторонам, связующие нити никак не могут считаться гарантированными»*[2]. Различным, отличающимся друг от друга становится этническое, культурное, цивилизованное лицо Северной Америки и Западной Европы. А экономические интересы, как всегда, разделяют. Обе стороны имеют уже — в лице ЕС и НАФТА — собственную отдельную коалиционную лояльность. Вектор исторического развития североатлантической зоны начал смещаться с центростремительного на центробежное направление.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США

Американцы признают силу европейского гиганта. 42 % американцев — и 51 % лидеров — считают Европу более важной для США, чем Азия (противоположного мнения придерживаются 28 % американцев)[3].

Государственное объединение таких размеров способно изменить соотношение сил в мире. В США можно выделить две крайние точки зрения: тех, кто верит в политическую Европу, и тех, кто сомневается в реальности ее создания.

Европтимисты ожидают быстрого продвижения Брюсселя в двадцать первом веке к положению одного из бесспорных мировых центров. Так, один из ведущих американских экономистов Ф. Бергстен считает, что ЕС вскоре «достигнет равенства или превзойдет Соединенные Штаты по всем ключевым показателям экономического могущества и

[1] «International Journal», Summer 1997, p. 404

[2] Newhouse, J. Op.cit., p. 308.

[3] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.

будет говорить единым голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические отношения между Соединенными Штатами и Европейским союзом будут во все большей степени становиться основанием фактического равенства»[1].

Европессимисты полагают, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли *углубление* интеграции на ее *расширение.* Возможно, в ЕС через определенное время будут входить 35—40 государств (включая, как указывает Ж. Атали, Украину и Грузию[2]). И это резко ослабит ее внутреннее сближение. Именно в свете того, что европейская интеграция «вглубь» будет медленной и что европейский механизм не будет похож на американский, «Америке не следует бояться возникновения соперника»[3].

В результате США еще на одно поколение останутся единственной сверхдержавой. Они указывают на то, что «Европа, несмотря на всю свою экономическую мощь, значительную экономическую и финансовую интеграцию, останется *де-факто* военным протекторатом Соединенных Штатов... Европа в обозримом будущем не сможет стать Америкой... Бюрократически проводимая интеграция не может породить политической воли, необходимой для подлинного единства. Нет ударной силы воображения (несмотря на периодическую риторику относительно Европы, якобы становящейся равной Америке), нет страсти, создающей государство-нацию»[4]. 80000-страничный договор, который предлагается подписать всякому новому члену ЕС, поражает воображение лишь своим 31-м огромным разделом.

Калькуляция американских атлантистов: учитывая неизбежную грядущую американскую вовлеченность в азиатские дела, учитывая неизбежность кризисов в незападном мире, не следует радоваться европейским просчетам и вре-

[1] *Bergsten F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

[2] «The National Interest», Summer 2000, p. 23, note.

[3] Ibid., p. 28.

[4] *Brzezinski 2b.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 18,20-21).

менной немощи, следует помогать становлению потенциального глобального партнера. Да, у Америки впереди еще от 10 до 20 лет преобладания в мире. В дальнейшем же судьбу гегемонии гарантировать не может никто. И важно иметь глобального партнера. А если определенное отчуждение западноевропейского центра неизбежно, американцы постараются подороже продать свое согласие на частичный европейский сепаратизм. Доминирующий в США мотив — не гасить западноевропейскую военную активность тотально, не порождать у западноевропейцев чувства бессилия и зависимости, концентрироваться на реально критически важных проблемах, использовать ЕС в главном — в солидарном совместном контроле над Центральной и Восточной Европой. Ведь главная задача — общая: инкорпорировать европейский Восток в Большой Запад.

У западноевропейской политики Вашингтона будет пять оснований.

1. Осуществить стратегический контроль над европейским пространством *посредством НАТО и военного присутствия в Европе.* Максимально долгое сохранение НАТО — это лучший выход для Америки в XXI веке, когда потенциальные конкуренты привязаны к статусу союзника. « *Только сильная НАТО с США как осевой державой,* — пишет американский исследователь К. Лейн, — *может предотвратить дрейф Западной Европы к национальному самоутверждению и отходу от нынешнего уровня экономического и политического сотрудничества»*[1]. Но НАТО, выполнившая свою миссию в Европе, — это своего рода «велосипед», будучи в бездействии, эта организация теряет равновесие и падает. Чтобы задействовать своих западноевропейских союзников, США пошли на расширение состава и функций блока (операции в сопредельных регионах и т. п.). В Вашингтоне в апреле 1999 г. на праздновании 50-летия НАТО в процессе выработки новой концепции союза более отчетливо, чем прежде, проявило себя несколько новых тенденций, развитие кото-

[1] *Brzezinski Zb.* Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).

рых внесет существенные коррективы во внутреннее соотношение сил на Западе.

2. Укрепить американские экономические позиции в западноевропейском регионе посредством активизации деятельности филиалов американских фирм, их активного инвестирования в Европе, привлечения в этот регион товаров высокой технологии, взаимослияниями фирм (как, скажем, «Даймлер» — «Крайслер»), кооперацией в производстве, высвобождением для европейских товаров части высокоприбыльного американского рынка. Все это, вместе взятое, может дать Америке долю контроля над экономическим развитием Западноевропейского региона. Ошибкой было бы поддаться протекционистскому импульсу (как это уже случилось с рынком сталеплавильной промышленности в США, убоявшейся иностранной конкуренции)[1]. Целью американской внешней политики должно быть Североатлантическое соглашение о свободной торговле — «супер-НАФТА», на которую приходилось бы более половины мировой торговли и валового продукта мира.

3. Старинное «разделяй и властвуй». Если европейцы не могли договориться между собой тысячелетия, почему это должно произойти сейчас? В США надеются на то, что Европа «навсегда» будет призвана в Европу, благодаря страхам европейцев: Франция будет бояться германского преобладания; Германия — восстановления сил России; Британия — консолидации континента без ее участия; Европейское сообщество — нестабильности на Балканах; Центральная и Восточная Европа — быть «раздавленными» между Германией и Россией. Лишенный сплоченности Европейский союз не сможет противостоять Америке во время споров во Всемирной торговой организации, на раундах переговоров о снижении таможенных тарифов.

В этом ключе особое значение приобретает возвышение в Европе Германии. В США рассчитывают на то, что их немецкие партнеры видят реальность достаточно отчетливо: если американцы покинут Европу, страх перед Германией будет таков, что произойдет немедленное объединение всех

[1] *Bergsten C.F.* America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 22).

антигерманских сил. Этот страх является лучшим залогом приятия американских войск в центре Европы. Если же Германия окажется несговорчивой, а процесс ее самоутверждения стремительным, то Вашингтону придется переориентироваться на англосаксонского союзника в надежде на то, что Британия, также опасающаяся германо-французского главенства, сумеет затормозить опасную политическую

эволюцию Европейского союза. Только веря в такой поворот событий, консервативный аналитик Ирвин Кристол мог сказать: *«Европа обречена быть квазиавтономным протекторатом Соединенных Штатов»*[1].

4. Привлечь Западную Европу к «управлению миром» — сформировать глобальный кондоминиум двух (относительно независимых друг от друга) западных регионов над трудноуправляемым миром. Если удастся «завязать» Западноевропейский регион на эту задачу, то в XXI веке Европейский союз будет продолжать оставаться зоной опеки США, залогом крепости мировых позиций Вашингтона. При этом следует учитывать то обстоятельство, что Соединенные Штаты недостаточно сильны, чтобы доминировать в быстро растущем мире, полагаясь лишь на собственные силы. Переходу к определенной степени дележа прерогатив с Западной Европой нет альтернативы: *«Вопреки анахронистским разговорам о Соединенных Штатах как о «единственной сверхдержаве», следует признать, что США слишком слабы для доминирования в мире, если они будут полагаться лишь на собственные силы. Евроамериканский кондоминиум в системе мировой безопасности и мировой экономике — Пакс Атлантика должен заменить Пакс Американа — вот единственный выход»*[2]. При этом Соединенные Штаты могут сохранить свое общее преобладание только за счет «дарования» Западной Европе в XXI веке определенной степени внутренней автономии.

5. Далеко не для всех в Европе активное самоутверждение, делающее акцент на противостоянии, привлекательно.

[1] *Layne Ch.* Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 66).

[2] *Lind M.* Pax Atlantica, p. 6.

Как пишет С. Эвертс из лондонского Центра европейских реформ, «подлинные союзники так редки в современном мире, а ведь по основным великим стратегическим вопросам европейцы ближе к Соединенным Штатам, они могут многое предложить Америке в области экономики и дипломатии — в отличие от любой другой группы стран»[1]. Ему вторят американцы Уоллес и Зелонки: «Европейские союзники — со всеми их очевидными недостатками и слабостями — являются единственными надежными партнерами Соединенных Штатов, разделяющими американские ценности и американское бремя» .

В ряде европейских стран очевидным образом преобладает стремление сохранить трансатлантические узы — им отдается предпочтение перед непроверенными еще вариантами западноевропейской самостоятельности. Речь идет о странах, где атлантизм имеет сильные позиции — Британия, Нидерланды, Норвегия, Португалия. Сюда начинают примыкать новообразованные Балтийские страны и «новички» натовской организации — Польша, Чехия, Венгрия.

Из разных углов Европы выражается мнение, что у ЕС еще долго не будет общих органов, что в игру сверхдержав Брюссель вмешается еще очень нескоро. «Европейские граждане ныне не доверяют своим правительствам, они уже не готовы умирать за свои правительства. Индивидуализм и потребительская этика трансформировали западноевропейских граждан в летаргических индивидуалистов, возлагающих надежды на «мировое сообщество» (т. е. на Соединенные Штаты) в случае необходимости гасить пожар в одном из углов огромного мира. Они ценят богатство и благосостояние, а не способность вести боевые действия. В своем новом окружении традиционные заботы, такие, как защита границ, национальная идентичность, государственный суверенитет, подчинены стремлению к процветанию, демо-

[1] *Everts S.* America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).

[2] *Wallace W.* and *Zielonka J.* Misunderstanding Europe («Foreign Affairs», November—December 1998, p. 67).

кратическому правлению и индивидуальному благосостоянию»[1]. В грядущие десятилетия не следует ожидать возникновения Европы концентрических кругов, где одни страны находятся в центре, а другие — на периферии. «Система безопасности будет напоминать олимпийский флаг — круги на нем налагаются друг на друга. Здесь не будет одного центра. А будет несколько центров, три или четыре — и здесь не будет периферии»[2]. Всякий, кто постарается рассмотреть «великий проект» европейского строительства, будет сбит с толку — его попросту нет.

Как характеризует ситуацию обозревающий европейскую сцену из Парижа У. Пфафф, «в определении стратегии высокотехнологичной индустрии будет решено, может ли нация или блок наций обладать индустриальными и экономическими гарантиями своей суверенности. Хотя большинство западноевропейцев пойдут на противостояние с Соединенными Штатами с величайшей неохотой, вопрос индустриального доминирования, стратегического суверенитета и выживания заставит их пойти на это»[3].

Базируясь на вышеназванных основаниях, Америка надеется еще долго так или иначе контролировать европейские (а это значит во многом и мировые) процессы. Непосредственные задачи США на обозримое будущее — сохранить свой военный контингент в Европе, предотвратить принятие Европейским союзом политических и военных функций, предотвратить экономическое отчуждение. Должно ли американское руководство открыто выражать свое недовольство самоограничением европейских партнеров? Дж. Ньюхауз полагает, что предпочтительнее не обострять пункты разногласий. *«Вашингтону не следует высказывать свои опасения открыто; если он будет прямо выражать свои*

[1] *Ham P. van, Grudzinski P.* Affluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 84).

[2] Ibid., p. 87.

[3] *Pfaff W.* The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).

опасения, то вызовет прямые обвинения в стремлении сохранить Европу разделенной»[1].

Смогут ли США гарантированно воздействовать на важнейший регион?

Двумя главными средствами непосредственного насильственного воздействия Соединенных Штатов на другие страны являются экономические санкции и военное вмешательство. Но — как характеризует эти рычаги С. Хантингтон — «санкции могут быть эффективным средством воздействия только в том случае, если их поддерживают и другие страны, а гарантии этого, увы, нет». Что же касается военного вмешательства, то, «платя относительно низкую цену, Соединенные Штаты могут осуществить бомбардировку или запустить крылатые ракеты против своих противников. Но сами по себе такие меры недостаточны. Более серьезное вооруженное воздействие должно отвечать трем условиям: оно должно быть легитимизировано международными организациями, такими, как Организация Объединенных Наций, где русские, китайцы и французы имеют право вето; оно требует подключения союзников; наконец, оно предполагает готовность американцев нести людские потери. При этом, если даже Соединенные Штаты согласятся выполнить все три условия, их вооруженное вмешательство рискует вызвать критику внутри страны и мощное противодействие за рубежом»[2].

Возможно, наиболее сильным аргументом и инструментом Америки явится то, что большинство западноевропейцев пока не желают ухода американских войск из региона. «Во время растущей неясности и переменчивости [Западная] Европа не имеет адекватной альтернативы американскому военному присутствию

и лидерству. Продолжающееся американское присутствие в Германии предотвращает ренационализацию обороны в Западной Европе и дает Центральной Европе определенные гарантии в отношении Гер-

[1] *Newhouse J.* Europe Adrift. New York, 1997, p. 114.

[2] *Huntington S.* The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March—April 1999, p. 39).

мании и России» . Напомним, что сугубо западноевропейские попытки решить боснийскую проблему оказались тщетными, и в конечном счете именно Америке пришлось мобилизовать свои вооруженные силы и дипломатию. И в случае с Косово США продемонстрировали силу блока, чтобы угрозы НАТО не оказались «пустыми словесами» и блок не потерял престижа наиболее эффективной западной организации. В этом историческом контексте европейские союзники Соединенных Штатов еще не видятся пока эффективными конкурентами, способными предложить альтернативу.

СОМНЕНИЯ В СТРАТЕГИИ

Обеспечить контроль над европейским развитием всегда было непросто для США — ведь органическое единство никогда не было стабильной характеристикой Запада. После снятия пресса «холодной войны» Старый Свет теряет основание прежней солидарности с Новым, исчезает прежняя объединительная скоба. *«Система союзов, созданных в период «холодной войны»,* — пишет главный редактор журнала «Нью рипаблик» Майкл Линд, — *вступила в полосу кризиса под влиянием исчезновения советской империи и подъема Японии с Германией»*[2]. Как полагает Д. Рието, *«национальный консенсус, основанный на враждебности к советской империи, обеспечивал строгий порядок в определении американских целей. В этом системном крушении, в этом кризисе восприятия, а не в неких ошибках федеральной администрации лежат основы кризиса межатлантических отношений»*[3]. Происходит изменение взглядов миллионов американцев.

Поднимающаяся в США новая волна критиков традиционного атлантизма таит в себе большие угрозы сплочен-

[1] Reflections on European Policy. Policy Paper. CDU/CSU Parliamentary Group. Bundestag, Bonn, September 1, 1994.

[2] *Lind M.* Pax Atlantica. The Case for Euramerica («The World Policy Journal», Spring 1996, p. 1).

[3] *Rieff D.* Whose Internationalism, Whose Isolationism? («World Policy Journal», Summer 1996, p. 3).

ности атлантического мира. Ведущий из неоконсервативных идеологов — Ирвин Кристол призывает даже не столько к изоляции, сколько к изменению американских географических приоритетов. *«Холодная война» окончена, и вместе с нею целая фаза в мировой истории — европейская фаза. Нации Европы еще обладают огромным технологическим, экономическим и культурным могуществом, но их внешняя политика мало что значит. Европа более не является центром мира, а НАТО становится организацией без миссии, реликтом «холодной войны». Главные внешнеполитические проблемы США лежат за пределами Европы. Во-первых, это Мексика. Во-вторых, подъем исламского фундаментализма в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В-третьих, это неизбежный подъем Китая как доминирующей азиатской державы»*[1].

Сформировалась аргументация отхода от опоры на зыбкий европейский мир.

1. Главный тезис противников вовлечения в европейские дела — ресурсы Соединенных Штатов не стоит расходовать в благополучной Европе. Восточный противник повержен, и трудно объяснить присутствие американских войск, траты из американского кошелька в самом богатом районе Земли некой опасностью нападения извне. В Ираке и Косове объем ударов США и западноевропейских

стран НАТО находился в соотношении 9:1. Стоит ли продолжать делать за западноевропейцев грязную работу в их собственном регионе (Балканы) и в регионе, от нефти которого зависит именно Западная Европа.

Противники европейской вовлеченности Америки напоминают, что американские войска в Европе обходятся Соединенным Штатам на 2 млрд долл. дороже, чем если бы они размещались в США. США расходуют на оборону 4 % своего валового национального продукта, а Франция и Британия — по 3,1 %, ФРГ — 1,7 %. Европейские члены НАТО расходуют на военные нужды лишь 66 % от суммы американского военного бюджета[2]. Американцы ожидали после

[1] *Kristol I.* Who now cares about NATO? («Wall Street Journal», February 6, 1995).

[2] «Foreifn Affairs», November—December 1998, p. 72.

окончания «холодной войны» «мирный дивиденд» в виде, по крайней мере, экономии федеральных средств на содержание американских войск в Европе. Главное: самоутверждение Западной Европы, периодически проявляемое отсутствие солидарности ослабили позиции проатлантического истеблишмента в США.

Американцы считают, что, расходуя примерно 60 % от американского уровня и более 20 % от мирового, не будучи завязанными на таких далеких регионах, как Восточная Азия, имея вооруженные силы в 1,8 млн военнослужащих (против 1,4 млн в США), расходуя на солдата 20 тыс. долл. в год против 59 тысяч в США, Европейский союз мог бы больше участвовать в американской «мировой вахте», мог бы активнее помогать стране-гегемону держать контроль по всем азимутам.

2. Растущая часть американцев перестает верить в грядущее силовое могущество Западной Европы. Будущее зависит от широкого мира, а не от узкого западноевропейского мыса Евразии. Творцы американской стратегии предостерегают от преувеличений относительно дружного и согласного подъема Европы. Не должно быть геополитического обольщения — скорее всего, Брюссель в ближайшие десятилетия будет столицей не мощного единого государства, а весьма рыхлой европейской конфедерации. Торговля в пределах ЕС вырастет. Но достигнет естественных пределов: англичане не хотят отдавать свои деньги в германские банки. Тысячу лет продолжаются усилия по европейскому сплочению, а вопрос так и не получил окончательного решения. Не привлекательнее ли союз с заокеанским гигантом?

Из Вашингтона достаточно отчетливо видны экономические и интеграционные сложности союзников. Сенатор Джесси Хелмс привел такую метафору: *«Европейский союз никак не может выбраться из мокрого бумажного пакета».* А Роберт Альтман и Чарльз Капчен призвали правительство США не бояться вызревания конкурента, а *«помочь Европе затормозить свое падение»*[1].

[1] *Wallace W., Zielonka J.* Op. cit., p. 66.

3. Западная Европа, лишившаяся общего противника, все меньше будет интересоваться функцией партнера Соединенных Штатов, самостоятельный курс представится ей более многообещающим. Только на этом — собственном маршруте исторического движения Западная Европа в будущем окажется способной на жертвы и на геополитический подъем. Крупнейшая величина региона — Германия, возвратившаяся к европейскому строительству после реструктуризации своих восточных земель, сумеет возглавить западноевропейское строительство. Твердую основу ЕС как межгосударственного образования составит Единая валютная система. *«Общая валюта даст Германии и Европе новую финансовую мощь, и это будет своего рода геополитической революцией».*

4. Приобрел черты реальности следующий прогноз американского

специалиста: трансатлантическая кооперация не приобретает устойчивых форм, торговые отношения США и ЕС становятся жертвами обострившейся конкуренции, ВТО становится форумом раздора, а не сближения; враждебность и агрессивность Европейского союза заставят США обратиться к односторонней политике, руководствуясь сугубо национальными интересами. Многосторонняя торговая система деградирует в жестко соперничающий между собой регионализм, столкновение конкурентов по обе стороны Атлантики[1]. Весьма различный подход демонстрируется США и ЕС по таким ключевым вопросам, как ядерное нераспространение[2].

Беспочвенными оказались надежды тех, кто ожидал, что с освобождением от советской угрозы Западная Европа пойдет на глобальное партнерство с США, помогая им в неспокойных регионах Земли. Произошло противоположное — отсутствие общей военно-стратегической опасности

[1] *Steinberg R.* Transatlanticism and Multilateralism (In: *Bunwell F., Daalder I.* (eds). The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 235).

[2] *Bunvell F.* Cooperation in US — European Relations (In: *Bunwell F., Daalder I.* (eds). The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 283).

начало разъедать атлантическую основу идеологии правящего класса США. Европа уже наметила курс, далеко не параллельный американскому. Западноевропейцы сосредоточились на собственных региональных проблемах. Помимо европейского Востока, новая Европа будет занята сверхнаселенным слаборазвитым Средиземноморьем и многими проблемами, далекими от американских. Теперь, не нуждаясь в американском ядерном зонтике, Западная Европа менее ценит НАТО с ее безусловным американским главенством.

5. Так ли опасно отпустить Западную Европу в самостоятельное плавание по жестоким волнам мировой политики? Часть американских политиков и политологов (например, Д. Каллео) полагает, что следует предпочесть самостоятельный дрейф Западной Европы — это веление истории, и вряд ли разумно противостоять исторически неизбежному процессу. Верить в стабильность и долговременность постоянной исторической удачи не стоит. Тридцать лет назад Вьетнам, а завтра очередное Косово остановят этот марш глупости и неверного расчета, обусловленного американской самоуверенностью. Каллео придерживается достаточно высокого мнения о потенциале западноевропейского единства, он видит складывание нового мирового центра, не просто удаляющегося от США, но становящегося конкурентом Америки. Этот процесс исторически неизбежен, и было бы противоестественно здравому смыслу противиться ему. *«Пессимистический и даже презрительный взгляд на Европу только осложняет положение и увеличивает опасность»*[1].

Согласно данным ОЭСР, стареющая Европа будет в грядущие 25 лет чрезвычайно нуждаться в 35 миллионах представителей молодой рабочей силы, а к 2050 году — в 150 миллионах новых рабочих. К 2030 году государственные пенсионеры будут получать 5,5 % ВНП в Британии,

[1] *Calleo D.* An American Skeptic in Europe («Foreign Affairs», November—December 1997, p. 147).

13,5 % — во Франции, 16,5 % — в Германии, 20,3 % — в Италии. (В США на эти цели будет тратиться лишь 6,6 %[1].)

Отход Европы от Америки в значительной мере естественен. Америка не желает терять сильного друга, но для этого не следует превращать его в безмолвного натовского раба. В XXI веке сильный, хотя и более независимый друг понадобится больше, чем бессильный вассал. По мнению американского специалиста Д. Каллео, Америка должна быть заинтересована в сильной, сплоченной, даже сепаратно действующей Европе, а не в немощном конгломерате

государств, на которые трудно надеяться в неизбежных конфликтах будущего.

Американская политика в Европе на распутье. Дебаты *за* усилия по реконструкции Североатлантического союза, *за* присутствие в регионе вооруженных сил США приобретают напряженный характер.

Две точки зрения проявили себя в американских спорах о будущем Западной Европы и ее основы — Европейского союза. *Первая* исходит из того, что угроза, исходящая от сепаратизма Европейского союза, серьезна. Здесь затронуты самые важные стратегические интересы Соединенных Штатов. Именно на это направлена аргументация тех в США, кто призывает не просмотреть самого существенного в глобальной стратегии страны. Р. Зеллик подчеркивает: «Трансатлантические и транстихоокеанские союзы должны пройти еще очень большую дорогу по пути обеспечения безопасности в восточной и западной части Евразии, где расположены державы, которые в прошлом представляли собой самую большую угрозу Соединенным Штатам. Лишь партнерство с этими странами могло бы увеличить способность Соединенных Штатов справиться с неопределенным будущим Китая и России»[2].

Вторая точка зрения призывает не преувеличивать степень потенциального роста и сплоченности западноевропейской «сверхдержавы». Существуют серьезные сомнения

[1] «The National Interest», Summer 2000, p. 23.

[2] *Zoellik R.* A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs» Jan./Feb. 2000, p. 74).

в достижимости Западной Европой состояния наднационального объединения. «Тысячелетняя история Западной Европы позволяет прийти к заключению, что она никогда не превратится в единое национальное целое. Европейская интеграция достигнет точки, далее которой она не сможет продвигаться, ибо национализм в отдельных странах слишком силен. Существуют объективные пределы интеграции. В малых странах будет набирать силу регионализм»[1]. Европейский союз так и не показал способности говорить в мировой политике одним голосом. Скажем, в феврале 1998 года при обсуждении вопроса о военном наказании Ирака ЕС так и не выразил своей позиции, при этом Британия поддержала США, а Франция выступила против. Европа так и не выработала единой позиции относительно югославского кризиса, в ближневосточном конфликте в обоих случаях Европа не смогла ни выработать единой линии, ни навязать свое решение. И нет оснований думать, что у ЕС неожиданно появится решимость и склонность компромиссным путем идти к единству.

В целом проблемы Европы как потенциального глобального конкурента США — преимущественно политические. Европейский союз «может расколоться вследствие этнических конфликтов»[2]. Особая позиция Британии ослабит центробежные силы. «По крайней мере в течение ближайшего полувека, — считает футуролог Л. Туроу, — Европа не будет мировым лидером, поскольку ей придется сосредоточиться на осуществлении своего собственного объединения»[3]. Этому объединению препятствуют не только национальные столицы, но и сепаратизм Северной и Южной Италии, басков, каталонцев, корсиканцев, бретонцев, шотландцев, уэльсцев, после Боснии и Косова укрепившихся в самоутверждении.

И все же обе тенденции в глобальном мире будущего — и *центростремительная* и *центробежная* сохраняют свой по-

[1] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 268.

[2] *Туроу Л.* Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 152.

[3] Там же, с. 187.

тенциал, свою значимость для будущего. В случае возобладания второй Атлантический союз потеряет свою значимость для США, НАТО будет как бы

нейтрализована, а Америке придется думать об уходе в свое полушарие. Вашингтон в этом случае усилит значимость своего военного союза с Японией и в целом несколько повернется к Азии. Но только лишь при сохранении единства североатлантической зоны глобализация может стать планетарным будущим.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ЗАПАДА

Но при этом американское могущество покоится на факте политико-военного контроля Соединенных Штатов над вторым по геостратегическому могуществу центром мира — Западной Европой, оформленным во второй половине 1940-х годов. Североатлантический союз продолжает функционировать, несмотря на окончание «холодной войны», равно как и огромный товарообмен вкупе с колоссальными взаимными инвестициями. Дружественность Западноевропейского региона, его нынешнее открытое или молчаливое согласие с курсом Вашингтона являют собой *основу* американского мирового могущества. Без господства на Западе немыслимо и мировое могущество США. Так было и так есть, но в это условие глобального могущества Америки вкрадывается новое обстоятельство. Речь идет о различии в демографической эволюции двух регионов.

Главным показателем является наличие исламского элемента и соотношение этого элемента с общей массой населения в двух главных западных регионах. Начало 1960-х годов принесло в мир Запада совмещение двух процессов — окончание «бэби-бума» и массовую деколонизацию. Человеческое воспроизводство упало на Западе ниже отметки 1,5 ребенка на семью (напомним, для сохранения демографического статус-кво необходим уровень 2,1 ребенка). Производители в западноевропейских странах в условиях установившихся систем «welfare state» и неготовности среднего класса оставлять рабочую силу для конвейерного и «грязного» производства обратились к готовым источникам рабочей силы, кото-

рые синхронно создавала деколонизация, процесс формирования новых стран с неустойчивой экономикой, легко выбрасывающей «излишнюю» рабочую силу.

Этими источниками для Франции стали Алжир, Марокко, Тунис и страны бывшей французской Западной Африки; для Германии — Турция, для Британии — Индия, Пакистан и Вест-Индия, для Голландии — Индонезия и Суринам, для Бельгии - Бельгийское Конго. (В Соединенные Штаты в это же время устремились низкооплачиваемые рабочие из Мексики и Пуэрто-Рико.) Эти рабочие уже получили первоначальную «трудовую подготовку на плантациях, примитивных фабриках, несложных заводских линиях, в системе обслуживания колониальных администраций. Перебазироваться в прежнюю метрополию им часто помогало знание ее языка, связи с колониальной администрацией и военными кругами метрополии. Историческим фактом является то, что самый большой сегмент прибывшего в Западную Европу «дополнительного» населения оказался мусульманским.

Именно молодые мусульмане явились своего рода «твердым ядром» необходимого Западной Европе контингента рабочей силы. Полустолетием ранее представителей иной культуры и религии встретил бы вал недоброжелательства; но на фоне великих военно-социальных катастроф первой половины XX века в Западной Европе образовался своего рода «фронт терпимости» к представителям иной культуры, языка, религии, что и помогло новопришельцам преодолеть первоначальную неприязнь[1]. В результате в отдельных странах Западной Европы сформировались весьма четко выраженные и определенные мусульманские общины, переместившиеся из прежних колониальных империи и Турции в производственные центры заглавных европейских стран. Эти общины составили

до 10% населения этих стран, постоянно (сейчас и как ожидается в будущем) наращивая объем своего присутствия за счет гораздо более высокого уровня рождаемости и за счет прибытия родственников и прочих новых иммигрантов.

[1] См.: *Bell C.* Normative Shift («The National Interest», Winter 2002/03).

352

ДВЕ ИНТЕГРАЦИИ

Параллельно два региона устремились к интеграционной цельности. На северо-западе Евразии Европейский союз очередным прыжком расширяет ареал своего влияния. Впереди новая волна, включающая прежние советские республики Прибалтики. Одновременно администрация Дж. Буша-младшего поставила цель охватить интеграционным процессом *все Западное полушарие* — от Аляски на севере до мыса Горн на юге.

Два этих интеграционных процесса имеют черты значительного отличия друг от друга. В Западном полушарии интеграционный процесс имеет четко обозначенный центр — Соединенные Штаты — именно вокруг них на американскую орбиту 10-триллионных США выходит триллионная Канада, полутриллионные Мексика и Бразилия, нефтеносная Венесуэла, медно-никелевая Чили, бездонная Амазония и аргентинская пампа. Все органично и централизованно. Есть центр и периферия. Допуск на богатейший в мире рынок — североамериканский — привлекает все республики и полудиктатуры Латинской Америки. Создается наиболее обширная в мире зона свободной торговли, охватывающая более 800 млн человек. Ясно и определенно, кто выносит обязательные решения: статус Вашингтона неоспорим. С таким «задним двором» Америка необорима.

В Европе интеграционный процесс, охватывающий 400 с лишним миллионов человек, идет собственным уникальным путем. В Лиссабоне в 2001 г. Европейский союз поставил перед собой задачу к 2010 г. стать «наиболее конкурентоспособной, динамичной и основанной на научных методах экономикой в мире». По внешним показателям — единая валюта, единый парламент, Европейская комиссия нарождающаяся общая армия, совместный бюджет — эта интеграция может считаться самой продвинутой в мире. Это общепризнанно — как и то, что европейский интеграционный процесс обнаружил свои слабые стороны.

В отличие от Западного полушария в Европейском союзе *нет* стержневой страны. На роль такого центра претендует Германия (два с половиной триллиона ВНП), но этот

353

центр не имеет черт безальтернативности США в Западном полушарии: Германия *не настолько* превосходит соседей, ее рынок ограничен, ее казна занята абсорбцией ГДР, ее армия ограничена международными соглашениями, на ее территории размещаются иностранные войска. Против германского лидерства выступает историческая память соседних народов, отсутствие у Берлина надежной территориально-сырьевой базы, мощь соседей-претендентов на лидерство Британии и Франции.

Кто собирается в Европейский союз? Кроме своей нищеты, Албания и Румыния не могут предложить ископаемых богатств, нет нефтяной Венесуэлы и зоны Амазонки. Страны Балтии и Балкан ждут от Брюсселя *помощи,* не обещая чего-либо взамен. Помощь новопринятым лишь ослабляет общий порыв ЕС; за последние три года еврозона выросла на 3 %, что составило половину прироста США и Японии. В ведущих странах ЕС безработица составляет 10 % — гораздо больше американской.

Пожалуй, главное. Невозможно представить себе Лондон и Париж сдающими свои национальные прерогативы в пользу некой центральной силы, которой

может быть только Германия.

В Соединенных Штатах весьма громко звучит скепсис в отношении возможностей ЕС и критика европейской интеграционной практики: «Очень легко изумиться существующему Европейскому союзу с его грандиозными, но неотличимыми от своего окружения зданиями в Брюсселе и Страсбурге, бесстыдному спанью на пуховых перинах и бесконечным развлечениям его чиновников, колоссальным бюджетам его роскошных конференций — существующим наряду с политической беспомощностью, военной слабостью, конституцией величиной с книгу, привычкой указывать пальцем через Атлантический океан, при этом игнорируя Россию, Китай, Ближний Восток, свои собственные конкурирующие между собой национализмы и плохо функционирующую экономику»[1].

Не завершив интеграционной консолидации своего ок-

[1] *Waldron A.* Europe's Crisis («Commentary», February 2005).

ружения, Вашингтон начал весьма ожесточенное противоборство. В марте 2002 г, администрация президента Буша, вопреки словесной приверженности принципам свободной торговли, ввела 30-процентную пошлину на импорт стали — стремясь поддержать сталеплавильные заводы в таких политически неустойчивых штатах, как Пенсильвания и Западная Вирджиния.

ОСОЗНАНИЕ СВОЕЙ МОЩИ: ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ

Новым является не то, что Америка — единственная «сверхдержава» мира (таковой она является со времени окончания «холодной войны»), а то, что в Вашингтоне начали ощущать, *осознавать* отсутствие препятствий, свое неслыханное превосходство, возможность пожинать плоды своего успеха. «Нашей стратегией, — утверждает доклад Пентагона, — должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника»[1].

Осознание феноменального и неограниченного мирового превосходства пришло в Белый дом не сразу, не на второй день после крушения СССР. Почти десять лет прошло, прежде чем Вашингтон охватило удивительное чувство вседозволенности. Старения российских ракет для этого было недостаточно. Понадобилось молчание Москвы и Пекина по поводу бомбардировок Югославии и их схождение в Антитеррористическую коалицию, понадобилась демонстрация *качественного* превосходства вооруженных сил США над вооруженными силами натовских партнеров, продемонстрированное в Боснии, Косове и в Афганистане, прежде чем неожиданное эйфорическое чувство вседозволенности охватило американское политическое руководство.

Первым признаком такого осознания было увеличение военного бюджета США во время второго срока президентства Б. Клинтона. Вторым — бомбардировка Югославии, абсолютно невозможная в прежние времена. Третьим — решение порвать с основополагающим договором предшест-

[1] «New York Times», March 8, 1992, p. A14.

вующей эпохи, Договором 1972 г. о запрете на создание национальных систем противоракетной обороны. Когда администрация Дж. Буша-младшего пришла в Вашингтон, планы создания единственной в мире системы противоракетной обороны уже лежали сверстанными. Отныне Америка сама определяет, что есть добро и зло в нашем мире. Создав ракетный щит, она сможет наносить удар по любой точке земного шара, не опасаясь ответного удара.

Вашингтон создал военную доктрину, дающую возможность применения

Соединенными Штатами атомного оружия в нарушение всех договоренностей. Администрация Буша-младшего не ограничилась просто пересмотром ряда стратегических принципов, таких, как паритет в военной сфере и взаимное сокращение ядерных арсеналов. Известный американский военный теоретик (и практик) Р. Перл так изложил новые стратегические принципы: «США имеют фундаментальное право на необходимую защиту. Если какой-нибудь договор мешает нам воспользоваться этим правом, следует выйти из этого договора». США отвергли Конвенцию по биологическому оружию, отказались ратифицировать Договор о полном запрещении ядерных испытаний, не признали юрисдикции Международного уголовного суда.

Как пишет французский еженедельник, «чтобы противостоять беспорядкам на планете, Вашингтон предложил новое распределение задач: «Мы сражаемся, ООН «питает», Европа реконструирует». Так и произошло в Афганистане, где Америка вела войну из области научной фантастики, оставив европейцам разминирование и доставку риса. Решения принимаются в одностороннем порядке, зачастую в ущерб интересам не только «остального мира», но даже ближайших партнеров Америки, как показывает недавнее решение о введении тяжелых таможенных пошлин на продукты черной металлургии. Уверенная в своей безраздельной мощи, готовая взять на себя риск за беспорядки, которые может спровоцировать ее политика, Америка Джорджа Буша больше не желает ни сотрудничать, ни консультироваться»[1].

[1] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 12

По поводу отказа США подписать протокол Киото об охране окружающей среды президент Буш-младший во время визита в Европу сказал так, выступая перед американскими журналистами: «Я им сказал, что уважаю их точку зрения, но не изменю американскую позицию, потому что так будет лучше для Америки». Его пресс-секретарь: «Значительное потребление энергии — часть американского образа жизни, который для нас — священное понятие». Когда европейцы подвергли критике концепцию «оси зла», им немедленно указали на место. «Даже если наши союзники не согласны, мы будем делать то, что сочтем отвечающим нашим интересам», — заявил государственный секретарь США Колин Пауэлл[1]. Президент Буш-младший предал осмеянию «мягкость» европейской элиты.

Известный американский обозреватель У. Пфафф характеризует администрацию Дж. Буша как «правительство крестоносцев. Многие в ней убеждены, что военной силой можно добиться разрешения политических проблем. Они полагают, что Ариэль Шарон делает то, что следует делать в его ситуации: грубой силой решить политические проблемы. Проблемы Израиля можно решить, прогнав палестинцев в соседние страны. Но сомнительно, что таким способом можно будет проложить путь миру на Ближнем Востоке. Даже в союзной Европе, которая в течение 50 лет благосклонно относилась к Америке, использование Вашингтоном силы трактуется как серьезная проблема»[2].

У этого курса значительная поддержка в американском обществе. Скажем, популярный телевизионный канал «Fox TV» является откровенным рупором односторонних действий США в хаотическом мире. Сформировалась когорта принципиальных сторонников именно простой и ясной односторонности в американских действиях, возглавляемая такими идеологами односторонней гегемонии империи стратегии в масштабах всего мира, как Ч. Краутхаммер. С их точки зрения, прямолинейная односторонность предоставляет возможность реализовать уникальный шанс в мировой

[1] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 15.

[2] «International Herald Tribune», April 9, 2002.

истории, когда карты легли так, что одна страна — с населением менее 5 % мирового — обладает достаточной мощью для прямого и непосредственного мирового лидерства. Односторонность позволяет, мол, вести логичную политическую линию в непосредственных интересах Соединенных Штатов.

Спору нет: сочетание экономической, военной, политической мощи и глобального информационно-идейного влияния дает Америке шанс глобального влияния, невиданный со времен Римской империи. Одно, но существенное *но:* в Римской империи (как и в любых государствах, претендовавших на мировое вождение) присутствовал элемент, практически обязательный для сознательного лидера, — представление о том, что всемирное могущество Рима требует и заслуживает безграничных жертв, материальных и людских; убежденность в том, что распространение римских представлений и учреждений являет собой безусловное благо — как римские дороги и водопроводы, за распространение которых римские граждане готовы биться против варваров в легионах.

Не нужно быть лучшим специалистом в американской политической жизни, в идеологии США и их морали, чтобы утверждать достаточно категорически: в современных Соединенных Штатах *нет* массово распространенной идеологии подобного рода, единственно позволяющей прилагать колоссальные американские ресурсы к делу прочного доминирования американских ценностей и представлений во всем бесконечно пестром ареале человеческого обитания на пяти континентах и в 189 странах. (Подобный порыв присутствовал при формировании американской империи в 1898 г. с обретением Филиппин, он был ощутим в двух мировых и корейской войнах. Ему был нанесен колоссальный удар во Вьетнаме, а затем — в меньшей степени, но весьма ощутимо — в Ливане в 1983 г., в Сомали в 1993 г.)

Для подтверждения своего имперского всемогущества, подразумевающего готовность жесткого и жестокого самоутверждения, Соединенные Штаты должны многое изменить в своей внутренней жизни. Та миссия, о которой поют сторонники «не упустить редчайший исторический шанс»,

требует определенного отказа от признания первостепенной ценности человеческой жизни, несомненную жертву широких гражданских прав в пользу имперской эффективности и всеприложимости сформировавшихся в уникальных Соединенных Штатах норм. Древний Рим обретал сторонников своего закона за счет бесконечных войн и дарования элите побежденных стран прав римского гражданства. Даже если не именовать царящее в США жизнелюбие *гедонизмом* и не искать на просторах великой республики *Содома и Гоморры,* все же всякий трезвый наблюдатель должен признать, что изменить американское национальное сознание в пользу имперской жертвенности весьма сложно, если не невозможно. Вера в военную технологию и в возможность беззатратных войн, где бомбардировщики находятся выше полосы поражения, а ракеты наводятся спутниками из космоса, лишь частично и лишь на определенное время может создать иллюзию всепобедимости без жертв.

Захочет ли американский народ следовать римскому примеру, когда юношей сознательно готовили не щадить жизни для торжества Рима и его ценностей, когда сенат сознательно поощрял ристалища гладиаторов с целью избежать размягчения нравов, когда представление, что «все люди рождены равными и наделенными своим создателем определенными неотъемлемыми правами», было бы кощунственным по отношению к римским, завоеванным кровью привилегиям? Признаков такого поворота в жизни великой заокеанской республики пока нет, и реализация его пока едва ли возможна. На фоне ухода коммунизма как провозглашенного смертельного врага, подключения 134 (!) стран к возглавляемой Америкой Антитеррористической коалиции, новой лояльности

России, робости Китая, разобщенности исламского мира *нет мифа, который бы мобилизовывал* на любые жертвы.

Справедливо пишет швейцарская «Тан»: «США должны вести дела с Китаем и Японией, Индией и Пакистаном, умиротворять Уолл-стрит и экологов, следить за своими текущими интересами и стабильностью в мире, за свободной торговлей и черной металлургией. Весь мир для Америки — огромный Ближний Восток, слишком большой кусок пиро-

359

га для одной страны. Мировое господство — это не панацея. Мир нуждается в другой организации. Миру, и США в первую очередь, нужны другие великие державы»[1].

А если так, то в осуществлении действительно редкого исторического шанса возглавить мировое сообщество Соединенные Штаты *просто* обязаны полагаться не на жертвенные легионы, а на реальных и потенциальных союзников. Первым и главным из них является мощный (хотя пока и недостаточно консолидированный) Западноевропейский регион. Поэтому предпосылкой закрепления США на мировом Олимпе является выработка жизнеспособных дружественных отношений с этим регионом, пять столетий возглавлявшим мировое развитие.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЕВРОПЫ

Самоутверждение Америки не может быть спокойно воспринято в Западной Европе, теряющей в мировом влиянии ровно столько, сколько приобретает имперский Вашингтон. Европа недоумевает (в данном случае это французский журнал «Нувель обсерватёр»), «почему президент Путин решил пройти под кавдинским ярмом, приняв унизительные условия, а Китай незаметно оказался тише воды ниже травы. Эти метаморфозы произошли не по мановению волшебной палочки. И вовсе не механическое накопление сил превратило Америку в «мирового жандарма против ее же воли». Во главу угла поставлен миф о «незаменимой нации», случилось так, что он дал этой нации непомерные права. Этот миф стал результатом такого ведения международных дел, когда решения принимаются в одностороннем порядке, зачастую в ущерб интересам не только остального мира, но даже ближайших партнеров Америки, как показывает недавнее решение о введении тяжелых пошлин на продукты черной металлургии»[2].

Европейский союз немедленно выдвинул план повышения пошлин на импорт апельсинового сока из Флориды и

[1] «Le Temps», 16 avril, 2002.

[2] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 11.

360

мотоциклов, собираемых в Висконсине (два американских штата, где голоса избирателей разделились практически поровну на последних президентских выборах). Целью также намечены Пенсильвания, Западная Вирджиния, Северная и Южная Каролины (сталь и текстиль), которые являются оплотом республиканской партии президента Буша. «ЕС ударит по Бушу-младшему там, где будет всего больней: по урне для голосования»[1].

Профессор английского Оксфорда Т. Эш видит проблему в том, что «Америка сегодня обладает гораздо большей властью, чем нужно для всеобщего блага. Она обладает безмерной глобальной «мягкой» властью над нашими головами. С точки зрения экономической мощи ее единственным соперником является Европейский союз. С точки зрения военной мощи у нее вообще нет соперников. Никто со времен Римской империи не обладал такой мощью. Даже архангелу опасно обладать таким могуществом. Авторы американской Конституции мудро определили, что ни одна ветвь власти не должна никоим образом доминировать

над другими, так как даже самые лучшие люди могут впасть в искушение. То же самое применимо и к мировой политике»[2].

Кто же должен контролировать и уравновешивать мощь Америки? Таким контрбалансом может быть только Европа, как экономически приблизительно равное образование, как группа государств, имеющих огромный дипломатический и военный опыт, как ведущий фактор мировой торговли и международной помощи.

Возьмем умиротворенную Германию. За последние три года численность верующих среди трех с лишним процентов среди потомков «гастарбайтеров», ее мусульманского населения (преимущественно турецкого) доля тех, кто назвал себя «твердо верующим», увеличилась вдвое. Эти люди не желают возвращаться в Турцию, Марокко, Алжир, но еще более решительно они отказываются ассимилироваться в местные структуры. Их учат фундаменталисты — учителя

[1] «International Herald Tribune», March 28, 2002.

[2] «New York Times», April 9, 2002.

на арабском языке, ученики сознательно, с детских лет уходят от собственно германской культуры, оставаясь в своем мусульманском мире. Особенно заметно это в отношении к мусульманским женщинам, попытки изменения подневольного статуса которых воспринимаются особенно болезненно.

ЦЕННОСТЬ НАТО

В условиях сентябрьского кризиса 2001 г. Североатлантический союз, об уникальной эффективности которого в современном, все более хаотическом мире было столько сказано, оказался гораздо менее эффективным военно- и внешнеполитическим инструментом, чем ожидалось. Бельгия, которая возглавляла Европейский союз в то полугодие, буквально осудила англичан и лично Т. Блэра за излишнюю готовность следовать за американцами. Голландский премьер засомневался в том, нужно ли упоминать о параграфе 5 Вашингтонского договора 1949 г. (о том, что нападение на одного члена союза равнозначно нападению на всех). Британский премьер Т. Блэр вынужден был немедленно позвонить голландскому премьеру Виму Коку, и в течение 35 часов после трагедии в Нью-Йорке и Вашингтоне *все* члены Североатлантического союза впервые за 52 года его существования объявили о введении состояния взаимной обороны — европейцы заявили, что нарушена статья 5 Вашингтонского договора, — согласились, что параграф 5 затронут. Несколько западноевропейских стран *потребовали* применения статьи 5 устава НАТО о совместных боевых действиях на стороне США. «Главы союзных государств и правительств, — пишет французский журнал, — буквально осадили Белый дом, предлагая помощь, но им было демонстративно отказано. Попросту потому, что американская армия не хотела связываться с союзниками, которые во время войны в Косове проявили себя не с лучшей стороны. Сложность американских вооружений столь велика, что европейские части, за редким исключением, не могут принимать участия в совместных операциях. Большего и не потребова-

лось для сведения к нулю остатков политического влияния, которое Европа еще оказывала на Вашингтон»[1].

За американцами первыми пошли британцы, оправдывая слова де Голля, что в случае кризиса Лондон всегда предпочтет континенту Атлантику (т. е. Америку). Формально все члены военного союза — европейские союзники послали пять самолетов «АВАКС» со своими экипажами патрулировать американское воздушное пространство, освобождая самолеты слежения «АВАКС» для Афганистана. Они предоставили свое воздушное пространство

вооруженным силам США. Британия наносила удары параллельно действиям американских вооруженных сил. Англичане приняли участие уже в первой воздушной атаке по целям в Афганистане 7 октября 2001 г.; 4200 солдат британских специальных подразделений выступили вместе с американцами.

Однако эта активность Лондона только подчеркивала фактический разброд в действиях других европейских членов НАТО. Франция объявила о своей готовности оказать Соединенным Штатам помощь с двухмесячным опозданием. Канцлеру ФРГ Шредеру удалось с большими усилиями уговорить бундестаг предоставить военную помощь — 3900 солдат бундесвера только на третьем месяце возникшей мировой борьбы с терроризмом. (Учтем при этом, что экономический лидер Европы расходует на военные нужды лишь 1,5 % своего ВНП.) И ни у кого, кроме Британии, не было транспортных средств для перемещения своих воинских контингентов к местам боев. Французский авианосец уже долгое время «намертво» стоит на ремонте в Тулоне — у него проблемы с ядерным реактором. Голландцы предложили свои небольшие силы морской пехоты, Рим и Мадрид — горно-стрелковые части, Париж — самолеты-разведчики. Остальные страны — члены альянса ограничились словесными выражениями солидарности либо остановились на отдельных жестах помощи.

Наблюдатели по обе стороны океана критически отнеслись к американской реакции на европейские предложения. Популярна точка зрения, что Вашингтону следовало

[1] «Nouvel observateur», 16 mars, 2002, p. 14.

запросить для помощи в войне в Афганистане батальон или бригаду западноевропейских войск под командованием НАТО. Отказ от такой помощи «будет преследовать Соединенные Штаты. НАТО становится все слабее как военная организация. После неудачного опыта в Косове этот альянс не используется в конфликтах вне зоны ответственности НАТО. Вместо этого Соединенные Штаты в одностороннем порядке развертывают все больше сил для борьбы с терроризмом — в Йемене, Грузии, Пакистане, республиках Средней Азии и на Филиппинах. Америка высовывает свою шею за рамки многостороннего консенсуса. Даже если она и добьется успехов, сохранится ли еще альянс, чтобы поддержать в последующем миротворческие операции? Он вбирает в себя новых членов и углубляет свои отношения с Россией. Новая «двадцатка» НАТО (19 членов НАТО плюс Россия) будет принимать решения коллективно. Если НАТО всегда была неудобной для использования в мире после «холодной войны», то она становится еще более неудобной после расширения. А углубление связей с Россией угрожает введением де-факто права вето на операции альянса, особенно в таких регионах, как Грузия или Прибалтийские государства, где Россия проявляет наибольшую озабоченность вмешательством НАТО»[1].

В чем различие в военной политике двух регионов? Как приходит к выводу профессор Калифорнийского университета М. Трахтенберг, «Соединенные Штаты сделали ставку на систему международной безопасности, основанную на мощи своей армии. Европа продолжает делать ставку на развитие региона. Европейскому выбору, возможно более эффективному на более длительный период времени, присуща относительная дипломатическая непоследовательность». Но укрепление американской империи породит «обиды» и опасности в будущем: «Мы можем прийти к тому, что отравимся нашей силой, дадим толчок безрассудной политике, основанной на навязывании своей системы и нашей идеологии всему остальному миру».

[1] «Guardian», April 29, 2002.

Учтем при этом, что Пентагон расходует в развитии военной отрасли 28 тысяч долл. на одного солдата, в то время как западноевропейцы в среднем 7000 долл. Военный бюджет США на 2005 фин. год составил 405 млрд долл. — сумма большая, чем бюджет 15 крупнейших держав, включая все ведущие западноевропейские. И значительно больше совокупного военного бюджета Европейского союза, ныне равного (2005 г.) 208 млрд долл. (Больше всех расходует на военные цели в ЕС Франция — 45 млрд долл.; второе место занимает Британия.)

В США не возникло особо теплых чувств к союзникам. Формально они будто бы выполнили свой долг. Но практическая сторона оказалась более жесткой, чем ожидалось. Американцы с большей охотой восприняли предложение о помощи со стороны Турции — как секулярной республики с большим мусульманским населением, — чтобы хоть несколько смягчить впечатление от того, что христиане идут войной на мусульман. К тому же Турция расположена рядом и имеет культурные связи с узбеками и таджиками. Притом турецкая армия, постоянно воюющая с курдами, имеет боевой опыт действий, который необходим в битве с Талибаном в афганских горах. Турки же приветствовали шанс показать себя региональной сверхдержавой. Анкара ожидала также американской поддержки в стабилизации крошащейся банковской системы Турции.

Но в общем и целом Вашингтон едва ли был удовлетворен традиционными союзниками. Такие идеологи, как Р. Перл, весьма критически восприняли обращение союзников по НАТО к статье 5 Вашингтонского договора[1]. Все это было несколько призрачно: война объявлена, а союзники сидят в собственных окопах и не очень представляют себе характер легитимной реакции ожившего Североатлантического союза.

Со своей стороны Вашингтон менее всего желал обсуждать свою стратегию в Афганистане на брюссельском или любых других западноевропейских форумах. Вашингтон президента Буша и министра обороны Рамсфелда очевид-

[1] «National Interest», Thankgiving 2001, p.85.

ным образом не хотел влезать в томительную выработку совместной стратегии — опыт Боснии и Косова их совершенно не вдохновлял. Самый большой и важный военный союз Америки оказался практически непригодным для решения западных задач инструментом в критический период. Старый альянс оказался способным решать только старые цели. Он уже никого не сдерживал в Европе. Философия Североатлантического союза, его структура, его миссия оказались устаревшими и не приспособленными для требований нового времени. Более того. Следующий шаг — скажем, удар по следующему «гнезду терроризма» — Ираку, может взорвать «старую НАТО» — в Западной Европе еще готовы послать войска в Афганистан, но не готовы к интервенции в Ираке (или в Сирии, Ливии, Судане, Йемене, Сомали или Иране).

Отметим, что удар по Ираку популярен в США и непопулярен в Западной Европе. Согласно опросу газеты «Вашингтон пост» и телекомпании «Эй-би-си ньюс», не менее 70 % опрошенных американцев высказались за проведение военной операции с целью насильственного устранения от власти президента Саддама Хусейна[1]. В Европе такое же большинство выступает против удара по Ираку. А как американцы будут восстанавливать Ирак без поддержки Западной Европы?

Специалист из Университета Джорджа Вашингтона Г. Ней укоряет европейцев: «Если бы Европа выделила крупные силы для обороны Саудовской Аравии и зоны Персидского залива, была бы она сегодня столь благодушной в отношении Ирака и Саддама Хусейна? Если бы Европа имела 37 тысяч солдат на 38-й параллели в Корее и еще 40 тысяч в Японии, была бы она столь же

заинтересована в умиротворении Северной Кореи, запрете на инженерные мины, которые защищают находящиеся там американские войска, или в отказе от противоракетной обороны на театре войны, чтобы защитить американские силы за рубежом?»[2]

[1] «Guardian», April 29, 2002.

[2] Ibid.

366

Решение проблемы модернизации своего военно-политического союза потребовало бы от Запада весьма радикальных перемен в мировидении, серьезного обращения к прежде игнорируемым проблемам. Но проблема такой модернизации стоит перед Западом.

При этом проявили строптивость традиционные фрондеры. Министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин открыто не согласился со стратегией США, зацикленных на странах-«изгоях». Он выразил недовольство отсутствием консультаций в рамках западного союза, указал на неправильность политической линии Вашингтона в палестино-израильском конфликте, предупредил от неожиданных ударов по Ираку. В 2005 г. ЕС содержит 7 тыс. солдат в Боснии; европейские силы быстрого реагирования уже составили полторы тысячи человек.

Но при всем при том обнаружилось, что не те союзники оказались необходимыми лидеру Запада. Что толку от якобы боеготового механизма Североатлантического союза, если в первом большом кризисе XXI века он не может оказать Америке подлинно действенную помощь? Если генералы ключевых американских натовских союзников готовятся в своем планировании к той войне, которая уже невозможна, нереальна, сугубо умозрительна? США обсуждали свою стратегию в Исламабаде, в Ташкенте и, конечно же, в Москве, ища поддержки нескольких стран, главными среди которых являются Россия и Пакистан.

Но американское военное присутствие вызывает противодействие в огромном исламском мире.

У США и Европейского союза обнаружилось явственное различие политико-экономических интересов в ряде вопросов, касающихся региона Ближнего Востока.

1. Главный фактор: Западная Европа в критической степени зависит от импорта энергетического сырья из Ближневосточного региона — остановка этого потока ведет к коллапсу экономики Европейского союза; в то же время Соединенные Штаты в значительно меньшей степени зависят от импорта ближневосточной нефти.

Различие интересов диктует различие позиций. США полностью стоят на стороне Израиля в ближневосточном

367

конфликте; они назвали частью «оси зла» Иран и Ирак (присовокупив позднее к этой «оси» Ливию и Сирию); они оккупируют Ирак; не собираются покидать аравийские военные базы; всю ближневосточную стратегию строят на поддержке трех «умеренных» мусульманских режимов — египетского, саудоаравийского и пакистанского. ЕС не может держаться столь бескомпромиссной и агрессивной позиции, если желает избежать потрясений, подобных шоку 1973 г. Если бы все основные ближневосточные страны поддержали в апреле 2002 г. призыв Ирака к нефтяному эмбарго, то в США это вызвало бы некоторое повышение цен на бензин, а в Европейском союзе произошел бы экономический коллапс.

2. В западноевропейских странах уже живет более 20 млн мусульман — они уже неистребимая часть западноевропейского политического ландшафта, а в Америке мечети — все еще экзотический пейзаж. Безразличие к палестинцам в

западноевропейских странах уже невозможно; в США произраильская позиция пользуется твердой общественной поддержкой.

3. Западная Европа не может просто причислить Сирию, Ливию, Иран и Ирак к некой «оси зла» и базировать на этом свою политику. Ведь речь идет о регионе-соседе, с которым у ЕС стабильные экономические отношения (не говоря уже об общем историческом прошлом). Европейский союз как раз именно сейчас развивает свою «средиземноморскую» политику, создает основу введения всего этого региона в сень геополитического влияния Брюсселя. Соединенные Штаты же безучастны к странам, столь далеким географически, цивилизационно и экономически. Для Вашингтона проблему взаимоотношений решает Шестой флот (Средиземноморье), массированное военное присутствие в Турции, в Центральной Азии, Закавказье, в Персидском заливе, на Аравийском полуострове.

В результате возникает не только несовпадение интересов, а их определенное противостояние на региональном уровне. Прямо это было сказано американскому президенту во время визита Дж. Буша-младшего в Европу в феврале 2005 г.

ТОРМОЖЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В Европе указывают на устрашающие последствия глобализации во многих странах, подавая эти последствия как подлинную новую военную угрозу: «45 миллионов продолжают умирать от голода и недоедания каждый год. Мир охватили три огромные глобальные инфекции, убивающие в год 6 миллионов человек, большинство из которых жили в Африке. Начиная с 1990 года почти 4 миллиона человек погибло в войнах, 90 % из них были гражданскими лицами»[1]. Европейская точка зрения сводится к тому, что с терроризмом следует не просто бороться военными средствами, но следует уничтожить источники этого явления, его raison d'etre: растущий разрыв в доходах между богатыми и бедными странами, отсутствие перспектив политического решения конфликтов — особенно на Ближнем Востоке, плохое управление на европейском Юге.

Америка, полагают в ЕС, «не готова к усилению влияния Европы, и потому ее риторика касательно призывов к увеличению ее расходов на оборону подозрительна». А между тем «Америке нужно отступить назад. Ей еще потребуется помощь основных европейских союзников»[2]. Ситуацию весьма точно оценил министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин, заметивший, что «11 сентября указало на еще несозданность настоящего мирового сообщества»[3]. Еще вчера весь западный мир во главе с США категорически отвергал возможность наказания *до* суда, а затем он стал бомбить Афганистан, основываясь на хорошо знакомых нам *косвенных* доказательствах. Еще вчера этот мир превозносил беспристрастные средства массовой информации, отстраненный объективный анализ, а затем он приступил к более понятным нам поискам справедливости *до* предъявления доказательств. *Мы наблюдаем кризис мирового общежития*

[1] *Gnesotto N.* EU, US: visions of the world, visions of the other. In: *Lindstrom G.* (ed.). Shift or rift. Assessing US-EU relations after Iraq. Paris: Institute for Security Studies, 2003, p. 25.

[2] «Guardian», April 29, 2002.

[3] «Time», December 2, 2001, p. 76.

как системы. Позволим себе напомнить, что и Лига Наций, и ООН создавались в целью формирования организационной базы для *мировой солидарности* народов, а не для фиксации вопиющего материального и духовного разобщения.

Глава 13
ФАКТОР КИТАЯ

Китай — это та страна, которая более всего пострадала от столкновения с

Западом, прошла через череду унижений и поразительных испытаний и нашла в себе силы взять свою судьбу в собственные руки. За четыре тысячи лет истории Китая у страны были взлеты и падения. Примерно до 1820 г. Китай шел в ногу с цивилизационно-экономическим развитием лидера — Запада. В 1830 г. на Китай приходились респектабельные 33 % мирового валового продукта, а спустя столетие его доля упала до 5 % — стала ощущаться качественная отсталость. Именно затем наступили полтора столетия цивилизационно-экономического падения страны. Возможно, нижайшей точкой относительного веса Китая в мире стали первые восемь десятилетий XX века, когда страна была попираема извне Западом и Японией, а внутри переживала конвульсии прощания с монархией, становления республики, раскола, гражданской войны, поисков пути развития, «большого скачка», «культурной революции», застойной диктатуры.

Но после 1978 г. начался впечатляющий рост, доведший долю КНР до 12 % прироста валового национального продукта в год[1]. Сохраняя современные темпы, Китай по ВВП обойдет США не позднее 2040 г. Роль потенциального лидера заставляет задуматься. Характерная черта: китайские руководители приглашают российских, европейских и все чаще американских специалистов с просьбой дать свои предсказания мирового развития в грядущие 15—20 лет. Они

[1] *Ferguson N.* Colossus. The Price of American's Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 260.

также просят иностранных специалистов обрисовать и проанализировать траекторию подъемов и спадов основных мировых держав после 1500 года. Им импонирует, когда их называют «сверхдержавой будущего» (так выразился президент Ширак во время визита в КНР в октябре 2004 г.). Ясно, что китайцы ныне заворожены своим материальным ростом и укреплением собственного престижа. Их очень интересует будущее, в формировании которого они намерены принять самое непосредственное участие. При этом фокус на прежний опыт неизбежно ведет к заключению, что «железные законы политической теории и истории указывают на неизбежное столкновение и конфликт»[1].

ТРАДИЦИИ И ПЕРЕМЕНЫ

Новые ветры дуют в Азии. Азиатский гигант — Китай после многих лет очевидной пассивности начал заметную активизацию — после экономики — своей внешней политики. В китайской истории есть стойкие традиции. Например, Китай трижды — в 1592, 1894 и 1950 годах — выступал против укрепления иных стран (в последнем случае — США), на территории соседней Кореи. Как поступит Китай ввиду жесткого нажима Америки на Северную Корею после провозглашения последней своего ядерного статуса? Ведь он отстаивал ее задолго до *рождения* Соединенных Штатов. Если посмотреть в противоположную сторону — на Тибет и Центральную Азию, то китайцы появились здесь относительно недавно — в XVII и XVIII веках; но, завоевав эти территории, отстаивали свое право на них при всех режимах: императорском, республиканском (в 1912 г.) и коммунистическом. Китай упорно отстаивал свое право на Тайвань, отошедший к Японии в 1895 г. и чанкайшистам в 1949 г.

С Америкой у Китая были самые *различные* отношения: и взаимная симпатия, и суровое отчуждение. И смесь двух тенденций, когда, скажем, в XIX веке американские еванге-

[1] *Brzezinsky Zb.* and *Mearsheimer J.* Clash of Titans («Foreign Policy», January/February 2005, p. 21).

листы жестко ломали китайские традиции, когда в начале XX века американцы весьма грубо требовали от китайцев установления республиканской формы

правления, а получили в 1920-е годы господство китайских генералов, когда Вашингтон поставил на гоминдан, а получил триумф коммунистов. Современная активизация внимания к Китаю связана с колоссальным экономическим подъемом древней страны.

На основе исключительной централизации и национальной решимости в конце 1970-х годов, в растерянном послемаоцзэдуновском Китае член политбюро КПК Дэн Сяопин издал сборник поэзии VI—II веков до н. э., осевой линией которого была идея, что ничто еще не потеряно в живом организме, что следует осмотреться и найти выход из очередного исторического злоключения. Преодолеть упадок последних ста пятидесяти лет. Обращала на себя внимание степень самоуважения китайцев. Успехи внешнего мира признавались, но ни на йоту не падала уверенность в том, что Китай *сумеет* преодолеть трудности и что он займет традиционно высокое место среди народов мира. Глядя на огромный бедный мир своей страны, Дэн наметил предварительную цифру «экономической нормальности» — 800 долл. в год на каждого жителя страны, более чем скромная цифра. И после спада 1950—1960 годов, когда «культурная революция» довела даже лучших до одичания, начался феноменальный китайский подъем.

ИТОГИ БРОСКА

Драматизм перемен после 1978 г. почти непостижим. Решившая «исправить историю», страна начала выпускать 325 тыс. инженеров в год, поощряя всяческую экономическую инициативу, давая государственное прикрытие всем начинаниям, связанным с модернизацией экономики. Государство прежде всего гарантировало от воров и рэкетиров, от нечестных внешних инвесторов.

За весьма короткое время на КНР стало приходиться 16 % мирового экономического роста. Через 15 лет таких темпов развития Китай стал второй экономикой мира. Уже

ныне, в 2005 г., Китай имеет торговое положительное сальдо с Америкой в 100 млрд долл. и 30 млрд долл. с ЕС.

Это привлекло к 2004 г. (в котором страна выросла в очередной раз на 9,5 %) неслыханные 500 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. Государство всеми возможными способами стало поддерживать предприятия, работающие на экспорт, и КНР превратилась в огромную, работающую на экспорт машину. За период между 1990-м (синхронно в России начинают ломать государство) и 2003 годам (в России начинают медленно восстанавливать государство) поддерживаемый китайским государством экспорт вырос в *восемь* раз — до 380 млрд долл. Экспорт составляет ныне 20 % ВНП Китая. Доля Китая в мировом экспорте за один только период 2000—2004 гг. увеличилась с *3,9 %* до 6 *%*.

Поразителен выбор ударного направления в экономике. Пока Россия забивала себе голову ваучерами, Китай сделал решительную ставку на электронику. Число стационарных телефонов между 1989 и 2003 гг. увеличилось в 90 раз и достигло цифры 397 млн единиц. Произошел прыжок в численности пользователей Интернета — с 8,9 млн в 2000 г. до 69 млн в 2003 г. Более 200 млн китайцев пользуются кабельным телевидением — самая большая национальная аудитория в мире, которая удвоится уже в 2005 г. Число китайцев, пользующихся мобильными телефонами, увеличивается каждый месяц на 2 млн человек. Еще в середине 1990-х годов китайцы почти не покупали легковых автомобилей, но в 2004 г. ежегодные их продажи достигли 2 млн штук. При таких темпах в частном пользовании к 2010 г. в стране будет 28 млн автомобилей.

Однако не в этих цифрах потребления скрывается растущая мощь Китая. Страна жестко стремится стать мировым лидером и в hardware, и в software — в индустриальном мировом масштабе, обходя в компьютерах и компьютерном

оборудовании Тайвань (мировой лидер экспорта в данной сфере), а в программном обеспечении — Индию. Результаты впечатляют любого. Продажи электронных программ увеличились с 819 млн долл. в 1995 г. до 3,5 млрд долл. в 2001 г. А продажи электронного оборудования за то же время выросли с 759 млн долл. до 9,68 млрд долл. Чтобы обо-

373

гнать двух своих конкурентов, Пекин наметил *в десять раз* увеличить электронный экспорт к 2010 г.

На внутреннем китайском рынке китайская компания «Лидженд» владеет 26 % продаж, в то время как американские «ИБМ» и «Хьюлет-Паккард» — соответственно 6 % и 3,8 % китайского рынка. В 2003 г. КНР совместно с Гонконгом лидирует в производстве 8 из 12 ключевых продуктов потребительской электроники. Ныне на Китай приходится более половины мирового производства цифровых камер и проигрывателей DVD; более трети мирового производства ноутбуков и настольных компьютеров; около четверти всех мобильных телефонов, цветных телевизоров и автомобильных приемников.

Китайские позиции заметно упрочились и в ряде других сфер. После двух десятков лет бурного развития в мировой геополитике обозначились важные перемены. Китай занял место Соединенных Штатов в качестве *величайшего* потребителя ведущих сырьевых материалов и стал основным определителем цен на медь, железную руду, алюминий, платину и другие ископаемые. Выход Китая на *мировой* рынок сырья можно сравнить лишь с подобным выходом на этот рынок Соединенных Штатов в начале XX века. Китай стал потреблять 30 % железной руды в мире (14 млн тонн, в 1990 г. и 148 млн тонн, в 2003 г.), 21 % платины, 15 % алюминия (рост с 1 млн тонн, до 5,6 млн тонн). Импорт меди вырос с 20 тыс. тонн в 1990 г. до 1,2 млн тонн, в 2003 г. Импорт платины вырос с 20 тыс. унций в 1993 до 1,6 млн унций в 2003 г.[1]. Продолжающаяся бурными темпами индустриализация Китая предполагает значительное увеличение потребления сырьевых материалов. В критическую плоскость встает потребление энергии — импорт электричества, нефти, газа. В результате бума импорт Китая к 2004 г. составил 140 млрд долл.

При столь растущем потреблении мировых ископаемых не требуется больших усилий, чтобы представить, что Китай, как прежде все прочие великие державы, выработает

[1] *Hale D.* China Growing Appetites («The National Interest», Summer 2004, p. 138).

374

внешнюю политику и военную стратегию, направленные на защиту своего доступа к сырьевым материалам, который (доступ) современный Китай весьма ценит и будет защищать всеми силами.

На Китай в 2004 г. приходилось 20,6 % производимой в мире меди (на США — 16 %). В 2005 г. на Китай приходятся 21 % глобального потребления алюминия (США — 20 %); 35 % добываемого в мире угля, 20 % цинка, 20 % марганца; 16 % фосфатов. КНР сегодня производит 220 млн тонн стали — больше, чем США и Япония, вместе взятые. Планы китайцев: производить еще 200 млн тонн стали в ближайшие годы. Урбанизация китайского населения создает невероятный спрос на сталь и прочие необходимые в строительстве материалы.

Поразительны проекты на будущее. К 2025 г. на Китай будет приходиться 30—40 % производства металлов в мире. Международное энергетическое агентство проецирует увеличение потребления нефти Китаем между 2001 и 2030 гг. с 1,7 млн баррелей в день до 3,3 млн баррелей нефти в день в 2010 г. и 9,8 мбд в 2030 г. Россия здесь — один из важнейших потенциальных партнеров. Практически нет сомнения в том, что Пекин постарается наладить тесные отношения с импортерами энергии — страна уже обогнала Японию и стала

вторым в мире импортером нефти. КНР собирается импортировать 7,3 млн баррелей в 2030 г. (на США будет приходиться 24,3 млн баррелей в день, на Западную Европу — 14,6 млн, на Японию — 6,8 млн). Китай намеревается вывозить сжиженный газ из Австралии, Индонезии и Ирана.

В 2005 г. рост промышленной продукции достиг феноменальных 18 %. Неукротимый экономический подъем делает Китай конкурентом Японии. При этом китайцы *инвестируют* в дальнейшее производство феноменальные 45 % (доля внутреннего домашнего продукта) — самая высокая доля в мире[1]. (Большинство успешно развивающихся стран доводит уровень накоплений лишь до 30 %.) В 2010 г. в Китае будет 28 млн частных автомобилей.

[1] *Hah D.* China Growing Appetites («The National Interest», Summer 2004, p. 137).

Раньше Пекин стремился прежде всего на богатые рынки Запада, к развитию взаимных связей с ним. И добился немалого: за последнее десятилетие экспорт из США в КНР увеличился с 16,1 млрд долл. до 27, 3 млрд; экспорт из Западной Европы — с 21,3 млрд до 38,5 млрд долл. В то же время Китай упрочился на положении второго экономического партнера Соединенных Штатов, обогнав Мексику (и не давая ей шанса). Доля Китая в импорте США — 11,2 %.

СТАТЬ ЛИДЕРОМ АЗИИ

Прежнее отстояние от международных организаций и процессов претерпело явственное изменение. В действиях китайцев сегодня видна новая гибкость, китайская дипломатия демонстрирует новое умение, компетентность и софистичность. Предпосылкой этой активизации послужила нормализация отношений и разрешение территориальных споров с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Вьетнамом, Лаосом, Индией. Китай получил лишь примерно 50 % оспариваемой территории, но он ныне, имея менее спорные за последние двести лет границы, ослабил давление по поводу спорных островов Сенкаку, Парасельские, Спратли и обрел желаемую свободу действий.

Особенностью переживаемого периода является то, что Пекин стал консолидировать свои позиции в собственном регионе, укрепляя связи с Азией. Китай создал зону свободной торговли с десятью азиатскими странами. Китай развивает отношения с ключевыми азиатскими странами, нередко вопреки пожеланиям Соединенных Штатов. Например, США в 1997 г. ввели санкции против Бирмы, а КНР предоставила этой стране 3 млрд долл. экономической помощи. Китай помог в трудное время Таиланду, Лаосу и Камбодже, в то время как США восприняли их «трудности» в 1990 годах как «естественные». Индонезия получила от Пекина займов в 400 млн долл., Вьетнам — 150 млн, когда эта страна переживала трудности торговли с США. Обнаружив трудности экономических отношений США с Новой Зеландией, Китай немедленно пришел на помощь новозеландцам. Ве-

дущий союзник США в Азии — Япония сейчас импортирует из Китая больше товаров, чем из США.

В абсолютных цифрах импорт Китая в Азии вырос между 1970 и 2003 гг. с 4,1 млрд долл. до 370 млрд, а экспорт — с 4,6 млрд долл. до 380 млрд долл.[1].

Китайская сторона достаточно открыто подает подобные экономические действия как «победу над односторонностью». Импорт из всей Азии в КНР увеличился за период 1995—2003 гг. с 72,1 млрд долл. до 160,6 млрд. А экспорт в «свой» регион увеличился втрое: с 29,8 млрд до 81,9 млрд долл. Объем полуфабрикатов из Азии в КНР увеличился значительно, тем самым экономическая взаимозависимость региона стала весьма значительной. Пекин сознательно идет на весьма значительный торговый дефицит в торговле с

соседями. Дефицит в торговле с Тайванем — 31,5 млрд; с Южной Кореей — 13,1 млрд; с АСЕАН — 7,6 млрд.; долл.; с Японией — 5 млрд; с Австралией — 1,3 млрд долл.

Такая внутрирегиональная заинтересованность — новое и стойкое явление для Китая. Пекин ныне ведет интенсивные переговоры с АСЕАН о создании региональной зоны свободной торговли. Речь идет о создании так называемой организации АСЕАН + — страны АСЕАН и Китай, Япония и Южная Корея. Предполагается обсуждение идеи создания регионального валютного фонда. Китай полагает, что участие в таких организациях ослабит страх перед его новым могуществом у тех, кто помнит традиционную роль «Срединной империи».

Сейчас китайская доля в общеазиатском экспорте электроники превысила 30 % (а совсем недавно, в 1997 г., равнялась лишь 14 %). Азиатские соседи вынуждены потесниться (за исключением Южной Кореи — 17,1 %). Экономическая роль КНР возрастет еще более, если к власти на Тайване возвратится гоминдан с его политикой «одного Китая», заменив нынешнее тайваньское правительство, питающее идею тайваньской независимости.

Экономическое влияние быстро начало переходить в

[1] *Hale D.* and *Dale H.* China Takes Off («Foreign Affairs», November/December 2003, p. 44-46).

общеполитическую сферу. Ныне КНР доминирует, как минимум, в грех соседних азиатских странах. В 2000 г. Цзянь Цзэмин посетил Лаос и Камбоджу. Центральному правительству Лаоса он помог воздействовать на мятежные северные племена, капитализируя это в преобладание во Вьентьяне. Еще более впечатляющим является случай с Камбоджей: всего десять лет назад центральное правительство Пномпеня весьма холодно относилось к Пекину из-за китайской помощи движению красных кхмеров. После первого визита Цзянь Цзэмина в Камбоджу в 2000 г. Камбоджа решительно вошла в китайскую зону влияния.

Еще более впечатляющим стал поворот Таиланда. В начале 2004 г. тайский премьер Таксин Чинават объявил о переориентации внешней политики страны. Этот многолетний союзник Соединенных Штатов и Британии отныне ориентируется на Китай «как на наиболее важную страну во внешней политике Таиланда». В 2004 г. Китай подписал 24 новых экономических соглашения с Бирмой. Обильные инвестиции в Монголию сделали эту страну фактическим сателлитом Китая. Некогда непримиримо сражавшаяся с КНР Индия ныне установила с Китаем довольно близкие отношения в области экономики и безопасности. Россия подписала договор о дружбе. Даже Южная Корея, с 37 тысячами американских войск, смотрит на Китай как на брокера в своих отношениях с Северной Кореей. На ежегодном форуме в Боао (нечто вроде европейского Давоса) азиатская элита обсуждает мировые проблемы. Даже Восточный Тимор заявил о том, что хотел бы создать «максимально тесные» отношения с Китаем. Похожую позицию периодически занимает Казахстан.

Летом 2003 г. Пекин оказал немалое воздействие на КНДР (перемещение войск на совместной границе, прекратил морские поставки нефти, задержал северокорейское судно, начал исполнять роль посредника между Пхеньяном и Вашингтоном). Но важен и договор о ежегодных встречах с представителями АСЕАН. Пекин предложил постоянные связи между военными ведомствами азиатских стран.

НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Но Китай смотрит еще шире. В октябре 2003 г. новый китайский президент Ху Цзиньтао получил возможность выступить в австралийском парламенте. А новый китайский премьер Вэнь Цзябао совершил весной 2004 г. тур по Европе, заключив соглашение о совместной, ЕС — КНР, программе освоения космоса,

совместно осуждая американский авантюризм. Практически была достигнута договоренность о продаже европейского оружия Китаю.

Как это повлияет на другие регионы? Американцы не без злорадства указывают своим европейским конкурентам, что бурный индустриальный рост Китая *бьет прежде всего по европейской промышленности.* «Когда дым рассеется, мы увидим Азию более процветающей, чем прежде, Соединенные Штаты — покрытыми синяками, но выстоявшими, а на месте Европы нечто вроде руин Испанской империи»[1].

После одиночества, характерного для периода Мао Цзэ-дуна и Дэн Сяопина, Пекин, *во-первых,* расширил сферу двусторонних отношений. Совершенно особое значение имеет заключенный в 2001 г. договор с Россией «О добрососедстве и дружеском сотрудничестве». И Китай определенно улучшил отношения с Россией, которая в лице Путина дала понять, что будет стоять рядом в случае ухудшения китайских отношений с Западом. Созданная в новом веке «Шанхайская шестерка» знаменует собой организацию огромного пласта евразийской территории. С 1996 г. Китай является участником встреч «Азия — Европа». В 2003 г. КНР впервые имела особые контакты с Североатлантическим союзом.

Во-вторых, Пекин обратился к прежде практически игнорируемым международным организациям. Впервые за историю ООН Китай придает немалое значение своему участию в ней, особенно в Совете Безопасности ООН.

Новая китайская дипломатия представляет собой определенный отход от строго коммунистического курса, приближение к традиционно национальным линиям поведе-

[1] *Waldron A.* Eueope's Crisis («Commentary», February 2005).

ния. Новое поколение китайцев, безусловно гордое своими достижениями, смотрит на мир в значительно более национальном духе — они отражают не только традиционную китайскую цивилизацию, но прежде всего новую геополитическую мощь «Поднебесной».

Строго говоря, в «новой дипломатии» не так много нового, этот путь проходили все индустриальные страны. Пекин выработает специфическую внешнюю политику и соответствующую ей военную стратегию для защиты подходов к наиболее важным ископаемым ресурсам. По мере того как Китай распространит свою торговлю на Латинскую Америку, Африку и Ближний Восток, он распространит и политико-культурные связи. Китай будет стремиться имитировать Соединенные Штаты, расширяя радиус действия своих военно-морских сил и авиации, гарантирующих подход к базовым ресурсам. Да, прошло 500 лет с того времени, как Китай посылал мощные эскадры за горизонт, но ритм экономического роста страны делает возможным невозможное, и есть все основания предположить, что КНР создаст флот мирового охвата.

То, как Китай будет действовать в спорных зонах, можно с большой степенью вероятия определить, скажем, по тому, как КНР ведет себя сегодня в Судане. Китай уже разместил в Судане 4 тыс. солдат для охраны нефтяной трубы, созданной совместно с малайзийской фирмой «Петронас». Пока мир смотрит на страдания Западного Судана, китайцы без большого шума крепят свои позиции в этой отдаленной и бедной стране. Здесь уже расположились 4 тыс. китайских солдат. Новое средство — и способ — сближения являют собой двусторонние предложения о создании соглашений о свободной торговле. Пекин ведет переговоры об этом с Канберрой, как крупнейшей кладовой природного газа, угля, железной руды и других сырьевых материалов. В ходе состоявшегося в Аддис-Абебе диалога Пекин — Африка предусмотрен рост торговли с 12,4 млрд долл. до 30 млрд долл. в 2005 г.[1].

[1] *Hale D.* China Growing Appetites («The National Interest», Summer 2004, p. 147).

380

Экономическое «стратегическое партнерство» Китай предлагает Бразилии, которая именно в этом видит основу диверсификации своей экономики и ухода от северной гегемонии. И Китай действительно рассматривает себя как потенциальную сверхдержаву. Китайские фирмы планируют инвестиции в алюминиевую промышленность Бразилии объемом в 2 млрд долл., а также 1,5 млрд — в стальную промышленность Бразилии. Еще в 1999 г. Китай был 15-м экономическим партнером Бразилии, а сейчас — второй. Бразилия намеревается довести экспорт в Китай до 10 млрд долл. Еще один существенный потенциальный партнер — Чили.

Свои новые финансовые возможности Китай использует не вполне обычным способом. Так, за 2003—2004 гг. он купил государственных ценных бумаг американского правительства более чем на 100 млрд долл.

Поразительно, но Китай бросает вызов Америке там, где он раньше ничего не значил. От Китая становятся зависимыми страны, которые прежде жестко были в сфере американского влияния, — Австралия, Бразилия, Южная Африка. И нетрудно представить себе, что завтра в китайскую зону влияния попадут такие страны, как Демократическая Республика Конго, Папуа — Новая Гвинея и даже Саудовская Аравия. Раньше Вашингтон категорически противился размещению китайских войск за пределами КНР, ныне такое отношение меняется *de-facto.*

ЗОНА ВЛИЯНИЯ

У Китая явно обнаружилось желание создать своего рода зону своего преобладания в среде богатых ресурсами государств. Американцы считают, что Китай стремится быть гегемоном Азии, подобно тому, как США доминируют в Западном полушарии. «Китайцы хотели бы диктовать линию границ и линию поведения соседним странам, подобно тому, как США поступают в Северной и Южной Америке. Все более мощный Китай постарается вытеснить из Азии Соединенные Штаты, ровно так же, как Соединенные Штаты вытеснили из Западного полушария европейские державы.

381

Почему мы должны ожидать, что Китай будет действовать отличным от американского образом? Творцы американской внешней политики, в конце концов, крайне резко реагируют, когда другие великие державы посылают свои вооруженные силы в Западное полушарие. Эти вооруженные силы неизменно воспринимаются как потенциальная угроза американской безопасности. Являются ли китайцы более принципиальными, более этичными, менее националистичными или менее обеспокоенными своим выживанием, чем представители Запада? Нет — и поэтому Китай будет имитировать Соединенные Штаты в стремлении стать региональным гегемоном. Китайское руководство и китайский народ помнят, что случилось в прошлом веке, когда Япония была мощной, а Китай — слабым. В анархическом мире лучше быть Годзиллой, чем Бэмби»[1].

Это будет тем более возможно, что главные соседи и конкуренты — США, Япония и Россия, возможно, ослабят свое влияние. Китайцы, полагают в США, постараются максимизировать свой отрыв от России и Индии и сделать так, что никто в Азии не посмеет им противиться.

Китайский подъем явно входит в противовес американскому желанию доминировать по всем азимутам. «Соединенные Штаты не терпят равных себе соперников. Как явственно было продемонстрировано в XX веке, США полны решимости оставаться единственным в мире региональным гегемоном. Поэтому Соединенные Штаты будут стараться сдержать Китай и в конечном счете ослабить его, чтобы он не стал азиатским гегемоном»[2].

Встает вопрос: будет ли найден американо-китайский компромисс? Ясно, что Вашингтон попытается отвратить КНР от создания сил глобального развертывания, но отнюдь не ясно, согласится ли на такую опеку Пекин.

Не составляет большого труда представить, что страны, подобные Конго, Папуа — Новая Гвинея и даже Саудовская Аравия могут обратиться к Китаю за помощью в пога-

[1] *MearsheimerJ.* Better to Be Godzilla than Bambi («Foreign Policy», January/February 2005, p. 24).

[2] Ibid., p. 25.

шении восстаний, за содействием в защите местной элиты. В прошлом США всеми возможными способами стремились удерживать Китай от подобной миссии. Но новая роль Китая делает все более сложным непризнание новых — и весьма широких — интересов Китая буквально на всех материках, где Китай для ряда стран становится главным экспортным рынком и центром внешнеполитической помощи.

Движение Китая в новом направлении обозначилось в апреле 2004 г., когда Пекин присоединился к группе поставщиков ядерных ресурсов. Разумеется, Китай стал видной величиной среди сорока стран этой важной группы. Теперь китайская помощь в обзаведении ядерной технологией стала более совершенной, а не простой платой за нефть.

Но в любом случае американское давление на Пекин уже не может быть прямолинейным. Китай принадлежит к странам Азии, которые держат примерно 1,7 трлн долл. валютных запасов, что составляет 70 % мировых запасов долларов за пределами США. Китай покупает сотни миллиардов долларов американских правительственных облигаций, что явственно смягчает дефицит текущего баланса США. Если китайцы ослабят эту поддержку доллара, то американские банки будут вынуждены резко увеличить процент под займы, что неизбежно ударит по строительному буму в США — главному «двигателю» внутреннего развития американской экономики с 2001 г. А Китай кровно заинтересован в развитии американской экономики, поскольку огромный поток китайских товаров может быть абсорбирован только благоденствующей экономикой Америки. По той же логике Китай поддерживает доллар, а не золото или евро.

И все же. В Восточной Азии встает гигант, которого американцы все чаще сравнивают с кайзеровской Германией, экономически возглавившей Европу перед 1914 г. Явление имеет как экономическую, так и политическую сторону. Всеми ощутимым явится воздействие экономического роста Китая на мировые цены. Эти цены начнут спадать лишь по мере того, как поток инвестиций в Китай начнет

ослабевать. И важнейшим фактором для США будет то обстоятельство, что к 2020 г. доля КНР в глобальном потреблении металлов и других ископаемых будет на 50 % больше доли Америки'.

Гораздо более завися от внешнего мира, огромный Китай, связанный множеством нитей с далеко отстоящими странами, потянется к созданию глобальной зоны влияния, здесь его и ждет противостояние с современным гегемоном. Так или иначе Китай через несколько десятилетий будет играть заметно более важную роль в мире. Будет ли эта роль *мирно-приемлема для* США, покажет только будущее.

Как пишет известный американский «переговорщик» с азиатскими державами Клайд Престовиц, «с крушением Советского Союза мы, американцы, перенесли фокус внимания своего оборонного ведомства на Китай как на потенциальную угрозу ввиду его растущей экономики, его риторики возвращения «справедливой

роли» в мире, его ядерного оружия и совершенствования вооруженных сил, настойчивости в провозглашении желания поднять флаг КНР над Тайванем, рассматриваемым как отколовшаяся провинция. Частично в результате этих обстоятельств и некой шизофрении — итоге быстрорастущей китайской экономики — Соединенные Штаты обратились к развертыванию противоракетной обороны и определили Китай как «стратегического соперника»[2].

Если несколько упростить дело, то именно жесткая поддержка Тайваня в первую очередь бросает тень на китайско-американские отношения. Отметим в этом отношении решение президента Дж. Буша-младшего осуществить чрезвычайно масштабные продажи передовых вооружений Тайваню и его заявление о том, что Соединенные Штаты «будут делать все, что необходимо» для обороны Тайваня[3]. В ответ на решение США увеличить

[1] «The National Interest», Summer 2004, p. 147.

[2] *Prestowitz C.* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 10.

[3] *Constantine G.* Taiwan Praised Bush Vow To Do «Whatever It Takes» («Washington Times», May 4, 2001, p. Al).

продажи вооружения Тайваню министр иностранных дел КНР Тянь Цзясюань объявил, что «Соединенные Штаты скачут на диком коне»[1].

СЕВЕР И ЮГ

Немалый фактор китайского развития — отношения с Россией. Поставлена цель довести двухстороннюю торговлю до 22 млрд долл. — рост в четыре раза за пять лет. В феврале 2004 г. китайская сторона объявила, что намерена осуществить за 15 лет проект железной дороги из Восточной Сибири в порт Далян (некогда называвшийся Дальним). Китай решительно заинтересован в восточносибирской нефти, и путь в 1300 км представляется им привлекательной компенсацией — должен же у России наконец быть выход к незамерзающим морям. В обмен китайцы хотели бы купить российскую нефтяную компанию средней величины. Они уже пытались сделать это в 2002 г. со «Славнефтью».

Китайцы чувствуют обеспокоенность России безжизненностью огромных сибирских просторов, уязвимостью дальневосточных просторов, массовостью китайской иммиграции в те края, которые были под влиянием Китая до середины XIX в.[2]. За последнее десятилетие дальневосточные земли России потеряли 2 млн человек; одновременно не менее 3 млн китайцев пришли на эти земли. В соседних трех китайских провинциях живут 127 млн человек, позитивно смотрящих на возможность пересечь русско-китайскую границу. В то же время уже первоначальные геологические исследования дают возможность говорить, что Восточная Сибирь прячет в своих недрах ПО млн баррелей нефти[3]. (Основные разведанные сибирские богатства пока исходят из Западной Сибири — 66 % нефти России и 91 % добываемого газа.)

[1] *Harvey R.* Global Disorder. How to Avoid a Forth World War. London: Robinson, 2003, p. 145.

[2] *Menon R.* The Sick Man of Asia («The National Interest», Fall 2003).

[3] «The National Interest», Summer 2004, p. 142.

В 2003 г. разгорелась конкурентная борьба за восточносибирскую нефть между Китаем и Японией. Возможно, ошибкой китайской стороны была открытая ориентация на частный «Юкос», в то время как японцы стали искать союзников в государственной «Транснефти». «Юкос» согласился поставлять в Китай по долгосрочным соглашениям 300 тысяч баррелей нефти в день, к 2006 г. — утроение уровня импорта нефти из России. Когда китайцы выбирали «Юкос», это была самая успешная частная компания, дальнейшие ее трудности предусмотреть было трудно.

По американской оценке, «в случае с Россией конечным определителем того, как Китай будет преследовать свои цели, будет зависеть от того, как Китай воспримет западную торговую политику. Если Соединенные Штаты и Европа сделают для Китая сложным оплату за нефтяной импорт промышленными товарами, Китай может решиться на более агрессивную политику»[1].

Возможно, у Китая и России большое будущее на Дальнем Востоке, но это в том случае, если (1) американо-западноевропейско-японские конкуренты не проявят хватки и (2) если Россия решит пойти по пути Казахстана, буквально открывшего свои энергетические кладовые Китаю. Напомним, что Китайская нефтяная компания уже инвестировала 700 млн долл. в развитие энергетической инфраструктуры Казахстана. И ныне КНР готова инвестировать 3 млрд долл. в создание нефтепровода из Атасу в Казахстане до Синь-цзян-Уйгурского автономного района. Этот нефтепровод длиной 3000 км будет способен доставлять 20 млн тонн нефти Каспийского моря в Западный Китай.

Не менее заинтересованно, чем на *Север,* Китай смотрит на *Юг.* Здесь, в Южно-Китайском море, КНР претендует на острова Сенкаку и Спратли в Восточно-Китайском море. Изыскания геологов позволяют твердо верить в наличие здесь нефтяных месторождений. В свое время Дэн Сяопин провозгласил, что конфликт по поводу этих островов «должен быть отложен до следующих поколений». В ноябре 2002 г. АСЕАН и КНР заключили договор, призывающий

[1] «The National Interest», Summer 2004, p. 143.

«заморозить» все территориальные претензии. Последовал Пакт о ненападении с АСЕАН. И тем не менее Китай осудил вьетнамцев за дарованные иностранным специалистам права на бурение нефти и развитие туризма на островах Спратли. Совсем недавно группа китайцев высадилась на островах Сенкаку и водрузила китайский флаг. (Японская полиция немедленно арестовала прибывших и отослала их домой, где их встретили как героев.)

Если Китай добрался до 40 % производства мировой стали, то какие неожиданности ожидаются в будущем? Каковы будут последствия того, что Китай станет первым экономическим партнером Австралии, Южной Африки и Бразилии? Если Китай возьмет на себя эту роль, то не посчитает ли он необходимым создание флота «четырех океанов» для защиты жизненно важных потоков нефти, железной руды и других сырьевых материалов? Не станет ли Китай ведущим поставщиком конвенциональных вооружений, помогая тем самым укрепить свои позиции в богатых ресурсами странах? Не последует ли Пекин по стопам Лондона и Вашингтона, вторгаясь во внутренние дела далеких стран?

ОТНОШЕНИЯ С АМЕРИКОЙ

Эти отношения противоречивы. Сейчас *впервые* после крушения Советского Союза некий центр бросает Америке своего рода вызов в сфере того, что получило название soft power: комбинация экономической активности, интеллектуального горения, культурного самоутверждения, привлекательной торговли, настойчивой и вежливой дипломатии — и это на фоне растущей военной мощи. Как оценивает американский журнал, «Китай еще не может делать фильмы лучше голливудских, создавать компании типа «Дженерал электрик» или соперничать с лучшими традициями государственного департамента (по меньшей мере, там, где Америка действительно заботится о результате). Но игра продолжается, и Китай начинает подрывать культурное, экономическое и дипломатическое влияние США. К

сожалению, односторонность и близорукий фокус Америки на терроризм дает

Пекину шанс»[1].

Еще десять лет назад такое было абсолютно невозможно. Но сейчас мы видим даже уменьшение (в течение года) численности иностранных студентов на 14 тысяч. Все меньше шансов на то, что президенты азиатских стран выйдут из американских университетов, как, скажем, нынешний президент Филиппин Глория Арройо (окончившая Джорджтаунский университет).

Исключительный рост Китая создал дефицит в торговле с ним Соединенных Штатов — 105 млрд долл. в 2004 г. Быстрота происшедших изменений не позволила Вашингтону нащупать верную стратегию. Взобравшиеся на вершину мировой пирамиды американцы оказались неспособными дать ясный анализ того, что им несет бурный подъем Китая. Отсюда всеобщая чувствительность. Новое поколение китайских дипломатов весьма отличается от прежнего — они говорят на иностранных языках, они могут объяснить взаимоотношения неоконсерваторов между собой в Вашингтоне.

Китайские руководители достаточно часто говорят о том, что «некоторые внешние силы» — явно имея в виду американцев — «не являются естественными партнерами Азии». Китайские дипломаты говорят, что им приходится работать между двумя «сумасшедшими нациями» — Северной Кореей и Америкой.

Отметим, что, вступив в 2002 г. в ВТО, Китай энергично стремится понизить ограничения на торговлю, что очень отличается от протекционизма Америки, проявленного в период президентства Дж. Буша-младшего.

Уже на текущем этапе антикитайская кампания была бы в США неизбежной, если бы Пекин не приглашал с такой широтой американцев на свой внутренний рынок. Такие американские компании, как «Дженерал моторс», «Моторола», «Проктер энд Гэмбл», получают значительные прибыли на внутреннем китайском рынке (до 26 млрд долл. — объем продаж). Терпят от китайского экспорта в основном средний и малый американский бизнес. И все же американцы

[1] *Kurlantzick J.* China's Chance («Commentary», March 2005).

(совместно с японцами и южнокорейцами) настаивают на ревальвации юаня, имеющего с 1994 г. фиксированный курс в отношении доллара (8,3 юаня = 1 доллар США). Американские фирмы хотели бы видеть ревальвацию на 30—40 %.

Американцы оценивают ситуацию так: «Режим Ху Цзиньтао постоянно указывает другим азиатским странам, что рост Китая как великой державы не должен вызывать у них опасения. Но китайская обеспокоенность по поводу надежных источников энергии может подвигнуть Китай на большую настойчивость в отношении южных соседей. В настоящее время китайские нефтяные компании осуществляют разнообразные проекты в Индонезии, Латинской Америке, Африке, Австралии. Правительство Папуа — Новой Гвинеи пригласило китайцев для разработки большого никелевого проекта и прогнозируемого нефтепровода к Австралии. Прежние чемпионы капиталовложений в природные разработки — американские, британские, канадские, австралийские и южноафриканские компании — ныне стремятся войти в долю к китайским проектам для совместной разработки месторождений. «Рио-Тинто» имеет несколько совместных проектов в Бразилии; «БХП» обнародовала план 25-летнего сотрудничества с Китаем; Саудовская Аравия недавно позволила китайским компаниям инвестировать в поиски новых месторождений нефти и сотрудничать в создании атомной электростанции в Пакистане. В случае ухудшения американо-саудовских отношений Китай вполне может занять чрезвычайно важное место в стратегически важном районе. В июле 2003 г. Китайская национальная нефтяная корпорация инвестировала 350 млн долл. в покупку нескольких нефтеочистительных заводов в Алжире. Еще более впечатляющими стали китайские инвестиции в Иране.

Америка все чаще встречает в китайцах конкурентов на самых далеких широтах. США и КНР противостоят в нескольких конфликтных районах. Общая линия — завязать особые отношения с богатыми ресурсами странами у Китая осталась, и это грозит немалыми противоречиями.

Во-первых, это *Ближний Восток.* Уже в конце 1990-х годов Пекин предложил современную военную технологию Ирану. Жесткий протест Америки на данном этапе срабо-

389

тал, но в дальней перспективе Китай едва ли отставит политику сближения с нефтеносными арабскими странами и Ираном.

Во-вторых, свобода морей. Это острейший вопрос. В первые десятилетия XX века во многом из-за него разразилась Первая мировая война (когда кайзеровская Германия бросила вызов Британии, а затем Америка решительно заместила Британию в качестве «контролера» Мирового океана. Согласится ли Китай на роль «опекаемого» в морских просторах глобального импортера? Или мощь страны потребует от США *потесниться* и позволить растущему военно-морскому флоту КНР охранять караваны своих грузовых судов со всего мира *?*

В-третьих, у Китая и Америки различные подходы к внутренним конфликтам (скажем, в Судане). США уже покинули соседнее Сомали; окажется ли Пекин успешнее в попытках опеки тех почти неприкаянных стран, которые США называют rogue states? Китайцы уже закрепились в нефтяном секторе Судана. В целом ряде африканских государств присутствуют китайские миссии, китайские военные делегации, относительно дешево продающие оружие. Китай очень высоко ценит высококачественную западноафриканскую нефть, общий объем экспорта которой доходит до миллиона баррелей в день (бвд). Вся же Африка будет к 2010 г. давать 1,5 млн бвд[1].

Американские специалисты полагают, что активизации китайской внешней политики будет предшествовать относительно мирный период в ближайшее пятилетие. В 2008 г. китайцы проводят Олимпийские игры (которые они намерены выиграть), что явственно повышает престиж страны. В 2010 г. Китай устраивает Всемирную выставку в Шанхае. Китай повысит свой престиж в мире и только после этого активизирует свою внешнюю политику. Пекин очень ценит свой бурный рост и проявит осторожность, чтобы не прервать процесс. Очень влиятельным является аргумент, что Китай не будет стараться выдворить из Азии Соединенные Штаты, боясь немедленного ядерного вооружения Японии.

[1] «The National Interest», Winter 2003/04, p. 47. («The New Geopolitics of Oil»).

390

Тайвань? Как утверждает Мирсхаймер, «если китайцы достаточно разумны, они предпочтут не бросаться в битву за Тайвань прямо сейчас. Время еще не наступило. Они сконцентрируются на построении своей экономики до таких пределов, что она станет больше американской. Тогда они смогут перевести свою экономическую мощь в военную и создать такую ситуацию, когда занимаемые ими позиции позволят им *диктовать* свои условия государствам региона и создать все виды осложнений Соединенным Штатам. С китайской точки зрения, было бы идеальным оставить за собой Азию и в то же время позволить Бразилии, Аргентине или Мексике превратиться в великие державы и заставить Соединенные Штаты сконцентрироваться на собственном регионе»[1]. И все же.

ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время разведывательные самолеты ВВС США постоянно облетают китайское побережье; американская военная машина определенно оборачивается к самой населенной стране мира. Подлинным предвестием будущего является (как уже говорилось) многозначительный эпизод, имевший

место 1 апреля 2001 г.: американский разведывательный самолет сбил китайский истребитель и был посажен на остров Хайнань. В течение нескольких месяцев американская сторона безуспешно пыталась вернуть экипаж самолета-разведчика. Китай требовал извинения по всей форме.

Ответ Китая сказался прежде всего в том, что Пекин объявил об увеличении на 17,6 % ежегодных военных расходов. Официально военные расходы КНР составляют 20 млрд долл., но большинство специалистов оценивают их цифрой, приближенной к 60 млрд долл. Китай заказал у России восемь подводных лодок проекта 636 класса «Кило» (стоимость сделки 1 млрд долл.). Эти подводные лодки известны своим тихим ходом, что делает их идеальным оружи-

[1] *Mearsheimer J.* It's Not a Pretty Picture («Foreign Policy», January/ February 2005, p. 26).

ем для обнаружения американских авианосцев, входящих в Тайваньский пролив. Тайвань выразил желание иметь подобное оружие. (Следует при этом учитывать переживаемые Тайванем экономические трудности.) Континентальный Китай сделал несколько примирительных шагов, предлагая создать непосредственные воздушные, морские и телекоммуникационные связи. КНР уже имеет особые связи с островами Куэмой и Мацзу.

Тайвань же инвестировал в 2001 г. 2 млрд долл. в экономику континентального Китая (рост вдвое за год). Общие же тайваньские инвестиции в КНР составили около 40 млрд долл. — организованные через третьи страны. (Напомним, что Тайвань — третья электронная держава мира, и Пекин опасается быть поставленным «на место» малым островом. Это имело бы крайне негативный эффект на правящую в КНР систему.) Пока трудно себе представить успешный бросок НОАК через Тайваньский пролив. Но при этом не забудем, что КНР покупает все более современные военно-морские суда у России (миноносцы класса «Современный» и др.), оснащенные сверхзвуковыми ракетами. Ныне КНР готовит и преобладающую авиацию, и способные к современным действиям военно-морские силы. Вокруг Тайбэя уже стоят противоракетные американские ракеты «Пэтриот». Тайваньский президент призывает готовиться к битвам «за пределами острова», намекая на возможность большого десанта на континент. Но напомним, что, в отличие от Тайваня, большой Китай имеет ядерное оружие. Если Тайвань нанесет удары по таким центрам, как Шанхай, китайское руководство может обратиться к ядерному оружию.

В свете этого Пекин пришел в ярость в результате визита президента Тайваня Чень Шуйбяня в Соединенные Штаты с сопутствующими встречами с лидерами американского конгресса. Пекин предлагает Тайбэю уже испробованную систему «одна страна — две системы», что пока не имеет успеха ввиду противоречивых результатов в Гонконге.

Сейчас Тайвань готовится к закупке в США весьма совершенного оружия — 200 ракет «воздух — воздух» AIN-120C, 71 противокорабельной ракеты «Гарпун», 146 гаубиц. Тайваньские пилоты владеют 150 усовершенство-

ванными истребителями Ф-16. Тайвань выделяет 5 млрд долл. для закупки американских миноносцев класса «Кидд», 12 противолодочных самолетов и 8 подводных лодок[1].

Эти планы привели Пекин в ярость. Сами китайские специалисты отмечают, что «китайское общественное мнение в отношении Соединенных Штатов начиная с 1998 г. изменилось самым серьезным образом. США обозначили угрозу азиатско-тихоокеанской безопасности. Никогда мы не говорили этого столь прямо. Я думаю, что Китай сейчас более чем когда-либо готов к лобовому столкновению с Соединенными Штатами». Журнал «Китайская военная наука» пишет: «Наступает время новой гонки вооружений. Война находится совсем

недалеко от нас»[2].

В 2001 г. КНР закупила 40 наиболее современных истребителей Су-30 в дополнение к уже имеющимся 48 истребителям Су-27; эти силы предполагается увеличить еще в четыре раза. Закуплены весьма совершенные транспортные самолеты «Ильюшин-А-50», позволяющие раннее оповещение. Если американцы снабдят Тайвань не менее совершенным оружием, то континентальные китайцы пойдут на вооружение своих войск ракетной техникой — новый этап в очень серьезной гонке вооружений.

США ОПАСАЮТСЯ

Оптимисты говорят, что Китай бурно развивается и нет оснований думать, что он сам прервет этот столь благоприятный для него процесс. А пессимисты указывают на Германию, бурно развивавшуюся в 1939 г., и на Японию с ее феноменальным ростом в 1941 г. Логика действий великих держав иная.

Нет сомнений в том, что Соединенные Штаты рассматривают Китай как наиболее серьезную угрозу своей безопасности. Авторитетный аналитик Джон Мирсхаймер ут-

[1] *Harvey R.* Global Disorder. How to Avoid a Forth World War. London: Robinson, 2003, p. 148.

[2] Ibid.

верждает в 2005 г.: «Китай не может вырасти в великую державу мирным путем, и если Китай продолжит свой драматический экономический рост в следующие десятилетия, Соединенные Штаты и Китай, вероятно, вступят в период интенсивного соперничества в области безопасности, и вероятность войны между ними будет значительной. Большинство же соседей Китая, включая Индию, Сингапур, Южную Корею, Россию и Вьетнам, вероятно, присоединятся к Соединенным Штатам, чтобы сдержать растущую мощь Китая»[1].

Американцы полны готовности замедлить ее рост и превращение Китая в военную сверхдержаву. Бывший министр обороны США сказал, что возникает опасность «самореализуемого пророчества»: «Если мы будем обращаться с Китаем как с врагом, то мы, американцы, можем получить в его лице такового»[2]. Китайцы действительно пришли в ярость по поводу заявления президентом Бушем-младшим о том, что Америка придет на помощь Тайваню «чего бы это ни стоило»[3]. Фактом является следующее: китайские учебники сообщают, что американская сторона в ходе Корейской войны применяла против китайцев биологическое оружие. Америка унижала (guo chi) Китай, попадание в белградское посольство КНР было неслучайным. Американцы стимулируют независимость Тайваня, антикитайски настроены в случае с Тибетом.

Американцы тоже настроены думать стратегически. Министерство торговли США требует ныне сократить экспорт «прессованных» автомобилей. А Китай примеривается к новой роли: в будущем становится возможным представить себе, что китайская валютная политика сможет играть более важную роль, чем традиционный доллар в определении цен на сырьевые товары (если бы цена на нефть не упа-

[1] *Mearsheimer J.* Better to Be Godzilla than Bambi («Foreign Policy», January/February 2005, p. 23).

[2] *Prestowitz C* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 11.

[3] *Harvey R.* Global Disorder. How to Avoid a Forth World War. London: Robinson, 2003, p. 144.

ла так низко, российский дефолт 1998 г. мог бы не произойти); отныне нуждающийся в сырьевых ресурсах Китай может служить своего рода международным стабилизатором — роль, с которой не справились США.

Ряд крупных американских компаний стали подлинно зависимыми от КНР.

Скажем, «Волл-Март» покупает на 14 млрд долл. товаров у китайских компаний и на 26 млрд — у американских, японских и корейских компаний, базирующихся в Китае. Массированные закупки китайцами сырья на мировых рынках увеличили их стоимость для США не менее чем на 25 %.

Министерство финансов США начинает все более настойчиво требовать ревальвации юаня, чтобы ослабить неукротимую конкурентоспособность китайских товаров. Китай вступил в ВТО, чтобы продемонстрировать свое желание открыть собственный внутренний рынок. Но США (как в данном случае и Западная Европа) зарезервировали свое право ограждать себя от китайского потока товаров, прежде всего текстиля. Ответом Китая на американские требования расширения обмена стала покупка китайской стороной американских государственных облигаций. В течение 2003 г. Китай закупил государственных американских бумаг почти на 100 миллиардов долларов ради сохранения стабильного обмена доллара и юаня. Нужно сказать, что Китай не уникален в этой своей политике; соседняя Япония израсходовала за один только 2003 г. 300 млрд долл. на покупку американских государственных облигаций. Страны Восточной Азии настолько заинтересованы в валютной стабильности, что они готовы финансировать 50—60 % американского бюджетного дефицита[1]. Эти банки владеют ныне 2,1 трлн иностранных резервов, что составляет почти 90 % всего того, что американское правительство инвестировало в ценные бумаги. Но американское правительство пока не осмеливается признать необычную финансовую зависимость от Восточной Азии.

[1] *Lampton D.* The Stealth Normalization of U.S. — China Relations («The National Interest», Fall 2003).

КИТАЙЦЫ СЧИТАЮТ

Американские авторы постоянно цитируют некоего китайского профессора, который сказал, что «у Китая было 150 плохих лет, но сейчас возвращается хорошее время»[1].

У Китая есть и воля и ресурсы для самоутверждения и в своем регионе, и в мире в целом. Китайский институт современных международных отношений завершил в 2000 г. изучение исследования показателей «всеобъемлющей национальной мощи» (ВНП), в которую китайские аналитики включают экономические, военные, технологические, научные, образовательные показатели, природные ресурсы и уровень социальной стабильности[2]. Китайский исследовательский институт предполагает, что американская мощь будет расти на 3 % в год, в то время как китайское развитие будет представлять собой более переменчивую величину.

Слабое место китайцев — производительность труда. Продовольствие для Китая производят 370 млн крестьян, а в США — 2 млн фермеров. Четыре пятых воды Китая находится на юге, а основное производство сельхозпродуктов приходится на северные провинции. Китай уже увеличивает закупки зерна в США. Импорт продовольствия составляет 4% от потребления.

Но если «всеобъемлющая национальная мощь» Китая будет увеличиваться на 7 % в год, то КНР нагонит США в 2033 г. При 6 % роста — в 2043 г., при 5 % роста Китай *никогда* не нагонит Соединенные Штаты[3]. При этом у Китая есть несколько уязвимых мест. Китайскому экономическому организму не хватает ряда ископаемых, прежде всего нефти и меди (необходимой в колоссальном строительстве, электронике, автомобилестроении). Меди КНР имеет только 18 % от необходимого объема. Пекин сделал немалые

[1] *Prestowitz C.* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 253.

[2] *Pillsbury M.* China Debates the Future Security Environment. Washington, D.C.: National Defense

University Press, 2000, Chap. 5.

[3] China's Institute for Contemporary International Relations, Research Report, Systematic Estimates of Comporative National Power, 2000, p. 19.

396

вложения в Замбии и в других местах, обещающих медь. Китайские специалисты ищут по всему миру месторождения меди.

Остановится ли Китай? По подсчетам американцев, если КНР будет продолжать свое развитие в ритме последних двадцати лет, то великая восточная страна догонит Америку между 2015 и 2020 годами[1].

Всякий раз (пишет американский автор Клайд Престовиц), «когда тайваньский лидер встречает американского лидера и президент Буш говорит нечто вроде «мы сделаем все что можно» для защиты Тайваня, это просто поощряет тайваньских руководителей противостоять китайским усилиям по объединению страны, и это заставляет пекинское руководство занимать более жесткую позицию. Китайцы говорят всем, кто желает их слушать (а большинство экспертов верят им), что лишь одно обстоятельство непременно вызовет войну — декларация независимости Тайваня»[2].

Выдвижение Вашингтоном концепции Противоракетной обороны, якобы направленной против «стран-изгоев», воспринимается в Пекине как нивелирующая стратегический потенциал КНР. Китайцы ощущают, что их воспринимают как угрозу Америке. Практически в любой китайской аудитории курс США в новом веке воспринимается как агрессивный и опасный, что многократно было отмечено американскими исследователями.

Американские футурологи чаще всего дают Китаю до подъема на уровень сверхдержавы и соответствующего самоутверждения 20—30 лет. Тем неожиданнее было китайское самоутверждение весной 2001 г., когда самолет американской электронной разведки EP-3 был вынужден приземлиться на острове Хайнань. Это был новый и неожиданно для американцев жесткий Китай, потребовавший объяснений, почему американские самолеты постоянно патрулируют над китайским побережьем. С китайской точки зрения

[1] *Art R.* A Grand Strategy for America. Ithaca and London: Cornell University Press. 2003, p. 244.

[2] *Prestowitz C* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 253.

397

«Соединенные Штаты пользуются своим положением державы-гегемона, навязывают свою волю, стремясь предотвратить появление соперника»[1]. Речь президента Буша-младшего в Вест-Пойнте летом 2002 г. и доктрина «предваряющих ударов» лишь усилили напряженность китайцев.

Глава 14
НЕНАВИСТЬ ИСЛАМСКОГО МИРА

МИРОВОЙ ГЕГЕМОН И ИСЛАМ

Третий — после бедных и вооруженных ядерным оружием — потенциал входа в Четвертую мировую войну — противостояние США и мусульманского Ближнего Востока и мусульманского мира в целом. Согласно опросу Гэллапа, 53 % мусульман в мире обнаружили «неблагоприятное» мнение об Америке[2]. Оно стало базироваться на Афганистане «как на символе — эта страна в течение восьми веков не подчинялась завоевателям».

Следует понять тот мир, который в начале XXI в. начал жесткое сопротивление главенствующей цивилизации. Только более софистичное понимание огромного мира ислама, раскинувшегося от Атлантического океана до Тихого, дает надежду межцивилизационному сближению, подлинную альтернативу террору с обеих сторон. В американском аналитическом подходе к

этой опасности выделились две школы, жестко противостоящие друг другу.

Первую точку зрения представляют неоконсерваторы, которые считают, что государство любой стадии развития способно достаточно легко и быстро воспринять западные демократические ценности. Именно эта группа теоретиков выступила с обоснованием быстрого вторжения в две ближ-

[1] *Prestowitz C.* Rogue Nation. American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: Basic Books, 2003, p. 254.

[2] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 140.

невосточные страны, в Афганистан и Ирак, с твердой верой во всемирную приложимость западных идеологических догматов. Такие деятели, как Чейни, Рамсфелд, Вулфовиц, называли просто оскорбительными сомнения в способности Карзая и Аллауи построить на своей родине демократические общества.

Вторую точку зрения отстаивают реалисты. Победные фанфары в адрес быстро оккупированного Афганистана и Ирака не вводят их в эйфорию. Обе эти страны тысячелетия живут по своим устоявшимся законам; в присутствии иностранного вторжения главные политические силы этих стран бросают внутреннюю рознь и объединяются против новых враждебных внешних сил. Так, лидеры многократно перепаханного войнами Афганистана в октябре 2003 г. на фоне горящего Багдада призвали «всех муджахеддинов и простых афганцев» своею фетвою к битве с иностранцами. Реалисты предупреждают: «Неумение США заручиться поддержкой (или уничтожить) лидеров и силы старшего поколения афганских муджахеддинов делает определенным процесс формирования страшного противника: Запад потерял время в Афганистане; решающей стала позиция Хекматьяра, Хаккани, Хали и других в пользу Талибана и «Аль-Кайды», что практически гарантирует падение прозападного президента Корзая»[1].

Вера в возможность быстрой перестройки многовековой парадигмы владеет умами отвлеченных теоретиков; практики предупреждают против такой самонадеянности. Витриной демократии на Ближнем Востоке ни Кабул, ни Багдад *не будут.* На их стороне огромной силы цивилизационный код, который противится косметическим переменам. В Кабуле независимые от внешней помощи афганцы прямо говорят американцам: «Вы плохо изучили нашу историю». После множества сообщений об окончательном крушении Талибана и «Аль-Кайды» невозмутимо появляются новые сообщения — о том, что «афганские силы сопротивления перегруппировались, перевооружились, получили

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 45.

новые средства и готовы вышвырнуть американские войска из Афганистана»[1].

Критики полагают, что самое опасное — окунуться в средства массовой информации Запада, где нетрудно прийти к выводу, что победоносный Запад идет от триумфа к триумфу. «Победа в Афганистане. Бен Ладен и аль-Завахири прячутся в афганских пещерах. Остатки «Аль-Кайды» скоро капитулируют. Прозападный демократический режим правит в Кабуле, Энтузиазм в отношении ислама и джихада спадает, превращаясь, если пользоваться словами директора ЦРУ, в «лунатический бред». Израильский премьер-министр Шарон стал «человеком мира». Война против «Аль-Кайды» — это *не* война против ислама. Антитеррористическое наступление не имеет с этой религией ничего общего. Бен Ладен ненавидит Соединенные Штаты за их свободу, а не за их политику. Исламисты ненавидят Америку за то, что она есть, а не за то, что она делает. Пакистан и Саудовская Аравия поддерживают борьбу Америки с «Аль-Кайдой».

Запад перекрывает субсидии бен Ладену. Израилю — «дорожная карта», Палестина уже жизнедействует. В Ираке полная победа, исламисты не готовы к борьбе. Ирак нуждается в собственном правительстве, в демократии, в суверенитете»[2]. В реальности картина несколько сложнее.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБИДА

После того как турецкая армия в 1683 г. была отброшена от Вены, начались триста лет отступления мира ислама перед натиском Запада. Более и «хуже» того, эти триста лет были временем постоянного проникновения Запада в мир ислама. Проникновения военного, экономического, политического, идейного. Пиком можно считать ликвидацию исламской суннитской централизации в лице стамбульского султана и имама мусульманского мира в 1920-е годы,

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 41.

[2] Ibid, p. 164.

превращение новообразованной Турции в светское государство, образование государства Израиль в 1948 г.

Два процесса как бы действовали вопреки друг другу. С одной стороны, слабело геополитическое влияние исламского мира, столь могучего между VII и XVI веками; его децентрализация, отступление перед колониальным натиском Запада, трудность модернизационных преобразований, неадекватность элиты в процессе мирового прогресса. Развал Оттоманской империи, контроль Британии и Франции над наследием Стамбула, Багдада, Индостана, Индонезии, Магриба и Леванта низвел мусульманский мир до положения сугубых жертв мировой эволюции. С другой стороны, колоссальный демографический рост исламского мира (12 % мусульман в мировом населении в 1900 г. и 30 % в 2000 г.) на фоне постоянного повышения стратегической значимости нефти — главного сырья мусульманского мира — начали медленный, но *обратный* процесс некоторого восстановления позиций, столь очевидно утерянных после XVII века.

Чувство исторического унижения, столь очевидное для мира ислама, с трудом — в условиях отсутствия соответствующего эмоционального опыта — ощущается на Западе. Как формулирует У. Эко, «бен Ладен знал, что в мире есть миллионы исламских фундаменталистов, которые, чтобы восстать, только и ждут доказательств того, что западный враг может быть «поражен в самое сердце». Так оно и произошло в Пакистане, в Палестине и в других местах. И ответ, данный американцами в Афганистане, не только не сократил этот сектор, но и усилил его»[1].

На этот большой процесс наложились более конкретные явления. Американские вооруженные силы взяли под свое крыло политические режимы Египта, Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Пытались контролировать Ливан и Сомали. В 1990 г. американская армия высадилась в Саудовской Аравии, а позднее в Кувейте. Окончилось противостояние Запада с Востоком, которое периодически позволяло (скажем, Египту, Алжиру, Индонезии, Сирии, Ливии, Ираку, Судану, Сомали) играть на великом противостоянии

[1] «El Pais». 31. 03, 2002.

«холодной войны». Последовала буквально массовая фрустрация ожесточенных мусульманских политиков. Об этом ныне отчетливо свидетельствуют такие исламские средства массовой информации, как телекомпания «Аль-Джезира» из Катара.

Мусульманская элита Саудовской Аравии, Египта и многих других стран Магриба, Леванта, стран Персидского залива, начиная с Ирана и Ирака, ощутила

чрезвычайную ненависть к тем, кого эта мусульманская элита считает компрадорами и «продавшимися Западу». Аятолла Хомейни и Саддам Хусейн стоят в том же ряду антизападных деятелей, где занял место Усама бен Ладен. Именно Саудовская Аравия и Египет дали основу «Аль-Кайды», «Хезболлы» и прочих антизападных террористических организаций, действующих от Марокко до Филиппин. В рекрутах и пожертвованиях здесь нет недостатка, и уход бен Ладена в данном случае ничего не изменит.

С другой стороны, триумфализм Запада после победы над Ираком в 1991 г., нежелание ни республиканцев, ни демократов в США вооружиться конструктивной политикой в отношении своего рода «пасынков истории» привели к утере контактов со средним классом мусульманского мира, отторгнутого деятелями типа Мубарака, алжирского и турецкого военного руководства от непосредственных контактов с западным миром технологии, денег и идей. Э. Коэн называет это отношение Запада, и прежде всего США, «сочетанием клиентеллизма, реальполитик и культурного презрения» к миру ислама, в то время как «Израиль платит цену за отсутствие интереса к прогрессу в гражданском обществе Палестины». В той степени, в какой «американские лидеры закрывают свои глаза на реальности больного и отвергнутого арабского сообщества как части большого исламского мира, они *будут терпеть поражения в попытках понять подлинную природу войны, в которую они оказались вовлеченными»*[1]. Ожесточение маргинализируемого *дважды* — и гло-

[1] *Cohen E.* A Strange War («The National interest», Spring 2002, p. 32).

бально и на национальной арене — мусульманского мира (уммы в целом) стало зримым фактором мировой политики.

Напомним, что первая атака на Международный торговый центр была инспирирована в 1993 г. шейхом Омаром Абделем Рахманом. Именно проамериканизм официального Египта позволил египетскому подданному Рахману переехать в Нью-Йорк. Пример аятоллы Хомейни, вернувшегося с Запада, чтобы завоевать Иран, вдохновлял этого египтянина, создавшего в «западном Вавилоне» мечеть. Исполнитель того террористического акта был тишайшим инженером-химиком, обустроившимся в Америке, чьи дети учились в хороших американских школах. И вот этот «тишайший» набил пикап динамитом и поставил его в паркинг МТЦ.

Характерно, что и его последователи пилоты-самоубийцы не испытывали страха. Они, похоже, были ведомы не слепой яростью, а твердой верой — назовем это версией мусульманской веры. Человек, который повел самолет на Северную башню Международного торгового центра — Мохамед Атта, сознательно оставил в багаже документ, который был явно предназначен миллионам, которые могли прочесть это своеобразное политическое завещание террориста, превозносящего мученичество своих товарищей и обещавшего божественное вознаграждение 19 соучастникам-террористам.

Знакомство с исламом в версии Атты потрясло миллионы американцев. В завещании египтянина Атты мы читаем мысли типичного мусульманина, который просит Аллаха о небесной компенсации, предназначенной мученику за веру. Он обращается к сообщникам: «Знайте, что сады рая ждут вас во всей своей красе. И женщины рая ждут вас, взывая: «Придите сюда, друзья Всевышнего». Они одеты в свои лучшие, прекрасные одежды». Атта пошел «дорогой своих покорных Аллаху предков в битву на стороне Аллаха». Захватив самолеты, террористы 11 сентября читали боевые молитвы ислама: «Не поможет ни снаряжение, ни высокие ворота, ни всяческое оружие достижению нашей цели, и не может нам причинить что-либо никто, кроме Аллаха».

Это религиозно-эмоциональная сторона дела. Что касается воодушевляющих исторических реминисценций, то помощник бен Ладена аль-Завахири напомнил о временах владения исламом Испанией и его победоносного движения к Вене — о великих для мусульманской цивилизации временах, после которых христианам удалось изменить течение мировой истории. Подобно тому, как в XIII веке Ибн-Таймийя сумел организовать всех мусульман на борьбу против монголов, так и сегодня вожди исламского мира найдут силы для организации огромного мира ислама. Семь столетий назад прозвучали слова, которые мусульмане произносят сегодня: «Сражаться в защиту религии и веры является коллективной обязанностью; нет более важной обязанности, чем сражаться с врагом, который искажает саму жизнь и веру»[1]. И американцы — это монголы XIII века.

С точки зрения внутрицивилизационной исламской консолидации целью самоубийственной атаки 11 сентября 2001 г. были не две башни Международного торгового центра, а главные основы западного влияния в мусульманском мире — прозападные режимы Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и Алжира. Исламские активисты указывают, что только западное вмешательство (через посредство компрадорских прозападных режимов) не позволило исламским фундаменталистским партиям прийти за последние десять лет к политической власти в Алжире, Турции, Пакистане, Индонезии. В своей «Декларации войны» (октябрь 2001 г.) бен Ладен указывает, что размещение американских вооруженных сил на Аравийском полуострове представляет собой величайшее надругательство над исламом со времен смерти Пророка. Цель этих сил — вытеснить американцев с Ближнего Востока, свергнуть т. н. «умеренные» (т. е. прозападные) режимы и воссоздать единую мусульманскую нацию, руководимую воинствующей религиозной идеологией.

Организаторы сентябрьской акции апеллировали к умме, к мировому исламскому сообществу. К факту бедности, унижения, разочарования, униженности миллионов жизней в исламском мире. И цель поставлена была довольно про-

[1]Цит. по: «Foreign Affairs», January—February 2002, p. 3).

зрачная: Соединенные Штаты развернутся всей своей невероятной мощью и постараются «убить летящую муху из ружья. Средства массовой информации будут неустанно показывать, как огромная сила используется против гражданского населения Афганистана, и вся умма будет шокирована тем, как безмятежно американцы несут страдания и убивают мусульман. Последующее возмущение разверзнет бездну между правительствами и обществами Ближнего Востока, и правительства, связанные с Западом, — многие из которых являются репрессивными, коррумпированными и не следующими законам — окажутся в изоляции»[1].

Часть единоверцев Атты на Западе, особенно приемлемые для западного истеблишмента муллы, поспешили отвергнуть оставленный документ, но миллионы единоверцев в мусульманском мире красноречиво молчали. Даже самые умудренные, далеко не молодые и даже связанные с Западом. Вот что напишет египетская «Аш-Шааб» через 10 дней после террористических актов: «Посмотрите! И это мастера демократии, которую они так часто обожествляют, но которая вершит преступные, варварские, кровавые дела, превосходящие по отсутствию моральных стандартов самые кровавые империи в истории. За последние десятилетия от рук американской цивилизации погибло пять миллионов человек, пусть Аллах примет их как мучеников». В той же легальной «Аш-Шааб» события сентября подавались так: «Посмотрите! Хозяину мира, Америке нанесен удар. Сатана, который правит миром от востока до запада, горит. Спонсор терроризма сам горит в огне». Бен Ладен в своей «Декларации

войны» утверждает, что то, что Америка «испытывает сегодня, — малая толика того, что мы испытываем на протяжении десятилетий. Наша нация чувствует это унижение уже более восьмидесяти лет. Убиты ее сыны, льется ее кровь, подверглись нападению ее святые места, и эти места управляются не по законам Пророка». Восемьдесят лет назад распалась Оттоманская империя. Он назвал 12 горячих точек, где умирают мусульмане, и отвел роль

[1]*Doran M.S.* Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January—February 2002, p. 23).

главного виновного Соединенным Штатам. А следующей цели — продажных правителей прозападного толка. «Вы знаете о размерах, намерениях и опасности американского присутствия на базах в этом районе (в Саудовской Аравии. — *А.У.).* Здесь правительство предало умму и присоединилось к неверным, помогая им в борьбе против мусульман: открывая Аравийский полуостров крестоносцам, режим выступил против Пророка»[1].

Ведущий во второй половине XX века идеолог ислама Сайд Кутб объясняет единоверцам враждебность Запада так: «Самый главный элемент — дух Крестовых походов, вошедший в кровь всего Запада. Он влияет на весь их мыслительный процесс, ответственный за империалистический страх пред духом ислама и за попытки сокрушить ислам. Инстинкты и интересы всего Запада связаны с сокрушением этой силы»[2]. Запад и ислам вступили в продолжительную войну друг с другом. «Ислам в конечном счете, конечно же, победит, но только после преодоления величайших трудностей. Современная история, характерная доминированием Запада, представляет собой самое темное время во всей истории ислама»[3].

Уверение, что происшедшее ничего общего с религией не имеет, по меньшей мере убедительно не для всех. С. Сакс из «Нью-Йорк таймс» высказался именно в этом духе: «Нетрудно предсказать, что разочарованные молодые люди в Египте и Саудовской Аравии от отчаяния обратятся к религии». По определению Н. Чанды и С. Талботта, террористы, «претендуя на роль защитников беззащитных масс земли, нашли способ атаковать самое могучее государство. Они определили способ нападения в стиле джиу-джитсу, превращая базовые черты американской мощи — открытость и мобильность — в уязвимые места Америки. Они отправили захватчиков, вооруженных самыми примитивными видами оружия (вскрывателями коробок), в самую сердцевину технологиче-

[1]Цит. по: «Foreign Affairs», January-February 2002, p. 33.

[2] Ibid, p. 30. *Doran M.S.* Somebody Else's Civil War («Foreign Affairs», January—February 2002, p.30).

ского совершенства современного мира». Американский историк П. Шредер: данные террористы «являются фанатичными идеологами и уголовными преступниками, но они не дураки и не сумасшедшие ни в каком клиническом смысле и показали высокую степень целенаправленной рациональности в преследовании своих целей; справедливым было бы сказать, что они ожидали и страстно желали ответной реакции Соединенных Штатов. Их очевидное желание стать мучениками борьбы за свое дело говорит нам об их готовности сделать невольными мучениками многие тысячи своих единоверцев и сограждан, равно как и спровоцировать военное отмщение американцев и их союзников. Это стандартная тактика для террористов и партизан — спровоцировать противника на кровавые ответные меры с тем, чтобы разрушить жизненные центры и заставить каждого сделать выбор между ними и национальными или религиозными противниками. Такой была калькуляция Гаврилы Принципа, а он был значительно менее умным, чем нынешние террористы»[1].

Грозный знак впереди — возможная эволюция позиции Пакистана.

Многочисленные пуштуны-офицеры армии Исламской республики Пакистан при всех прозападных связях и симпатиях не могут в конкретной ситуации быть надежной прозападной силой в противостоянии президента Пакистана со своим исламским населением. И если США окажут на президента Мушаррафа давление выше неощутимой в Америке нормы, его режим будет просто сметен. В чьих руках будет тогда ядерное оружие Пакистана? Не будем пугать себя сами, но представьте на минуту этот огромный неудовлетворенный, самый быстрорастущий мир от Атлантики до Тихого океана, от Лагоса до Джакарты, вооруженный ядерным оружием Пакистана. И не только его. Такие страны, как Нигерия, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Индонезия, имеют два необходимо-обязательных компонента: нефтедоллары и получивших образование в западных университетах физиков. Остальное — воля, минимальное менеджерское умение и определенная степень закрытости.

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 26).

Преследуемый всем цивилизованным миром Усама бен Ладен и его «Аль-Кайда» после первых же бомбардировок произнесли (посредством катарской телекомпании «Аль-Джазира»), что «Америка открыла дверь, которую не сможет закрыть». Мы слышали много ламентаций уже практически бессильных людей. И Гитлер едва ли не до последнего дня в бункере намекал на имеющееся якобы у него «сверхоружие». Но мы, живущие в стране, имеющей восьмилетний афганский опыт, не можем легко отмахнуться от очередного пророка джихада. Можно смести с лица земли все учебные центры терроризма, но если мы оставим в неприкосновенности его постоянно пополняемые источники — поразительное материальное неравенство, нечувствительность к тем, кто считает себя обиженным (справедливо или несправедливо — в данном случае это не радикально важно), фактическое неравенство при формально провозглашаемом равенстве, — тогда точность летчиков в октябре менее важна, чем фанатизм сентября.

Предпосылка новой эффективности исламского фундаментализма, вызвавшая 11 сентября, — глобализация. Можно, конечно, отворачиваться, пожимать плечами и т. п., но до сих пор глобализацию видели, в худшем случае, как раздражающий источник замешательства, причину пока *теоретических* баталий. В одном только 2000 г. границы США пересекли 489 млн человек, 127 млн легковых автомобилей, 11,5 млн грузовиков, 829 тыс. самолетов, 2,2 млн железнодорожных вагонов. «Возможно, наиболее серьезной угрозой, порожденной атакой 11 сентября, — пишет американец С. Флинн, — является обнаружение мягкого подбрюшья глобализации. Та же самая система, которая питала славные дни 1990-х годов — открытость американской экономики миру, — увеличила американскую уязвимость. На протяжении многих лет американские политики, переговорщики и лидеры бизнеса действовали, исходя из наивного предположения, что у раскрытия ворот мировой торговли и путешествий нет побочного негативного эффекта»[1]. Американцы

[1] *Flynn S.* America the Vulnerable («Foreign Affairs», January—February 2002, p. 62).

опомнились поздно — теперь в США не купить карт основных водных резервуаров, атомных электростанций, мостов и тоннелей. Карты нефте- и газопроводов изъяты из Интернета.

«В лице бен Ладена глобализация получила наиболее последовательного противника, готового принести на алтарь своей страшной борьбы собственную жизнь. Объединяющей (хотя бы словесно) мир глобализации бен Ладен жестко противопоставил разъединение этого мира. В течение нескольких минут могучий

мировой процесс ощутил воистину тектонический толчок и едва не начал обратное движение. Террористы полностью использовали все возможности глобализации для четкого планирования своей операции. И получилось так, что *претерпевшая от глобализации периферия нанесла удар по ее центру,* где чемпионы, победители, триумфаторы глобализации начинали свой трудовой день»[1].

ОРГАНИЗАЦИЯ

Два потока породили антизападный арсенал. *Первый* — это салафизм Саудовской Аравии, основанный на идеях радикального теолога Мухаммеда Ибн Абд аль-Ваххаба, активного в конце XVIII века, чьи идеи Саудовская Аравия сделала государственной идеологией. Ваххабиты традиционно восхваляли *ихван* — религиозную милицию короля Сауда, которая страдала от бомб британской колониальной авиации, поддерживавшей британский контроль над Аравийским полуостровом. Саудовцев после Второй мировой войны стали патронировать американцы, заменившие англичан. Ваххабизм был использован администрацией Рейгана на финальном этапе противостояния Америки и Советского Союза. Как пишет американский исследователь Джайлс Кепел, «ваххабизм получил статус теологии освобождения — той теологии, которая очистит регион от коммунизма»[2].

[1] *Talbott S.* and *Chanda N.* (eds). The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. XIII.

Kepel G. The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge: Belknap, 2004, p. 40.

Второй организационный источник — тот вид политического ислама, который получил развитие в 1920-х годах в Египте под названием «Мусульманское братство». Братья-мусульмане поставили перед собой задачу создания государства на основе шариата, сугубо исламского представления о справедливости и каноне. «Наша конституция — это Коран». Братья примкнули к Гамалю Абдель Насеру в борьбе, закончившейся ниспровержением египетского короля Фарука в 1952 г. Но их союз быстро распался. Братьев-мусульман начали преследовать и в Египте президента Насера, и в Ираке и Сирии, где к власти пришла партия арабского возрождения «Баас». В 1970-е годы братья-мусульмане нашли пристанище в Саудовской Аравии, где они объединились с палестинцами, не вошедшими в Организацию освобождения Палестины, недовольными секулярным характером ООП. Постепенно «Мусульманское братство» завладело контролем над интеллектуальной жизнью саудовского королевства, что происходило на фоне общего исламского подъема после революции Хомейни в Иране 1979 г.

Влияние «Мусульманского братства» усилилось в Саудовской Аравии после нападения фанатиков на Великую мечеть в Мекке 20 ноября 1979 г., после которого правительство Эр-Риада стало более подозрительно относиться к ваххабитам. «Последовало «возрождение молодых радикалов», которые, как и шииты в Иране, соединили антиимпериализм борцов за права «третьего мира» (рисуя саудовских владык как американских лакеев); они соединили активизм братства с салафизмом, создавая взрывчатую смесь, которая детонировала по всему региону и всему миру»[1].

После Афганистана 1980-х годов джихад стал глобальным, и фундаменталисты сменили и тактику, и стратегию. Помимо бен Ладена; выдвинулись такие люди, как египтянин Айман аз-Завахири, целью стали не только «ближние», но и «дальние» враги. Подлинным манифестом глобального джихада стала работа Завахири «Рыцари под знаменем Про-

[1] *Kepel G.* The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge: Belknap, 2004, p. 48.

рока». (Ее пока нет на западных языках.) Эта книга начинается именно с призыва обратиться к «дальним» врагам. Для успеха, говорится в ней, джихад нуждается в новой плеяде лидеров, которые были бы «достаточно просвещены и обучены научным, конфронтационным и рациональным методам». Сборным пунктом всех борцов является Палестина. Завахири призвал нанести удар не только по правительствам западных стран, но и по их населению, потому что «они знают лишь язык собственных интересов, поддерживаемых грубой военной силой. Если мы желаем, чтобы они признали наши права, мы должны говорить с ними на языке, который они понимают». Согласно Джавахери, атаки самоубийц «являются самым эффективным способом нанесения урона противнику».

«Аль-Кайда», «занимающая страницы Интернета, осуществляющая связь по спутниковым телевизионным каналам, тайно производящая финансовые перемещения, пользующаяся международными авиационными перевозками и находящая сторонников от Джерси-Сити до рисовых полей Индонезии»[1], является современной организацией, восприимчивой к новациям. Бен Ладен — гибрид нескольких культурных традиций.

ПРИЧИНА НЕНАВИСТИ

Самоубийцы 11 сентября получили образование на Западе, обрели западную дисциплину, способность выполнять сложные операции.

Главный вопрос, который поставила перед американцами трагедия 11 сентября 2001 г.: за что? Ответа требовала природная американская рациональность и вера в трезвый и хладнокровный анализ. За что мусульмане не любят Америку? Понадобилось три года потерь, чтобы предоставить Америке менее лицеприятный, значительно более конкретный и точный ответ: Америку не любят *не за ее качества, а за ее политику.* Не за то, чем она является, а за то, что

[1] *Kepel G.* The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge: Belknap, 2004, p. 50.

она делает. Никакая общественная дипломатия, никакая президентская хвала исламу, никакие политически корректные дебаты не могут замаскировать той реальности, что многие из 1,3 млн мусульман *«ненавидят нас за наши действия, а не за наши ценности, и они возобладают в этой войне»*[1].

Все большее число американцев называют операции бен Ладена войной, «оборонительным джихадом, санкционированным Богом, соответствующим написанному в Коране, зафиксированным мыслям и традициям Мохаммеда»[2]. У бен Ладена ясная, четкая, сфокусированная, ограниченная и чрезвычайно популярная в мусульманском мире внешняя политика: прекратить американскую помощь Израилю и в конечном счете уничтожить это государство; увести американские войска с Аравийского полуострова; закрыть американские базы в Ираке, Афганистане и других мусульманских странах; ликвидировать прозападные режимы в Саудовской Аравии, Кувейте, Иордании и других странах; законсервировать энергетические богатства мусульманского мира и продавать их только по самым высоким ценам. Ради достижения этих целей, а не ради некой «зависти» боевые мусульманские организации (полагает растущее число американцев) будут наносить удары по США. Их не интересует американская свобода, их интересует американская политика в отношении исламского мира. Бен Ладен — «практичный воин, а не апокалиптичный террорист». Если США не изменят своей позиции, война между Америкой и исламом охватит все обозримое будущее. «Никто не может точно определить, какой ущерб принесет слепая приверженность Америки контрпродуктивной и ошибочной, лишенной морали и мужества тридцатилетней политике США на Среднем Востоке»[3].

Мусульманский мир готов сражаться с Соединенными Штатами не по неким эмоциональным, а по конкретно-оп-

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. X.

[2] Ibid, p. XVIII.

[3] Ibid, p. XIX.

412

ределенным причинам. Мусульмане имеют свои основания полагать, что их огромные территории от Атлантики до Тихого океана находятся в зоне американского насилия. Америка «сражается не с преступностью или терроризмом, а с мусульманским восстанием мирового масштаба». В глазах мусульман «Америка больше не является нацией Франклина Рузвельта, который сокрушил фашизм и принудил Черчилля сдать Британскую империю, не нацией Дуайта Эйзенхауэра, который остановил англичан, французов и израильтян у Суэца, и даже не Рональда Рейгана, который остановил советских атеистов в Афганистане. Америка уже не пытается быть честным брокером. Америка ныне защищает всех арабских тиранов от Рабата до Рияда, она покинула палестинцев жить в лагерях от рождения до смерти, она слепо поддерживает Израиль и мешает вооружению самих мусульман»[1].

Воспринимая мусульман-радикалов как фанатичную непримиримую силу, американская сторона склонна верить только в силовое решение. США стараются завладеть рычагами власти заведомо неуправляемых государств, таких, как Афганистан и Ирак, полагаясь только на *силу.*

Америка игнорирует нравы почти полутора миллиардов мусульман. Американцы постарались ограничить исламскую систему благотворительных организаций, что немедленно ожесточило миллионы мусульман. Американцы потребовали изменить расписание в мусульманских университетах: больше времени науке, меньше Корану — ничто не могло более потрясти верующих ислама.

Нахождение вооруженных сил США близ мусульманских святынь Мекки и Медины является очевидной ошибкой — оно вызывает ропот мусульманского мира. Нечувствительность официального Вашингтона к религиозным устоям исламского мира, активное использование базы Дахран и других военных структур на Аравийском полуострове порождают мнение о презрении американского гиганта к одной из великих мировых религий. Полагаться

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 16.

413

лишь на военные средства в межцивилизационном столкновении нерационально. Самоубийственно в целом цивилизационное презрение, продемонстрированное так очевидно. Роковой ошибкой американской стороны является закрытие глаз на то, что, с точки зрения мусульман, отделение церкви от государства — сугубо негативное явление, и западный призыв к такому отделению не мог не вызвать негативной реакции.

Что провоцирует межцивилизационное ожесточение — жесткие высказывания христианских проповедников, четко фиксируемые в исламской среде. Пэт Робертсон: «Гитлер делал много дурного, но мусульмане поступают с евреями еще хуже». Преподобный Джереми Фолвэлл назвал Мухаммеда «террористом». Телепроповедник Джимми Сваггарт: «Пусть Господь благословляет тех, кто благословляет Израиль, и проклянет того, кто проклинает Израиль». Преподобный Франклин Греэм назвал ислам «порочной религией»; он сказал, что христианство и ислам противостоят друг другу, как «свет и тьма». Обобщенно: «Мир ислама никогда — за всю свою историю не слышал подобных оскорблений»[1]. И такие оценки следуют не только от «Аль-Кайды», но от алжирской группы салафистов, кашмирской «Лаш-кар-э-Тайиба» афганской «Хисби Ислами», индонезийской «Джемаа Исламия» и многих сотен других

исламских организаций, члены которых истово верят в то, что они — «рабы Аллаха».

Соединенные Штаты, руководствуясь сугубо геополитическими соображениями, не видят уязвимости курса полагаться только на проамериканские, прозападные режимы своих сикофантов — президента Мушаррафа в Пакистане, Мубарака в Египте, на феодальную династию в Саудовской Аравии, отставляя на задний план коренные проблемы материального развития мусульманского мира, равно как и соответствие этих режимов демократическим ценностям. *Но США «потеряли победу в Афганистане из-за своего высокоме-*

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 3.

рия, поскольку стали стараться создать в Кабуле демократию западного типа — религиозной терпимости и прав женщин, — все то, что является анафемой для трайбалистской политической культуры афганцев». Режим Карзая ненадолго переживет уход американских войск. «Мы преуспели только в одурачивании самих себя». Но подлинно смертельную ненависть вызвала оккупация и расчленение мусульманских земель: создание христианского государства в Восточном Тиморе (относительно убитого в августе 2003 г. С. Виера де Мелло «Аль-Кайда» высказалась так: «Он был крестоносцем, который оторвал от нас часть земли ислама (Восточный Тимор). Журнал «Аль-Кайды» «Аль-Ансар» оценивает ситуацию в Персидском заливе так: «Все страны Залива оккупированы без особых потерь в рядах врага. Кувейт стал военной базой противника без борьбы. Миниатюрный Пентагон создан в Катаре. В Саудовской Аравии военные установки американцев разместились вокруг Мекки и Медины без всякой борьбы. Оккупирован весь регион»[1].

5. США в высшей мере заинтересованы в контроле над главной нефтяной кладовой мира, гарантирующей поток арабской нефти в самые важные регионы мира, что позволяет американцам владеть долей контроля над экономикой регионов-конкурентов — Западной Европой, Японией, Китаем. При этом «ради дешевой и легкодобываемой нефти Вашингтон поддерживают те тирании, которые бен Ладен стремится сокрушить»[2].

Существуют ложные положения, которыми руководствуются американцы в Афганистане: меньшинства не могут долгое время править в Кабуле; афганцев невозможно купить; афганцы с подозрением относятся к ставленникам извне; интернационализация конфликта ничего не меняет—в конечном счете, по мнению «Анонима», победит главенствующая группа — пуштуны.

[1] «Al-Ansar» (Internet), April 17, 2003, p. 3.

[2] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. XI.

ОСОБЕННОСТИ «АЛЬ-КАЙДЫ»

Не все американцы смотрят на «Аль-Кайду» как на военного противника, а не просто как на иррациональных убийц. Вожди исламского экстремизма встают со страниц ряда книг и газет как стратеги, рассчитывающие на долговременную борьбу, а не на краткосрочный набег — вклад в *осмысление,* а не в банальное хуление мусульманского экстремизма. Так, в короткие дни, предшествующие американскому наступлению на Афганистан, «Аль-Кайда» постаралась отнюдь не фанатично принять на себя «последний бой», а *«так рассредоточила свои войска, чтобы гарантированно избежать уничтожения одним всеобъемлющим ударом своего более мощного врага»*[1]. Силы моджахеддинов были распылены по малым отрядам. (Именно это же советовал сделать начальник военных операций «Аль-

Кайды» Сауф аль-Адиль нарождающемуся сопротивлению повстанцев Ирака в марте 2003 г.) Задачей «Аль-Кайды» стало сохранить свой потенциал, сберечь опору на сельские районы, которые *никогда* не станут в условиях огромной страны предметом контроля американцев, сосредоточившихся (как когда-то и Советская Армия) на городах.

Выпускники Вест-Пойнта и Аннаполиса могли снисходительно относиться к одетым в странные шаровары темным крестьянам, но те знали свой способ выживания и в этом превосходили дипломированных специалистов иной цивилизации, поспешивших возвестить победу: в сентябре 2003 г. известный исследователь Э. Лутвак (в числе многих прочих. — *А.У.)* заявил, что «Аль-Кайда» «как функционирующая группа более не существует»[2]. А уже через несколько месяцев в американской печати заговорили о боеготовых двадцати тысячах бойцах «Аль-Кайды», о деятельности организации в 80 странах от Марокко до Филиппин. Это убеждает, что американцам противостоит не сброд фанатиков,

[1]*Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 60.

[1] *Luttwack E.* The Head of the al Qaeda Snake («Los Angeles Times», September 11, 2003).

а защищающая себя цивилизация, на протяжении столетий выработавшая свой стиль самообороны. Глубоко ошибаются американские официальные лица, которые смотрят на «Аль-Кайду» как на традиционную исламистскую террористическую группу, простой сброд фанатиков. Лишь постепенно в Пентагоне и Лэнгли пришли к выводу, что это прежде всего военная, а не уголовная организация, что это противник, который, благодаря своим качествам, требует пристального к себе внимания. Если видеть здесь лишь бандитов, то необъяснимо неумение лучших армий мира уничтожить организованных террористов — «Хезболла», Тигры-Тамилы, бесчисленные палестинские группировки, ЭТА в Басконии, «Сендеро Луминосо» в Колумбии. Гибель или арест самых высоких руководителей этих движений никак, собственно, не сказался на эффективности этих движений. Анализ сил противника должен быть более глубоким.

«Аль-Кайда» — это многонациональная, полиэтническая организация огромного масштаба, беспрецедентная по масштабу своей деятельности. Под руководством бен Ладена она направила острие своей деятельности на Соединенные Штаты тогда, когда и Запад, если он желает выиграть цивилизационную битву, должен иметь в виду, что тысячи забытых богом деревушек в реальности не поддаются контролю завоевателя. Это в XIX в. ощутили англичане, в XX в. — русские, а в XXI в. — американцы. Исламские ветераны прежних битв (Кашмир, Чечня, Узбекистан, Эритрея, Йемен, Саудовская Аравия, Алжир, Таджикистан, Египет, Босния, Северо-Западный Китай, Индонезия, Малайзия, Македония, Косово, Филиппины) рассредоточены преимущественно на пыльных трактах Северного Пакистана и Южного Афганистана. Только постепенно американцы стали приходить к выводу, что «Аль-Кайда» является нерегулярной армией глобального масштаба, ведущей «в неконвенциональной войне бои низкой интенсивности». В невидных деревушках продолжилась подготовка будущих бойцов ислама. *Отсюда* Америке угрожают новые Атта и аль-Дзавахери. Учебники, захваченные в Афганистане, говорят о двуступенчатой подготовке. Только перешедшие на вторую ступень начинают готовиться к операциям за грани-

цей. Америка, по мнению «Анонима», ошибается в определении *центральных* звеньев «Аль-Кайды» — они не на плоскогорьях Афганистана, а в песках

Саудовской Аравии, где растет сопротивление компрадорскому феодальному строю[1].

САМЫЙ БОЛЬШОЙ НЕНАВИСТНИК АМЕРИКИ

Бен Ладен не устает приглашать президента США и американский народ принять ислам: «Мы зовем вас в ислам; мир придет к тем, кто ступит на правильную дорогу. Я предлагаю вам увидеть радость жизни и избавиться от сухого, жалкого, бездуховного материалистического существования. Воспримите уроки Нью-Йорка и Вашингтона, они даны вам за прежние преступления»[2]. Одновременно телекомпания «Аль-Джазира» и Интернет сделали прежде невозможное — растиражировали облик первого врага Запада, распространили в пестрой мусульманской умме от Джакарты до Занзибара героический ореол ее защитника. Многие исследователи ислама, такие, как Д. Бергенер, Дж. Китфилд, Б. Хофман, Э. Басевич, считают, что без этого лидера мусульманский мир не смог бы столь очевидно организоваться для джихада против Запада.

Они выступают против упрощенного подхода к «террористу № 1». Упрощенный вариант удобен части американской элиты, но он знаменует собой «нежелание американцев ясно увидеть те действия США в мусульманском мире, которые заставляют мусульман бросаться на Соединенные Штаты». Предлагается рассмотреть явление рационально и отказаться от маниакальности. «Эта линия анализа берет блестящего, твердо все рассчитывающего, предельно терпеливого противника, каковым является бен Ладен, и низводит его до положения сумасшедшего, жаждущего крови и иррационального»[3].

Секрет бен Ладена можно понять, только обратившись

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 72.

[2] Ibid, p. 154.

[3] Ibid, p. 110.

к тому, что более всего он обличает. А обличает он «жалкие условия мусульманской цивилизации, в которых мусульмане виноваты сами. Он, конечно же, винит Запад за нападение на ислам, обвиняет в отторжении арабских природных богатств, но более всего он обличает не крестоносцев, а тех мусульман, которые сошли с тропы пророка и не сумели найти единение в джихаде. Беда не во внешних врагах, а в незначительности числа защитников веры»[1]. Это не безумец, разбрасывающий бомбы, а упорный и трезвый противник, полный решимости нащупать слабое место своего врага. Он — «преисполненный горечи и злобы, хладнокровно калькулирующий свои действия политик. Да, ему нет места на страницах «Гарри Поттера». Но для него много места в той части мира, которая далека от «Гарри Поттера». Это подлинное столкновение цивилизаций»[2].

Главный идеологический мотив бен Ладена: мусульманский мир подвергается нападению западных крестоносцев, встречая «океан насилия, несправедливости, убийств и грабежа, направленных против исламского общества. Мы защищаем себя от Соединенных Штатов. Это «оборонительный джихад», потому что мы желаем защитить свою землю и людей». Исламский мир получил руководство, готовое на долговременную борьбу. Выведя свои ударные силы из Афганистана в момент наивысшего наступательного порыва американцев (когда американская армия лишилась шанса «загнать Талибан в каменный век», бен Ладен начал их возвращать только в середине 2003 г., когда бомбардировки Тора-Бора ослабли. Бен Ладен вполне воспринял совет, который Макиавелли дает своему принцу: «Все вооруженные пророки добивались успеха, а невооруженных ждало поражение и забвение».

Примерно через год после триумфального вхождения в Багдад в американском обществе заговорили о необходимости ухода. Генерал Уильям Одом в июле 2004 г.: «Соединен-

[1] *Anonymous.* Imperial Hubris. Why the West Is Losing the War on Terror. Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004, p. 114.

[2] Ibid., p. 125.

ные Штаты обязаны начать стратегический отход из Ирака, потому что находиться в этой стране никогда не было в стратегических интересах Америки. Накануне войны, ввиду созданной в стране обстановке, такая дискуссия была невозможна»[1].

ИРАК И «АЛЬ-КАЙДА»

Иракская война — это неспровоцированная война против государства, которое не представляло собой непосредственной угрозы Америке. Не следовало идти на применение военной силы. В мире это называют *милитаризмом.* Усама бен Ладен назвал вторжение в Ирак «возвращением прямого колониального правления». США невольно стали наиболее ценным союзником бен Ладена, радикализируя исламский мир. Сказалась наивная уверенность во всемирной приложимости западных ценностей и вера в способность военными методами решить цивилизационные проблемы. Следует ли игнорировать слова Аймана аль-Завахири, сказанные в конце 2003 г.: «Американцы в Афганистане и Ираке попали в деликатную ситуацию. Если они уйдут, то потеряют все, а если они останутся, то истекут кровью до смерти»[2]. Данные из захваченных компьютеров «Аль-Кайды» говорят о ее желании опереться на иракских курдов, которые накануне американского вторжения получили от бен Ладена 350 тыс. долларов, оружие и джипы. И завод по производству химического оружия. И готовую философию: «История пишется только кровью. Славу можно обрести только на основании их черепов». В результате, пока американцы наносили удары по исламскому терроризму в коридоре Исламабад—Амман, «Аль-Кайда» сместилась в Северный Ирак и в Ливан, где «Хезболла» — шиитская организация остается мощной исламской организацией.

[1] *Odom W.* Retreating in Good Order («The National Interest», Summer 2004, p. 33).

[2] Recorded Audio Message by Ayman Zawahiri. Al-Jazirah Satellite Channel Television. September 10, 2003.

После вхождения американских войск «Аль-Кайда» занялась привычной работой — приемом, размещением и обучением добровольцев со всего исламского мира, пожелавших сразиться с западной цивилизацией в долине Тигра и Евфрата. Новое: исключительное внимание к Интернету. Боевые мусульманские организации используют электронные средства связи (компактные компьютеры, сотовые телефоны и пр. для пропаганды, обучения и объединения). Ислам нашел свою информационную территорию, о чем убедительно говорит число откликающихся на сайты «Аль-Кайды». Резко увеличилось военное обучение по Интернету. Так называемая «Энциклопедия джихада» дает «братьям по Интернету» всю необходимую информацию для создания ударных вооруженных групп. Основная информация излагается на арабском и английском языках. Теперь террористам не нужны специальные лагеря — они могут завершать подготовку и дома, черпая всю необходимую информацию из всемирной сети. Особенно активна в этом отношении суннитская секта Салафи. Типичный пример перехвата: «Сообщите нам сведения относительно важных экономических и военных целей американских крестоносцев». Речь в Интернете идет о нефтепроводах, расположении оккупационных офисов, воздушных коридорах. Задаются вопросы об именах старших офицеров американской армии и т. п.

Не дано нам знать, откуда нанесет удар судьба. Неспровоцированное нарушение суверенных прав Ирака, казалось бы, могло вызвать более твердую реакцию мирового сообщества: завтра мишенью станешь ты. Но мощь несдержанного лидера, помощь 34 пособников, отсутствие жизнетворной солидарности фактически погасили вестфальскую систему взаимопомощи суверенных держав. Наказание последовало изнутри американского и британского обществ. Граждане этих обществ настоятельно пожелали знать, кто убедил правительства в Вашингтоне и Лондоне, что Ирак владеет оружием массового поражения и способен применить его после всего лишь 45-минутной подготовки.

По мнению философа Фрэнсиса Фукуямы, «устранив партию «Баас», расформировав иракскую армию, амери-

канцы допустили ошибку, которую они стараются исправить, создавая новые силы безопасности. Но уже поздно. В нашем рвении поддержать процесс демократизации мы приносим больше вреда, чем пользы, поскольку предоставление помощи извне парализует возможности местных структур»[1]. Фукуяма полагает, что «исламизм таит в себе больший идеологический вызов, чем коммунизм».

Тихо и вначале незаметно возник вопрос: за что посланы на смерть кормильцы семей? Налогоплательщики задались вопросом: на что пошли миллиарды долларов и фунтов стерлингов? Оправданны ли затраты на «вялотекущую» войну, которую, как, выясняется, нельзя выиграть? Но *главный* вопрос: можно ли доверять жизни и кошельки правительствам, которые склонны искажать факты и обманывать своих граждан?

К весне 2005 г. ощущение ошибки, невозможности достичь своих целей в Ираке стало в США распространенным. Такие комментаторы, как Пол Крюгмэн и Морин Дауд, стали проповедниками реализма в «Нью-Йорк тайме». Соединенные Штаты попали в безнадежную трясину, продолжение военных действий лишь увеличит число потерь, в марте переваливших за полторы тысячи.

На противоположной стороне океана выдающийся британский историк Алистер Хорн сравнил положение американцев в Ираке с французским поражением в «брутальной восьмилетней алжирской войне. Конечным результатом будет такой же внезапный и унизительный западный отход». Аргументы очевидны: двухлетняя нестабильность в суннитском треугольнике; растущий фатализм американских военных; бесконечная лавина партизанской войны; растущее нежелание союзников поддерживать единственную сверхдержаву; неспособность умеренных иракцев взять на себя инициативу и блокировать действия крайних сил. Складывается впечатление, что противников американской коалиции становится все больше. Сторонники джихада, баасисты и

[1] *Fukuyama F.* Ce monde en Etats de choc («Le nouvel observateur», mars 4, 2005).

моджахеды словно прибывают с разных концов арабского мира, возможно, из Сирии, вероятно, и из других арабских стран. Исламская умма не берется предсказывать дальнейшие действия американцев — долго ли они будут выносить удары смертников и что такое американская демократия?

Внутри Соединенных Штатов даже весьма убежденные сторонники военных действий стали видеть в американских планах значительную долю наивности, неверного анализа, все черты простых решений, непригодных для племенной и сложноконфессиональной обстановки послесаддамовского Ирака. Показательно название в ноябрьском (2004) номере журнала «Ризн»: «Сумерки в стане либеральных ястребов», где обозреваются «вторые мысли» известных специалистов — Пола Бермана, Томаса Фридмана, Кеннета Поллака, Фарида

Закариа, Эндрю Салливэна, Майкла Игнатьева. Все они «несчастливы» в своей собственной манере, ни у одного нет рецепта, как справиться с Ираком после апреля 2003 года. Разумеется, нет недостатка в критике президента Буша и его стиля верховного руководства. Предметом критики становится и сам проект «демократизации Ближнего Востока».

Для значительного числа американцев предметом серьезных размышлений стала статья обозревателя Джорджа Уилла под названием «Пришло время Бушу увидеть реальности войны в Ираке». Но еще более влиятельными оказались сомнения американцев в погонах — генералов Уэсли Кларка, Уильяма Кроува, Барри Маккафри, Тони Макпика, Уильяма Одома, Стэнсфилда Тернера, Энтони Зинни, К весне 2005 г. они усомнились в возможности военного решения проблемы. Возникло нечто, болезненно для американцев в униформе напоминающее Вьетнам: конфликт ослабляет Америку, бьет по морали войск, ослабляет общественную поддержку. Генералы указывают на возросшую уязвимость страны. Генералы «поумнели», утверждая теперь, что конфликты должны разрешаться с санкции ООН и при поддержке союзников. В противном случае США начнут расходовать невосполнимые ресурсы.

«Ястребы» еще уверяют, что партизанская война, непре-

кращающиеся взрывы не сделали еще ситуацию необратимой. Виктор Хэнсон в «Комментари»: «История еще не закончена, поскольку ежедневные подрывные операции (противников американцев) не привели США к мысли об уходе, не нарушили график проведения выборов и реформ. Самые кровавые бои на Окинаве произошли всего за девять недель до японской капитуляции, а в Европе битва в Арденнах произошла всего за сто дней до коллапса Германии. Последние схватки сопротивляющейся стороны особо жестоки и кровавы»[1].

В Ираке «несут вахту» 130 тысяч американских военнослужащих. Сюда уже ушли первые 100 млрд долл. И окружающий мир сделал свои выводы: суверенитета и членства в ООН недостаточно, подлинный суверенитет дает лишь обладание ядерным оружием. Б Тегеране и Пхеньяне эта мысль нашла свое конкретное воплощение. Примечательна роль Пакистана. Эта ядерная держава (и во многом клиент Соединенных Штатов) в данном случае предпочла — в отличие от афганской кампании — сохранить твердый суверенитет. Нейтрален и египетский режим, несмотря на то что начиная с 1979 г. получил от американцев 50 млрд долл. Он нейтрален только в правительственной верхушке, а в среде его интеллектуалов и на египетской улице антиамериканизм набирает обороты. Как и во всем арабском и, шире, исламском мире.

Мир помнит, что главный фаворит американцев — Иран — в свое время предпочел теократию. А в Саудовской Аравии нефтедоллары идут на поддержку ваххабизма.

ИРАН

Победа аятоллы Хомейни в 1979 г. привела к попыткам Ирана укрепить свои позиции на Среднем Востоке и подорвать влияние здесь американцев. Особую цель для нового «нешахского» Ирана представляла собой Саудовская Аравия. Иранцы активно помогали террористическим организациям, стремящимся подорвать влияние Вашингтона и его

[1] *Hanson V.* Has Iraq Wea, end Us? («Commentary», February 2005).

главного ближневосточного союзника в противостоянии палестинцам.

После поражения Ирака Иран почувствовал себя ведущей державой региона. Президенту Рафсанджани удалось несколько улучшить отношения с Западом. Экономическое развитие Ирана набрало большие обороты. В военной сфере

примечательным стало испытание ракеты «Шихаб-3» дальностью 7 тыс. километров. Иран в глазах Запада выглядит одиозно, как сила, поддерживающая фундаментализм и терроризм.

На рубеже веков улучшились отношения Ирана с Россией. С 1995 г. Россия сотрудничает с Ираном в строительстве атомной электростанции в Бушире. И Тегеран, по мнению американцев, решил стать ядерной державой, получая прямую и косвенную помощь со стороны китайцев, немцев, пакистанцев, русских и, возможно, северных корейцев. Со стороны Ирана было продемонстрировано упорство и готовность идти на жертвы ради получения статуса ядерной державы. «Видя, что администрация Буша вторглась в еще не обретший ядерного оружия Ирак и не решается сделать того же в отношении ядерной Северной Кореи, иранцы пришли к выводу, что обладание ядерным оружием является единственным действенным сдерживающим средством для предотвращения военных действий США»[1].

В этом иранское правительство получает массовую поддержку. Советник религиозного лидера страны Хаменеи али Акбар Натек-Нури отмечает: «По счастью, опросы населения показывают, что от 75 до 80 % иранцев желают противостоять и продолжать нашу программу, отвергая унижение».

Но удар Соединенных Штатов по Ираку явно напугал Тегеран. В октябре 2003 г. президент Хаменеи солидаризировался с реалистами в иранском правительстве, и Иран подписал т.н. Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, в котором были статьи об инспекциях подозрительных объектов. В последующем

[1] *Pollack K.* and *Takeyh R.* Taking on Tehran («Foreign Affairs», March/April 2005, p. 24).

ноябре Тегеран принял предложение трех ведущих западноевропейских стран — Франции, Германии и Британии «Аль-Кайде» *остановить* исследования в области обогащения урана и не предпринимать усилий по созданию полного ядерного цикла. Западная Европа стала как бы посредником между агрессивно наступающими Соединенными Штатами и Ираном.

Вашингтон прямо поставил Иран перед дилеммой: успешное экономическое развитие или ядерное вооружение. А поскольку экономическая ситуация в Иране далеко не успешна, ему пришлось делать выбор в пользу замедления ядерных исследований. Попытки Ирана противопоставить Америке Европу удались только частично. Правительство же Буша активизировало нажим на Россию, западноевропейские страны и Китай с целью «дожать» Иран.

Острой проблемой для Ирана стало то, что МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии — нашло в деятельности иранских предприятий упорное стремление достичь результата в военно-ядерной сфере. Во время переговоров с Европейским союзом в ноябре 2004 г. Иран просил позволить оставить действующими 20 исследовательских центрифуг, но европейцы в этом отказали. Быстро достигнутое согласие Ирана показало, что он боится общих экономических санкций всего Запада.

Невоенное оружие Соединенных Штатов — обещание снять режим санкций и разморозить активы шаха Реза Пехлеви, расширить экономические контакты и улучшить климат для инвестиций в иранскую экономику. США могут предложить Ирану программу помощи в разрешении проблемы иранской энергетики (официальное обоснование строительства атомных электростанций), создать новую систему безопасности в Персидском заливе с участием Ирана. Америка в случае упорства Ирана может блокировать (если найдет общий язык с Россией и ЕС) едва ли не все экономические проекты Ирана.

При всем этом Вашингтон пока еще понимает, что вторжение в Иран — это не выход. Талибан и Саддам Хусейн в данном случае плохие примеры. Да и

поставленный в практическую плоскость, этот вопрос едва ли может быть
426
ныне решен: войска США заняты Ираком и Афганистаном. Горная местность, патриотизм населения, упорство режима — все это обещает беспрецедентный опыт. Разрушить иранские установки одним ударом с воздуха американские генералы пока не обещают. И любой удар по Ирану неизбежно отзовется в американском тылу — в Ираке. Как признают сами американцы, «без более точных разведывательных данных относительно иранской ядерной программы и лучшей защиты от иранской контратаки идея американской кампании с воздуха должна рассматриваться только как последний из возможных вариантов»[1].

Напомним, что после падения Саддама Хусейна в Ираке иранское правительство послало немало людей в Ирак (в том числе священников и революционных гвардейцев) и создало там свою зону влияния.

ПАКИСТАН

Как и большинство стран, занятых (как главным) процессом «догнать Запад», Пакистан представляет собой разделенное общество. Эта разделенность видна уже из самого простого обобщения относительно трех «А» как фундамента пакистанской внешней политики — Аллах, Армия, Америка. Верхний — правящий слой страны традиционно говорит по-английски. Это армейский генералитет, высшая правительственная бюрократия, крупные землевладельцы, национальная буржуазия. Политические и экономические связи напрямую связывают пакистанскую элиту с Соединенными Штатами, где живет 400-тысячная пакистанская диаспора, в университеты которых правящий слой Пакистана направляет своих детей. Брат президента Мушаррафа — врач, практикующий в Чикаго, является американским гражданином.

В то же время другой Пакистан — основная масса его населения — не видит причин для проамериканских симпатий. Более того, практически весь «не говорящий по-анг-

[1] *Pollack K.* and *Takeyh R.* Taking on Tehran («Foreign Affairs», March/April 2005, p. 26).

427
лийски» Пакистан относится к США с известной долей враждебности. Почти вся пресса на урду печатает в высшей степени критичные в отношении Америки статьи. Она отражает мнение мечети и улицы — пакистанец на улицах Карачи, Лахора, Исламабада, а особенно Пешавара и Каетты, видит в Соединенных Штатах силу не только антипакистанскую, но прежде всего антиисламскую силу.

В сентябре 2001 г. в Исламабаде у военного режима генерала Мушаррафа — как и у его предшественников за три последних десятилетия — оказались все те же три союзника. Америка несколько отступила от страны после ее ядерных испытаний 1998 г., но заново обратилась к Исламабаду после сентября: довольно неожиданно Америка оказалась чрезвычайно заинтересованной в сохранении режима, который еще недавно осуждался, а теперь оказался бесценным для американских планов и операций в глубине Азии. Как пишет А. Ливен из Фонда Карнеги, «выживание Пакистана в его нынешней форме жизненно важно для интересов американской безопасности — это обстоятельство превалирует над всеми прочими. Коллапс Пакистана, приход внутренней анархии или исламистской революции нанес бы непоправимый удар по глобальной кампании против исламского терроризма. Таким образом, укрепление пакистанского государства и цементирование его сотрудничества с Западом стало невероятно важным для Вашингтона»[1].

На короткий период американская победа в Афганистане укрепила позиции президента Мушаррафа в Исламабаде. Но в долгосрочной перспективе все для этого генерала выглядит менее радужно. На протяжении нескольких последних

десятилетий наблюдается неуклонное падение веса Пакистана в своем регионе. Даже в краткосрочной перспективе можно с достаточной степенью вероятия предсказать, что очередное ухудшение экономического положения Пакистана заставит окружающую Мушаррафа клику отставить генерала от руля управления государством и возвратиться к гражданскому правлению.

[1] *Lieven A.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs», January-February 2002, p. 106).

И что существенно для Америки: разгромленный под водительством США Талибан не оживет в Афганистане, если группе его приверженцев удастся возвратиться в свои пещеры; но у Талибана будет очень большой шанс превратиться в главенствующую афганскую силу, если за дело возьмется радикализированный пакистанский режим. Для того чтобы удержать Мушаррафа на плаву в обстановке углубляющейся экономической рецессии, Вашингтон обязан неустанно следить за угрозами своему главному союзнику в мусульманском мире. Со своей стороны, Мушарраф уже пообещал своему народу, что, выступив на стороне США, он получит награды. Прав ли был незаурядный Мушарраф или опрометчив? Вокруг Мушаррафа слышны скептические ноты — американцы нарушали свое слово и прежде. Ничто не сделано по сию пору такого, чтобы пакистанское общество почувствовало, что на этот раз Вашингтон полон решимости быть верным своему слову.

Складывается впечатление, что в Вашингтоне не полностью осознали центральную значимость для Пакистана его взаимоотношений с Индией. Поддержка Талибана была сильна в приграничных провинциях, где проживают пуштунские племена, — а это всего 10 % населения Пакистана. Остальной пакистанский мир живет в условиях латентной конфронтации с Индией. Доминирующая провинция Пакистана — Пенджаб (63 % населения страны). В армии Пенджаб представлен еще более весомо, равно как и в административной элите. Относительно немного пенджабцев открыто сочувствуют соседям пуштунам и их проталибановским симпатиям. И Пакистан так ревностно помогал много лет Афганистану не по причинам мощи пуштунов или даже исламской солидарности, а прежде всего ввиду колоссальных опасений потерять стратегический тыл, противостоя огромной Индии. Как считает А. Ливен, «Мушарраф продал свою поддержку текущей американской военной политике своим соотечественникам, сумев убедить их, что это наилучший способ избежать формирования враждебного альянса между Вашингтоном и Нью-Дели. И большинство населения, по-видимому, согласилось с этой калькуляцией; в октябре (2001 г.) опрос Гэллапа показал, что 56 % пакистан-

цев поддержали политику Мушаррафа, и это при том, что 83 % осудили кампанию Вашингтона»[1].

Перед Вашингтоном стоит сложная задача: суметь поддержать Пакистан, не вызвав отчуждения Индии. А это непросто, так как внутри Пакистана американцы вынуждены держаться за единственный работающий и эффективный институт, за армию (много лет готовящуюся к очередному конфликту с Дели). Аналитики говорят, что если Пакистан не срывается в водоворот исламской революции, то не потому, что здесь сильна прозападная армия, а потому, что исламская оппозиция в Исламской республике Пакистан еще слаба и неорганизованна. Вместе взятые пакистанские исламистские партии на последних выборах получают всего лишь 6 % от всех зарегистрированных избирателей. Но и недооценивать ислам в Пакистане не следует. В конце концов — это главный стержень единства страны. Вторая по величине из двух относительно крупных исламских партий — «Джамиат-уль-Улема-э-Ислам» лидировала в противодействии американской кампании в Афганистане. В ней достаточно много пуштунов, она влиятельна на

северо-западе страны и имеет связи с Талибаном.

Главное. На протяжении многих лет пакистанская армия пестовала, обучала исламских борцов для Афганистана. Сложились тесные связи, налажены определенные отношения. Речь идет о крупных лагерях подготовки, о налаженной системе снабжения оружием. Часть этих военно-тренировочных лагерей использовалась (и используется) против Индии в Кашмире. И вот главную пакистанскую организацию, борющуюся за контроль над Кашмиром («Жаиш-э-Му-хамади») США официально объявляют террористической организацией, с которой они намерены бороться. Теперь главная задача Вашингтона заключается в том, чтобы получить долю контроля над системой исламских медресе в Пакистане, чтобы под их эгидой не прятались и не росли наследники Талибана.

[1] *Lieven A.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs», January—February 2002, p. 108).

Будущность Пакистана как нового союзника США не обнадеживает. На протяжении 30 лет исламские политические партии правили страной и довели ее до развала своим непотизмом, некомпетентностью и коррупцией. Оба — Бхутто и Шариф — были свергнуты именно поэтому. Мушарраф имеет западный опыт, его мать работала в Международной организации труда (Женева). Но перед ним почти непреодолимые препятствия. В частности, доминированием Пенджаба недовольны те самые пуштуны, которые живут на огромной границе с Афганистаном. Показателем стабильности этого нового союзника США будут национальные выборы в Пакистане, намеченные на октябрь 2002 г. Американцы хотели бы, чтобы Мушарраф ввел в стране «турецкую модель»: и признаки демократии, и контролирующие положение военные на случай поворота страны к исламскому фундаментализму.

Но все рычаги окажутся непригодными, если экономика Пакистана рухнет и обездоленные массы попрут соглашения с «неверными». Этот поворот не уходит с горизонта. А тем временем против 4 % пакистанского роста в среднем за 1990-е годы Индия противопоставляет 5,6 %. И Пакистан расходует 30 % своего бюджета на военные цели, оставляя обездоленными огромные массы нищающего населения. А вокруг изобилие оружия, если его возьмут в руки исламские фундаменталисты, то в надежности такого союзника США можно будет усомниться. «Без успешно проведенных прогрессивных реформ, — считает А. Ливен, — мощь исламистов будет постоянно расти, особенно в дальней перспективе — несмотря на их поражение в Афганистане»[1]. Будем реалистами: Пакистан — не Турция, и более быстрая исламизация армии практически неизбежна. Армии с ядерным оружием. Именно разведка этой армии в свое время создала Талибан. И по крайней мере один из руководителей этой разведки (генерал Джавед Насир) был радикальным исламистом.

Руководство Пакистана много говорит о борьбе с фун-

[1] *Lieven A.* The Pressures on Pakistan («Foreign Affairs», January— February 2002, p. 113).

даментализмом, но предпринимает не так много конкретных мер. Так, речь постоянно идет об овладении контролем над многочисленными медресе; несколько группировок были лишены официального статуса. Но ни один активист крайнего толка не предстал перед судом, за исключением убийцы американского журналиста Д. Перла.

В марте 2002 г. взрыв у американского посольства в Исламабаде подтвердил указанную тенденцию. Правительство США отозвало из своих посольств и консульств в Пакистане родственников дипломатов, сократило дипломатическое представительство, понимая при этом, что полный уход из Пакистана в огромной мере ослабил бы позиции США в регионе.

Особую роль в Пакистане играют религиозные исламские школы — медресе. Традиция обучения в таких школах уходит в глубины веков. Но в последние десятилетия они начали играть совершенно особую роль. Ныне они доминируют в образовательной системе Пакистана. И что существенно: они создали очень прочные связи с воинственными мусульманскими организациями. Здесь на арену выступают США: «Америка имеет жизненный интерес в том, чтобы Пакистан имел адекватную образовательную систему и в то же время чтобы медресе не превратились в тренировочные пункты террористов»[1]. В настоящее время в Пакистане примерно 45 тысяч медресе, число учащихся в которых варьируется от нескольких десятков до нескольких тысяч. Особое влияние в них имеет т.н. деобандизм, родившийся в Пакистане, учащий тому, что Запад является источником разложения, что религиозное образование важнее светского.

В Пакистане лишь 40 % населения грамотно. Учитывая, что на образование расходуется примерно 2 % валового продукта страны (один из самых низких показателей в мире), медресе заняли доминирующее положение в формировании пакистанского общества. Они бесконечно далеко отстоят от элиты, олицетворяемой, скажем, президентом Мушаррафом, получившим образование на Западе. 15 тысяч

[1] *Singer P. W.* Pakistan's Madrassahs: Ensuring a System of Education not Jihad (Brookings Analysis Paper № 14, November 2001, p. 10).

сыновей бедняков ежегодно поступают в медресе — они в свое время произвели Талибан и способны повторить этот опыт — государственного контроля над ними нет. Не менее 15 % медресе непосредственно связаны с экстремистскими мусульманскими организациями. Эти медресе учат особому курсу ислама. «Ненависть позволена, джихад разрешает убийство невинных гражданских лиц, включая мусульман — мужчин, женщин и детей; террористы выступают в роли героев. Мученичество посредством самоубийства превозносится. В некоторых радикальных религиозных школах учат обращению с оружием, военным физическим упражнениям, учат произносить зажигательные политические речи (антиамериканские речи заучиваются наизусть). Оторванные от родителей ученики весьма чувствительны к такому обучению»[1].

Рекрутированная Усамой бен Ладеном 55-я бригада иностранных добровольцев — основа «Аль-Кайды» была создана из студентов таких школ. Правительственный Исламабад все эти годы поддерживал эти школы, потому что они давали готовых бойцов для боев в Кашмире, для влияния в Афганистане. Для боев в Чечне и на Филиппинах. И ученики оправдали оказанное доверие, лучшей иллюстрацией чего является захват пропакистанским Талибаном власти в Афганистане. Временами в те дни закрывались многие школы — ученики медресе все шли на фронт. Среди них было много и не пакистанцев, а пришедших в знаменитые медресе иностранцев-мусульман. Прибыли студенты из Китая, Индонезии, Казахстана, Саудовской Аравии, Таджикистана, Узбекистана, Йемена. Их агрессивность всемерно поддерживалась учителями. Выпускники этих школ часто лишь увеличивают число безработных. Альтернатива — нести пламя веры в далеких краях. Или служить в пакистанском Межведомственном разведывательном директорате.

[1] *Singer P. W.* Pakistan's Madrassahs: Ensuring a System of Education not Jihad (Brookings Analysis Paper № 14, November 2001, p. 12).

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Правительство Саудовской Аравии в своей внутренней политике постоянно балансирует. Но вовсе не таким образом, как это довольно часто изображают на Западе — якобы противостоя либеральной внутрисаудовской оппозиции, которая

будто бы требует либеральных реформ, либерализации режима, открытости, прозрачности системы управления, большей терпимости в рождающемся светском государстве. На самом деле подлинная оппозиция официальному Эр-Рияду исходит от сугубо консервативных элементов саудовского полуфеодального и феодального общества, взбешенного присутствием на святой земле западных войск, и вообще «неверных» вблизи Мекки и Медины. Парадокс заключается в том, что наибольшая угроза саудовскому режиму лежит *справа* — со стороны выпускников тех многочисленных медресе, на финансирование которых так щедро правительство Саудовской Аравии.

В свете этого американское правительство, предельно дорожащее своим влиянием на официальный Эр-Рияд (25 % мировой нефти), менее всего хотело бы политических перемен на Аравийском полуострове — они могут привести к повторению триумфального возвращения нового Хомейни в сердце исламского мира. Только роль Хомейни на этот раз готов сыграть Усама бен Ладен.

ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Несомненно, нефть. Известный американский аналитик Эдвард Морзе признает, что «как война в Заливе, так и свержение Саддама двенадцатью годами позже имели место преимущественно ввиду значимости нефти. Саддам не представлял бы собой угрозы статус-кво в регионе и жизненно важным интересам США, если бы не находился в центре мировых запасов нефти»[1]. По американским подсчетам, Саддам Хусейн, находясь в центре нефтедобычи, угрожал качаемым из-под земли 24 млн баррелей нефти в

[1] *Morse E.* Fighting for Oil? («National Interest», Summer 2004, p. 37).

день — трети мировой нефтедобычи. В самом Ираке, по американским оценкам, нефти *вдвое* больше, чем принято считать, — почти столько же, сколько и в Саудовской Аравии.

Причем в разных вариациях воздействия. К примеру, стоило Саудовской Аравии повести свой ценовой курс, как в 1990-х годах рухнула прежняя система Венесуэлы и к власти пришел стать нелюбимый американцами Уго Чавес. Страшная мощь обладателя четверти мировой нефти неоспорима. Это признает и Вашингтон. Пади цена за баррель ниже 15 долларов, и нефтяная мощь России окажется под гигантским прессом. (Напомним, что Москва в 1999—2000 гг. вынуждена была сотрудничать с Саудовской Аравией).

Возможно, придет время, когда Ирак с его 11 % мировой нефти (минимальная оценка) сумеет отомстить непобедимой Америке, если Багдад восстановит нефтедобычу и поведет свою политическую линию в продаже ценнейшего ископаемого Земли. Нынешняя потребность США в нефти составляет 20 млн баррелей в день, и только 40 % этих потребностей удовлетворяется внутриамериканской добычей нефти. (Нынешний импорт нефти вырос в Америке с 6,79 мбд в 1991 г. до 10,2 мбд в 2000 г.)

Глава 15
ЗНАЧИМОСТЬ АМЕРИКИ ДЛЯ РОССИИ

Мы смогли сокрушить Советский Союз, воодушевляя и поддерживая весьма малый процент его населения.

Майкл Ледин, 2004

Россия нужна Америке при любой степени критического восприятия ослабевшей страны. Волею своей географии Россия «нависает» над Китаем, Средней Азией, Каспийским бассейном, Балканским полуостровом. Чтобы решить проблему Ирана, Америке не обойтись без помощи России; чтобы решить

проблему КНДР, Соединенным Шта-
435
там не обойтись без поддержки Москвы, ослабившей свою зависимость от Международного валютного фонда. Россия пытается репатриировать свой капитал. Поскольку Америка не предоставляет России долю своего рынка («поправка Джексона — Вэника» и т. п.). Москва, собственно, не просит США о привилегиях (разве что о помощи в членстве в ВТО).

АМЕРИКА НА РОССИЙСКОЙ АРЕНЕ

Освободившаяся от монгольского ига Русь в конце XV века впервые встретила западных людей и с холодеющими ногами пришла к выводу: *эти* могут все. Они за 60 лет (1500—1560 гг.) овладели всей мировой торговлей и начали мировую колонизацию. Запад пять столетий воздействует на внешний для себя мир двумя способами — привлекательным примером и силой. Привлекательность сказывалась в создании в каждой незападной стране «прозападной» элиты, убежденной, что не следует заново изобретать колесо; остается заимствовать. В плане силового воздействия Запад начал с распространения своей версии христианства, а дошел до демократических ценностей.

Взлет Америки, оказавшейся единственной сверхдержавой с 1991 г., характерен тем же двуединым подходом: пример и жесткость. Нелепо было бы объяснять случившееся с Россией только «происками геополитического противника», главные шаги с политического Олимпа Москва проделала сама. Впрочем, не без помощи. Иначе директор ЦРУ не стал бы писать российскую главу о 1980—1990-х годах в своих мемуарах под названием *«Самая успешная операция».*

Велико ли влияние Соединенных Штатов в современной России? Вопрос не так прост, как кажется. Строго говоря, воздействие Америки прямо пропорционально степени неучета американских интересов. Если Бирма (Мьянма) или Албания замыкались в своих сугубо провинциальных интересах, то внимание к ним Вашингтона минимально. Если же, скажем, Россия будет строить атомные электростанции всякому готовому заплатить, то могучие внешнеполитические инструменты единственного гиганта современ-
436
ного мира немедленно станут ощутимыми. Итак, пример и воздействие — вот два фактора давления Соединенных Штатов на современную Россию.

1. Пример. Эмоциональная, интеллектуальная, эстетическая привлекательность колоссального западного государства (где расположены 17 из 20 лучших в мире университетов, где издается книг больше, чем во всем остальном мире, куда направляется львиная доля Нобелевских премий, где расположен передовой фронт науки) создает проамериканскую элиту, которая не без основания направляет указующий перст на Петра Великого, своей имитирующей Запад деятельностью сумевшего создать *три столетия успешно овладевающее западными приемами государство.* Потому и неистребимо влиятельна та гуманитарная и техническая российская интеллигенция, для которой гуманизм и наука западного лидера — основа ее идейного мира. И не следует проявлять неблагодарность: Фонд Сороса (Макартуров, Форда, Наследия, Карнеги и др.) реально *помог десяткам тысяч* российских ученых в тот самый момент, когда родное государство палец о палец не ударило для спасения национальной фундаментальной науки. Петр создавал научные учреждения, Борис пустил их по миру.

2. У американского воздействия на Россию активная и пассивная сторона. *Активная* заключается в «программе Нанна — Лугара», по которой наше государство ежегодно получает примерно 780 млн долл. на утилизацию ядерных

отходов, долю контроля над ядерными исследованиями; в продвижении к российским границам Североатлантического союза, в результате чего вскоре в 8 из прежних советских республик будут стоять американские войска. *Пассивная* сторона сводится к недопуску (и без того немногочисленных) .российских товаров на богатейший в мире американский рынок, который положил начало японскому, южнокорейскому, китайскому и пр. экономическим «чудесам».

Между республиканцами и демократами очевидное тактическое различие. Демократы обычно более идеологизированы, они смеются над всеми традициями, кроме своих, им подавай местного Джефферсона (неважно, что Ельцин *позже* окажется мало на него похожим). Республиканский ко-

нек — строгая геополитика, выдвижение вперед «этики бизнеса», дела, а не парадное теоретизирование. Демократы призывают учиться молодых российских журналистов; республиканцы — молодых российских деловых людей. Демократы более податливы на внутриамериканское давление этнических меньшинств; республиканцы ставят в авангард воздействия на Россию коренную бизнес-элиту.

Разочаруем сторонников «теории заговора». У американцев очевидным образом *нет плана* воздействия на Россию, преобразования ее. Есть отдельные мнения: президент Клинтон приходил к выводу, что «Россия нуждается в системе государственных работ», но дальше размышлений не пошел. И слава богу, ведь это *наше* дело. Отсутствие у американцев «плана» имеет и хорошую и плохую стороны. *Хорошую* — в свете предоставляемой нам инициативы, в свете того, что *мы сами* можем создавать собственную систему национальной безопасности. (Если бы Вашингтон решил *диктовать,* то реакция свободного последние 500 лет народа последовала бы незамедлительно.) *Плохую* — потому что некий вариант «плана Маршалла» никак не повредил бы стране подняться с колен, помог бы расширить инфраструктуру, расширил рацион наших стариков, создал «левиттауны» в становящейся на колеса стране. (Напомним, что в 1921 г. Герберт Гувер *спас* 18 млн наших граждан в находящейся в разброде стране; кто бы не сказал *сегодня* спасибо мастерам дорожного строительства и артезианского бурения?)

СУДЬБЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Успех либерализма при становлении новой, постсоветской России (да и всех пятнадцати новых государств), возможно, был бы реален при реализации, как минимум, двух условий: правящая элита имеет план развития своей страны; население готово пойти на жертвы, ожидая от реализации новых социально-экономических идей улучшения жизни и приобщения к мировому сообществу. Даже самые упрямые западные оптимисты указывают, что реализация *либерализма* на суверенном пути идет в постсоветских странах с огромным трудом в свете противоречий в элитных

кругах и усталости обнищавшего (и во многом деморализованного) населения. Даже там, где, казалось, дело пойдет быстрее — в государствах Прибалтики, — элита занята вовсе не конструктивными задачами реализации либерального проекта, а более заземленными или отдаленными: а) дележом земли и жилого фонда; б) упованиями на решение всех проблем при вступлении в Европейский союз и НАТО. Остальным 12 странам, лишившимся рынка соседей и кооперации друг с другом, при подходе к осуществлению либеральных ценностей не на кого уповать. До сих пор возможность приближения к западным стандартам связывалась в незападных странах с государственной мобилизацией ресурсов; достижение западных идеалов и показателей на пути первородного хаоса является абсурдом, обреченность которого поняли все соседи (и жертвы) Запада от царьков

инков до Кемаля Ататюрка.

Пожалуй, впервые американские специалисты с определенностью говорят фактически о *крахе* либерализма в России, о том, что «постсоветское пространство для большинства обычных людей представляет собой один шаг вперед и два шага назад. Крушение советской империи ничем не напоминало заморскую колонизацию... Экономическая взаимозависимость была очень эффективной, и крушение этой взаимозависимости означало фактическое уничтожение жизненно важных связей между поставщиками и потребителями, оказавшимися расположенными в иностранных государствах. Повсюду в бывшем Советском Союзе мы видим ужасающие контролирующие системы государств-паразитов, государств-пигмеев, государств, занимающихся рэкетом, во главе которых стоят организованные банды. Мы видим лагеря огромных масс беженцев, разгул теневой экономики»[1]. Это говорят западные либералы, обращающиеся к анализу российской ситуации.

Грустный вывод о крахе российского либерализма, явственный и без статьи Ходорковского, неизбежен. Мы просим быть верно понятыми. Трущобы и развалины можно

[1] *Kotkin S.* A Tour Through the Wreckage of the Soviet Empire. Trashcanistan (The New Republic, April 15, 2002, p. 31).

увидеть повсюду в мире, но не везде причиной образования этих трущоб называют «реформы», не везде ужасающие жизненные условия являются *результатом* либеральных реформ.

Сегодня даже самые большие идеологи либерализма (скажем, йельский профессор Доминик Ливен[1]) исходят из безусловной для них аксиомы полного краха либерализма в современной России. Ливен твердо и определенно утверждает, что, если президенту Путину не удастся на основе своей огромной (пока) популярности осуществить хотя бы некоторый прогресс, если Москва и Петербург останутся островами «среднего класса» в нищей стране, если преобразования завершатся пиром плутократии, то прежний социалистический мир *усилиями либералов* просто выстроится в хвосте «третьего мира», со все более нехорошей завистью взирая на процветающий «золотой» миллиард» соседнего Запада.

МИЛЮКОВ — ГАЙДАР

1. Между П. Милюковым и Е. Гайдаром та разница, что *первый* был последовательным сторонником конституционной монархии и патриотом, сторонником территориальной целостности своей страны и выразителем классического либерализма как реализации свободы личности ради мобилизации его здравого смысла и патриотической традиционности. *Второй* всемерно укреплял прежний строй и выступил на политическую арену как ренегат. Его либерализм свелся к отрицанию возможностей плановой экономики и вере в «невидимую руку рынка», к очевидному социальному регрессу экономических джунглей и безусловной утрате исторической преемственности, к наивной вере в западные рецепты и к менее наивной надежде использовать образовавшийся хаос в собственных политических целях. Судьба Милюкова трагична, и он осознал этот трагизм в мае 1917 г., через три месяца после прихода к власти; судьба

[1] *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. Yale University Press, 2001.

Е. Гайдара трагикомична в свете лояльности к нажившимся (политически, экономически) вождям России 1990-х годов. 2. Общее между ними — стремление реформировать прежнюю власть. Главное различие в том, что для Милюкова безразличный к судьбам русского государства Гайдар, желающий передать

бразды правления и национальную экономику волкам самореализации и эгоизма, никогда бы и в страшном сне не предстал *либералом,* пекущимся о своем народе. Для Милюкова, ориентировавшегося на лорда Гладстона, Г. Асквита, Гамбетта, Пуанкаре, Клемансо, Бриана, ориентация на консервативных радикалов была немыслима. Для Е. Гайдара, видевшего последнее слово в «чикагской школе», в Рейгане и Тэтчер, в Милтоне Фридмене, ориентация на национально мыслящих, гуманистически неприемлющих «животворный хаос» гуманистов современности была наивностью и регрессом.

ПРЕОБЛАДАНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Характер русско-советского либерализма сложился под воздействием двух обстоятельств, внешнего и внутреннего. *Внешним* было давление государственного пресса периода насильственной модернизации, жестокой внутренней регламентации и ГУЛАГа. Это обстоятельство предопределило органический антикоммунизм ушедшей в метафорическое и буквальное подполье интеллигенции, в продолжение исконных традиций недоверия к властям, борьбы с ними, закрепления психологии подполья. Бессильная ярость многих десятков лет молчания 1920—1970 гг. заставила русских либералов (как прежде ее предшественников в царской России) дать «Ганнибалову клятву» неприятия тупого государственного насилия, неприятия коммунизма и борьбы с ним. Отсутствие шансов на допуск к национальной сцене, ограничение пользования печатным станком, фактическое неучастие в определении судьбы народа — не могли не вызвать пароксизм отчаянной неприязни к партократии. Однако не на истовых коммунистов обрушился гнев либералов в тот день, когда ослабли запреты. Что толку в ненависти к амебообразным коммунистам 80-х годов? Истовые уже уш-

ли естественной дорогой. Единственным оправданием обладания властью коммунистами, потерявшими революционность, стал патриотизм. Драмой поколения стало то, что праведный гнев российских либералов обрушился именно на это главное самооправдание однопартийной диктатуры, на патриотизм.

Второе — *внутреннее* — обстоятельство проистекало из черт мученичества, внутреннего чувства обиды в свете нереализации таланта, из нежелания вести серое существование со стороны русских либералов. Беспросветность вела к ожиданию шанса, случая, которым следовало воспользоваться в полной мере. Нечто новое для прежде стоически настроенных либералов — готовность к авантюре (оборотная сторона страха прозябания). Сделать максимально то, чтобы возврат к прежней политической системе был невозможным. Отсюда бал стали править истовые либералы.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СССР ПРЕВРАТИЛАСЬ В СВЕРТЫВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Императив выходящего из-под глыб исторических потрясений российского либерализма звучал достаточно невинно: мы, Россия, должны стать нормальной страной. Удивительно, что никто ни в те годы, ни потом и не пытался определить критерии *нормальности,* задаться вопросом, почему нормальной в представлении культурно-евроцентричных шестидесятников считалась социальная практика счастливой десятой части мира — Северной Атлантики, а не девяти десятых, находящихся либо в процессе догоняющей Запад модернизации, либо погрязших в национализме и трайбализме. Удивителен и неповторим тот пафос, который придавался слову «нормальный» (синониму — «идущий вровень с Западом, разделяющий его стандарты, уровень жизни и достоинства демократического общества»), как единственно достойному человеческого существования. Словно

девять десятых населения Земли сознательно и по своему вольному выбору жили «ненормальной» жизнью; словно подъем Запада в XVI в. и его неудержимый прогресс
442
на протяжении пяти столетий был не уникальным чудом, а делом свободного выбора.

Правомочно спросить либералов — ревнителей «нормальности», не была ли нормальной жизнь большинства их соотечественников, если последний массовый — в масштабах нации — голод отстоял еще сравнительно недалеко (1944 г.), если в течение жизни всего лишь *одного* поколения две трети страны стали жить отдельно от скотины, пользоваться проточной водой, вакцинацией избегать эпидемий, впервые в своей истории получили гарантию жизнедеятельности — своей и грядущих поколений. Эти шаги к нормальности вовсе не гарантировали уровня Запада. Интеллектуальным убожеством веяло от фатовского *выбора в качестве ориентира* «нормальности» абсолютно уникального опыта США, Швеции, Швейцарии или Германии.

Видя *нормальность* лишь в чужих краях, отогревшиеся от ночного ужаса либералы сумели сделать удивительное — потерять нить исторического развития собственной страны. Фатовское соревнование в обличении собственной национальной *ненормальности* вело только к бездумному отказу от самоуважения. (В конце концов, России ли, единственной устоявшей перед натиском Запада незападной стране, следовало смущаться своей феноменальной и героической истории? Словно сумма исторических и ментальных особенностей не составляла историко-цивилизационную основу того, что обуславливало жизнь на «одной шестой». И жизнь, впервые достойную, самостоятельную, идущую вровень с передовой наукой (Нобелевские премии 1960-х годов), победившую на всех (со своим участием) Олимпиадах, поражавшую в балете, шахматах и хоккее.) Тезис о нормальности стал могущественным орудием либерализма. На уровне национального сознания стало едва ли не преступлением говорить, что Россия нескоро еще по уровню жизни будет равной начавшей якобы с той же стартовой полосы Финляндии, что нельзя смотреть лишь на счастливые (по стечению исторических обстоятельств) исключения, что феномен Запада в определенном смысле неимитируем.

Форсированное движение гайдаровских либералов к «нормальности» требовало определения ненормальности, и
443
таковой стало считаться все незападное — смешное и грустное утрирование (как нового) вопроса, фатально стоявшего перед Россией со времен Аристотеля Фиораванти. Словно не было жестокой полемики и практики решения этого вопроса со времен Лжедмитрия, Петра, славянофилов — западников и пр. Требование «сейчас и немедленно стать нормальными» лучше всего выразил двумя столетиями ранее генерал Салтыков, заявивший, что дело лишь в том, чтобы «надеть вместо кафтанов камзолы». Последовал отказ видеть в модернизации крупнейшую проблему человечества (и России в частности) — фетишизацию иной цивилизации, подмену тяжелейшей проблемы модернизационной рекультуризации легким выбором «умный — глупый», беспардонную примитивизацию процесса обсуждения главных общественных вопросов — от демократии до экономической политики. Заметим, это был не временный фетиш, то было кредо: «нормальность» вместо критического анализа и исторического чутья. Жрецы нормальности безжалостно крушили «административно-командную систему» и совершенно серьезно, прилюдно, печатно, массово требовали немедленной денационализации и дефедерализации, что на практике обернулось дестабилизацией и деградацией. (Не говоря уже о

том, что столь легкое определение «нормы», жестоко ломающее ментальный, психологический стереотип огромного народа, неизбежно таило в себе автохтонную реакцию.)

ПОЧЕМУ РОССИЯ ПОДДЕРЖАЛА ПОРАЖЕНЧЕСТВО ЛИБЕРАЛОВ

Ввиду общенационального смятения. По сознанию не имеющего политического опыта российского населения прошли три «катка»:
коммунизм — будущее мира. Индоктринация 70 лет;
коммунизм — это ГУЛАГ плюс оболванивание всей страны (1986-1991);
гайдаровский либерализм — это изобличение коммунизма как ширмы для дележа прежней социалистической собственности (1992 г. — по наше время).

444

В результате хаос в национальном сознании привел к грандиозной апатии населения, наивно выражающего сегодня доверие только к разумно выглядящему лидеру. Ужасен может быть следующий этап: народный вопль о справедливости, деморализация властных структур и бунт известного характера.

Российские нетерпеливцы-либералы открыли национальную экономику перед напором экспорта, бросили национального слепца-производителя плыть к «тому берегу», заставили кровью и потом созданные заводы конкурировать с чемпионами, уже прошедшими капиталистический естественный отбор. В результате погубили половину индустрии и значительную часть сельского хозяйства, никак не способных противостоять мировым рекордсменам. Некогда основа первоначальной российской модернизации — текстильная промышленность лежит в руинах. Да, она исчезла в других индустриальных странах, но только тогда, когда центр силы национальной экономики прочно переместился в другие конкурентоспособные отрасли. Может быть, где-то «овцы и ели людей» на первоначальной стадии развития капитализма, но все же не так, как в Иванове или Комсомольске-на-Амуре 90-х годов. С джунглями трудно мириться, когда к этому вынуждают сложившиеся обстоятельства, но сознательно их создавать может только безответственность.

Замысел российских либералов свелся к тому, чтобы оставить национальных производителей на волю произвола. Время и порох были потрачены на манипуляции с валютой — убиение прежних сбережений, поиски соотношения рубля с долларом, битвы с инфляцией, искусственное поддержания национальной валюты за счет разбазаривания национальных резервов. Некоторым банкам это помогло, национальной экономике — нет. Пресловутый монетаризм в российских условиях оказался абстрактным занятием. Хвост не вращает собакой. Экономика не может управляться валютными интервенциями.

Отсюда лютая реакция населения, народа. Если поданный в 1990-е годы либерализм равен демократии, то будь он проклят. Это и сказалось в ходе выборов 2003 г. в Государственную думу.

445

СПОСОБЕН ЛИ РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛ ПРИЗНАВАТЬ СВОИ ОШИБКИ?

Императив, исповедовавшийся российским либерализмом завершающейся эпохи, — вера в существование чего-то большего, чем здравый смысл. Недавние жрецы объективно-исторических законов попросту отказывались верить, что помимо серой действительности в обыденной реальности, именуемой жизнью, ничего нет. Крушение прежних надуманных схем либералов в данном случае ничему, кроме новых пороков, не научило. Эта черта — родимое пятно российского либерализма. Когда 17 отроков были посланы в начале XVI в. в лучшие университеты Запада, то никто из новоявленных студентов не удосужился приобщиться к неким прикладным, общеполезным дисциплинам. Видимо,

пресная проза жизни противна русской душе. Все 17 российских протоинтеллигентов-либералов избрали одну из двух дисциплин — алхимию или астрологию, чтобы добиться успеха одним ударом, овладеть корневыми законами мироздания, одним махом разрубить гордиев узел жизни, по особому компасу найти сразу верный ответ — вера в миг, удачу, случай, тайную тропу истории, а не в каждодневные планомерные усилия.

И в послесталинский период российский либерализм упорно искал универсальный (а не пресно-прозаический) ответ на загадки бытия, культурной отсталости, индустриального отставания, научной стагнации. С роковой неизбежностью его внимание привлекли те из *современных* титанов западной мысли второй половины XX века, следование учению которых предположительно обещало максимально быстрое успешное переустройство общества. Разумеется, это не новый путь. Напомним, что кумирами думающей России последовательно были Адам Смит, Вольтер, Дидро, Руссо, Кант, Фурье, Гегель, Сен-Симон, Фейербах, Прудон, Маркс (на его учении Россия задержалась с примечательной интенсивностью), Ницше, Фрейд. От алхимии и астрологии дело явно двигалось в сторону социально-экономических концепций. В годы Горбачева либералы демонстративно отринули марксизм и тут же, руководимые все

той же неистребимой верой в последнее слово западной (в данном случае экономической) науки, обратились к фетишу «свободного рынка». Именно рынок все расставит по своим местам. Рынок воздаст всем по заслугам, рынок вознаградит труд и умение, накажет нерадивого. Он сокрушит нелепое стремление Центра контролировать все и вся, вызовет к жизни сонную провинцию, энергизирует людей, превратит «винтики и колесики» в грюндеров и менеджеров.

Позволим себе следующее отступление. В западной экономической теории свободный рынок, старый добрый *laisse faire,* периодически был то в загоне, то в фаворе. Певцы свободного рынка от Адама Смита до Милтона Фридмена не более знамениты, чем идеологи государственного вмешательства от Тюрго до Кейнса. В 60—70-е гг. на Западе правил бал тезис об умеренно регулируемой дирижистской, социаль-орднунг типа полусоциалистической экономики. Но во времена президента Рейгана вперед вышли идеи «освобождения» рынка от чрезмерной опеки, и Чикагская школа стала авангардом западной экономической мысли. Нужно ли напоминать, что именно российский либерализм, стремясь не отстать, первым в мире перевел «Капитал» Маркса. Он же первым уверовал в созданную для западного мира теорию высвобождения рыночных сил, в Милтона Фридмена (имевшего интеллектуальное мужество специально указать на неприложимость его теории к российской действительности. Напрасные старания).

Именно эта теория была взята на вооружение нашим либерализмом в стране монопольных производителей, в стране, экономике которой требуется дисциплина, контролируемое взаимодействие и порядок, а не раскрепощение ради менеджеристских чудес чемпионов свободной конкуренции. Песня рынку как всеобщему справедливому уравнителю, как создателю творческого производства прозвучала в стране, совершенно отличной от западной трудовой культуры. Гимн индивидуализму прозвучал в глубинно коллективистской стране, призыв копить и бороться за качество был оглашен на просторах, где основными производителями были мобилизованные крестьяне и их дети, разумеется, не несшие в генах ничего похожего на протестантскую

этику индивида. В результате накопленное по крохам в 1929—1988 гг. подверглось воздействию экспериментов типа Закона «О предприятии». Всеобщее требование регионального хозрасчета было уже за пределами здравого

смысла. В свете этого опыта надеяться на «признание ошибок» сложно.

НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Его явление возможно только в случае завершения дележа соцсобственности и постановки государством задач национального подъема. *Либералы* стремятся приобщить Россию к моральным, идейным, материальным и стратегическим ценностям Запада, ввести ее в семью западных народов, присоединиться к «золотому миллиарду» наиболее развитых и процветающих стран земли. В конкретной плоскости это означает стремление к членству в Североатлантическом союзе, стремление войти в Европейский союз, стать членом Организации экономического сотрудничества и развития, обеспечить место в «большой восьмерке». Но Запад не видит России в своих рядах, что очень усложняет задачу либералов. Пропагандируемый ими уход во внутреннее реформирование не годится вовсе не из-за неких «младотурков», российских самураев, козней невзрослеюшего самолюбия или частного умысла. Совет *стать средней державой* неосуществим по чисто психологической причине, в свете действенного и жесткого факта: полтораста миллионов жителей России органически *не согласны* с участью стать еще одной Бразилией. Несмотря на падение материального веса России, неадекватность ее ресурсов, пока невозможно имплантировать в национальное сознание готовность согласиться с *второстепенным* характером международной роли России, ее маргинальностью в мире глобализации, рынка, высоких технологий. Россия с удивительной силой тихо, но прочно таит глубинное *несогласие* с западным историческим анализом, с предрекаемой судьбой второстепенной державы.

ПУТИН И ЛИБЕРАЛИЗМ

Феномен популярности президента Путина возник на российском небосклоне на фоне маразма предшественника и явился олицетворением двух идей, выраженных молодым президентом в двух общепонятных афоризмах: «Кто Россию обидит, трех дней не проживет» и «При мне олигархов не будет». Эти две идеи — возрождение национального достоинства и социальной справедливости вознесли малоизвестного и малоопытного новичка на вершину народной популярности, что и сказалось на президентских выборах. Увы, ничто не вечно. Обе идеи изрядно потускнели. С одной стороны, унизительная слабость страны вполне ощутима. С другой — олигархов стало больше, и разрыв между 17 миллиардерами и мятущегося в поисках пригодной питьевой воды населения лишь увеличился. Ну а популярность, пресловутый рейтинг — вещь достаточно эфемерная. Керенский в июне 1917 года и Горбачев в 1987 году были исключительно популярны. Что не помешало им бесследно исчезнуть с горизонта народной любви.

Да, оба эти деятеля в решающий час не имели солидного партийного окружения, их «команда», их скамейка запасных была поразительно бедной. Но в этом отношении и президент Путин не выглядит сильным. В отличие от двух упомянутых антигероев русской истории, Путин осознает фактор уязвимости и ищет противоядие в партийном строительстве. Поможет ли это ему?

Судя по тому, как идет современное партийное строительство, едва ли. Я видел софистичную карточку члена партии «Единая Россия» с микрочипом, который заставил обомлеть даже финского посла, прибывшего из страны электронной «Нокии». Но и эта деталь в данном случае играет против наметившегося партийного вождя — ровно так, как именные часы, даруемые активистам партий Лужкова и Черномырдина, играли против их массовой поддержки. Массовой партийной мобилизации путинского большинства не произойдет по трем причинам.

1) Все десять веков исторического существования ко-
449
ренная, исконная, провинциальная, демократическая Россия видела в царе, генсеке, президенте защитника от бояр, обкомовских трутней и органов, создающих крышу неправедной приватизации. Четкое единение президента с унизившей и оскорбившей огромный народ властью не может быть популярным по определению.

2) Все великие и действенные движения исходили из ощущения, что страна находится на краю бездны. Оно так и есть на самом деле. Но потенциальный лидер общенародной партии — наш президент не понимает действенности, более того, обязательности чувства драмы, он работает, так сказать, в understatement'e, в низком ключе — спокойным голосом, убеждая всех и всякого по телефону и по телевидению, что базово «все в порядке», что «улучшения налицо». От Библии до Коммунистического манифеста партии создавались как реакция на глубокий кризис. И ныне, казалось бы, все — уровень жизни, беда старшего поколения, обиженность армии и т.д. и т. п. Но президент избирает показ самообладания, что ему и удается (кроме, может быть, эпизода с «обрезанием»). И это, увы, работает против него. Если все идет по уже накатанной колее и в нужном направлении, то зачем этот партийный шум? Ради еще одного начальственного банкета?

3) Есть только две великие идеи, всего лишь две — но беспроигрышные и неистребимые. Это идея восстания против национального унижения и идея социальной справедливости — те две идеи, которые Путин забыл, удобно устроившись в Кремле. Любая партийная кампания будет мертворожденной изначально, если не обопрется на эти две великие идеи, беспроигрышные в нашей стране. Если президент Путин желает попасть в историю не как «охранитель сомнительной приватизации конца XX века», а как восстановитель и реформатор павшего ниц государства, он просто обязан будет опереться на две эти идеи.

Он обязан будет — если не сегодня, то завтра объявить (как совсем недавно сделал так симпатизирующий ему Берлускони в Италии) о 125 проектах, которые преобразуют Россию и сделают ее привлекательной для колеблющихся соседей. Он просто обязан вспомнить совет Билла Клинто-
450
на: «Вам нужна программа общественных работ. Вам нужен Франклин Делано Рузвельт». Только тогда — и без всякого административного ресурса, который, по сути своей, контрпродуктивен, — возникнет то, чего мы не видели со времен романтического демократизма: горящие глаза и добровольные, беззаветные помощники, партия готовых идти на жертву, а не любующихся чиповым партбилетом. Только тогда либерализм получит новый шанс.

Нравятся ли американцам наши нынешние внутренние передряги? Не стране строгих законников восславлять лихой капитализм. Строго говоря, самый жестокий приговор «пиратам нефтяных морей» произнесла не российская прокуратура, а американские специалисты по экономической и социальной истории. Здесь прежде всего нужно назвать опубликованные в 2003 г. и посвященные России книги Маршала Голдмена «Пиратская приватизация» и Эндрю Мейера «Черная земля. Путешествие по России после ее падения», демонстрирующие «отвратительные глубины московской коррупции и смертельную опасность российской политической сцены». В России так и не появилось талантливых «разгребателей грязи» первозданного ужаса капитализма. За нас это делают американские коллеги.

Бросим взгляд в будущее. Мировой банк дал свой прогноз предполагаемого роста валового внутреннего продукта на 10 и 20 лет вперед при ежегодном увеличении ВВП на 3, 5 и 7 % (в миллиардах текущих долларов США).

Напомним, что после 1989 г. внутренний валовой продукт России сокращался

год за годом — сплошная десятилетняя депрессия. Подъем последних лет относительно невелик и сводится к росту нефтедобычи. Через 5—10 лет покинут заводские стены и лаборатории последние специалисты и квалифицированные рабочие. Что касается приватизации, то она (сошлемся хотя бы на мнение лондонской «Таймс» от 23 июня 2002 г.) «не привела к накоплению богатства, а создала условия для разворовывания авуаров приватизируемых предприятий. Олигархи сумели воспользоваться политическим влиянием, чтобы за копейки приобрести авуары, стоившие многие миллиарды, естественно, желая вывезти свои деньги из страны».

451

	Через 10 лет			Через 20 лет		
	3 %	5 %	7 %	3 %	5 %	7 %
США	12 300	14 908	18 004	16 530	24 283	35 416
Япония	5 842	7 081	8 551	7 851	11 534	16 821
Германия	2 838	3 440	4 154	3 814	5 604	8 172
Китай	1 330	1 612	1 947	1 787	2 625	3 829
Бразилия	1 010	1 224	1 478	1 357	1 994	2 908
Индия	601	729	880	808	1 187	1 553
Россия	*539*	*654*	*790*	*725*	*1 065*	*1 553*
Юж. Корея	547	663	800	735	1 080	1 575
Мексика	650	788	952	874	1 283	1 872

Источник: *World Bank Development Indicators 2002. Washington D.C. World Bank, 2002.*

Это не был план Америки для России. Но наивно было бы думать, что бесшабашная глупость не порадовала многолетнего геополитического конкурента и противника. Признание катастрофы и план выхода из нее — а не некая «невидимая рука рынка» — вот путь видимого спасения, о котором говорят и Клинтон, и Берлускони. Поверим в «животворный бульон» жадности? Но тогда не нужно корить заокеанских спецов, они нам этого не предлагают.

ПРОТИВНИКИ СБЛИЖЕНИЯ

Известный русолог М. Макфол составил реестр имеющихся противоречий: «Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность лишь определенных религий. Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры ново-

452

го послекоммунистического стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия попросту *обречены* быть противниками. Представители этой точки зрения полагают, что последний экономический кризис в России выдвинет к рычагам власти российских лидеров, враждебных Западу, что вынудит западный мир снова

сдерживать угрозу России рынкам и демократии... Если демократия и капитализм потерпят здесь поражение, тогда умножится число спорных вопросов между Россией и Соединенными Штатами и возникнут новые угрозы американской безопасности».

Против России в Америке «играют» три образа: страна дефолта 1998 г. неукротимой коррупции; страна растущего авторитаризма «сомнительного демократа» Путина; страна, где свободная пресса в агонии, а война в Чечне уродует моральный облик нации. Противники сближения с Россией выдвинули аргументы и геополитического характера: «Решительный поворот России в сторону Запада оживляет исламские страхи относительно «столкновения цивилизаций»; новый стратегический союз — Россия, Северная Америка и Европа — мог бы показаться угрожающим для многих. Мусульман пришлось бы разубеждать в том, что христианский мир объединился не против них. Африканцы и азиаты увидели бы «союз белых». Китай усмотрел бы блокирующую их силу. Ислам, Китай и Африка могли бы увидеть в этом союз богатых против бедных. Выросла бы опасность глобальной войны с расовым оттенком». Не нуждающийся в рекомендациях Г. Киссинджер напоминает о связях России с «государствами-изгоями»: «Соединенные Штаты должны осудить поддержку Россией иранской ядерной программы, систематические нападки на политику Америки в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, осудить нападки России на то, что она называет американской гегемонией».

По животрепещущим вопросам НАТО — РФ антироссийская партия полагает, что принятие России в Североатлантический союз означало бы ненужную Америке выдачу

гарантии нерушимости сибирским границам России, открытым против потенциальной китайской и исламской угрозы. Членство России в НАТО означает для Запада выход на тысячекилометровые границы по Амуру и Уссури, по соседству с огромным исламским населением на Юге и растущим китайским экономическим гигантом на Востоке. Сближаться с Москвой вплоть до членства в общем военном блоке означает «послать американские войска — а также британские, французские и германские умирать на берегах Амура ради сохранности Сибири».

Своего рода сигналом «поставить Россию на место» послужила статья генерала и аналитика ЦРУ У. Одома, опубликованная в американском журнале «Нэшнл интерест». Генерал Одом призвал отдать дань реализму и не церемониться с обессилевшей Россией, которой еще многие десятилетия предстоит выбираться из пропасти, в которую она сама себя бросила. Одом советует Бушу не повторять Клинтона и «толкать» Россию в сторону прогресса. Россия не великая страна, она не представляет собой серьезно действующий на мировой арене фактор. И не следует бояться ее ржавого стратегического арсенала.

Такие интерпретаторы, как П. Редуэй, Р.Стаар, Р. Пайпс, Э. Лутвак, все чаще обращаются к цивилизационным различиям — иначе им трудно объяснить сложности капиталистической трансформации России. Базовой идеей этой школы является тот постулат, что «целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО была также защитницей Запада от Востока, а говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идей западной цивилизации, с распространением академических курсов, основанных на этих идеях в американских университетах». Дж. Курт, отвергая Россию по цивилизационному признаку, говорит о тесном взаимодействии *«между (1) идеей западной цивилизации, (2) жизненными интересами Соединенных Штатов и (3) членством*

в Атлантическом альянсе». Да, коммунизм повержен, но осталось различие между Западом и не-Западом, ключевое для определения аме-
454
риканской стратегии различие. И ныне Россия (как, помимо прочего, свидетельствует опыт 90-х годов) вовсе не потенциальная часть Запада, а потенциальный его противник.

Вице-президент Р. Чейни, набравший известность параллельно с боевыми действиями министр обороны Д. Рамсфелд (поддерживаемый энергичным замом П. Вулфовицем) и советник по национальной безопасности К. Райс открыто выразили скептицизм относительно новоявленного союза с Россией. Советник по национальной безопасности К. Райс прежде всего заинтересована в приостановлении распространения российского влияния на страны СНГ. Ее очевидным образом интересует ослабление зависимости стран СНГ от российских энергоносителей и транспортных коридоров. Она довольно неожиданно навещает Киев, как только улучшение российско-украинских отношений становится ощутимым. В этом Райс нашла убежденного союзника в министре обороны Д. Рамсфелде. Для обоих сближение Вашингтона с Москвой не представляется приоритетным. Оба полагают, что интересам США не соответствует «излишняя» степень сближения Америки с проходящей трудный участок пути своего развития Россией. Рамсфелд в настоящий момент «отвечает» за то, чтобы двери НАТО оставались для России закрытыми (на этой почве у Рамсфелда были столкновения с Пауэлом).

Особенно негативно относится к России американское разведывательное сообщество и министерство обороны. Эти ведомства ставят своей главной целью остановить поток неконтролируемого американцами русского экспортного оружия. Их главная задача — остановить распространение российских технологий в сфере оружия массового поражения. Их цель номер один на этом пути — изолировать Иран и, соответственно, оказать воздействие на российскую сторону.

В любом случае Пентагон не считает, что угроза со стороны России исчезла полностью; здесь продолжают полагать, что следует думать о будущем, исходя из *возможностей* данного агента мировой политики, а не его (возможно, временного) нынешнего миролюбия; угроза должна оцени-
455
ваться исходя из потенциала, способностей, а не из (возможно, краткосрочных) намерений. Ответом должны послужить расширение НАТО и создание национальной системы противоракетной обороны.

СТОРОННИКИ СБЛИЖЕНИЯ

Как пишет Т. Грэм: «Игнорирование России — нежизнеспособный выбор. Даже сократив свои возможности, Россия остается критически важной для обеспечения безопасности и процветания Соединенных Штатов и будет оставаться таковой в будущем». Бывший посол в СССР Дж. Мэтлок отмечает «исключительное по значимости географическое положение России, что делает ее бесценной в отражении прямых угроз американской безопасности. Размышления типа «великая» или «невеликая» бессмысленны. Америка попросту «нуждается в сотрудничестве с Россией для обеспечения своих фундаментальных интересов». С точки зрения Мэтлока, Одом изображает не реальную Россию, а карикатуру на нее. Россия найдет в себе силы преодолеть период слабости. Разве может мало значить союзник, в руках которого 45 % мирового ядерного оружия? Западу более страшна слабая Россия, сопровождающая свой упадок ядерным распространением. «Сдерживание, изоляция и пренебрежение институциональным развитием в России являются политикой, способной

трансформировать русскую революцию в угрозу американской безопасности».

Сторонники сближения также исходят из *геополитических* реалий, но делают противоположные, по сути, выводы: вне достаточного контроля США в современном мире находятся четыре «великих неизвестных» величины — конфуцианский Китай, индуистская Южная Азия, мусульманский мир (каждый из которых включает в себя более чем миллиардную массу населения) и расположенная на севере Евразийского континента Россия. Последняя колеблется в выборе союзников. И она ближе цивилизационно, чем три первые величины. Следует ли стимулировать союз *всех* антиамериканских сил? Россия — это шанс. Она, *безусловно,* в упадке, но способна подняться. Интересам Америки соот-

ветствует ее интеграция не в лагере обиженных, а в лагере Запада. Развал России никоим образом не служил бы интересам Соединенных Штатов.

Идея союзнических отношений с Россией получила значительное развитие в академическом сообществе (в отличие от сообщества военных теоретиков). Выражая противоположную одомовской точку зрения, профессор из Беркли М. Малиа подчеркивает, что глобальные потрясения 11 сентября «снова вернули Россию в игру и сделали ее нашим союзником», и не следует считать поворот президента Путина «очередной потемкинской деревней». Это серьезный поворот петербуржца, и залогом стабильности здесь являются тесные связи российского президента с премьером Блэром и канцлером Шредером.

Для посла Дж. Мэтлока (дипломатическое сообщество) критерий важности России заключается в способности Москвы укреплять или ослаблять безопасность Соединенных Штатов. «По этому критерию Россия может скорее помочь, чем навредить Соединенным Штатам, а в текущие дни мы нуждаемся в любой возможной помощи». Отталкивать Россию в посуровевшем для Америки мире — просто безответственно. Профессор Дж. Хаф из университета Дьюка подвергает суровой критике картину, на которой российские генералы «не имеют чувства национальной гордости, профессионализма и заботятся только о личном обогащении». Эта картина не соответствует реальности. Не все помнят, что между провозглашением США свободной страной и избранием на пост президента Дж. Вашингтона прошло много времени — гораздо больше, чем провели в состоянии хаоса русские.

Едва ли Екатерина Великая, создавая «Лигу морского нейтралитета», предполагала, что готовит себе геополитического преемника. И император Александр Второй, посылая две эскадры на помощь погруженному в Гражданскую войну Северу, продавая американцам Аляску, не предполагал увидеть в Соединенных Штатах соперника. Будучи в первой половине XX века союзниками, американцы и русские едва ли могли предположить ожесточение «холодной войны». Со временем, однако, очень изменился фактор Америки для

России. В 1921 году АРА с Г. Гувером во главе спасла 18 миллионов наших соотечественников во время страшного голода в Поволжье и на Украине. В свою очередь, дети спасенных поколением позже избавили американцев от жестокого кровопролития на Северогерманской равнине и вокруг Японского архипелага.

СБЛИЖЕНИЕ В «ПОТЕМКИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ»

В так называемом российско-американском партнерстве что-то складывается «не так», как казалось логичным или желательным. Дело стоит того, чтобы разобраться. Прежде всего отметим, что нынешнее состояние российско-американских отношений начало складываться вовсе не в руинах Международного торгового центра, а почти годом раньше. Еще до сентября 2001 г. Москва и Вашингтон приняли решения, «по рельсам которых» — до и после

сентября — развиваются современные взаимоотношения двух стран.

Президент Буш-младший занял свой пост в *Вашингтоне* с тремя новыми, касающимися России идеями: 1) президент Клинтон «слишком пристально» наблюдал за происходящим в России, его излишне волновали российские реформы — 23 встречи с российскими президентами — это слишком много — Америка не в такой степени заинтересована в успехе российского социально-экономического переустройства; 2) «немотивированная благожелательность» в отношении России неоправданна — это не соответствует реализации наиболее существенных американских интересов. Слабая Россия значительно лучше вписывается в картину единодержавной гегемонии; 3) нельзя игнорировать разительного изменения масштаба мощи двух стран — не следует относиться к России так, словно она еще первоклассно важна в Евразии, — это не так. Россия (труднообъяснимо) прекратила прогрессивное движение, застыла, оборотилась вовнутрь и не заслуживает постоянного внимания основных ведомств Вашингтона.

Москва вместо Америки определила для себя главными противниками *терроризм,* опасность территориального распада страны, сецессию, чеченский сепаратизм, не всегда свя-

занный с исламским фундаментализмом и касающийся больших территорий. И когда террор в сентябре 2001 г. стал главной проблемой и для США, в России у значительной части политиков возникло чувство, что параллельный курс найден. Сейчас даже трудно представить себе эйфорию октября—ноября 2001 г., когда многим в России стала мниться возможность тесного союза с наиболее мощной страной мира.

Немного времени понадобилось для того, чтобы понять, что поворот в русской политике Вашингтона фундаментален. Российские стенания и обиды так же бессмысленны, как и очередные уступки (Лурдес, Камрань), в условиях, когда три вышеуказанных изменения в американской политике составили основу ее курса на российском направлении. Принимая в НАТО Прибалтику и еще семь восточноевропейских стран, выходя из договора по ПРО, закрепляясь (надолго) в Центральной Азии, никто в Вашингтоне не вспоминает о 3 триллионах долларов, сбереженных Западом благодаря уходу Москвы из противостояния «холодной войны», никто не указывает на сбереженные благодаря Северному альянсу американские жизни в Афганистане. Оставим сентиментальность славянам, а рационализм — Западу и признаем, что российская дружественность (разведданные об Афганистане, уговоры Ташкента, Бишкека и Душанбе и т. п.) не препятствует Североатлантическому союзу подходить к Петербургу, не мешает американцам следить за интеграционными всплесками в СНГ, строить колоссальный радар на Аляске (кстати, с кем Аляска граничит?), феноменально увеличивать военный бюджет, хотя новое поколение МБР, подводных лодок и стратегических бомбардировщиков едва ли кто-либо рискнет назвать орудиями борьбы с терроризмом, препятствовать приглашению в Североатлантический союз России. Советник президента Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс может прилюдно утверждать, «не сила России, а ее слабость опасны для Америки». В реальной жизни стоит Москве и Киеву сблизиться на миллиметр, как К. Райс уже с сердитым выражением лица *в чем-то* убеждает киевлян.

Давайте на этот раз поймем, что отягощающие россий-

ско-американские противоречия проистекают не из обоюдопонятных стратегических соображений, а, во-первых, из конкурирующих внутриамериканских интересов; во-вторых, из различия политических и

экономических систем двух стран. *Четыре обстоятельства стоят на пути сближения самой мощной и самой большой страны в мире.*

1. Хотя администрация Буша признает причастность «Аль-Кайды» к войне в Чечне, она публично проводит различие между сепаратизмом Ичкерии и международным терроризмом, с которым борются США. Влиятельные силы в Америке вообще считают преступлением «замалчивать» войну в Чечне (интересно бы знать мнение в этом вопросе президента Линкольна, положившего жизни 600 000 американцев ради восстановления Североамериканского союза). Борясь с терроризмом, американцы практически игнорируют дружественные Пакистан и Саудовскую Аравию, ополчаясь на дружественный России Иран и (в былом) Ирак. Ополчаясь против распространения ядерного оружия, Вашингтон видит прежде всего дружественный России Иран, вопреки согласию последнего на международные инспекции.

2. Неравенство мощи двух стран порождает недоверие. Часть политиков и военных России приветствовали прибытие американцев в униформе в Центральную Азию и на Южный Кавказ как фактор борьбы с Талибаном. Но если американцы решили расположиться здесь *надолго,* то возникает вопрос: зачем? Особенно если это присутствие будет способствовать, скажем, антироссийской эволюции Грузии после Шеварднадзе, или же использованию чеченского конфликта в антироссийских целях, военному прикрытию конкурирующего с российским нефтепроводом Баку — Тбилиси — Джейхан.

Москва не может спокойно воспринимать планы перевода американских войск из Германии в Польшу. Это, собственно, нарушает Соглашение от 1990 г. о воссоединении Германии, основополагающий Акт НАТО — Россия 1997 г., Договора 1990 г. об обычных вооруженных силах в Европе. Обозначим еще раз: многие русские испытывают опасение в отношении *растущей мощи Америки близ российских границ.* В то же время американцы раздражены этим отноше-

нием России. Провозглашаемое стремление России к *многополярности* было недавно отвергнуто К. Райс, выступавшей в Лондоне: «Многополярность чаще всего ведет к конфликту, как это было перед Первой мировой войной; многополярность противна природе, если речь идет о странах с общими ценностями и интересами; США имеют право выбирать партнеров в случае надобности, и международное право может быть нежелательным препятствием». Надо ли особо характеризовать раздражение Москвы? Партнеру такое не говорят.

3. Внутриполитическая эволюция российского и американского обществ никак не свидетельствует о растущей гармонии. Не существует подлинных программ двустороннего сближения, и «теплые» саммиты президентов только оттеняют общую тенденцию отчуждения. Ничто не переломит в стране, пережившей 22 июня, настороженное отношение к военной машине, приближающейся к России с Запада. И США и РФ увеличивают свои военные расходы, и парламенты обеих стран делают это при полном общественном одобрении. Карьера российских офицеров, сотрудничавших с НАТО, не вызывает зависти.

Едва ли есть необходимость в детальной аргументации того факта, что гражданское руководство Пентагона относится к военному партнерству с Россией еще более скептично, чем президент Буш, госсекретарь Пауэлл и Райс. Конгресс США никогда не ставил перед собой задачу преодоления препятствий на пути военного сотрудничества с Россией; то же можно сказать и о профессионалах в униформе, почти всю свою сознательную жизнь готовившихся к конфликту с тем, кто внезапно стал сам именовать себя *партнером.* Общие программы на сегодняшний день сводятся к демонтажу российского стратегического арсенала. Можно ли представить себе главной функцией Министерства обороны России

мониторинг оборонных усилий страны для американских ведомств и конгресса ?

4. Экономические связи двух стран не заслуживают восторженных оценок. На Россию приходится 1 % внешней торговли США; на США — 5 % внешней торговли России. Инвестиции американских компаний в российскую эконо-

461

мику равны 6 млрд долл. Американцы проклинают правовую систему России; Москва — отсутствие чего бы то ни было, напоминающего «план Маршалла», или целенаправленный допуск российских товаров на американский рынок. Упоминание Китая лишь сыплет соль на раны. Ничто (включая нефть и газ) пока не способно быть подлинной основой двусторонних отношений — ведь рядом нефтеносные и удобные Канада, Мексика, Венесуэла, Нигерия.

* * *

Указанные четыре обстоятельства возникли не сегодня и не вчера. Они давно являются частью структуры, психики, менталитета, (не)органических связей. Не разрешив вышеназванных проблем, не только наивно, но и абсурдно петь велеречивые песни с неба падающему партнерству. Прав тот, кто говорит, что российско-американские отношения «сердечные, но бессодержательные». Без надстройки, без базиса — как ни старомодна эта истина. Если Вашингтон будет безостановочно клеймить беспечный русский реформизм, а Москва все более ожесточаться по поводу легкомысленных советов, то финалом станет «холодный мир». Реализм предупреждает: первый же кризис сметет фотографии с улыбчивыми президентами, если две страны не возьмутся за дело серьезно. Как в 1941-м. Как полагается поступать в ту эпоху, когда Запад демографически превращается почти в исчезающее меньшинство человечества?

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРИМЕРОМ

«Культура, — как формулирует один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн, — всегда была орудием сильнейшего»[1]. Как и информация в целом. Определяемые Западом современные капиталистические ценности получили преобладающую идейную значимость. «С падением коммунизма, — пишет английский исследователь А. Дивен, — альтернативные модернизации идеологии были по-

[1] *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, p. 193.

462

просту элиминированы. Экономические элиты России формируют мощный классовый интерес в мирном поддержании мировой рыночной экономики»[1].

Привлекательность страны-лидера создает проамериканскую элиту. Становится ясным, что глобализация — это одновременно распространение американского влияния, в том числе и культурного. Как признают американские исследователи Р. Каган и У. Кристол, «современная международная система построена не вокруг системы баланса сил, а вокруг американской гегемонии»[2]. В начале XXI века все более проявляет себя то, что в США получило название soft power — идейно-культурное воздействие на внешний мир. Как объясняет Дж. Най: «Непрямолинейный путь приложения силы. Страна может достичь желаемых результатов в мировой политике вследствие того, что другие страны хотят следовать по ее пути, подражать ей, восхищаться ее ценностями, имитировать ее пример, стремиться достичь ее уровня процветания и открытости. Это обстоятельство столь же важно для достижения целей в мировой политике, как и использование вооруженных сил или экономического давления. Кооптировать народы, а не грубо заставлять их»[3]. Особенно это влияние сказывается в двух столицах, среди либеральных слоев общества.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

США и Россия являются единственными двумя странами в мире, способными уничтожить друг друга. Для этого достаточно получаса ракетной атаки через Северный полюс, над которым разделяющиеся головные части начинают свое движение к заранее определенным целям. Вступление

[1] *Lieven A.* The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September («International Affairs», v. 78, № 2, 2002, p. 246).

[2] *Kagan R. and Kristol W.* The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 42).

[3] *Nye J.* The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y.: Oxford University Press, 2002, p. 8-9.

463

в Североатлантический союз после Польши (подобострастной в Ираке) Прибалтийских государств делает подлетное время американских крылатых ракет равным 6—7 минутам. Для потерявшей в XX веке почти треть своего населения России такая степень уязвимости — большое психологическое испытание.

Звучит параноидально? Но утечка в «Лос-Анджелес таймс» в 2002 г. сигнализирует, что Пентагон продолжает видеть в России потенциального противника. А как Америка реагирует на противников — хорошо известно с 1999 г. Что же касается мотива сознательного ожесточения, то не ясно ли он прозвучал в американской прессе поздней осенью 2003 г.? «Веймарская Россия» опять обзаводится однопартийной системой, свобода оказалась краткосрочным элементом, новый российский парламент не многим отличается (по своей покорности) от рейхстага, демократия в России — явление прошлого, 80 % населения жаждут передела грабительской приватизации 1990-х гг. — а во внешней политике Россия готова встать на путь своеобразной «Реконкисты».

Говорить о стратегическом балансе неуместно.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО И БУДУЩЕГО ВОЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАТО И РОССИИ

	НАТО			Россия
	НАТО-19	+кандидаты НАТО	НАТО-максимально	
Численность (млн)	4,4	0,86	5,26	1,2
С резервистами (млн)	7,09	1,54	8,63	2,4
Танки	36 425	10 495	46 920	25 550
Корабли ВМФ	641	36	677	454
Базы ВВС	27	0	27	4
Военные самолеты	9843	2084	11927	9529

464

При этом в России сегодня осталось лишь 37 % от прежде неприкасаемых резервов. 100 % вертолетов работают за пределами уже отработанного ресурса. Весьма реалистические прогнозы предупреждают, что через 10—20 лет РФ будет не в состоянии отразить внешнюю угрозу — это зависит от степени финансирования Российских вооруженных сил.

Основу неуязвимого ударного комплекса России составляют 20 стратегических атомных подводных лодок (из общего числа 60 подводных лодок российского флота). Да, численность российских ракетных подводных крейсеров

стратегического назначения за последнее десятилетие сократилась более чем в три раза. Основу морских стратегических сил России составляют шесть ракетных подводных крейсеров стратегического назначения проекта -667 «Дельфин», имеющие на своем борту каждая 16 межконтинентальных баллистических ракет с четырьмя разделяющимися, индивидуально наводящимися ядерными боеголовками. К ним следует присовокупить 14 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения проекта 941 «Акула», имеющих каждая 20 трехступенчатых межконтинентальных твердотопливных ракет с 10 ядерными боеголовками индивидуального наведения. Существует еще 14 единиц подводных крейсеров проекта «Кальмар-667», вооруженных первыми отечественными баллистическими ракетами морского базирования с разделяющимися боеголовками.

Ныне Россия строит одну-две подобные стратегические подводные лодки. В строй вводятся новейшие атомные подводные крейсеры «Юрий Долгорукий», «Северодвинск».

Россия сделала важный шаг на пути создания оружия против ударных подводных лодок потенциального противника. Речь идет о создании дизельно-электрической лодки «Санкт-Петербург» проекта «Лада». Зациклившиеся на атомоходах американцы не имеют ничего сравнимого (по относительной дешевизне и боевым качествам), как начатая еще в 1997 г. русская дизельно-электрическая субмарина. Петербургские «Адмиралтейские верфи» опробовали весьма впечатляющие технологии. Серийное производство «Лад» началось в 2005 г. Это относительно небольшая подводная лодка водоизмещением в 1765 тонн, способностью погру-

жения на глубину до 300 м и экипажем всего в 35 человек, автономным плаванием на протяжении 45 суток. Именно такие подводные лодки способны блокировать своими шестью торпедными аппаратами калибра 533 мм самые важные мировые морские пути.

Полностью игнорировать Россию Вашингтон не может. Помимо ядерного аспекта имеются следующие четыре обстоятельства:

— Россия может влиять на ряд государств в ту или иную сторону (чего Западная Европа не может);

— Россия имеет боеготовые войска (чего в Западной Европе нет);

— Россия имеет транспортные самолеты (а незначительному контингенту бундесвера пришлось просить их у Узбекистана);

— Россия реально нуждается в борьбе против исламского фундаментализма (что для Западной Европы весьма отдаленная проблема).

После реализации Договора о сокращении стратегических потенциалов (подписанного на американо-российском саммите 2002 года в Москве) через десять лет Кремль будет распоряжаться минимум 1700 единицами ядерных боезарядов стратегической доставки (дополнительно складированы будут многие тысячи ядерных боезарядов, способных быстро быть возвращенными в строй). Это много больше, чем нужно для уничтожения любой цивилизационной инфраструктуры, любой страны, избранной в качестве цели. С момента объявления Соединенными Штатами в декабре 2001 г. о выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны Россия пошла на модернизацию 200-тонных межконтинентальных баллистических ракет СС-18 («Сатана»), сохраняя их на боевом дежурстве до 2014 г. Ракеты данного типа выбрасывают над районом цели 50 боеголовок, что теоретически ставит перед американской системой Национальной противоракетной обороны пока — и на десятилетия вперед — неразрешимые задачи. Грандиозный ядерный стратегический потенциал России, ее способность быстро мобилизовать феноменальные

разрушительные силы средств массового поражения делают
466
вопрос глобального выживания во многом функцией понимания условий этого выживания России. Даже одно лишь ослабление контрольных функций Москвы над своим арсеналом непосредственно и прямо воздействует на судьбы Америки.

Россия приступила к созданию мощного подводного флота нового поколения (подводные стратегические лодки класса «Юрий Долгорукий», вооруженные 16 ракетами стратегического назначения с разделяющимися головными частями). Впереди испытания ракет СС-27 — мобильных МБР на твердом топливе с исключительной точностью попадания.

СУДЬБА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Особенностью современной ситуации является то, что Россия — самая большая «белая» страна, которая вымирает, а США — самая большая растущая страна. Через сто лет население России (если экстраполировать современные тенденции) составит 40 млн человек, а США — 560 млн. Но в конкретной плоскости важно даже не это. Примерно к середине текущего века, согласно тем же тенденциям, последний русский уйдет с территорий к востоку от Урала. Отсутствие инфраструктур, неосвоенность территорий, ослабление помощи государства уже сделали то, что гигантская Сибирь и Дальний Восток могут стать мишенью более населенных соседних стран. Америка уже фактически спасала российские территории от японских притязаний в 1918—1922 гг. Возможно ли повторение?

Уже есть предложения опеки. 36. Бжезинский призвал Америку блокировать «дугу нестабильности» в Юго-Восточной Европе, Центральной Азии и в анклавах Южной Азии, Ближнего Востока и Персидского залива. Целью он назвал захват «главного приза Евразии» — обеспечение того, чтобы никакая комбинация евразийских стран не смогла бросить вызов Соединенным Штатам. Главным препятствием реализации этой цели Бжезинский всегда называл нерасположенность американского населения связывать свою судьбу со столь далекими и переменчивыми странами.
467

Если Соединенные Штаты так или иначе помогут России сохранить статус-кво за Уралом — они обретут верного союзника. Если будут (как «Збиг») делить колоссальные просторы, Москва будет искать другие схемы.

ЭКОНОМИКА

В ходе двух предшествующих модернизаций (1892—1914 и 1929—1933 гг.) Америка была чрезвычайно нужна России, как мир технологических образцов. Небезынтересно читать, как Троцкого назначают главой Американского отдела модернизации России, как Сталин настаивает на имитации именно американских технологических образцов. Старый бабушкин «Зингер» и встретившаяся в отдаленном селе «полуторка», «эмка» или «Победа» — материальный тому пример.

Экономическая катастрофа, которая постигла страну в течение десятилетия т.н. либеральных реформ, сократила валовой внутренний продукт России на 55 %. Инвестиции в российскую экономику уменьшились на 73 %. На 84 % сократились расходы на военную промышленность. В 1990 г. ВВП России составлял 5 % мирового (СССР — 8,5 %). На долю РФ ныне приходится 20 % валового национального продукта СССР 1990 г. И чуть больше 1 % мирового валового продукта.

Согласно прогнозу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2015 года», Россия к 2015 г. не сумеет «полностью

интегрироваться в международную финансовую и торговую систему». Даже при самом оптимистическом варианте экономического роста в 5 % в год через 15 лет объем производства российской экономики будет меньше американского в пять с лишним раз.

Инвестиции периода Горбачева — Ельцина не были похожи на «план Маршалла». Первая половина наступившего столетия *не будет* временем сближения основных экономических показателей Российской Федерации с неуклонным лидерством США в технологической революции; ВНП современной России составляет 5 % валового продукта США. Стороны перешли в разные весовые категории.

Что Америка действительно могла бы дать России — так это предоставление части феноменального американского внутреннего рынка. Именно таким путем становились экономическими гигантами Япония, Южная Корея, «тигры», Китай. Последний более всего ценит те 80 млрд долл. позитивного сальдо торговли с США, которые в добавление к иностранным инвестициям служат основой индустриализации на новых принципах. Самый большой рычаг Америки в отношениях с Россией — предоставление ей части своего самого богатого в мире рынка (как это было сделано в отношении коммунистического Китая). Только эта долговременная стратегия может обеспечить перемены, которые благотворны как для России, так и США.

При этом ни одна страна в мире, кроме России, не может заменить Саудовскую Аравию в процессе насыщения Америки энергией; инвестируя в этот бизнес, Америка создает необходимую взаимозависимость. Вполне вероятно, что США отчасти заинтересованы, чтобы Россия развивала Тимон-Печорский регион, гигантские нефтяные месторождения Западной Сибири, Север Каспия и Дальнего Востока. Для России развивать эти регионы жизненно важно.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОМП

Ахиллесова пята Соединенных Штатов заключается в распространении ядерного оружия. Ни одна страна, кроме России, не имеет потенциала вооружить страны-изгои средствами массового поражения. Упор делается на *последнем, остаточном* элементе, оставшемся у Москвы от недавнего статуса сверхдержавы. Главный аргумент сторонников подписания СНВ-3 — это единственный способ заставить американский ядерно-ракетный арсенал сокращаться параллельно со стареющим российским. И хотя американская сторона открыто заявляет, что *не собирается уничтожать ни носители, ни боезаряды,* задействованные российские структуры предпочли действовать в трансе, слыша лишь то, что им мнится. Они добились своего в мае 2002 г., когда было подписано Соглашение о сокращении стратегических потенциалов, предполагающее низведение численности бре-

зарядов стратегического назначения до 2200—1700 единиц. Но, что примечательно, подписанный маленький документ (в отличие от крупных договорных текстов СНВ-1 и СНВ-2) вовсе не предполагает уничтожения ядерных боезарядов, они складируются, могут быть перемещены и восстановлены в функции сдерживающего средства за относительно небольшое время. Но ощущают ли американцы комфорт от того, что способное поразить их техногенную цивилизацию оружие *не уничтожено, а покоится на складах?*

Эффективным средством воздействия США на ядерный потенциал России является выработанная в начале 1990-х годов т. н. «программа Нанна — Лугара». Вкупе с соглашениями СНВ-1 и СНВ-2 она привела к сокращению российского военного потенциала на 5 тыс. боеголовок, к полному уничтожению ядерного

оружия Украиной, Казахстаном и Беларусью. Америка может (и влияет) на политику России в области строительства атомных электростанций. Речь в данном случае идет прежде всего об Иране. Иран при этом является очень значительным рынком сбыта российского оружия. Обе страны весьма тесно сотрудничают в реализации проектов создания нефте- и газопроводов через Пакистан на юг, в порты Индийского океана. Имеет место и ядерное сотрудничество Москвы и Тегерана в Бушире. Для России, потерявшей рынки ядерной технологии в Восточной Европе и (под американским давлением) в КНДР, уход из Ирана означает конец атомной промышленности, чего Россия позволить себе не может.

В общем и целом Америке более страшна слабая Россия, сопровождающая свой упадок ядерным распространением. «Сдерживание, изоляция и пренебрежение институциональным развитием в России является политикой, способной трансформировать русскую революцию в угрозу американской безопасности»[1]. Программа Нанна — Лугара не покрывает всех аспектов замороженного военно-экономического наследия Советского Союза. Химическое и биологическое оружие, «грязные» ядерные отходы, квалификация многих тысяч специалистов — все это в случае похоло-

[1] *McFaul M.* Op. cit., p. 312.

дания в американо-российских отношениях немедленно станет предметом обхаживания международных террористов, равно как и заинтересованных государств. Да и сама Москва, согласно циркулирующему в США мнению, в случае разочарованности попыток мирными, дипломатическими средствами пробиться в ряды Запада может поддаться чувствам разочарованного отвергнутого партнера: «Россия тоже может обратиться за стратегическим решением к международным преступникам, ведущим необъявленную войну»[1]. Такие авторитеты, как Г. Киссинджер, напоминают о связях России с «государствами-изгоями»: «Соединенные Штаты должны осудить поддержку Россией иранской ядерной программы, систематические нападки на политику Америки в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, осудить нападки России на то, что она называет американской гегемонией»[2].

ФАКТОР ОБЩЕГО ВРАГА

В сентябре 2001 г. трагические события в американских городах создали подлинное основание союзнического сближения: у РФ и США появился общий противник — исламский фундаментализм. В новом мире после сентября 2001 г. Россия находится в сложном положении. 145-миллионная страна оказалась изолированной между миллиардными Западом, Китаем и исламским миром. Но отрадным стало казаться то обстоятельство, что Россия на Северном Кавказе и Америка между Гиндукушем и Евфратом вместе сражаются против мирового терроризма. Вот что писал лондонский «Нью стейтсмен»: «Враждующие лагери и нации мира объединились против общего врага — глобального терроризма. Приоритеты американской внешней политики изменились с захватывающей дух скоростью. Озабоченность националь-

[1] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 40).

[2] *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon and Schuster, 2001, p. 77.

ной ракетной обороной ушла на второй план. Как оказалось, американская безопасность лежит не в одиноком пути по высокой дороге технологии, а в высокой политике глобального союза. Старые распри с Москвой забыты по мере того, как американцы начали свою кампанию в Афганистане для своей «защиты»,

потребовавшую сотрудничества с Россией. Равным образом США понимают, что они нуждаются в арабской и мусульманской поддержке, и поэтому будут стремиться к реальному перемирию между Израилем и палестинцами. Во время, когда вера в Бога, класс, нацию и правительство в значительной мере исчезла, общий страх человечества оказался последним средством создания единых уз, нового сплава национальной и международной политики. Страх перед глобальным терроризмом создал почти революционную ситуацию»[1].

В условиях глобального смещения угроз для Америки Россия, пожалуй, могла бы войти в Североатлантическую организацию не как некая периодически консультируемая величина, а как интегральная часть новой системы безопасности в Европе. Вот как писала американская газета «Крисчен сайенс монитор»: «Вступление России в НАТО завершит процесс создания такой структуры взаимоотношений европейских государств, которая в конечном итоге принесет постоянный мир. Неопределенность же с принятием России в альянс не только будет большой прорехой в мозаике, но также может возродить традиционную российскую ксенофобию... У Запада есть второй шанс навсегда закончить «холодную войну», покончить с разделением Европы а сделать Россию полноценным партнером НАТО в борьбе с терроризмом и в деятельности по предотвращению распространения оружия массового поражения»[2].

Американские противники сближения с Россией выдвинули аргументы и геополитического характера: «Решительный поворот России в сторону Запада оживляет исламские страхи относительно «столкновения цивилизаций»;

[1] *Beек U.* The Fight for a cosmopolitan future («New Statesman», November 5, 2001, p. 33).

[2] «Christian Science Monitor», April 8, 2002.

новый стратегический союз Россия — Северная Америка и Европа мог бы показаться угрожающим для многих. Мусульман пришлось бы разубеждать в том, что христианский мир объединился не против них. Африканцы и азиаты увидели бы «союз белых». Китай усмотрел бы блокирующую их силу. Ислам, Китай и Африка могли бы увидеть в этом союз богатых против бедных. Выросла бы опасность глобальной войны с расовым оттенком»[1].

РОССИЯ И США НА ФОНЕ ИРАКА

Опыт быстрого отчуждения Соединенных Штатов после *огромной* помощи России в войне против Афганистана поубавил энтузиазма у тех, кто хотел за счет благорасположения Америки войти в политико-экономические системы Запада. Что дала России готовность помочь Соединенным Штатам в их битве за Афганистан? Появление американских войск в Центральной Азии и Грузии, ревнивое отношение к сближению Москвы с Минском и Киевом. Под вопросом оказался поставленный столь высоко ценимый Россией статус постоянного члена Совета Безопасности ООН — какой в этом статусе толк, если Соединенные Штаты пренебрегли Организацией Объединенных Наций при выборе Ирака как цели и обрушились на эту страну без санкции ООН.

Реакция России на иракскую кампанию Америки весной 2003 г. весьма отличалась от той, что имела место осенью 2001 г. в случае с Афганистаном. Президент Путин назвал военную акцию США против Ирака «огромной ошибкой». Совместно с еще одним постоянным членом СБ ООН — Францией и непостоянным членом Совета Безопасности — Германией, при благожелательной к противникам вторжения в Ирак позиции КНР — Россия *не поддержала* американо-британскую военную акцию против Ирака.

Не может быть двух мнений: суверенитет *всех* независимых государств, от Британии до Ирака (по шкале прибли-

[1] *Walker M.* Post 9/11: The European Dimension («World Policy Journal», Winter 2001/02, p. 41).

женности к имперскому центру), претерпел ущемление. Стало более ясно, что неоконсерваторы круга Чейни — Рамсфелда — Вулфовица готовы к крупным авантюрам, даже будучи практически в одиночестве на мировой арене. Имперская логика получила новое *подтверждение* на короткой дистанции, на дистанции одного месяца. Но в дальнейшем перед администрацией Дж. Буша-младшего встали менее легко решаемые задачи:

— долгосрочное объединение оккупационными войсками или выбором нового азиатского Петэна, иракского варианта Карзая практически невозможно — как и в Афганистане, управлять многонациональной и многоконфессиональной страной лидер одной из этно-конфессиональных фракций *не может*. Отныне шииты, сунниты и курды будут жить собственной замкнутой этнической жизнью (так же, как это происходит с пуштунами, таджиками и узбеками в современном Афганистане);

— сила, десятилетия сдерживавшая 26-миллионный Ирак, сдерживавшая на основе секулярного подхода партии «Баас» исламский фундаментализм, исчезла. Победили аятоллы (60 % населения того, что прежде было Ираком, — шииты) и новый региональный лидер Иран. Ослаблены — сунниты региона (а значит, проамериканская Саудовская Аравия), баасистская Сирия и заново исламизирующаяся Турция, чья территориальная целостность на этот раз решительно поставлена под вопрос;

— во всю силу встал главный взрывной вопрос региона — национальное самоутверждение сорока миллионов курдов, самой быстрорастущей демографически ветви средневосточного населения. Разоружить пешмергу, воюющую уже третье поколение за национальное самоопределение, будет для американцев сложнее деморализованных «федаинов» Хусейна. Это приводит в крайнее состояние Турцию, готовую в данном вопросе идти наперекор самым близким западным покровителям, поскольку речь идет о собственно выживании турецкого государства в том виде, как его создал Кемаль Ататюрк;

— обида миллиардного мусульманского мира, испытавшего колоссальное унижение в долине Тигра и Евфрата, —

большая плата за мимолетный триумф, за флаг, закрывший голову скульптуре Саддама Хусейна в Багдаде. Говоря словами президента Египта Мубарака, которого едва ли кто-то может назвать антизападным правителем: «Отныне возникнут тысячи бен ладенов».

Что же до России, то ее суверенитет ослаблен этой новой демонстрацией готовности Вашингтона улучшать все, что видится *потенциальной* угрозой геополитическому царствованию США. Конкретно символами этого ослабления является украинский батальон в Кувейте и такие договоренности, как новый договор США с Узбекистаном. В двух ключевых для Москвы точках, на двух суперприоритетных направлениях российской внешней политики укрепляются режимы, более угодные имперскому правлению США в мире, более преданно смотрящие в глаза имперского покровителя. Теперь с ними, повязанными войной с Америкой, президент Буш готов иметь дело с большей степенью независимости, чем до иракской войны.

«Стратегическое партнерство» с США — лозунг, желанный прозападному крылу в Москве, но бессмысленный для правящих неоконсерваторов в Вашингтоне. И за огромную помощь в Афганистане Москва не стала ближе Вашингтону; фрондерство же в иракском кризисе заставит американцев, так сказать, «прищуриться» в отношении России еще больше. Ясно одно: и в последующих неизбежных кризисах новый Черномырдин в конечном счете полетит выкручивать руки очередному Милошевичу, а Примаков — новому

Саддаму Хусейну, хотя подталкивание тонущей жертвы находится вне самых простых моральных норм.

Первый урок очевиден для очень многих стран: если правило невмешательства во внутренние дела (суверенности) уже не действует, то нужно найти более действенную гарантию менее оспоримого типа суверенности. Речь, естественно, идет об обладании ядерным оружием. Тип суверенности, скажем, Пакистана завидный. Никто не посмеет «улучшать» его внутреннюю систему по понятной с 1998 г. причине. Это своего рода греческая трагедия — ты стремишься чего-то избежать, но своего рода рок влечет тебя к самому нежелательному итогу. Американцы стремятся из-

бежать ядерной вооруженности ряда стран, но пример бомбимого и сжигаемого Ирака более убедительно, чем что-либо, говорит: не вступай в спор с США, пока они не убедятся в наличии у тебя «финального оружия».

Второй урок касается всех, кого не прельщает даже самое завидное место в новой империи. Собственно, это история и психология человечества на протяжении всего исторического пути: номера 2, 3, 4, 5 *всегда* объединялись против номера 1. Так восстанавливалось естественное равновесие сил, которое, как кажется, больше соответствует канонам демократии, свободного изъявления, независимого развития.

Третий урок уже пытался быть извлеченным из Вьетнама, но сознательно был погашен целенаправленными усилиями всех *неприемлющих* итоги Вьетнама — от президента Рональда Рейгана до президента Джорджа Буша-младшего. Не ставь себе задачу, которая не по силам никому. Даже такому гиганту, как США, *принципиально не по силам* задача «исправления» всего мира. Этому препятствует культура, прошлое, традиции, гордость двух сотен государств.

Американцы одержали в Ираке формальную победу. Хусейна постигла судьба бен Ладена — быть гонимым американским государством. Что касается демократического порядка — он не сможет быть установлен, так как эта проблема не решается силой. Этому противостоит культура и национальная психика. Мы видим и пример находящегося в состоянии хаоса Афганистана, а ведь ему было так много обещано. Но главная жертва — независимость и суверенитет независимых государств. Со времен Римской империи мир не знал такого посягательства на главное право независимой страны — собственного выбора пути развития. Россия стоит перед выбором: ее действия будут строго оцениваться в далекой заокеанской стране, либо мы восстановим баланс в пошатнувшемся мире. Но Россия оказалась в хорошей компании — французы и немцы на Западе, а китайцы на Востоке ищут ответ на тот же вопрос. В результате Россия в 2003 г. стала более отчетливо выражать свое желание сблизиться с Европейским союзом.

АМЕРИКАНЦЫ В СЕРДЦЕ ЕВРАЗИИ

Воспользовавшись готовностью России и среднеазиатских республик оказать помощь в борьбе с международным терроризмом, администрация президента Буша-младшего впервые в истории проникла туда, где после Тамерлана была своего рода «заповедная зона» России, — в страны Центральной Азии — Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Это своего рода междуполье, где сходятся православная, мусульманская, китайская и индуистская цивилизации. Превосходный плацдарм для контроля над Евразией во все четыре стороны света. Войны в Югославии и Афганистане, пишет французская «Монд», «стали инструментом проникновения США в эти ключевые области, благодаря которому Америке удалось вывести их из-под прежней опеки России... Расширяется стратегическая «паутина» США на периферии бывшей советской территории, что

вызывает определенное беспокойство в определенных кругах на местах. 1500-й контингент американцев разместился на авиабазе в Ханабаде, на юге Узбекистана, недалеко от афганской границы, а другой передовой отряд неподалеку от международного аэропорта «Манас» в Киргизии готов к дислокации; американские эксперты работают над созданием авиабазы в Кулябе, на юге Таджикистана; грузины ожидают прибытия 200 солдат элитных американских подразделений, которые, видимо, будут размещены в Вазиани, недалеко от Тбилиси, где до прошлого года располагалась российская военная база. «Американцы стремятся утвердиться на Кавказе и «окружить» Каспийское море... Они всегда желали влиять на ситуацию в регионе. Они уже очистили Балканы и Центральную Азию. Теперь они окружат Каспийское море и «очистят» его. А мы помогаем им своими необдуманными действиями», — заявил генерал Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии» .

Осенью 2001 г. американские войска, благодаря России, оказались в сердце Средней Азии. У них уже свои договоренности с Каримовым, Рахмоновым и Акаевым. Они выса-

[1] «Le Monde», 2 avril, 2002.

дились в Кабуле, Мазари-Шарифе и Кандагаре. Чье влияние они замещают поблизости от нефтеносного Каспия, склонного дружить со всеми Казахстана, отчужденной Туркмении, мечущейся Грузии? Получение военных баз в среднеазиатских республиках открывает американцам новую точку обзора Китая, России, Афганистана, Центральной Азии. Рядом в поле зрения оказался космодром Байконур, откуда производятся не только гражданские, но и военные запуски, и Чечня, на проблему которой у России и США разные взгляды. И если возможность военного вторжения — это скорее козырь, чем реальная угроза, то комфортные условия для наблюдения уже используются. Электронное разведывательное оборудование уже завезено и установлено. Логика событий говорит о том, что РФ и КНР ослабили свое положение. США, воспользовавшись удобным моментом войны с терроризмом, разместили свой военный контингент и технические средства на территории крупнейшей (по населению) страны Центральноазиатского региона — Узбекистана и в соседнем Таджикистане и Киргизии. Киргизия не имеет общей границы с Афганистаном, от которого ее отделяет Таджикистан. Однако американцам и французам удалось получить от таджикского правительства разрешение на использование воздушного пространства страны, а также крупной и удобной авиабазы «Манас», неподалеку от Бишкека.

Ряд влиятельных политиков США озвучил следующие новые идеи: «Когда афганский конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии; мы хотим поддержать цен-тральноазиатские страны в их стремлении реформировать экономику и общество так же, как они поддержали нас в войне с терроризмом. Это долговременные отношения». В конце января 2002 г. помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Э. Джоунс после посещения Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении высказалась следующим образом: «Страны Центральной Азии просят нас более активно участвовать в их делах, и нам хотелось бы усилить степень своего участия. Присутствие в Киргизии будет значительным и долговременным». Америка не оставит страны региона «наедине с их проблемами».

Сенатор Дэшл пообещал «наращивать усилия здесь в целях отстаивания интересов США в Средней Азии. Наше присутствие в регионе отныне носит долговременный характер, и с правительствами стран Средней Азии на этот счет уже существует необходимый уровень доверия».

Стратегические соображения привели к заключению договора с Узбекистаном сроком на 25 лет о создании американской военной базы в Ханабаде с оплатой правительству Узбекистана в размере 300 млн долл. в год. Нет сомнения в том, что американская решимость закрепиться в данном регионе окрепла по мере подсчетов возможных объемов энергоносителей региона. США — самая энергопотребляющая страна мира. При этом ее зависимость от импорта нефти давно превысила 50 %, и эта зависимость продолжает возрастать. Согласно статистическому отчету «British Petroleum Amoco», при сохранении нынешнего уровня годовой добычи в 370 млн тонн нефти в США не более 3 млрд тонн, или примерно на 8,5 года. В марте 2000 г. эксперт Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Р. Эйбл заявил на слушаниях в американском конгрессе: «Мы в полном смысле сидим на крючке дешевой нефти и сейчас гораздо меньше, чем когда-либо, способны прийти к разумному пониманию будущего». Даже не принимая во внимание необходимость экономического роста, США уже через 6 лет будут восполнять недостающую часть с помощью повышения спроса на импортируемую нефть и газ. Это повышает значимость источников нефти. В Узбекистане уже разместились 3 тысячи американских солдат; в Киргизии планируется размещение также 3 тысяч солдат. США заключили договор с Таджикистаном, где размещены 10 тысяч российских солдат. Американцы провели секретные переговоры с Арменией (один из ключевых союзников России) и с Казахстаном. 800 американских советников помогают грузинской армии. Благодаря умелому геополитическому маневру, Вашингтон получил возможность решать несколько проблем сразу:

— воздействие на третье в мире нефтегазовое месторождение большого Каспия;

— изоляция неугодного Америке Ирана;

— возможность оказывать давление на уязвимое место Китая (Синьцзянь-Уйгурский автономный округ) с тыла;

— контролировать Афганистан не только изнутри, но и извне;

— поддерживать своего союзника Пакистан с наземных баз;

— реагировать на ныне ядерное противостояние на Индостане с севера.

Все сказанное сводится к тому, что США довольно неожиданно укрепили свои геополитические позиции за счет в первую очередь России, а также Китая, Ирана, Индии. Теперь, пишет американская «Крисчен сайенс монитор», «когда Соединенные Штаты ведут войну с терроризмом в Афганистане и впервые посылают свои войска в богатые энергоресурсами регионы Средней Азии и Кавказа, можно говорить, что намечаются границы новой американской империи. Эти стратегические регионы, прочно входившие в российскую, а позднее советскую сферу влияния, вместе с ближневосточными плацдармами сегодня являются домом для 60 тысяч американских военных. Некоторые из этих солдат строят долговременные базы в удаленных уголках Средней Азии, что ставит критические вопросы относительно будущей роли Америки в регионе»[1].

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

После Балкан и Центральной Азии весной 2002 г. американцы противопоставили себя России на Южном Кавказе. На Западе в отношении поведения российского руководства есть определенное недоумение. Так, французская «Монд» пишет: «Многим обозревателям, привыкшим мыслить стратегически, трудно расшифровать поведение российского президента, которое, по их мнению, противоречит дипломатическим и экономическим обязательствам по отношению к США. С одной стороны, Москва разыгрывает карту «американского увязания» в Грузии и Центральной Азии, тогда как Россия

усиливает свой экономический и во-

[1] «Christian Science Monitor», March 19, 2002.

енный потенциал. Это рискованное пари подразумевает длительное присутствие американцев в этих ключевых зонах, что не отвечает российским интересам. С другой стороны, Москва не обладает достаточными средствами, чтобы соперничать с американской мощью, отныне США играют первым номером на Южном Кавказе и в Азии. Будучи прагматиком, Владимир Путин пытается извлечь выгоду из американского присутствия — в экономическом и стратегическом плане — предоставление новых кредитов от МВФ и Всемирного Банка усиливает позиции России в мировой экономике. Тот факт, что Россия на равных говорит с США о проекте противоракетного щита и о принципиальных вопросах в военной сфере, может позволить ей по своему статусу обойти Японию, Китай и ЕС»[1].

Укрепление американской позиции в Грузии имеет два аспекта — военный и экономический. С военной точки зрения речь идет о близости таких стран, как Ирак и Иран. С экономической точки зрения речь идет о нефтяных и газовых месторождениях Каспийского бассейна. Здесь Америка сталкивается со своим натовским союзником — Турцией, позиция которого значительно усилилась в данном регионе после подписания соглашений о военном сотрудничестве с Азербайджаном (1999) и с Грузией (февраль 2002 года). Если Анкара и Вашингтон — члены НАТО — смогут под прикрытием борьбы с терроризмом утвердиться в Грузии, то включение Тбилиси в орбиту НАТО перейдет со стадии лозунгов и поползновений к стадии осуществления. Опорой России в регионе является дружественная Армения, но и она испытывает давление со стороны американской дипломатии. Интересы России и Америки приходят в прямое соприкосновение. Так, подписав соглашение об аренде радиолокационной станции в азербайджанском Габале, Москва дала понять, что намерена перевооружить и модернизировать систему ПВО Азербайджана (не ставя при этом под вопрос стратегическое партнерство с Арменией). Английские специалисты из «Экономист интеллидженс юнит» склонны полагать, что Армения не перейдет на сторону За-

[1] «Le Monde», 2 avril, 2002.

пада и останется важнейшим союзником России на Кавказе. Разумеется, Армения обеспокоена российско-азербайджанским сближением и в ответ уже подписала соглашение о военном сотрудничестве с Вашингтоном. Но при этом Ереван особо подчеркнул, что отношения с Россией остаются краеугольным камнем армянской политики.

Слабой стороной американского подхода к Южному Кавказу является вновь приобретенная черта американской политики — поддержка национальных меньшинств — особенно после того, как США выступили в Косове на стороне албанцев. Если США всерьез решили закрепиться в Закавказье, им придется занять более четкую позицию по вопросу о Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Джавахетии, Аджарии и пр. Нетрудно представить себе инициативу русской дипломатии, в крайнем случае склонной признать независимость абхазов и осетин. Ныне американская интервенция в Грузии (а именно термин «интервенция» употребляется в западных средствах печати) будет поставлена перед выбором — признавать Нагорный Карабах и Абхазию или помогать Тбилиси и Баку сокрушить их независимость.

АЛЬТЕРНАТИВА ПЕРСИДСКОМУ ЗАЛИВУ

Однако самое острое оружие мусульманского мира оказалось не столь уж

необоримым. Осенью 2001 г., на фоне рушащихся нью-йоркских башен Россия и Казахстан (пользующийся российскими нефтепроводами) изменили прежнюю ситуацию, характерную опековской монополии. В этот самый нужный для исламского мира момент Россия выходит как подлинный конкурент Аравийского полуострова, где власти отказали Америке в использовании американских военных баз на Аравийском полуострове для бомбардировки Талибана. Осенью 2001 г. обнаружилось то важнейшее обстоятельство, что именно непосредственно рядом расположенная Западная Европа, более чем США зависящая от ближневосточных источников энергии, *может* ослабить свою исключительную зависимость от арабской нефти. Впервые обозначилась возможность того, что у Ближнего Востока появляется энергетический конкурент — россий-

ские нефтяные компании. «Владимир Путин, — пишет итальянская «Република» 9 апреля 2002 г., — понял, что его страна может за несколько месяцев захватить «нефтяную власть». Добавим, и газовую.

Впервые за 12 лет в феврале 2002 г. Россия вернула себе лидерство среди стран — производителей нефти — 7,28 млн баррелей в день (данные Международного агентства энергетики (Париж). Министр энергетики И. Юсуфов, выступая в Совете Федерации, провозгласил свою цель: «Россия должна значительно увеличить производство нефти, чтобы захватить господство на мировом рынке и обойти арабских конкурентов». У Запада впервые за многие десятилетия появилась подлинная альтернатива глухой зависимости от арабской нефти. Проарабский ОПЕК впервые получает достойного конкурента в деле снабжения главных мастерских мира энергией.

Как пишет американский журнал «Ньюсуик»: «Ключом для создания картеля являются возможности по уровню добычи. Согласно разрабатываемым в настоящее время планам, к 2012 году на Каспии будет добываться и экспортироваться 7 млн баррелей нефти в день, что примерно равно нынешним показателям экспорта входящего в ОПЕК нефтяного гиганта — Саудовской Аравии. Нельзя исключить возможность того, что Путину удастся убедить бывших сателлитов России в необходимости сообща извлечь большую пользу на мировом рынке»[1].

Весь рост нефтедобычи идет на экспорт, половина которого идет в страны Европейского союза. Безостановочно работают грузовые терминалы Вентспилса (34 млн т), Таллина (29,4 млн т), Клайпеды (19 млн т), Риги (13,4 млн т). Но единственный настоящий нефтяной терминал на этом направлении есть лишь в Вентспилсе, а настоящий мощный нефтеперегонный завод — в литовской Клайпеде. Скоростными методами был создан нефтяной терминал близ Петербурга — выход в Финский залив — в стратегических целях Россия создала гигантский, уступающий лишь Новороссийску порт Приморск, стоимостью в 2 млрд долл. Выход на за-

[1] «Newsweek», April 3, 2002.

пад для российских и центрально-азиатских энергоносителей становится грандиозной стратегической задачей.

Обратим внимание: в конце 2001 г. Россия заключила стратегически важное соглашение с Европейским союзом о долговременном сотрудничестве в области энергетического сотрудничества. На Россию приходится 16 % нефтяного импорта ЕС. Страны ЕС покупают половину российской экспортной нефти. Наконец, пошли западные инвестиции. Лондонский «Джейнс форин рипорт» в марте 2002 г. пришел к выводу, что «каспийские резервы могут оказаться критически важными для глобального снабжения энергоресурсами».

Два фактора придают особенный вес этому обстоятельству. Во-первых,

нефтяные богатства Прикаспия оказались фантастическими. В Казахстане месторождение Кашаган оценивается в 50 млрд баррелей. В российской части каспийского шельфа новое месторождение оценено в 5 млрд баррелей. Во-вторых, нефтедобыча Персидского залива вступила в период стагнации. Весь каспийский шельф реально обещает дать 75 млрд баррелей нефти — много больше прежних скептических оценок. Страны СНГ реально могут между 2002—2006 годами увеличить свой экспортный поток, как минимум, на 2 млн баррелей в день.

Мы видим расходящиеся интересы: если США при помощи угрозы отчуждения Ближневосточного региона стремятся завладеть ключами от европейского будущего, то Россия, предоставляя энергетическую альтернативу, развязывает ЕС руки.

Напомним при этом, что основной прирост добычи нефти в период до 2020 года падает на Восточную Сибирь — месторождения Красноярского края, Иркутской области и Республики Саха. Суммарный прирост добычи нефти в России к 2020 году составит примерно 105 млн тонн и падет в основном на вышеуказанные регионы.

Феноменальное природное богатство России всегда останется с ней. Это положение кладезя природных ресурсов смягчит политико-экономическую катастрофу 1990-х годов. Мировая индустрия — и прежде всего индустрия Запада (и США в частности) — сможет найти в российском газово-

нефтяном богатстве своего рода *единственную альтернативу* Персидскому заливу. Это богатство в критической степени важно для мировой экономики. Допуск или недопуск к этим богатствам может стать мощным оружием, равно как и средством раскола враждебных России коалиций.

С трибуны Мирового экономического форума российский премьер М. Касьянов выдвинул идею «стратегической энергетической оси». 70 % российского государственного бюджета обеспечивает импорт нефти и природного газа. Продавая газ и нефть (танкеры из Мурманска идут в Мексиканский залив), Россия может решающим образом ослабить зависимость этого региона от США, владеющих контролем над ближневосточной нефтью[1]. При этом Россия явно отдаляется от ОПЕК. На фоне второй (после 1989—1991 гг.) попытки выйти на союзные с Западом отношения фактор нефти обретает едва ли не решающее значение.

Министр энергетики США Спенсер Абрахам объявил, что Вашингтон финансирует исследование четырех нефтеносных районов в Восточной Сибири с целью определения предположительных запасов нефти и газа[2]. В июле 2002 г. компания «Юкос» отправила первую партию российской нефти в Соединенные Штаты; груз прибыл на терминалы в Техас. Американцы приветствовали эти поставки как способ избавиться от сверхзависимости от нефти Персидского залива[3]. А в октябре 2002 г. около ста представителей нефтяной промышленности двух стран встретились в Хьюстоне (Техас) для обсуждения возможностей двустороннего взаимодействия. В результате Экспортно-Импортный банк Соединенных Штатов выделил 100 млн долл. для закупки оборудования и услуг такими российскими компаниями, как «Лукойл», «Юкос» и «Сибнефть». Было условлено, что государственная российская компания «Роснефть» получит со-

[1] *Haslam J.* Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? («International Affairs», N 1, 1998, p. 129.

[2] *Raff A.* U.S. Will Fund Oil Study in Siberia («Moscow Times», August 2, 2002).

[3] «Oil and Gas Journal», August 5, 2002, p. 23—25.

действие американской «Марафон Ойл корпорейшн» в деле транспортировки

российской нефти в Северную Америку. Впервые в истории американский стратегический запас примет российскую нефть[1].

ЧЕГО ЖЕЛАЕТ РОССИЯ

Россия желает своего рода воссоединения с Западом после обрыва тех связей, которые так много обещали Киевской Руси и которые прервала монгольская конница в XIII в. Романовский период сближения был прерван злосчастной Первой мировой войной, а затем семидесятилетним идейным противостоянием. Опыт Горбачева — Ельцина разочаровал, но осталась жива надежда. Не забудем отметить, что окончание Россией «холодной войны» сберегло Соединенным Штатам, по западным оценкам, 1,3 трлн долл.[2]. Теперь вместо того, чтобы сражаться посредством союзников друг против друга во Вьетнаме и Анголе, американские и российские вооруженные силы сотрудничают друг с другом в Боснии и Косове. В прошедшее десятилетие американская помощь России концентрировалась в области ядерного разоружения, экономических реформ и гуманитарных проектов. Россия получила за последнее десятилетие XX в. 5,45 млрд долл. в виде помощи. Основная ее доля — сокращение бывшего ядерного потенциала СССР. (И почти ничего не сделано в сфере сближения двух народов. В Америке учатся лишь 5,3 тысячи российских студентов — сравните со 100 тысячами китайцев, — и лишь небольшая доля этих студентов поддерживается американским правительством. Международные обмены между двумя странами увяли.) Все дело сводится к уменьшению российского стратегического потенциала, уменьшению его примерно на пять тысяч единиц.

Переход России в разряд «отвергнутых» усиливает значимость потенциальных опасностей, способных возникнуть перед Вашингтоном в глобальном раскладе сил. Не следует

[1] «Oil and Gas Journal», October 7, 2002, p. 27-29.

[2] *Cohort T. and McFaul M.* Op. cit., p. 48.

исключать неожиданно быстрого восстановления сил России. После фактического поражения в Первой мировой войне и после страшных опустошений Второй мировой войны Россия восстала подлинно как птица феникс. При определенном идейном повороте и трансформации правящих сил жертвенная черта национального характера может проявить себя с удивительной силой. Слабость может уступить место решимости, а что касается мобилизационного развития, то исторически в нем равных России нет.

По словам главы Библиотеки конгресса Дж. Биллингтона: «Если Россия обратится к скрытно-фашистскому авторитарному национализму, угрожающему ее хрупкой правящей коалиции, в то время как радикальные мусульманские государства и ленинистский колосс — Китай начинают экспансию своей мощи, то тогда двумя вероятными итогами, угрожающими демократическим государствам, будут распространение этнического и религиозного насилия югославского образца либо формирование альянса авторитарных стран против малочисленного демократического мира»[1].

Россия граничит с регионами, представляющими первостепенную стратегическую значимость для США: Западная Европа, Персидский залив, Восточная Азия, Южная Азия. Стратегическая направленность указанных регионов, равно как и внутренний региональный баланс в них, зависит от процессов, происходящих в России. Резкое усиление или ослабление Москвы способно разбалансировать всю прежнюю, достаточно хрупкую систему внутренней стабильности в этих регионах. Маргинализация огромной России способна подвигнуть кремлевских руководителей на сознательные дестабилизирующие меры.

Все вышесказанное так или иначе обязывает Вашингтон не упиваться своей победой в «холодной войне» и соответствующим поражением ее прежнего евразийского противника, а следовать более умудренным и осторожным курсом.

[1] *Billington J.* The West's Stake in Russia's Future («Orbis», Fall 1997, p. 546).

Глава 16
БОГАТСТВО ПРОТИВ НИЩЕТЫ

Неравенство между богатыми и бедными на нашей планете росло относительно медленно в первые две трети XX века. Но примерно в 1960 г. произошел своего рода взрыв. За временной промежуток между 1960 и 1989 гг. разрыв в доходах между богатыми и бедными *удвоился.* Ситуация достигла критической фазы, а возможности «выправить» положение стали едва ли не эфемерными.

Если основываться на «спокойных» обзорах Агентства развития Организации Объединенных Наций, то богатые 20 % мирового населения контролируют 87 % мирового богатства, в то время как беднейшие 20 % мирового населения планеты владеют только 1,4 % мировых богатств[1]. Соотношение 60:1. Подобным (40:1) было соотношение перед Великим кризисом 1929 г. Еще ни одно общество в мировой истории *не выживало* при такой степени неравенства, если это общество хотя бы в минимальной степени претендовало на то, чтобы считаться «демократическим» обществом. Именно таким было соотношение общественного богатства перед Великой французской революцией.

Цифры много красноречивее слов. Содержащие всего лишь 25 % мирового населения страны Северного полушария (Северная Америка, Западная Европа, Северная Азия) потребляют 70 % всех запасов мировой энергии и более 60 % всей пищи на Земле, используя при этом 85 % всех мировых лесов. В то время, когда тысячи землян умирают от голода.

ОТКАЗ В ПОМОЩИ ВО ИМЯ МОРАЛЬНОСТИ

По отношению к бедным странам политика республиканской администрации США начиная с 2001 г. отличалась исключительно идеологической мотивированностью и по-

[1] *Hartmann Th.* The Last Hours of Ancient Sunlight. The Fate of the World and What We Can Do Before It's Too Late. New York: Three Rivers Press, 2004, p. 55.

терей благорасположенности со стороны бедных стран. Примечательна борьба с распространением контрацептивов, ультрарелигиозный подход к проблеме сокращения рождаемости. Над Вашингтоном как бы снова встала тень сенатора Маккарти. И это в то время, когда примерно миллиард жителей земли (в основном Юга) вошел в годы ускоренного воспроизводства потомства.

До сентября 2001 г. подлинная пропасть в уровне жизни тридцати стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — «золотого миллиарда» — и пяти остальных миллиардов мирового населения являлась преимущественно предметом статистики, делом справочников, обстоятельством страноведения. Удовлетворенный Запад мог это важнейшее обстоятельство практически игнорировать. Теперь ясно, до какой даты. После 11 сентября колоссальное различие в жизненном уровне стало *главным фактором мировой политики.* Отныне (если борьба с терроризмом рассчитана на годы и десятилетия) факт материального неравенства богатого Севера и бедного Юга *игнорировать невозможно.*

а) Мировая экономика концентрируется всего лишь в нескольких ключевых странах, но распределение созданных богатств оказалось чрезвычайно

неравномерным[1]. Согласно данным ООН, всемирный валовой продукт вырос за последние полстолетия с 3 триллионов долларов до 30 триллионов. В 1990-х гг. доля развивающихся стран в мировом ВНП составила 15,8 %[2]. За последние пятнадцать лет доход на душу населения понизился более чем в 100 странах. Потребление на душу населения сократилось более чем в 60 странах. Население большинства стран Африки, Южной Азии и Латинской Америки испытало за последние тридцать лет *понижение* жизненного уровня. Кризисы, подоб-

[1]См.: *Hirst P.* The Global Economy — Myths and Realities («International Affairs», 1997, № 73, p. 425).

[2]*Hoogvelt A.* Globalization and the Postcolonial World (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 355-356).

ные разразившемуся в 1997—1998 гг., унесли с собой средний класс в Южной Корее, Таиланде и Индонезии. Неравенство в уровне доходов увеличилось особенно заметно в Латинской Америке, в государствах бывшего Варшавского Договора. «Трудный переход от системы центрального планирования к рыночной экономике в Российской Федерации и других восточноевропейских государствах создал самый быстрорастущий раскол и неравенство, когда-либо имевшие место здесь... Нищета порождает насилие»[1].

В начале XXI столетий пятая (богатая) часть населения планеты (Запад) имела:

— 86 % мирового внутреннего продукта — на бедные 20 % приходился 1 %;

— 82 % мирового экспортного рынка — бедные 20 % владели 1 %. 68 % иностранных прямых инвестиций — на бедные 20 % приходится 1 %. 74 % мировых телефонных линий, главного средства современных коммуникаций, — а на бедные 20 % приходится 1,5%.

Эта пропасть не уменьшается, а увеличивается. За последние десять лет доля 10 % наиболее процветающего населения планеты увеличилась в мировом продукте с 50,6 % до 59,6 %[2] и, соответственно, уменьшилась доля 90 % мирового населения. Представляющие развитый Север страны—члены ОЭСР (менее десятой части населения Земли) ориентируются на доход в 30 тыс. долл. на душу населения в год, в то время как жизненный уровень 85 % населения земли не достигает 3 тыс. долл. в год. Особенно настораживает динамика. Специализированные агентства ООН рассчитали, что богатство 20 % наиболее богатой части мирового населения в 30 раз превосходило имущество 20 % наиболее бедных землян в 1960 г. К концу же XX в. это соотношение дошло до критического — 78:1[3]. Состояние 475 миллиарде-

[1]*Buvinic M. and Morrison A.* Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 63—65).

[2] «Foreign policy», September/October 2000, p. 58.

[3] *Scholte J.* Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 22).

ров превосходило доход половины мирового населения . Совокупное богатство 225 богатейших людей превышает 1000 млрд долл., что равняется ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих 47 % человечества. Общее состояние трех богатейших людей планеты превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 наименее развитых стран[2].

И богатый мир не останавливаясь идет вперед. 97 % всех изобретений приходится на развитые индустриальные страны. На первые 10 компаний (все западные) приходится 84 % мировых исследований и разработок. Цифровая технология прочно закрепила два пояса технологического развития. 91 % пользователей Интернета живет в «золотом миллиарде». Те, у кого высокий доход, образование, — получают свободный и молниеносный доступ к информации. Доступ

остальных — труден, медлен, дорогостоящ. «Когда люди из этих двух миров живут и конкурируют рядом, доступ к информации лишает бедных всякого шанса»[3]. Десять западных телекоммуникационных компаний владеют 86 % всего рынка телекоммуникаций. Чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен суммировать свою зарплату более чем за восемь лет, жителю развитого пояса достаточно одной месячной зарплаты. Что еще хуже: более 80 % патентов, выданных в развивающихся странах, принадлежат резидентам индустриальных стран[4].

б) Фантомом оказались надежды на рост частных инвестиций. На рубеже века финансовый поток из богатых стран в бедные *сократился* на 80 млрд долларов. При этом нужно иметь в виду, что 95 % частных инвестиций идет в узкий ряд стран — в 30 государств. Фактом является, что технологический обмен, культурное сотрудничество и военная

[1] »Forbes», July 5, 1999. [2] *Kiljunen K.* Global Governance. Helsinki, 1999, p. 14.

[3] Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y., 1999, p. 5-6.

[4] Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y., 1999, p. 4.

взаимопомощь осуществляются преимущественно внутри довольно узкой сферы Северной Атлантики и Восточной Азии — более 90 % прямых иностранных инвестиций не покидает круг развитых стран.

Складывается парадоксальная ситуация: в колониальный период — до 1960 г. — страны «третьего мира» получали половину прямых иностранных инвестиций. Эта доля упала до одной трети к 1966 г. и до одной четверти к 1974 г. В 1990 г. она составила лишь 16,9 %. Если исключить облагодетельствованные восемь приморских провинций — из двадцати девяти — и Пекин Китая, то картина инвестирования в развивающиеся страны будет выглядеть совсем печальной. В это же время 28% развитых стран Земли получили 91% прямых иностранных инвестиций.

В банках «третьего мира» лежит лишь примерно 11 % всемирного банковского капитала (512 млрд долл.). Между тем за одно лишь десятилетие 1975—1985 гг. инвесторы из развивающихся стран поместили в банки развитых государств не менее 200 млрд долл. В 1990-е годы к этим инвесторам присоединились богатые люди из России и соседних стран. Поток выплат развивающихся стран по процентам прежних долгов втрое превышает поток экономической помощи из развитых стран в развивающиеся. Ассоциация 900 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) признала экстренную необходимость «продемонстрировать то, что новый глобальный капитализм может функционировать в интересах большинства, а не только в интересах менеджеров компаний и инвесторов»[1].

в) Доля развивающихся стран в мировой торговле составляла в 1962 г. 24,1 % против 63,6 % в индустриальных странах. В 1990 г. соотношение было 20,0 % против 71,9 %. На страны ОЭСР (19 % мирового населения) приходится ныне, в начале XXI века, 71 % мировой торговли.

Но речь, собственно, уже идет не о процветании, а о вы-

[1] *Scholte J.* Can Globality Bring a Good Society? (Jn: *Aulakh P. and Schechter M.* (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 23).

живании большинства мирового населения. Как подчеркивает один из руководителей американской программы помощи Л. Гаррисон, «лишения и отчаяние доминируют в национальной жизни развивающихся стран после десятилетия, прошедшего со времени идеологического триумфа капитализма над социализмом»[1]. Может ли мир надеяться на *эволюционное* развитие, если, скажем, в Сомали более полумиллиона человек в 2001 году из-за засухи умирают от голода? Если в Центральной Америке не менее полутора миллионов человек

сейчас находятся на грани выживания в условиях хронической бедности, отягощенной ураганами и землетрясением? Полмиллиона умирают сегодня в Зимбабве после катастрофических ливней.

Более половины земного населения — более 3 млрд людей страдают от недоедания. Анализ, осуществленный экспертами ООН, показал, что 1,2 млрд человек страдают тем или иным видом болезни от недоедания — они просто голодают, а *втрое* большее число недоедает. В Индии от голода страдает 53 % населения, в Бангладеш — 56 %, в Эфиопии — 48 %[2]. Средний индус сегодня потребляет пищи в 5 раз меньше уровня жителя Северной Америки и Западной Европы. Средний африканец получает меньше калорий, чем сорок лет назад. В пяти африканских странах — Кении, Малави, Сьерра-Леоне, Замбии и Зимбабве хронически голодают 40 % населения. Пять миллионов детей умирают ежегодно от недоедания, а многие миллионы не способны учиться и овладевать профессиями, ощущая постоянный голод. Среди 4,4 млрд человек, живущих в развивающихся странах, три пятых живут в условиях не соответствующих минимальным санитарным требованиям: одна треть лишена нормальной питьевой воды, одна четверть не имеет адекватных жилищных условий, одна пятая недоедает. Почти одна треть жителей беднейших стран не доживает до 40 лет.

[1] *Harrison L.* Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p. 55).

[2] *Gardner C, Halweil B.* Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, № 150, W., March 2000, p. 11.

8 миллионов человек умирают ежегодно от загрязненности воды и атмосферы. Более 150 млн человек никогда не посещали школу. Проведенное Международным институтом питания исследование показывает, что абсолютная численность и доля голодных в крупных урбанистических конгло-мерациях постоянно растет[1]. Примерно 150 миллионов человек — население, равное совокупному населению Франции, Британии, Нидерландов и Скандинавских стран, — опустилось в нищету с распадом Советского Союза[2]. («Некогда индустриальная страна Россия обратилась к бартеру»[3].) Доклад ООН «О развитии» отмечает, что «присоединение к мировому рынку таких стран, как Мадагаскар, Нигер, Российская Федерация, Таджикистан, Венесуэла, не дало им экономического выигрыша. Эти страны укрепили свою мировую маргинальность»[4].

Более 1,3 млрд человек живут менее чем на 1 доллар в день. За последние годы их численность, согласно данным Мирового банка, увеличилась на 200 миллионов[5]. В большинстве стран Латинской Америки «потерянное» десятилетие 1980-х годов сменилось стагнацией 1990-х годов и аргентинским крахом 2002 г. В большинстве стран Африки долги, болезни и вражда встали на пути экономического и социального развития. 55 — преимущественно южнее Сахары, в Восточной Европе и в Содружестве Независимых Государств — демонстрируют падение доходов на душу населения.

Может ли смягчить противостояние помощь Запада? «План Маршалла», «Союз ради прогресса» и прочие широкомасштабные программы помощи ушли в прошлое, оставляя обделенное большинство мира наедине со своими практиче-

[1] *Haddad L., Ruel M., Garrett J.* Are Urban Poverty and Undernutrition Growing? Discussion Paper, № 63, Washington, IFPRI, April 1999.

[2] *Speth J.G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13—14).

[3] «Foreign Affairs», Jan./Feb. 2000, p. 83.

[4] UNDP Report 1999, N. Y., 1999, p. 3.

[5] «Foreign Affairs», Jan./Feb. 2000, p. 83.

ски неразрешимыми социально-экономическими проблемами. Пик помощи

Запада бедным странам был достигнут в 1991 г. — 70 млрд долл. Эта цифра стала впоследствии уменьшаться. Помощь Севера Югу составляет в начале тысячелетия 0,25 % северного ВНП — что на 50 % меньше рекордного уровня 1991 г. Уровень предоставляемой помощи по странам является таковым: Франция — 0,48 % ВНП, Германия — 0,33 %, Япония - 0,20 %, Британия — 0,27 %, США — 0,12—0,08 % от ВНП[1]. (При этом американское правительство *успокоило* своих налогоплательщиков: 80% от всех сумм помощи фактически расходуется на нужды американских корпораций и американских консультантов[2].)

На США приходится 17 % помощи индустриального Севера страдающему Югу. Даже официальные представители Комитета по помощи Организации по безопасности и сотрудничеству (ОЭСР) упрекнули США в «неадекватности» помощи развивающимся странам. Международная помощь сельскому хозяйству в голодающих странах уменьшилась за последние годы на 50 %, а общая помощь наиболее богатых стран бедным опустилась до невиданно низкого уровня в 0,22 % от их коллективного валового продукта. (Эта доля становится все ниже и все более удаляется от цели, поставленной Организацией Объединенных Наций, — 0,7 % от ВНП[3].) Факт сегодняшнего дня — нежелание делиться. «Призывы к богатым странам увеличить пожертвования на помощь международному сотрудничеству, — указывает американец С. Швенингер, — в течение многих лет не находили отклика, за исключением наиболее интернационально мыслящих стран среднего размера, таких, как Скандинавские страны, — но даже они сокращают объем своей помощи»[4].

[1] Development Assistance Committee, OECD, 1999.

[2] *Kapstein E.* Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 39).

[3] *Gardner G, Halweil B.* Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, № 150, W., March 2000, p. 49.

[4] *Schweninger S.* American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 69).

Главным условием выхода из состояния безнадежной отсталости является увеличение потребления энергии. В настоящее время в Европе потребляют энергии вдвое больше, чем в развивающихся странах, а в США и Канаде — в шесть раз больше'. Чтобы поддержать мировое потребление на уровне *одной трети* американского (на душу населения), мир должен к 2050 г. утроить производство энергии. Здесь ключевой элемент — нефть. В 1995 г. мировой спрос на нефть составлял 68 миллионов баррелей, из которых на развитые страны приходилось 58 %, на развивающиеся — 31 %, а на страны с переходной экономикой —11%. К 2010 г. потребность в нефти увеличится до 91 миллиона баррелей, из которых развитые страны претендуют минимум на 49 %, развивающиеся страны — на 41 %, а страны с переходной экономикой — на 10 %[2]. Такие растущие страны, как Китай, и в ближайшие десятилетия будут извлекать основную массу необходимой энергии из нефти (после 1995 г. и Индия и Китай превзошли возможности использования собственных нефтяных месторождений и все более обращаются к Персидскому заливу).

Можно ли представить себе, что развитые индустриальные страны откажутся от своей доли в пользу бедных государств (даже учитывая то обстоятельство, что в развитых странах все более значимое место занимает атомная энергия —79 % во Франции, 60 % — в Бельгии, 39 % — в Швейцарии, 37 % — в Испании, 34 % — в Японии, 21 % — в Британии, 20 % — в США)? Едва ли. В условиях истощения природных ресурсов развитые страны постараются овладеть контролем над стратегически важным сырьем. Но откуда может прийти энергия к беднейшим двум миллиардам мирового населения, которые сегодня *абсолютно* не пользуются электричеством? Результатом такого неравенства, полагает И.

Воллерстайн, может быть глобальный экономический коллапс[3].

[1] BP Statistical Review of World Energy, 1995, p. 36.

[2] World Economic and Social Survey 1995. W., 1995, p. 168.

[3] *Wallerstein I.* Peace, Stability, and Legitimacy, 1990—2025/2050. — In: Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. Oslo, 1996.

Это неизбежно еще более обострит противоречия богатых и бедных. В том, что бедный мир смирится с заведомым неравенством, существуют большие сомнения у самого Запада. Распространение оружия массового уничтожения делает ситуацию взрывоопасной. К месту отметить, что у стран Юга в 1998 г. появилось ядерное оружие и число ядерных держав среди мировых стран-бедняков, которым почти нечего терять, может увеличиться. Особенно острый период, по ряду прогнозов, начнется после 2015—2020 гг.

Итак, проблема Север — Юг обозначилась страшной новой гранью. Д. Уорнер пишет в «Интернэшнл геральд трибюн»: «Рост неравенства в распределении богатств и отсутствие доступа к принятию политических решений ведут в конечном счете к агрессии, насилию и терроризму. Чем выше уровень фрустрации, тем выше уровень насилия. Чем выше уровень репрессий, тем выше уровень реакции на них»[1].

Взаимное ожесточение происходит в условиях фактической прозрачности развитого мира, обеспеченной благодаря современной технологии. Между 1980 и 2000 годами число телевизионных приемников на тысячу человек населения удвоилось — со 121 до 235. «Огромные возможности средств массовой информации сделали неравенство в доходах и в уровне жизни *видимым,* увеличилось число людей и стран, *знающих* о контрасте в благосостоянии»[2]. Молодое население все более отстающего в уровне развития и благосостояния Юга теряет иллюзии относительно занятия достойного места в мире. Ценность жизни в бедном мусульманском мире ничтожна, а ярость получивших образование детей этого голодного мира беспредельна. Именно эта ярость питает Исламскую армию Алжира, Революционные вооруженные силы Колумбии, Аль-Гамая аль-Ислами в Египте, Исламскую армию Адена в Йемене. Потерявшие надежду на привлекательное будущее, молодые и энергичные горожане Каира, Джакарты и Мехико-Сити, которым

[1] «International Herald Tribune», September 21, 2001.

[2] *Buvinic M. and Morrison A.* Living in a More Violent World («Foreign policy», Spring 2000, p. 65).

нечего терять, и являются потенциальными рекрутами мирового терроризма.

Мир в начале XXI века значительно беднее и несправедливее, чем, скажем, полстолетия назад[1]. Все это создает «два параллельных мира. Перспектива на ближайшие 30—50 лет не позволяет надеяться на приближение уровня бедных стран к уровню богатых[2]. Богатые страны консолидируются — «богатые индустриальные страны сближаются друг с другом, а менее развитые страны обнаруживают, что разрыв между ними и богатыми странами увеличивается»[3]. Противостояние богатых и бедных стран, возможно, превысит по интенсивности противостояние времен деколонизации. Нищета порождает насилие.

«Мы должны посмотреть на мир глазами наших противников. Готовность террористов умереть за свое дело малопонятна, если мы не вспомним тот факт, что продолжительность жизни в их странах чрезвычайно невелика. Существует огромное различие между богатством нашего населения и бедностью других стран»[4]. Заведующий программой помощи ООН развивающимся странам Дж. Спет предупреждает: «Риск подрыва огромным глобальным андерклассом мировой стабильности очень реален»[5]. События в таких странах, как Сомали, Руанда, Босния, Сьерра-Леоне, показали, что спонтанная реакция, реакция *ad hoc,*

отнюдь не предотвращает гуманитарную катастрофу. Ожесточение обиженных уже ощутимо. Не только китайцы и мусульмане, но и *индусы* пишут о возможности «новой экономической «холодной войны» между индустриальным Севером, руководимым

[1] The National Interest», Summer 2000, p. 57.

[2] *Speth J.G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreigh Affairs», May/June 1999, p. 122).

[3] *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 5.

[4] *Singer M.* The Challenge to Science: How to Mobilize American Ingenuity (In: *Talbott S. and Chanda N.* (eds). The Age of Terror. Oxford: The Perseus Press, 2001, p. 217).

[5] *Speth J. G.* The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 13).

США, и развивающимися странами Юга» . Речь идет о явлении, превосходящем по своим масштабам даже прежнюю глобальную «холодную войну». «Одним из вероятных сценариев, — пишет С. Кауфман из Совета национальной безопасности США, — может быть инициируемая экономическим неравенством Севера и Юга война с массовыми потерями»[2].

ПОМОЩЬ

В 2002 г. общий поток помощи из развитых стран в развивающиеся составлял 58 млрд долл. Богатые страны предоставляли бедным гранты, займы, продовольственную помощь, техническое содействие для больших и малых проектов. Максимальное число новых проектов приходится на Индию (1339) и Китай (1328). Правительственная помощь Соединенных Штатов составила в 2002 г. 13,3 млрд долл. — 13 центов на каждого гражданина США. Частная помощь американских граждан бедным странам составила в этом году еще 5,7 млрд долл. (шесть центов на гражданина США).

В этом списке стран, оказывающих помощь беднякам в нашем мире, Соединенные Штаты находились на 20-м месте. На первом месте стояла Швеция, за ней Дания, Норвегия, Нидерланды. Так, Нидерланды расходуют 201 млн долл. на 83 проекта; Норвегия — 164 млн на 157 проектов в бедных странах; Дания — 134 млн на 33 проекта; Япония — 116 млн долл. на 22 проекта; Англия — 94 млн долл. на 33 проекта, Германия — 75 млн долл. на 104 проекта, США — 94 млн долл. на 50 проектов.

Более внушительными видятся потоки помощи, которые рабочие-мигранты посылают своим родственникам. Так, латиноамериканские страны и страны Карибского бассейна получали от своих посланцев в США 32 млрд долл. — в шесть раз больше, чем сумма внешней помощи в эти стра-

[1] *Gurmeet Kanval.* The New World Order: An Appraisal-1. («Strategic Analysis», June 1999, p. 352).

[2] *Kaufman S.* Approaches to Global Politics in the Twenty-first Century. A Review Essay// International Studies Review, p. 201.

ны. На денежные переводы приходится 32 % ВНП Никарагуа, 25 % ВНП Гаити. Но все это далеко не так просто — ведь из бедных стран в развитые переезжают наиболее квалифицированные рабочие и специалисты. Этот «брэйнд-рэйн» обходится слаборазвитым странам в чудовищные суммы. Чего стоит один лишь исход медицинских работников из Ганы и Южной Африки, который буквально обрушил социальную структуру этих стран. Целью мигрантов в середине текущего десятилетия становится прежде всего Канада, оттеснившая Швейцарию и Новую Зеландию. Мигранты в Швейцарию обычно проводят там относительно небольшое время, в то время как в Австралию, Канаду, США мигранты приезжают надолго.

Особое место занимает в процессе помощи сельское хозяйство. В

развивающихся странах оно занимает от 17 до 35 % валового национального продукта, в то время как в индустриально развитых странах на сельское хозяйство приходится всего 3 % ВНП. Защищая свое сельское хозяйство, развитые страны закрывают его высокими таможенными пошлинами. Так, на импорт из Бангладеш (преимущественно текстиль) США накладывают 331 млн долл. пошлин — примерно столько же, сколько на Францию (330 млн долл.), хотя импорт из Франции примерно в 12 раз превышает бангладешский.

Западные *инвестиции* с легкостью могут препятствовать развитию и порождать коррупцию и насилие, но могут быть и сугубо позитивным фактором модернизации — так это имеет место в Китае, Индии, Мексике, куда иностранные инвесторы принесли не только денежные вклады, но также технические знания и управленческий опыт.

Глава 17
ГЕГЕМОНИЯ ИЛИ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ?

Новая силовая ситуация

Главная проблема Америки по мере прохождения XXI в. — проблема распространения средств массового поражения. Будущее американской безопасности зависит от

действий, предпринимаемых сегодня по предотвращению распространения завтра ядерного и биологического оружия. Усилия по достижению успеха в данном случае зависят от степени договоренности, согласия и слаженности действий основных независимых военных и индустриальных действующих лиц на мировой арене. «Достижение действенного сотрудничества (в данной сфере) является главной задачей в обеспечении американской национальной безопасности»[1].

Ближайшие союзники США (даже Британия) склонны выступить против расширения географии конфликта. «Ясно, что курс, предполагающий наказание вплоть до свержения правительств в Ираке, Сирии и Иране ради искоренения международного терроризма, — пишет американский историк П. Шредер, — является курсом, который не поддержат даже ближайшие американские союзники и который способен взорвать антитеррористическую коалицию»[2]. Известный обозреватель У. Пфафф указывает, что «благодаря позиции администрации Буша, неконтролируемый палестино-израильский конфликт наносит колоссальный ущерб позициям США на Ближнем Востоке и во всем мире»[3].

Скажется несоответствие военной системы Запада и бросаемых ему вызовов. Противник будет ждать западный ответ не в тех военных условиях, к которым новых проконсулов готовят ныне в Вест-Пойнте и Аннаполисе. Их ожидает голодная молодежь городов «третьего мира», чрезвычайно возросшая воинственность ислама и индуизма. «В результате, — пишет Р. Каплан, — поднимется новый класс воинов, более жестоких, чем когда бы то ни было, — и лучше, чем прежде, вооруженных. Этот феномен охватит армии убийственных тинэйджеров в Западной Африке; российскую и албанскую мафии; латиноамериканских наркоторговцев; самоубийц с Западного берега Иордана; соратников бен Ладена, сообщающихся между собой по элек-

[1] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», November—December 2001, p. 45).

[2] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 28).

[3] «International Herald Tribune», April 8, 2002.

тронной почте. Это жертвы неравенства и глобализации. Ведь глобализация представляет собой социал-дарвинизм. Она означает экономическое выживание сильнейшего —-тех групп и индивидуумов, которые проявили себя

дисциплинированными, динамичными и изобретательными в своем стремлении к выживанию. Культуры, которые не смогут конкурировать с технологией, произведут несчетное число воинов. Их уже можно увидеть в исламских школах пакистанских трущоб. Здешние дети не имеют моральной или патриотической идентичности, за исключением той, что им дали религиозные наставники. Век химического и биологического оружия превосходно устраивает религиозное мученичество. А будущее обещает развитие и распространение компактных примитивных ядерных устройств, химического и биологического оружия»[1].

Как полагают сами американские специалисты, наиболее вероятной угрозой являются действия террористической группы, доставляющей ядерное или биологическое оружие на грузовике, торговом корабле, самолете или лодке, — атака, похожая на опыт 1993—2001 гг. Противостоящая сила — многонациональная организация, имеющая свою базу и сочувствующие правительства. Против такого рода деятельности США фактически безоружны. «В реальной атаке мы должны ожидать использование агрессором обмана, ловушек, порчи работы радаров, осуществляемое при помощи радиоактивных средств ослепление радарных систем, попытки пробиться через национальную противоракетную систему. Вашингтон не знает, какие еще контрмеры могут быть предприняты против американских систем»[2]. Наиболее эффективным способом противодействия было бы тщательное разведывательное слежение, но пока этого в американской практике не видно. В течение ближайших нескольких лет в США, видимо, будут созданы ракетные сис-

[1] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 38—39).

[2] *Perry W.* Preparing for the Next Attack («Foreign Affairs», November—December 2001, p. 36).

темы обороны театра военных действий, одно из средств защиты. По расчетам бюджетной службы конгресса США, средних размеров такая система обойдется в 50 млрд долл. плюс 10 млрд долл. на сенсорные устройства в космосе. Полный спектр слежения в глобальном масштабе потребует создания дополнительных наземных станций на территории России или в Средней Азии[1].

Важнейшей стратегической задачей Соединенных Штатов становится создание подлинно эффективного режима нераспространения ядерного оружия. Это возможно только в случае активного и доверительного взаимодействия с Россией и Китаем. «Ради вовлечения в процесс Москвы и Пекина Вашингтон должен быть готов к компромиссам по другим вопросам»[2]. Пока этого не наблюдается. Напротив, стремление США создать НПРО реально ведет Китай к расширению своих стратегических военных программ, что не укрепляет, а ослабляет американскую безопасность.

И трезвомыслящие американцы уже сейчас отказываются верить в войну без потерь, в пули, которые обезоруживают, но не убивают. «Реализм требует признать, что война без потерь — это миф. Лесные плотные заросли встанут щитом перед электронным прослушиванием и лазером, а в тесно населенных городах боевые действия без гражданских потерь невозможны. Компьютерные сенсоры насытятся необрабатываемыми данными. В свое время количественные измерения и теория игр завели Америку Макнамары во Вьетнам»[3]. Волны, демобилизующие толпу, вызывая в ней рвотный инстинкт, могут лишь еще более мобилизовать массы противника. И они обратятся к оружию и приемам бедных — захват заложников, помещение своих складов и военных объектов под школами и больницами.

Главная опасность для Америки лежит в ее импульсивном стремлении использовать свою мощь для того, чтобы «стереть зло, несмотря на последствия; Дж. Кеннан назы-

[1] Ibid, p. 40.
[2] Ibid, p. 43.
[3] «National Interest», Winter 2001/02, p. 43.
503
вал это «слепым эгоизмом обиженной демократии» . Америка просто обязана помнить о римском правиле *respice finem* — никогда не забывай о цели того, что ты делаешь. Или слова Черчилля о фанатике, который, несмотря на то что потерял свою цель в тумане, удваивает свои усилия. Латентный вариант подобного поведения зреет повсюду на Западе, как и предупреждения: «В XXI веке, как и в XIX, мы будем первыми начинать боевые действия — в виде операций специальных сил либо создавая компьютерные вирусы против командных центров противника, — и мы будем морально оправдывать все это. Моральный базис американской внешней политики будет определяться настроением нации и ее лидеров, а не некими абсолютами международного права»[2]. В теории мир определяют международные законы и право; в реальности взаимоотношения между государствами все больше придерживаются лишь кодекса дуэли.

Примером того, как легко может Америка стать врагом самой себе, является то, что администрация президента Дж. Буша-младшего *только* 7 апреля 2002 г. изменила свою тактику и вместо постоянно провозглашаемого как первоочередная цель нападения на Ирак наконец-то решила принять участие в урегулировании палестино-израильского конфликта — едва ли не в последний момент избежав двух главных опасностей: объединения против нее всего исламского мира и решительного отчуждения в этом вопросе Западной Европы, катастрофические последствия чего она ощутила бы практически немедленно.

Возможно, наилучшим курсом для Америки было бы «объявить о победе в ближайший подходящий момент и отправиться домой, а не укреплять свою доминирующую роль в каждом следующем регионе». Но общественное мнение, «сконцентрированное на жалости к самому себе по поводу потерь, экзальтации по поводу собственных достоинств, за-

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 36).
[2] *Kaplan R.* The World of Achilles. Ancient Soldiers, Modern Warners («National Interest», Winter 2001/02, p. 45).
504
давит голоса оппозиции наступательной тактике» . Политики, помимо прочего, нуждаются в триумфах. И американские войска будут стоять в турбулентных регионах, «вмешиваясь в политические процессы этих регионов, оказывая давление на местные правительства — и так до бесконечности»[2]. А местное население будет симпатизировать террористам, все более проникаясь ненавистью к западным ценностям. «Они видят в Америке главную деморализующую силу» и будут презирать сотрудничающие с американцами правительства. «Атака становится главной формой терроризма потому, что у этих людей нет более эффективного средства ответа»[3].

В докладе специалистов ООН по разоружению и по правам человека (апрель 2002 г.) указывается, что «отказ Соединенных Штатов от подписания и пренебрежительное отношение к целому ряду международных договоров, от соглашений о запрете на ядерные испытания, о нераспространении оружия массового поражения и о запрете на инженерные мины до соглашения по проблемам изменения климата на планете и по правам женщин и детей, подрывает усилия многих государств по укреплению главенствующей роли международного права»[4].

Не поняты многие уроки. США полны решимости строить космический щит в то время, когда их ожидает абсолютно иная угроза. Более приземленная, менее изощренная, но жертвенная и страшная в силу уязвимости современной

технической (телекоммуникации, потоки органических энергоносителей, линии электропередачи и пр.) современной цивилизации Запада. И угроза распространения оружия массового поражения никак не решена. Такое оружие в руках столь решительных людей может быстро перевернуть весь ход мировой истории. Между тем, «в арабском мире в особенности, население растет во взрыв-

[1] *Schroeder P.* The Risks of Victory. An Historian's Provocation («National Interest», Winter 2001/02, p. 35).

[2] Ibid, p. 34.

[3] Ibid, p. 33).

[4] «The New York Times», April 4, 2002.

ной проекции, а высокий уровень безработицы не пользуется вниманием неэффективных, коррумпированных и репрессивных режимов... Здесь люди не участвуют в дележе плодов современности, они получают лишь токсины индустриального мира»[1].

У гегемона свои проблемы. Вызовы гегемону могут быть серьезными и не очень, но главенствующей стране приходится отвечать за сложившийся статус-кво. К нему (гегемону) обращаются за помощью и справедливостью все члены его быстро созданной коалиции. За материальной помощью, за военной поддержкой. Это весьма сложная имперская позиция, грозящая потерями, жертвами, «ненужными» усилиями. Первые же ошибки лишают такой подход популярности. Такова судьба сильнейших. И мы ее увидим в ближайшие годы.

СПОСОБНОСТЬ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАТЬ

Оценивая неоконсервативную революцию в США, американский автор Билл Келлер определил ситуацию так: «Америка — это страна фунтов и Фаренгейта, живущая в метрическом мире»[2]. Упорное нежелание сделать шаг навстречу «неамериканским системам» таинственным образом будоражит президента Буша и его окружение. С самого начала своего пребывания в Белом доме Буш-младший настаивал на том, чтобы весь мир измерял все свои ценности в американских дюймах и фунтах. Язык Буша просто исполнен подобными требованиями. Над всем здесь царствует *полное безразличие к интересам и мнениям* друзей, соседей, потенциальных противников. Глядя на политику Буша, поражаешься высокомерию не мощи, а самих принципов, на которых построена данная политика. После 11 сентября Буш красит мир в черное и белое, тогда как весь остальной мир использует серую краску. «Кто не за нас, тот против

[1] *Hoge J. and Rose G.* (eds). How Did This Happen? Terrorism and the New War. New York, 2002, p. 5.

[2] *Keller B.* Does Not Play Well with Others («New York Times», June 22, 2003, p. 9.

нас»; Усама бен Ладен будет пойман «живым или мертвым»; люди либо любят свободу, либо «ненавидят» ее. Президент Буш «смертельно устал» от игры, навязанной ему Саддамом Хусейном.

А «Декларация американской независимости» обещала «должное уважение мнениям человечества».

Одним из основополагающих факторов будущего для Соединенных Штатов был американо-российский договор от мая 2002 г. — Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений. Этот договор не ограничил численность имеющихся ядерных боеголовок. Это был беззубый договор, создававший лишь ненужный шум. Президент России В.В. Путин нашел союзника в лице государственного секретаря Колина Пауэлла в требовании создать письменное соглашение, и они после немалой борьбы добились своего. Но команда Буша была обеспокоена только одним: чтобы это соглашение не воспрепятствовало планам Пентагона. Отсюда жалкость и неконкретность текста.

По этому соглашению *ни одна* ядерная боеголовка не будет уничтожена. Из договора можно выйти после трехмесячного предупреждения. А в конце 2012 г. каждая из сторон будет свободна от обозначенных в соглашении ограничений *полностью.* Соглашение *не* укрепило контроль над атомными зарядами, которые могут быть похищены. (Администрация Буша-младшего «не придала прежнего первостепенного значения программе Нанна — Лугара»[1].)

Администрация Буша-младшего предпочитает действовать односторонне, стремясь на ходу создавать «коалиции желающих», не опираясь на стабильные союзы. Это ставит США противником главного, базового факта международной жизни: Америка, как и остальной мир, *взаимозависима* и будет таковой на протяжении долгого периода времени.

Обречено ли мировое сообщество в грядущие десятилетия на американское лидерство вплоть до гегемонии? Такой обреченности, исторической заданности не существует.

[1] *Newhouse J.* Imperial America. The Bush Assault on the World Order. New York: Alfred A. Knopf, 2003, p. 163.

Контроль США над внешней сферой не абсолютен. И ничто не вечно, любой процесс имеет как начало, так и конец. «В ближайшем будущем — от пяти до десяти лет — американское вмешательство в заграничных делах, — пишет американский исследователь Ф. Закария, — будет происходить благодаря стимулам внешнего мира — вакуум власти, гражданские войны, проявления жестокости, голод; но характер вмешательства будет определяться внутренними обстоятельствами — прежде всего внутренними приоритетами, боязнью крупных потерь и стратегического перенапряжения, гибели американцев. Американцы будут стремиться достичь обе цели, вооружившись риторикой интервенционизма, — делая вид активной задействованности — и в то же время в реальности отстоя от реального участия в том, что касается траты времени, денег и энергии. В результате Вашингтон во все большей степени будет превращаться в пустого по своей сути гегемона»[1].

Даже апологеты возвышения США определяют образовавшийся к третьему тысячелетию мир как испытывающий на себе несравненное американское могущество и в то же время не контролируемый полностью инструментами этого могущества. Реализм требует характеризовать существующий мир как такой, в котором есть *«единственная сверхдержава, но не сформировался однозначно однополюсный мир»* или как *«однополюсный мир без гегемонии».* Тем самым подчеркивается «неабсолютный» характер американского преобладания в мире, где США, являясь единственной сверхдержавой, «периодически проявляют себя как гегемон в двусторонних, региональных и функциональных отношениях, но не могут позволить себе самоутверждение *всегда и везде,* что не позволяет считать Америку в полном смысле *системным гегемоном»*[2].

Когда идеологи, подобные Р. Кагану и У. Кристолу, утверждают, что «мир во всем мире и безопасность Америки

[1] *Zakaria Fareed.* The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998/9, p. 20).

[2] *Wilkinson D.* Unipolarity Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 145).

зависят от американской мощи и воли использовать эту мощь» и говорят о необходимости поддерживать «стратегическое и идеологическое превосходство»[1], они, собственно, говорят о мире, где была жесткая дисциплина, о мире, который более не существует, который ушел невозвратно вместе с Берлинской стеной. «Творцы американской политики уже не смогут создать парадигму, которая была бы поддержана американским обществом. Энергичное

использование мощи зависит от наличия ощущения исполняемой миссии, а ее, увы, нет. Последние рейганисты плетут соломенных чудовищ, пользуются алхимией слов, стараясь возбудить хорду иррациональности в американцах, пытаясь превратить побочные конфликты в центральные, но время Крестовых походов ушло, и нечего призывать туда, где нет цели»[2].

Жизнедеятельность империй различна. Наиболее долгой историей обладает Римская империя — полторы тысячи лет. Вавилонская, Ассирийская, Габсбургская, Российская и Оттоманская империи существовали примерно четыреста лет каждая. Шумерская, Персидская, Монгольская, Французская, Британская и Голландская империи существовали примерно по двести лет. Арабский халифат шел к пику своего могущества примерно сто лет, теряя это могущество еще двести лет. Монгольская империя охватила невероятные просторы на протяжении ста лет, а затем пошла к распаду. Примерно такая же синусоида у китайской династии Минь. Оттоманская империя двести лет шла к своему зениту и оставалась на вершине могущества еще триста лет. Британская и Французская империи быстро распространяли свои владения между 1750 и 1800 годами, достигли пика могущества в 1900 г., но резко ослабли после Первой — и особенно Второй мировой войны.

Начало всех империй характерно решительным руководством, относительно ясными целями, готовностью использовать силу для достижения стратегических целей, корпора-

[1] *Kagan R. and Kristol W.* Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. New York: Encounter books, 2000.

[2] *Rieff D.* A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 9).

тивной солидарностью, готовностью использовать ресурсы для максимального контроля. «Начало конца, скорее всего, наступает в сочетании внутреннего упадка, налагаемого на внешнюю угрозу»[1]. Как пишет Дюрант, «это почти закон истории, что та же мощь, которая генерирует цивилизацию, поворачивает ее к закату. Ибо благоденствие создает своего рода легкость и ослабляет народ, направляя его к роскоши и миру, облегчая тем самым внешнее вторжение более сильных рук и голодных ртов»[2]. Сколько же продержится Американская империя?

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ

Не нужно быть Кассандрой, чтобы предсказать следующее развитие событий: вовне Соединенных Штатов случится исторически обычное — в дальнейшем требования дисциплины и солидарности неизбежно ослабеют, антитеррористическая коалиция рассыплется и произойдет восстановление баланса в мире. Так было всегда. Антинаполеоновский союз, победоносный в 1815 г., развалился в 1822 г. Победоносная в 1918 г. Антанта распалась в начале 1920-х годов. Антигитлеровская коалиция 1945 г. к 1948 г. превратилась в противостояние антагонистов. До сих пор ни один союз в истории никогда не переживал своей победы. Судьба лидера практически всегда одинакова: уступающие ей по мощи государства смыкают свои силы, противодействуя лидеру. И нынешний случай не будет исключением — природа человека и обществ в этом демонстрирует историческую неизменность. Или, как пишет К. Уолтс: «Облагодетельствованные чувствуют раздражение против своего благодетеля, что ведет их к мысли об исправлении нарушенного баланса силы... Особенно громкие жалобы слышны со стороны французских лидеров, страдающих из-за отсутствия много-

[1] *Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler

Publishers, 2003, p. 117.

[2] *Durant.* Story of Civilization, vol. I, Our Oriental Heritage, p. 222.

510

полярности и призывающие к росту мощи Европы»[1]. Согласятся ли гордые державы на диктат сильнейшего? Будущее может быть для США более суровым. Уже сейчас, пишет Р. Хаас, «американское первенство, не говоря уже о гегемонии, далеко не всеми странами приветствуется — и среди противников столь разные государства, как Китай, Россия, Франция, Иран»[2].

Однополярный мир — просто нестабильная система. Опека одной страны вызывает немедленное противодействие, итогом чего является создание новых центров силы. Немецкий политолог Й. Иоффе отражает мнение многих, когда напоминает, что «история и теория учат неприятию международной системы превосходства одной страны. Следуя за международным опытом, необходимо предвидеть превращение Соединенных Штатов в объект недоверия, вызывающий страх и стремление сдерживать эту державу. После краха альянса периода «холодной войны» члены этого альянса (по логике истории) должны были объединить свою мощь против Соединенных Штатов. От держав № 2, 3, 4 и др. должен поступить сигнал: мы проводим линию на песке; вы не должны владеть всеми плодами, используя вашу невероятно благоприятную для вас позицию»[3].

Независимые государства при малейшей возможности отвергают посягательства на свой суверенитет. Международное сообщество интуитивно противостоит гегемону. Униженность в иерархии не может приветствоваться гордыми странами, чей генетический код исторического самосознания не позволяет опуститься до уровня *управляемой* геополитической величины. Не столь просто Вашингтону полностью перевести в русло желаемой для себя политики Китай, Россию, Британию, Францию, чье прошлое и на-

[1] *Waltz K.* Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).

[2] *Haass R.* The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.

[3] *Joffe J.* How America Does It («Foreign Affairs», September/ October 1997, p. 13).

511

циональное самосознание препятствуют унизительной зависимости от любой державы.

Не связанные же с США государства, в которых проживают две трети мирового населения, — Китай, Россия, Индия, арабские страны, мусульманский мир, большинство африканских стран — пойдут еще дальше, они неизбежно будут воспринимать Соединенные Штаты как внешнюю угрозу своим обществам. Эти страны видят в США страну, склонную к «вмешательству, интервенции, эксплуатации, односторонним действиям, гегемонизму, лицемерию, двойным стандартам, финансовому империализму и интеллектуальному колониализму, с внешней политикой, формируемой преимущественно собственной внутренней политикой»[1].

Индийский исследователь утверждает, что США противостоят Индии почти по всем существенным для нее вопросам. Китайский специалист указывает, что руководство его страны видит в политике Вашингтона главную угрозу миру и стабильности: «Новоприобретенная склонность НАТО к интервенционизму за пределами прежней сферы действия вызывает опасения не только в России, но также в Индии и Китае, она оказывает очевидный дестабилизирующий эффект на возникающий новый мировой порядок. Односторонние действия США и их союзников в Ираке и Югославии могут ускорить формирование невоенного треугольника Индия — Китай — Россия и даже «стратегического треугольника» как своего рода залога уменьшения зависимости от США[2].

Арабская пресса называет США «злой силой» на международной арене. Общественные опросы в Японии показывают, что США видятся второй после Северной Кореи угрозой стране. Исключена ли договоренность за спиной США?

На Западе признают, что «наиболее жесткой формой реакции было бы формирование — наряду и против антитерро-

[1] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42—43.

[2] *Gurmeet Kanwa/.* China's Long March to World Power Status: Strategic Challenge for India. («Strategic Analysis», February 1999, p. 1714).

ристической — *антигегемонистической* коалиции, включающей в себя несколько крупных держав... Встречи при отсутствии США лидеров Германии, Франции и России... двусторонние встречи представителей КНР, России, Индии стали международной реальностью»[1].

Гегемония Соединенных Штатов может продлиться при выполнении нескольких условий. *Первое* — американская элита создает полномасштабную стратегию на *весь* XXI век. Простая «битва с террором» не является углубленным стратегическим замыслом — это продукт страха, а не умудренного государственного руководства. Такая борьба может служить тренировкой вооруженных сил и распада демократии внутри страны. Требуется нечто возвышенно стратегически-философское, вильсоновское. Создать из отдельных государств систему, подчиняющуюся общим законам. Такую задачу поставит перед собой Вашингтон на ближайшие десятилетия. Она будет искать нового интегратора, нового Вудро Вильсона. Она попытается реализовать мечту Гуго Гроция из века просвещения о «сообществе народов», подчиняющихся общим нормам.

Как пишет Джим Гаррисон, «глядя в будущее, Соединенные Штаты будут стремиться создать систему глобальной безопасности для международного сообщества... И Соединенные Штаты должны преуспеть на международном уровне до того, как на мир обрушится глобальная катастрофа, которая неизбежно разразится, если американцы не решат своей задачи»[2]. Но у могущественных Соединенных Штатов имеется «параллельная сверхдержава» — мировое общественное мнение.

В 2002 г. президент Буш провозгласил, что Соединенные Штаты «не потерпят существования какой-либо конкурирующей мощи в мире. Америка нанесет предваряющие удары ради защиты интересов США. Именно поэтому американские войска вторглись в Ирак и захватили долину Тифа и Евфрата, чтобы продемонстрировать свою мощь и

[1] Ibid., p. 44.

[2] *Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler Publishers, 2003, p. 175.

свои прерогативы» . «Доктрина Монро» оказалась распространенной на весь мир.

В попытке обеспечить свою национальную безопасность администрация Буша подорвала общую, международную систему безопасности. Будущее стало значительно более грозовым. Предлагаемые «коалиции желающих» не могут равняться по стабильности четко очерченной всеобщей системе. Будущее определенно сулит маргинализацию Организации Объединенных Наций и организации Североатлантического союза. Частью нового, создаваемого Соединенными Штатами союза будут прежде всего Китай, Индия, Россия и Великобритания плюс более мелкие участники — Польша, Израиль, Турция.

Главной трудностью для Америки будет то, что она сознательно создает «короткий» список тех стран, которые Международный валютный фонд называет «недовыполняющими свои функции», а Вашингтон называет «странами-париями». Американцы приводят Иран, КНДР и добавляют несколько других стран. Мировой реальностью является то, что *более трети* всех стран Земли в реальности входят в этот список. Их необозримые проблемы и будут тем, обо что споткнется современный колосс.

Существенно отметить, что в 87 странах — нынешних членах ООН население составляет менее пяти миллионов человек; в 58 — менее 2,5 млн, а в 35 странах — менее полумиллиона. Все эти страны, безусловно, нуждаются в помощи. Согласно исследованию, проведенному Мировым банком, конфликты, начинаемые после 1980 г., в три раза более продолжительные, чем до этой даты.

Важно для оценки будущего отметить то обстоятельство, что, согласно прогнозам, наиболее драматический экономический рост намечается на Среднем Востоке — Афганистан, Пакистан, Саудовская Аравия, Йемен — все страны исламские, имеющие серьезные элементы антиамериканизма и антизападничества. И демографический рост будет более мощным только в странах южнее Сахары, уже плотно вошедших в число «стран-изгоев».

[1] Ibid.

Если США постараются найти *военное* решение проблем этих изгоев мирового сообщества, то они неизбежно в процессе надорвутся. Косово и Босния стоили Вашингтону примерно 15 млрд долл., а Ирак — 200 млрд. Но в мире много десятков Косово и Ираков. Второе (после стоимости) грозное предупреждение — это то, что строительство новых наций в Афганистане, Ираке и пр. оказалось более дорогостоящим, чем первоначальная военная победа.

Теперь у нас есть жесткие цифры, говорящие о щедрости американского конгресса к Пентагону и прижимистости в отношении трат на строительство т.н. «новых наций». За 2002 и 2003 годы Соединенные Штаты расходовали на военные операции один миллиард долларов в месяц и только 25 млн долл. на помощь в реконструкции сокрушенных американским оружием государств[1]. К тому же американским войскам категорически запрещено участвовать не в боях, а в миротворческих операциях.

Этим США подали незавидный пример. На протяжении 2003 г. большое число гуманитарных организаций закрыли свои афганские отделения. Президент Карзай был вынужден делегировать значительные прерогативы местным региональным военным вождям, превратившись при этом не более чем в губернатора Кабула. Первоначальная цель — крушение «Аль-Кайды» оказалась фактически забытой, ибо и Талибан, и «Аль-Кайда» продолжают действовать как в Афганистане, так и в Пакистане. Разрушение Афганистана идет не медленнее, чем весьма скромные попытки его восстановления. Почему? Да потому, что у Соединенных Штатов нет иной стратегии, кроме как разбить Талибан и армию Хусейна в открытом бою, пользуясь неимоверным превосходством военной машины США. Что же касается дальнейшего, то американские действия на этапе восстановления порушенной жизни становятся предельно осторожными и скромными.

Господствующее в США неоконсервативное видение борьбы с терроризмом диктует свои условия. Никаких но-

[1] *Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler Publishers, 2003, p. 180.

вых «планов Маршалла» — это не вписывается в главенствующую схему. *Вильсонизм* прежних времен отринут, широкое — мировое видение событий, стремление сплотить мировое сообщество видится ныне правящей консервативной элитой как неоправданный идеализм. Пусть этим занимаются европейцы и Организация Объединенных Наций. Уже в конце 2002 г. в Афганистане европейских войск было не меньше, чем американских, а средства на частичное восстановление Афганистана стал предоставлять преимущественно Европейский союз. Подобным же образом именно европейцы и ООН, а не администрация Буша на протяжении пяти последних лет брали на себя

восстановление цивилизованных норм жизни в Боснии, Восточном Тиморе, в Косове.

Только в Ираке, где США предприняли, по существу, одностороннюю операцию, они расходуют на восстановительные цели больше европейцев — 4 млрд долл. в месяц. Учитывая рост военного сопротивления, невозможно предсказать результат идущих здесь процессов. Но уже можно сказать, что у Вашингтона в начале XXI века *нет* стратегического видения. Вильсон, Рузвельт, Трумэн не повторились в среде ожесточенных неоконсерваторов Буша. Мир идет от кризиса к кризису, что называется, «без руля и ветрил». А американцы добиваются своего сугубо силовым способом, сознательно манкируя коалиционным строительством. В США сейчас раздаются голоса в пользу создания некоего «Международного фонда реконструкции», в который вошли бы наиболее богатые страны ОЭСР и те страны, которые готовы оказать помощь бедствующим странам планеты, но в правительственных кругах Вашингтона эти планы поддержки не получают.

Американский исследователь Маллаби обозначил дилемму так: «Американцы должны либо сформировать международный механизм, подобно тому как их предки создали ООН, Мировой банк, Международный валютный фонд после Второй мировой войны. Или они обязаны будут продираться сквозь препятствия вперед до тех пор, пока из их ря-

дов не выделится когорта талантливых лидеров, способных ответить на этот вызов»[1].

Встает вопрос: как поведут себя Соединенные Штаты в следующей кризисной ситуации? Адекватный вопрос задала в схожей ситуации декан Школы международных проблем в первые же дни иракской войны: «Вместо того чтобы маргинализировать ООН и идти собственным путем с «коалицией приверженцев», американскому правительству следовало бы убедить Совет Безопасности дать определение угрозе международной безопасности, требующей применения силы. Тогда гуманная сторона ООН была бы так или иначе связана с международной безопасностью и был бы создан критерий применения санкций ООН и его Совета Безопасности.

«НЕПОБЕДИМЫЙ МИР»

Идею «непобедимости мира» даже гипердержавой Соединенными Штатами основательно развил Джонатан Шелл в своей книге «Непобедимый мир». Дело даже не в необъятности задачи, а в изменении природы насилия в политике.

В Ираке США воевали не с дивизиями Саддама Хусейна, а с международным общественным мнением. В будущем мощь мирового общественного мнения достигнет уровня мощи мировой сверхдержавы.

Из ста ведущих экономик мира пятьдесят одна представляет собой крупные компании; из этих пятидесяти одной компаний сорок семь являются американскими. Миссия Соединенных Штатов в будущем — расчистить еще более поле деятельности для международных компаний.

В самом упрощенном виде стратегия США на будущее такова. «В военных делах Соединенные Штаты намерены сохранять прерогативы односторонности и руководства «коалициями добровольно желающих» примкнуть к ним; в торговле Соединенные Штаты будут продолжать в своих собственных интересах привлекать максимально возможное

[1] *Mallaby S.* The Reluctant Imperialist («Foreign Affairs», March/ April 2002, p. 7.

число стран в систему свободного рынка и многостороннюю структуру экономической глобализации. Многосторонность будет продолжать оставаться

целью экономической политики США. Как первая не ограниченная территорией империя, Соединенные Штаты будут продолжать осуществлять свою историческую миссию создания свободной рыночной экономики и свободных торговых зон повсюду с целью гарантирования «глобального урожая» своим корпорациям»[1].

Уменьшающие свою государственную машину страны (Россия, например) *не имеют таких внутренних органов,* какие имеют так называемые лидеры свободного рынка. Сторонник рыночной свободы — Америка имеет на своем «свободном рынке» жесткую зарегулированность посредством Комиссии по ценным бумагам и обмену, Федеральную комиссию по торговле, Федеральную комиссию по коммуникациям, Федеральную администрацию по борьбе с наркотиками и множество других контрольных органов федерального значения. Почему же американцы так бьются за то, чтобы превратить рынки других стран в незащищенное поле битвы? Да потому, что это простейший и самый надежный способ пустить вперед десятки мощнейших своих компаний.

Ведь на *мировом* уровне не существует аналогичных органов, и никакие американские законодатели не прилагают усилий их создать — лев в джунглях мира желает иметь только собственную организованность. (Особенно научил американцев необходимости этих внутренних национальных органов великий кризис 1929 г.) Вот почему в мире столько «неразрешимых» проблем. Лишенные регуляции рынки создают хаос в обществе, загрязнение окружающей среды, маниакальное поведение на финансовых рынках и в мировой экономике в целом к вящей пользе американских гигантов.

Итак, внутри страны — регуляция, за ее пределами —

[1]*Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler Publishers, 2003, p. 190.

хаос: идеальные условия для победы организации над хаосом, пропагандируемым как «свободный рынок». Даже Джордж Сорос признает, что «Соединенные Штаты являются единственной страной в мире, которая способна изменить мировой порядок, заменить вашингтонский консенсус глобальным открытым обществом. Чтобы сделать это, мы должны отставить немыслимое преследование наших узких собственных интересов и хотя бы на минуту задуматься над будущим человечества»[1].

Американский эксперт Джим Гаррисон назвал военную мощь Америки *«безжалостной»,* а американское отношение к миру — «нацеленным на эксплуатацию»[2]. Единственным способом избежать «войны всех против всех» он считает создание мирового правительства — «собрание городского мирового совета — сердцевины американской демократии». Америка должна взять на себя инициативу, устанавливая нечто новое: «Международный фонд реконструкции», который взялся бы за ликвидацию вопиющего неравенства Севера и Юга. Особо сложная задача на грядущие годы — это то, что называется «создание новых наций», невозможное без массового обмена информацией, выработки специфических рекомендаций, контроля над их реализацией. Гаррисон предлагает Соединенным Штатам возглавить фонд в 50 млрд долл., который на протяжении ближайших двадцати лет решал бы задачи, которые ставили бы перед ним Мировой банк и Международный валютный фонд для ликвидации нищеты наименее счастливых стран планеты.

Вместо того чтобы выходить из коллективных договоров, США обязаны возглавить спасение от неминуемой гражданской войны планетарного масштаба. 60 лет назад Вашингтон был полон энтузиазма в отношении коллективных мероприятий и во многом преуспел, потому что был полон забот о будущем. Только возглавив основные мировые процессы, Америка может рассчитывать на

то, что станет «по-

[1] *Soros G.* On Globalization. New York: Public Affairs, 2002, p. 165.

[2] *Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler Publishers, 2003, p. 199.

519

следней империей»[1]. В отличие от Первой и Второй мировых войн, новая международная организация должна быть создана *до,* а не *после* мировой катастрофы, которая, если разразится, будет не только глобальной, но и финальной. То, как Америка решит драму XXI века, будет тем, с чем Америка войдет в историю.

Правдой является то, считает американец Р. Олмен, что «мир не особенно беспокоится по поводу неистребимого американского наваждения, так гротескно персонифицированного Джорджем Бушем-младшим, действующим так, словно на мировой сцене выступают два типа актеров: американцы и злодеи. Другие нации и народы чувствуют себя неловко, особенно когда американское поведение начинает крушить их жизни, надежды, представление о порядке в мире»[2].

[1] *Garrison J.* America as Empire. Global Leader or Rogue Power? San-Francisco: Burrett-Koehler Publishers, 2003, p. 200.

[2] *Allman T.* Rogue State. America at War with the World. New York: Nation Books, 2004, p. 389.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СУЛЛА ПОСЛЕ МИТРИДАТА, или РЕСПУБЛИКА БЕЗ ВРАГОВ

Поражение царя Митридата в 84 г. до н. э. никак не укрепило демократию в Риме. Пройдя под традиционной триумфальной аркой, победоносный Сулла прервал свою задумчивость такими словами: «Теперь, когда во всей Вселенной у нас нет врагов, какой же будет судьба нашей республики?» Сомнения Суллы в отношении судьбы республики оправдались. Незамедлительно возникли «внутренние враги» (террористы античности), появились проскрипции, армия вошла в столицу, и республика покатилась к империи.

Триста лет Америка провозглашала свою особенность, представая миру как исключительное государство. Теперь она сумела распространить *демократию* в качестве общепризнанного идеала. И потеряла идентичность исключительности. Четырехзвездный проконсул Томми Фрэнке (даже внешне похожий на Суллу) добил последнего «официального» врага современного Рима — Митридата-Хусейна.

Но отсутствие явственного врага уже ощущается. Социологическая теория и исторический опыт указывают, что отсутствие ясно очерченного внешнего врага порождает в метрополии внутренний разлад. Неудивительно, что окончание «холодной войны» вызвало тягу местных внутриамериканских общин к самоидентификации. Отсутствие врага ослабляет необходимость в сильном центральном правительстве, в некогда безусловном единстве. Профессор Поль Петерсен уже в 1996 г. писал, что окончание «холодной войны» сделало расплывчатыми очертания национальных интересов США, уменьшило надобность в национальных

521

жертвах. Эгоистический интерес стал брать верх над национальной приобщенностью. Инаугурационные слова Джона Кеннеди — «Спрашивай не о том, что страна может сделать для тебя, а то, что ты можешь сделать для своей страны» — стали голосом другой, героической эпохи, ныне скрывающейся за историческим поворотом. Вслед за германским экспансионизмом, японским милитаризмом и русским коммунизмом ушло в прошлое представление о противнике как о силе, противостоящей американскому индивидуализму и свободе. И американская демократия, американское общество (со всеми его

ценностями свободного гражданина и свободного рынка) оказались в своеобразном вакууме.

Даже вышедшие к первым ролям неоконсерваторы не растерялись в триумфе. Вот что пишет один из их главных идеологов Чарльз Краутхаммер: «Нации нуждаются во врагах»[1]. Новая элита не отвернулась от испытанного компаса — идеальным противником для Америки был бы идеологически противоположно настроенный, расово и культурно совершенно иной, достаточно сильный в военном смысле противник. Сразу же после окончания «холодной войны» в Америке начались дебаты, кто мог бы стать таким противником.

Эдмунд Берк однажды заметил, что для нации нет большего бедствия, чем порвать со своим прошлым. «Холодная война» оторвала США от прошлого. После окончания ее возврата к прошлому, к ситуации 1940 года, не произошло. Стратегам в Вашингтоне статус империи представляется удачным выбором. Считается, что таким образом удастся увеличить стабильность международного сообщества и решить проблему терроризма, государств-изгоев, оружия массового поражения и г. д. Но американское политическое, экономическое и культурное влияние не носит стабилизирующий характер. Оно опрокидывает прочные структуры, преследуя добрые или дурные цели. Как отметил Уильям

[1] *Krauthammer CH.* Beyond the Cold War («New Republic», December 19, 1988, p. 18).

Пфафф, «администрация Буша — это правительство крестоносцев»[1].

Проще простого было демонизировать совсем недавних союзников — Милошевича и Саддама Хусейна (геноцид, немыслимая жестокость). Но и здесь ранжир явно не тот, особенно на фоне Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна (и даже менее впечатляющих Хрущева и Брежнева). Нужно было обладать исключительно богатой фантазией, чтобы в изолированном, контролируемом с воздуха и инспекторами на земле Ираке увидеть полномасштабную угрозу Соединенным Штатам, их континентальных размеров территории, их всемирно признанным идеологическим основам. Манихей-ские искатели дисциплинирующей угрозы обращались к разным разностям: «государства-изгои», кибертерроризм, асимметричное ведение войны, всемирная наркомафия, ваххабизм, ядерное распространение и многое другое. Одних только террористических организаций официальные американские органы насчитали в 2003 г. *тридцать шесть* (среди них ведущие — «Аль-Кайда», Исламский джихад, «Хезболла», «Хамас»). Государств, «спонсирующих терроризм», в том же году определили *семь*. В «ось зла» ввели в 2002 г. Ирак, Иран и Северную Корею, к которым государственный департамент добавил Кубу, Ливию и Сирию. Полномасштабными претендентами на угрозу Соединенным Штатам стали быстрорастущий Китай и турбулентный мусульманский мир (Ирак, Иран, Судан, Ливия, Афганистан при Талибане).

Все эти поиски в значительной мере приостановило 11 сентября 2001 г. Усама бен Ладен как бы остановил американские метания атакой на Нью-Йорк и Вашингтон. Теперь главным врагом на первую половину XXI в. был избран *воинствующий ислам.* Римляне тоже сражались с восточной религией.

А сама Америка, как некогда Рим, погрязла в раздорах. Даже система подсчета голосов оказалась сомнительной, как и, скажем, доходы компании «Энрон». Положиться на солидарность? Лояльность все меньше ценится в современ-

[1] «International Herald Tribune», April 8, 2002.

ном мире — на внешней арене на глазах у всех распадается триумвират США — ЕС — Япония. Автократия? Местный Цезарь не блещет талантами. Ну а народ — и патриции и плебеи — бьются за «хлеб и зрелища» (то бишь за «медикэйд» и

«медикэйр» на фоне НХЛ, НБА и ста каналов кабельного телевидения). Сенат жестко критикует преторианцев (разведку). А в это время южную границу активно пересекают испаноязычные варвары (втрое более низкий образовательный ценз).

Но главное: в Америке (признают такие идеологи, как С. Хантингтон) в геометрической прогрессии растет тот сектор населения, в котором люди, приехавшие в Америку, не желают стать американцами и живут в США как на своей исторической родине. Гарвардский геополитик Хантингтон пишет о растущих миллионах тех, кто, «прибыв в Америку из чужих земель, не чувствуют приобщенности к новой «родной земле». Их поведение в отношении своей новой страны контрастирует с основной массой американской публики».

Но растет еще одно ослабляющее республику явление. Футурологи указывают на воздействие экономической глобализации — *денационализация* элиты будет продолжаться: ее приверженность национальным интересам — в условиях глобальной диверсификации интересов американских компаний — будет ослабляться»[1]. И приходить в противоречие с американскими интересами. Вот теперь то, что хорошо для «Дженерал моторс», вовсе не обязательно хорошо для Соединенных Штатов. Потому что автомобили эта первая в мире автомобильная компания собирает где угодно — от мексиканской Тиуаны до российского Петербурга, а вовсе не в родном Дирборне, где за час сборочной работы американскому рабочему нужно платить в *десять* раз больше, чем его мексиканскому или российскому коллеге.

В свое время еще Адам Смит сказал, что «владелец земли по необходимости является гражданином той страны, где расположено его имение. Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из

[1] *Huntington S.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon and Schuster, 2004, p. 264.

стран» . Сказанное более двухсот лет назад актуально в высшей степени относительно транснационального капитала. Если американская экономика застряла, то нужно вкладывать в китайскую. Дж. Хантер и Дж. Йетс оценивают ситуацию так: «Эта космополитическая элита думает о себе как о гражданах мира, имеющих американские паспорта, а не об американских гражданах, которым приходится работать в организациях глобального охвата»[2]. Ныне президентами таких традиционных американских компаний, как «Алькоа», «Бестон», «Дикинсон», «Кока-Кола», «Форд», «Филип Моррис», «Проктер энд Гэмбл», являются неамериканцы. Все более слышны жалобы ЦРУ, что американская разведка не может положиться на сотрудничество с американскими компаниями, не видящими смысла помогать американскому правительству.

В Риме дело завершилось наследственной империей. В Вашингтоне наследственность ощутима, но цезаризм не нашел убедительного воплощения, а два трибуна, два Джона хулят президента за необоснованный поход в долину Евфрата, за скупость в отношении хлеба и зрелищ, за освобождение от налогов богачей и, разумеется, за падение нравов.

Осенняя политическая кампания обещает быть самой острой и интересной со времен Ф. Рузвельта. Что важнее: величие нового Рима или его внутреннее благосостояние? Нужны ли Вашингтону союзники, какие, где и для чего? Сохраняет ли свою значимость Организация Объединенных Наций, или она просто сдерживает гегемона? Способны ли варвары обратиться в демократическую веру, минуя вековые цивилизационные предварительные процессы? Следует ли закупать дешевый хлеб в провинциях или нужно беречь свободных «новых римлян» в хлеборобном Канзасе? Вводить ли войска в Судан или посоветоваться с Клеопатрой

[1] *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Cause of the Wealth of Nations. Chicago: University of Chicago, 1976, vol. 2, p. 375—376.

[2] *Hunter J. and Yates J.* In the Vanguard of Globalization (in: *P.Berger and S. Huntington,* eds. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. New York: Oxford University Press, 2000, p. 345-357).

(то бишь Мубараком)? Не демократическая и республиканская, а партия «мультикультурализма» против партии «плавильного тигля» столкнулись между собой в отчаянной схватке.

Рим стоял на доблести свободного гражданина и на стратегии осмотрительного сената. А погубили его Содом и Гоморра во внутренних пределах и неконтролируемый поток пришельцев со всего света. В эти дни одна половина Америки обсуждает необходимость поправки к конституции о легальности однополых браков, а вторая — неудержимый натиск испаноязычных иммигрантов, ночь за ночью переплывающих Рио-Гранде в северном направлении, чтобы присоединиться к 38 млн уже осевших соратников.

В притоке иммигрантов и в космополитизации собственной элиты прячется вопрос к новому Риму: что будет с республикой?

ПО СЛЕДАМ ПРЕЖНИХ ИМПЕРИЙ

В Вестфальской международной системе границы одного государства означают, что за их пределами находится *другое* государство, которое само отвечает за порядок и ход событий в своих пределах. Иное дело границы империи. Здесь границы достаточно часто отмечают местопроживание людей, которые «менее организованы социально» и которые не приемлют имперского доминирования главенствующей державы — метрополии. Жители метрополии если теряют контроль над этими потенциальными частями своей империи, то предпочитают говорить, что *варвары у ворот.* Или что это — «государства-изгои», которые нуждаются в контроле. Именно так реагировали римляне, китайские императоры, англичане в Индии и Африке и все прочие империи.

Нестабильность в государствах *варваров (государствах изгоев)* делала трудным установление продолжительного мира с ними, они неизбежно начинали представлять собой хроническую проблему. Чтобы справиться с ней, империи избирали три способа: создание мощных стен или других оборонительных систем (последней из которых по счету явля-

ется Национальная система противоракетной обороны США); нанесение упреждающих ударов (с возможным последующим отходом); установление прямого или косвенного контроля над варварами-изгоями.

Рим держался при помощи такой системы тысячу лет, китайская империя — еще больше, англичане — два столетия. Заглавной идеей со стороны империи было показать, что, вне зависимости от того, насколько далеко находился противник империи, его ждало неминуемое наказание. Особенность в данном случае заключалась в следующем.

1. В системе баланса сил, в системе международных отношений между примерно равными странами возникающие конфликты несли с собой вероятие и возможность эскалации конфликта на все более высокий уровень, и конечный итог конфликта может радикально отличаться от результата, замысленного, предполагаемого страной, которая его начала.

2. В империи межгосударственный конфликт носит совсем иной характер. Как определяет ситуацию американский исследователь С. Розен, «империи исключают возможность эскалации конфликта. Они имеют дело с долгими, малыми, возможно, многочисленными войнами с народами, которые еще не вняли той идее, что сопротивление империи бесполезно. Таков источник логики

преобладающей силы — таких примеров со времен Римской империи множество».

Китайцы вели бесчисленные войны за пределами Великой Китайской стены, афиняне наносили удары по сопротивляющимся частям своей империи, но нас более всего интересуют американцы, вставшие перед той же задачей — большое число стран *не может* нанести прямого удара по Соединенным Штатам как мировой метрополии с шансами нанести им поражение, но могут нанести чрезвычайно чувствительный ущерб. Мы все увидели это в сентябре 2001 г. Американские легионы стоят на страже от Боснии до Гаити, но они не могут наглухо закрыть ставшие *принципиально проницаемыми* колоссальные свои границы. Чтобы избежать перенапряжения, американцы используют методы непрямого (косвенного) контроля над отдаленными регионами
527
своей невиданной империи. В случае массового возмущения внешней уязвимостью они обрушиваются на Афганистан и Ирак.

Итак, стены той или иной высоты — от Великой Китайской до космической американской; экспедиции за пределы и стремление перенести задачу контроля субсателлитов на сателлитов. Такова тысячелетней давности логика ответа империи на внешние угрозы. Американцы мало что изобрели стратегически в тот исторический период, когда к 1991 г. рухнуло противостояние и *империя* стала их судьбой.

Собственно говоря, Соединенные Штаты, когда пришел час их империи, стали действовать двумя испытанными способами:

— всячески сдерживать распространение современного оружия в духе договоров 1963 и 1968 годов о нераспространении оружия массового поражения и запрета на их испытания;

— как и англичане в Индии XVIII века, Соединенные Штаты стали раздавать гарантии безопасности тем странам, которые они не хотели видеть развивающими собственные военные механизмы. Отсюда сохранение (потерявших антикоммунистический смысл) военных союзов НАТО, АНЗЮС, Американо-японский договор безопасности. Только очень наивный человек может назвать «союзом равных» эти военные блоки, являющие собой физическое воплощение *гарантий безопасности, даваемые имперской страной подчиненным странам.* Эти военные блоки ясно (и удобно) служат имперской Америке инструментом контроля над наиболее индустриально развитой частью мирового сообщества.

Оба эти пункта имперского правления Америки появились на официальной теоретической «поверхности» в отныне знаменитом «Defense Policy Guidance» — «Обзоре оборонной политики», созданной заместителем министра обороны США Полом Вулфовицем в 1992 г. Этот обзор рекомендовал правительству Соединенных Штатов создать физические возможности обороны группы важнейших стран с тем, чтобы у этих стран не возникало потребности строить собственные вооруженные силы для обороны своих
528
интересов и своей территории. США предложили своим ведущим союзникам воспользоваться американской технологией, защищающей от ракетного нападения (которую американцы развивали уже пятьдесят лет) с тем, чтобы уменьшить вероятие того, что мощные западноевропейские страны или Япония встанут на путь собственных масштабных военных усилий. *Защищая, я контролирую тебя.*

При этом Соединенные Штаты приложили все возможные усилия для сохранения прежде всего своего военно-морского превосходства в Мировом океане — обеспечивая тем самым контроль над подходами *ко всем* мировым державам.

Логическим завершением этого курса стала выдвинутая в 2002 г. «доктрина Буша», объявившая всему миру решимость Соединенных Штатов *наносить упреждающие удары* с целью разрушения военных возможностей (потенциально) враждебных стран по созданию оружия массового поражения. Альтернативой для США было отказаться от своей империи. Республиканцы Буша — Чейни не для того бились на выборах 2000 г., чтобы сдавать столь улучшившиеся после крушения Советского Союза глобальные позиции своей страны.

У всех империй была своя ахиллесова пята. У Соединенных Штатов она заключается в распространении ядерного оружия. Именно эту проблему в отношении КНДР американцы пытаются решить на многосторонних переговорах в Пекине, оказывая нажим на Тегеран, реализуя концепцию Нанна — Лугара в отношении России.

СУДЬБА ВСЕХ ИМПЕРИЙ

Валовой продукт Соединенных Штатов сегодня превосходит совокупный ВНП трех следующих за ними в списке мировых держав-лидеров. Военные расходы превосходят расходы четырнадцати следующих за Америкой стран. Мощь кажется безбрежной, а после сентября 2001 г. появилась и национальная воля, совмещенная с решимостью.

Надежду дает хотя бы тот факт, что, вопреки постулатам «доктрины Буша», американское руководство *отвергло*

политику превентивного удара (на данном этапе), отвергло механический подход к принципам превентивной войны по отношению к одному из государств пресловутой «оси зла» — Северной Корее. Команда Буша, чувствуя слабость общественной поддержки, в декабре 2002 г. специфически (в обнародованном документе) отказалась — в данном случае — от *предвосхищающего удара*[1].

Помимо вышеуказанного, своего рода дополнением к битве богатых и бедных будет в первые десятилетия XXI в. соперничество между США (которые сегодня не верят в способность кого-либо соревноваться с ними), Европейским союзом и Восточной Азией за место лидера мирового полюса богатства. Первой среди конкурентов дышит в спину Америке объединяющаяся Западная Европа, которая с созданием *евро* и собственных вооруженных сил создала объективные возможности ослабления тесных политических связей с Соединенными Штатами. Далее последует десятилетие создания европейской армии, что предопределит и военное разъединение с США. Есть сторонники и той точки зрения, что на место первого конкурента Америки выйдет быстро растущий Китай, возможно — Япония, а не исключено, что и страшный по силе тандем КНР — Япония. Пока лидер, демонстрируя близорукость, продолжает наращивать военные мускулы, начнется смещение сил в подлинной зоне могущества — в экономике. Разве трудно представить себе в будущем союз Японии и Китая, сразу же вытесняющий Америку из Азии? Крупнейший компьютер США создан для военных целей, а крупнейший японский компьютер — для решения технических проблем. Кого в этом случае обласкает история?

Мир не будет бесконечно благожелательным только к одной державе. Полная свобода действий для одной державы ограничивает свободу абсолютного большинства, что и предопределяет противодействие вырвавшемуся вперед гиганту. Как бы там ни было, но США *не могут* существовать только ради своей безопасности, их интересы распростра-

[1] Office of the President. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December 2002.

нены на весь мир. Рано или поздно, но оружие массового поражения — страшный

великий «уравнитель» найдет всеобщее распространение, и «обычные» рычаги могущества неизбежно ослабнут. Мир изменится, он даст шанс новым великим силам.

Где место России в этом противостоянии? По экономическим показателям (2,4 тыс. долл. на душу населения в год в России против 35 тыс. долл. в США) две страны находятся в противоположных мирах. Но Россия обеспокоена уходом населения из-за Уральского хребта, возможностью потери двух третей своей территории — именно в этом смысле она держава, ценящая *статус-кво*. Если Запад пойдет курсом поддержания мирового порядка, то он может рассчитывать на дружественность России. Если же эгоизм «золотого миллиарда» сделает его безразличным к бедам потенциальных союзников, то России придется делать «агонизирующую переоценку» своего опыта сближения с Западом.

Путешествуя в 1880-х годах по Британии, американский путешественник Роберт Лэйрд Кольер сделал вывод: «Они достигли превосходства. Как нация они в высшей степени эгоистичны и высокомерны. Ни один народ в мире не является столь нелюбимым за пределами своих границ». Американский политолог М. Уокер приходит к выводу, что «Соединенные Штаты, несмотря на все блага благожелательной гегемонии, так же ныне непопулярны, как когда-то владевшие империей англичане».

А влияние имперского всемогущества на внутреннюю жизнь страны? Как бы ни преподносили благотворные черты американской гегемонии такие ее идеологические лидеры, как г. Киссинджер, даже они признают: «На Соединенные Штаты ляжет бремя, нести которое бесконечно не могло и не может ни одно общество. Дорога к империи ведет и к внутреннему упадку, потому что посягательство на всемогущество размоет внутренние ограничители. Ни одна империя не избежала пути, ведущего к цезаризму, если только не следовала примеру Британской империи, разделившей свои полномочия еще в самом начале этого процесса. В долго су-

шествующих империях каждая проблема превращается в вопрос внутренней жизни, потому что внешний мир уже не обеспечивает необходимого противовеса. И по мере того, как масса вызовов растет и удаляется от исторической внутренней основы, междоусобная борьба становится все более ожесточенной, а насилие всеобщим».

ПРОТЯЖЕННОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ

Римская империя существовала полторы тысячи лет, Британская империя — полтора столетия; американской империи отведено несколько десятилетий. Почему?

Во-первых, и прежде всего потому, что, в отличие от классических империй, американцы *не заселяют* завоеванные или зависимые страны. «Несмотря на огромные богатства страны и на грандиозную военную мощь, американцы не склонны к тому, без чего подлинная империя не бывает долговременной. Они не хотят «идти туда» — и если они все же обязаны идти, то считают дни до возвращения домой»[1]. Они игнорируют зависимые страны, они привязаны к метрополии. Но это, увы, не способствует созданию имперской сплоченности.

Во-вторых, хронический дефицит «человеческого материала» явственно ослабляет империю. В Британской империи не было недостатка в энтузиастах освоения завоеванной и заселенной четвертью мира. Выпускники Оксбриджа с готовностью брали на себя «имперское бремя» и отправлялись в неведомые углы мира. Не то с выпускниками Гарварда; проконсульская миссия не привлекает их. Да и с солдатами дело еще сложнее — 12-месячное ограничение на пребывание за границей. При этом недостаточность военного персонала в Ираке признана

практически всеми. «Кризис принял такие пропорции, что [американская] администрация была вынуждена проглотить свою гордость и просить союзников о подкреплениях»[2].

[1]*Ferguson N.* Colossus. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 202.

[2] Ibid.

532

В-третьих, как считает Фергюсон, ЦРУ далеко до британской Интеллидженс сервис. У американской разведки нет ни одного подлинно квалифицированного, говорящего по-арабски агента на Ближнем Востоке, где в свое время блистали Лоуренс Аравийский и Филби-старший. Американцы этой службы «предпочитали жить в окрестностях Вашингтона, исключая для себя операции, грозившие диареей». Никакого киплинговского героизма у этих «тихих американцев», давно описанных Грэмом Грином.

В-четвертых, электоральный цикл в четыре года подогревает чувствительность американского общества к людским потерям. Но долго иметь империю без империалистов невозможно.

В-пятых, низвергая тиранов на Ближнем Востоке, Америка является *самым большим должником мира.* Зарубежные долги Соединенных Штатов в 2003 г. превысили 8 трлн долл. США сами вешают себя на крючок зарубежного капитала.

А между тем конкуренты не дремлют: растет азиатский конкурент — уже в 2018 г. Китай обойдет США по объему валового национального продукта; война в Ираке увеличила вероятность новой роли для Европы — потенциального имперского соперника Соединенных Штатов. Европейские политические лидеры предпочли бы играть именно эту роль. Европейский союз в полтора раза больше по населению, чем США, а его экономика составляет 82 % американской.

Да, сегодня американские солдаты патрулируют Косово, Кабул и Киркук. И каждое американское вторжение вело к смене политического режима, военной оккупации и попытке институциональной трансформации, эвфемистски определяемой как «строительство нации». «Но откуда взять деньги для успеха всех этих предприятий? Как много американцев готовы стеречь дальние пределы? И как долго американское общество готово поддерживать политику, которая стоит немалых денег и жизней?»[1]

[1]*Ferguson N.* Colossus. The Price of American Empire. New York: The Penguin Press, 2004, p. 290.

533

БУДУЩЕЕ

Еще совсем недавно в международном сообществе царила убежденность в том, что постепенно ход событий выведет на прямую очевидного прогресса, что будущее в конечном счете не может не быть лучезарным. История и социология убаюкивали мир баснями о неизбежном прогрессе и неизбывном рае. Это теплое время ушло, поскольку сформировавшийся еще в XIX веке центристский консенсус, основанный на либеральной идеологии, утратил свою значимость. Завершилось действие исходящих из идеи прогресса проекций — Великой французской и Октябрьской революций. Конструктивное *общее* будущее уступает место проекциям гораздо менее гармоничным, гораздо более хаотичным. Наступает время чрезвычайно быстрых перемен, именно они прежде всего будут характеризовать близлежащие десятилетия. Вера в благодетельный эффект рационального реформизма, реализуемого не всегда быстро, но в *верном* направлении, уступает место скептицизму относительно самого направления мировой эволюции. Соответственно, и прогностика стала гораздо более трезвой, если не сказать мрачной.

Особенно турбулентными будут ближайшие полвека — столько времени

понадобится для того, чтобы восторжествовала более рациональная общественная система, чтобы структурный кризис современной международной системы изменил ее полностью. В предшествующее десятилетие большим влиянием пользовалась та точка зрения, что сутью конфликта будет столкновение трех морально-этических громад — христианства, ислама и буддизма. В начале века возобладала более традиционная точка зрения: столкновение цивилизаций пойдет в более знакомой плоскости противостояния Север — Юг, *между зоной богатства и зоной бедности,* фундаментальными реальностями современного мира. Если человечество не положит предел поляризации по этому признаку, вступление в век хаоса и борьбы практически неизбежно.

Наступит противостояние тех, кто живет на ценности, создаваемые другими, и тех, кто не получает достаточной

534

доли производимого. Невероятно быстрый рост капиталистической системы словно вырвался из рук, деформируя общество. Сутью грядущей эпохи перемен будет борьба этих двух больших лагерей: богатых охранителей *неравноправной* системы и сторонников создания *новой исторической системы, которая будет более демократичной* и более уважающей социальное равенство. По существу, битва развернется между теми, кто желает установления (или восстановления) иерархического мирового порядка, при котором меньшинство привилегированно, а большинство лишено этих привилегий, — и теми, кто желает построить демократический порядок, больше ориентирующийся на равенство. Эта битва определит следующие пятьдесят лет человеческой истории.

На наших глазах создается лагерь, получающий так много от имеющегося неравенства, охраняющий сложившуюся иерархию. Этот лагерь имеет превосходную разведывательную систему и самое совершенное оружие. Главные слабые места этого «золотого миллиарда» — слабая жертвенность и уменьшающаяся численность. При этом Север будет действовать *железным кулаком,* даже если он будет в вельветовой перчатке.

Ему противостоит лагерь большинства, огромное большинство здесь не достигло минимально приемлемых результатов не только для процветания, но и для гарантии выживания. Ему не свойственно единство, он разобщен, но перед лицом всемогущества меньшинства он *может* обрести солидарность до степени глобальной коалиции. В его руки так или иначе попадет ядерное оружие (оно уже есть у Индии и Пакистана), что обусловит остроту глобального конфликта. Мир увидит на Юге многих разочарованных «Хомейни», создающих многие «Аль-Кайды».

Согласно уже сложившемуся стереотипу, Запад склонен демонизировать противостоящие силы. На данном этапе легче демонизировать ислам — и это в то время, когда исламский мир (как и западный) вошел в эру смятения и неуверенности в себе — что очевидно, если судить по зигзагообразной тактике лидеров этого мира. Секулярные силы в исламском мире разъединены, религиозные же силы не имеют четких целей, они ссорятся между собой и не выра-

535

ботали собственной реалистической политической программы.

Какой будет преобладающая система мира через несколько десятилетий? Итог, *во-первых,* ее вид и сущность будут зависеть от способности обеих вышеназванных партий мобилизовать своих сторонников. Инициативу, по-видимому, возьмут в свои руки те, кто предложит *реальные* альтернативы. *Во-вторых,* от того, как справится Запад с процессом своей абсолютной депопуляции, старения населения, сокращения рабочей силы при одновременном несгибаемом желании сохранить высокий жизненный уровень. (Возьмем в

качестве примера небольшую, но богатую Австрию. Непременным условием сохранения ее современных жизненных стандартов в ближайшие полвека явится увеличение в четыре раза тех ненавидимых австрийскими правыми иммигрантов, которые прибывают преимущественно с Балканского полуострова. Согласится ли Австрия, Европейский союз, Соединенные Штаты на мирное сосуществование весьма различных культур? До сих пор белые западные христиане лишь *мирились* с наличием инокультурных анклавов; а речь пойдет о подлинном равенстве в мультикультурном целом.)

По мере прохождения XXI в. всемогущая Америка во все более возрастающей степени окажется окруженной конфликтами, страхом, смятением, отчаянными попытками «остановить время». А как иначе, если Соединенным Штатам не удается выполнить свое обещание создать мировую либеральную утопию, поражением внесистемных движений создать *новое общество, «где все поют».* Если американцы не сумеют продемонстрировать способности к действенному и хладнокровному анализу, не сумеют соединить эффективность с гуманизмом, их будущее не может не стать блеклым. Американское будущее окажется похожим на движение автомобиля с поврежденными тормозами вниз по склону горы. Самое большее, что американцы смогут сделать, — это попытаться так сманеврировать, чтобы свести непосредственный ущерб себе к минимуму. Многое будет зависеть от их способности хладнокровно анализировать происходящее.

536

Демократия — весьма широкое понятие. Не будем впадать в детали или в лоб противопоставлять демократию империи, зададим только один вопрос: способны ли современные американцы, чья государственная система воздействует на политическую жизнь практически *всего* мира, согласиться с поддержкой какой-либо иной страны республиканской или демократической партией США? Категорически *нет,* ответите вы, и будете правы, констатируя двойной стандарт.

Идеологи американского мира не преминут выдвинуть свои аргументы. *Во-первых,* американский подход к построению и сохранению демократических начал якобы бескорыстен. Морская пехота США восстановила в 1993 г. Жана Бертрана Аристида в президентском кресле на Гаити и продолжает его поддерживать, несмотря на то что первым актом восстановленного президента было дипломатическое признание Кубы. В Боснии и Косове вооруженные силы США выступили против сербов по *гуманитарным соображениям.*

В ответ можно, как минимум, упомянуть следующее. Это представители афроамериканской общины (35 млн избирателей) пообещали претенденту на президентский пост Клинтону в 1992 г. свою поддержку в случае возвращения бывшего школьного учителя Аристида в Порт-о-Пренс, и Билл Клинтон хладнокровно пообещал — едва ли от любви к гаитянской демократии. А сегодня молодые демократы Гаити никак не могут свергнуть иго ставленника северян, но проблемы гаитянской демократии в данном случае не обсуждаются. Что же до сербов, то не менее 300 тысяч были изгнаны хорватами и не менее 100 тысяч албанцами с вековых нажитых мест — при полном молчании американской демократии. Из чего можно сделать, как минимум, один вывод: сербская община в Америке менее влиятельна, чем гаитянская.

Второй аргумент в пользу демократического контроля над миром — демократические государства не воюют между собой. Этот тезис гуляет по страницам демократической прессы, свидетельствуя, увы, лишь о малом интересе к истории. Демократические Афины насмерть сражались с де-

537

мократическими Сиракузами, Римская республика безжалостно уничтожила Карфагенскую республику. Законно избранный президент США Линкольн

положил более полумиллиона человек ради возвращения в Североамериканский союз законно избранного президента Южной Конфедерации Дэвиса. Демократические США и Британия схватились друг с другом в 1812 г. Представьте себе, что будет на Ближнем Востоке, если вместо проамериканских режимов здесь взойдут к власти *демократически* избранные президенты. Самый свежий пример: демократии Америки и Франции заняли диаметрально противоположные позиции в иракском конфликте. Турецкий меджлис воспрепятствовал помощи Америке в Ираке. Германская демократия выступила против несанкционированных международными органами действий Вашингтона в месопотамском Междуречье. Британская демократия смотрит на палестино-израильский конфликт, равно как и на подход к Ирану и Сирии, отлично от американцев.

Современность дает убедительные примеры противоположного. Именно отсутствие демократии в таких крупных мусульманских странах, как Пакистан, Египет, Саудовская Аравия, позволили американской демократии воспользоваться поддержкой наиболее мощных режимов региона, вопреки демократическому мнению арабской улицы.

Третий аргумент в пользу действенного приложения североамериканской республикой силы (предваряющие удары и т. п.) заключается в том, что революционное развитие военной технологии *не позволяет* ожидать возможного террористического удара в бездействии. Контраргумент очевиден: Соединенные Штаты провозглашают такое право за собой, но категорически против провозглашения такого права той же Россией — или любой другой страной. Подобная *избирательность* не может привести ни к чему другому, как к разладу основных крупных демократических суверенных стран (что уже, собственно, сказалось в разладе американо-французских и американо-германских отношений).

Четвертый продемократический аргумент администрации Буша-младшего заключается в том, что силовое вмешательство первой демократии мира ведет к образованию на

месте диктатур и деспотий новых демократий мира. Это в теории. Это в воображении творцов демократической государственности. В реальности очередное сломленное государство превращается не во что иное, как в американский протекторат. Не имея международного мандата на очевидные насильственные действия, Соединенные Штаты постоянно увеличивают международную «стоимость» своих силовых акций. Совершенно очевидно, что демократии придется непросто между шиитским большинством Ирака, лишившимся привилегий баасистами и суннитами, ощущающими давление необоримого раздробленного многомиллионного Курдистана. Кстати, если бы США действительно заботились о демократии на Ближнем Востоке, то они не стали бы подрывать действенность палестинского правительства — *единственного* избранного правительства в арабском мире.

Да не лучше ли Вашингтону обернуться к ближним пределам — к странам, находящимся в их зоне влияния? Присутствие американских войск не делает Колумбию примерной демократией. Едва ли можно говорить комплименты в адрес таких стран, как Венесуэла, Гаити и соседняя Мексика (где жизненный уровень 80 % населения за последние 15 лет понизился и где лишь «экспорт» бедняков в США поддерживает местную политическую систему).

Сколько новых вьетнамов нужно Америке, чтобы осознать примитивность и порочность силового способа демократического строительства? Как пишет республиканский теоретик Дмитрий Саймс, «обретая дополнительное бремя посредством вовлечения в новые «войны освобождения», Соединенным Штатам придется выбирать между римской эксплуатацией колоний — что взрастит плоды

распада империи — и британским опытом имперского перенапряжения, который также ведет к отступлению». Можно ли представить себе, что двести суверенных государств, даже в полной мере признавая мощь североамериканской республики, признают ее конечным арбитром собственных демократических ценностей?

В конечном счете ведь меняется и сама Америка — полтора миллиона новых граждан ежегодно, причем таких гра-

ждан, чей демократический опыт не впечатляет. Сумеет ли демократическая «машина» американской республики сохранить линию Джефферсона — Линкольна — Франклина — Рузвельта в говорящей все больше по-испански и китайски стране, весьма далекой от англо-саксонских корней? К 2100 г. среди 560 млн американского населения наследников пуритан будет абсолютное меньшинство, что неизбежно изменит и саму американскую демократию. Тот же Д. Саймс считает, что «никто не знает точно, когда процесс балканизации Америки станет неизбежным. Но современная политическая атмосфера в США — где при определении национальной повестки дня приобрели такую власть узкомыслящие политические группы — эта точка зрения не так уж и далека от истины, особенно если правительство не осознает жизненной важности ограничения нелегальной иммиграции».

Россия живет по новым, демократическим правилам в мире, где администрация Буша весьма агрессивно «расширяет зону демократии». Оказали ли России помощь соседние демократии? Особенно латышская и эстонская, загнавшие русскоязычное население едва ли не в резервации? Заметьте, при полном попустительстве «главной» демократии, призвавшей эти страны в свой военный союз. Демократия в конечном счете — это *инструмент* решения национальных проблем, а не некая самоцель. Этот тонкий инструмент должен быть создан в результате внутренней эволюции. Навязанный извне, он становится малоприемлемым и обоюдоострым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Часть I. СУЖАЮЩАЯСЯ ПЛАНЕТА

Глава 1. Поле грядущей битвы 16
Глава 2. Революционная демография 44
Глава 3. Конфессиональное будущее мира 58
Глава 4. Глобализация и иммиграция 87
Глава 5. Оружие для четвертой мировой 108
Глава 6. Стоимость демократии 123

Часть II. НАРУШИТЕЛЬ МИРОВОГО БАЛАНСА

Глава 7. Империя победила республику 157
Глава 8. Новое лицо Америки 166
Глава 9. Стратегия колосса 201
Глава 10. «Доктрина Буша» 242
Глава 11. Слабые стороны исполина 267

Часть III. СИЛЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Глава 12. Атлантический развод 277
Глава 13. Фактор Китая 370
Глава 14. Ненависть исламского мира 398
Глава 15. Значимость Америки для России 435
Глава 16. Богатство против нищеты 488
Глава 17. Гегемония или многополярность? 500

Заключение. Сулла после Митридата, или Республика без врагов 521

Уткин Анатолий Иванович
МЕСТЬ ЗА ПОБЕДУ - НОВАЯ ВОЙНА

Ответственный редактор *Л. Елисеева*
Редактор С. *Маршков*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *И. Ларина*
ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
По вопросам размещения рекламы в книгах издательства 'Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.
Оптовая торговля книгами «Эксмо» и *товарами «Эксмо-канц»:*
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411 -50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru
Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.
Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел.(8312)72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49: e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 20.09.2005.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 27,8
Тираж 4100 экз. Заказ № 1102.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.